

**Региональный
научный журнал**

Решением Президиума ВАК
Министерства образования РФ
от 10, 17, 24 января 2003 г.
журнал «Культурная жизнь
Юга России»
включен в перечень
ведущих научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени доктора наук

Учредитель

КРАСНОДАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № 77-13004
от 1 июля 2002 г.
ISSN: 2070-075X

Подписной индекс 20647
в каталоге Роспечати

Зав. редакцией
Т. Ю. ФЕДИНА

Редактор
О. А. ЗАМЕРОВА

Корректор
В. А. ГУСАКОВА

Дизайн обложки
А. И. ШАНДРО

**Дизайн внутренней
стороны обложки**
А. В. ГУСАКОВ

Адрес редакции
350072, г. Краснодар,
ул. 40-летия Победы, 33,
тел. (861) 252-66-30,
e-mail: cl2002krasn@rambler.ru
Краснодарский
государственный университет
культуры и искусств,
редакция журнала
«Культурная жизнь
Юга России»

КУЛЬТУРНАЯ
ЖИЗНЬ
ЮГА
РОССИИ
№ 3 (32), 2009

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ТУРАВЕЦ Н. Р.,
д-р пед. наук, проф.

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Чумаченко В. К.,
канд. филол. наук, проф. – первый зам. гл. ред.
Захарченко В. Г.,
народный артист России и Украины, композитор
Лихоносов В. И.,
лауреат Государственной премии России, писатель
Коробейников В. В.,
народный художник России,
член-корр. Российской академии художеств

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аронов А. А.,
д-р культурологии (Москва)
Ашхотов Б. Г.,
д-р искусствоведения (Нальчик)
Боук Б.,
Ph.D. of History (США)
Вакуленко Е. Г.,
д-р пед. наук (Краснодар)
Власова Т. И.,
д-р пед. наук (Ростов-на-Дону)
Головин В. В.,
д-р филос. наук (Санкт-Петербург)
Зенкин К. В.,
д-р искусствоведения (Москва)
Казакова А. Г.,
д-р пед. наук (Москва)
Курганский С. И.,
д-р пед. наук (Белгород)
Кучукова З. А.,
д-р филол. наук (Нальчик)
Мариупольская Т. Г.,
д-р пед. наук (Москва)
Миц С. С.,
д-р ист. наук (Краснодар)

Краснодар

Regional scientific
periodical

Founder

KRASNODAR
STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

The Mass Media Registration
Certificate:
PI № 77-13004
06/01/2002
ISSN: 2070-075X

Index № 20647
in Rospechat subscription
catalogue

Editor

N. R. TURAVETS

Head of editorial staff

T. YU. FEDINA

Editorial office

cl2002krasn@rambler.ru
(861) 252-66-30

Cultural Studies:
Russian South,

Krasnodar
State University
of Culture and Arts,
33, 40-letiya Pobedy st.,
Krasnodar, 350072,
Russia

CULTURAL
STUDIES:
RUSSIAN
SOUTH
№ 3 (32), 2009

Мозгот В. Г.,

д-р пед. наук (Майкоп)

Морозов С. А.,

д-р филос. наук (Краснодар)

Павлов Ю. М.,

д-р филол. наук (Армавир)

Сломский В.,

д-р габилитации (Польша)

Сороко Э. М.,

д-р филос. наук (Белоруссия)

Супрун (Яремко) Н. А.,

д-р искусствоведения (Украина)

Трехбратов Б. А.,

д-р ист. наук (Краснодар)

Хагуров А. А.,

д-р социологии (Майкоп)

Шабалин Д. С.,

д-р искусствоведения (Краснодар)

Юнусова В. Н.,

д-р искусствоведения (Москва)

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Теория и история культуры

Науменко В. Е. (канд. ист. наук, проф.)

Философия, социология

Гриценко В. П. (д-р филос. наук, проф.)

Храмов В. Б. (д-р филос. наук, проф.)

Филология, искусствоведение

Волкова П. Ю. (д-р филос. наук, проф.)

Ветошкина З. А. (канд. филол. наук, доц.)

Третьякова Е. Ю. (канд. филол. наук, доц.)

Тхорик В. И. (д-р филол. наук, проф.)

История

Еремеева А. Н. (д-р ист. наук, проф.)

Педагогика и психология

Зиновьева Н. Б. (д-р пед. наук, проф.)

Подлеснов А. А. (канд. пед. наук, доц.)

Стражникова Т. И. (канд. пед. наук, доц.)

Слуцкий А. И. (канд. пед. наук, проф.)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

В. В. Бондарь, О. Н. Маркова. Шуховская башня – памятник инженерного искусства в Краснодаре	5
С. Н. Ктиторов. Экскурсионный метод в исторической урбанистике предкавказского региона	10
Е. В. Панарина. Деятельность библиотек на Дону и Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны	13
Н. Б. Зубарева. Теория нечетких множеств и исследовательская практика современного музыкознания.....	15
Е. К. Карелина. Ростислав и Наталья Мироновичи в истории тувинской музыкальной культуры	19

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Б. В. Аксюмов. Современность и традиционность в контексте межцивилизационного конфликта	22
М. Е. Попов. Этнокультурная специфика конфликтов идентичностей в современном мире	26

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

С. Г. Ажгихин. Обучение студентов вузов проектированию визуальной рекламы средствами графического дизайна.....	30
А. В. Скрипкина. Известность и репутация образовательного учреждения в формировании положительного имиджа вуза	32
О. В. Белоусова. Принципы построения развивающего образования акмеологического типа	36
З. В. Никонова. Сущность методологической компетентности научно-педагогических работников высшей школы	39
В. А. Овчинников. Дисциплина «Физическая подготовка» в высших образовательных учреждениях МВД России	41
И. Г. Прокопенко. Теоретико-методологические основы формирования психологической готовности к карьерному росту	45
А. П. Черватюк. Музыкальное образование: современный специалист-универсал	48
Е. В. Шварев. Критерии и показатели эффективности управления интеграционными процессами в образовательной системе вуза культуры и искусств.....	52
В. В. Трубинский. Индивидуализация обучения в учебно-воспитательном процессе	54

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

А. Н. Еремеева. История советской научной интеллигенции в текстах самиздата и тамиздата	56
Ю. В. Приймак. Константинопольский трактат 1700 года и крымско-осmano-российские противоречия в Северо-Восточном Причерноморье	59
М. Ю. Макаренко. Казачество Кубани в годы нэпа: социально-демографический облик.....	61
К. М. Гусейнов. Основные этапы развития традиционной шерстеобработки у народов Дагестана и вопросы классификации изделий из шерсти	63
А. Г. Бурмагин. К вопросу об участии кубанских казаков в первых боях с немецко-фашистскими захватчиками в июне 1941 года.....	65
В. В. Кулаков, Е. И. Каширина. Массовый героизм и коллаборационизм советских воинов в период Второй мировой войны (1939–1945 годы)	67
Н. Е. Берлизов. Дарий I и начало Сарматии	70

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ЖУРНАЛИСТИКА

Л. Х. Танкиева. Генезис образов одиноких юношей-богатырей и недоступных дев-воительниц в волшебных сказках ингушей	75
М. В. Скороходов. Источники летописи жизни и творчества писателя	77
А. Х. Мусукаева. Речь персонажа как способ психологического анализа в адыгском романе	79
В. К. Чумаченко. Роль В. Мовы в истории журналистики Слободской Украины.....	81

ЛИНГВИСТИКА

А. В. Зиньковская. Языковая структура пьесы Б. Шоу «Андрокл и лев» как опора ее смысловой системы (<i>переводческий аспект</i>)	86
М. Ю. Симоненко. Стилистическое функционирование перифраза как средства вводности	88
М. Ю. Беляева. Прозвища жителей Кубани: этнолингвистический аспект анализа	91
Е. Н. Ачилова. Экономический дискурс как разновидность институционального: квалификация и структура	94
Л. Ю. Буянова, Е. Н. Ежова. Российская рекламно-информационная картина мира: объектно-прагматическое и социально-культурное измерение.....	96
Ф. И. Джаубаева. Кавказский текст: язык и культура горцев в произведениях Л. Н. Толстого	98
И. Ю. Апалько. Появление специальной лексики как отражение развития криптографии в России.....	101
А. А. Немыка. Синкретизм в сфере специальной лексики: аспекты функционирования и терминологии.....	103
И. Н. Лекарева. Проблема нестандартных явлений в области имени собственного	105

Трибуна молодого ученого

С. В. Исаченко. Бардовское движение в Краснодарском крае в середине 1960-х – середине 1980-х годов: основные тенденции развития.....	107
Т. П. Рыльская. Визуальный поворот как переосмысление современного искусства	109
Н. Г. Дороганова. Особенности профессиональной подготовки конкурентоспособного учителя	110
Е. Э. Бутаева. Лексико-грамматическая семантика глаголов позиции в английском и русском языках	112
А. В. Кобзарь. Лингвосоциальная аспектность семиотики юридического дискурса.....	114
Н. Е. Воронкова. Эвритмия: сущность и структура духовной организации культурологического пространства.....	116
Е. В. Аликина. Формирование интереса к музыке и ее исполнению в любительском хоровом коллективе немзыкального вуза	118
С. А. Куприянова. Педагогическое проектирование как компонент качества профессиональной подготовки будущего учителя.....	120
Л. Н. Курьян. Номинация человека как механизм формирования авторской языковой картины мира	122
С. М. Макарова. Некоторые вопросы исполнительства в классе цифрового синтезатора.....	123
Э. В. Начкебия. Ментальность как категория языка: к постановке проблемы	124
А. Н. Понкратова. Панславизм и Ф. Тютчев.....	128
А. М. Сабирова. Этничность в народной культуре	129
М. М. Хучбаров. Воспитательные функции флейты в учебном процессе детских школ искусств	132
И. Р. Теувежева. Историография проблемы деятельности культурно-просветительных учреждений в Адыгее (<i>1920–1930-е годы</i>) ...	134
К. А. Огнева. Паралингвистические компоненты газетных текстов и их значение для восприятия текстовой информации	136
Т. А. Тимошевская. Специфика вербализации концепта «вера» средствами русского и английского языков	138
Е. С. Абезгауз. Лингвострановедческая лексика в современном дискурсе.....	140
Д. С. Ищенко. Колористические и ассоциативные значения текстофонемы <a> в поэтической речи В. Брюсова	142
Е. В. Коротя. Идеи Александра Бенуа о теории и истории русской культуры	144

Библиография

Д. В. Сень. Екатеринодар: взгляд профессионального историка.....	148
Л. С. Финюгина. Духовная жизнь Кубани на страницах «Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостей».....	150
Сведения об авторах.....	152

Теория и история культуры

В. В. БОНДАРЬ, О. Н. МАРКОВА

ШУХОВСКАЯ БАШНЯ – ПАМЯТНИК ИНЖЕНЕРНОГО ИСКУССТВА В КРАСНОДАРЕ

Гиперboloидная водонапорная башня системы инженера В. Г. Шухова в г. Краснодаре – памятник инженерного искусства эпохи конструктивизма, объект историко-культурного наследия федерального значения. Авторы рассматривают историю создания и функционирования шуховской башни в контексте пространственного и хозяйственного развития города, поднимают проблему ее сохранения.

Ключевые слова: инженер В. Г. Шухов, водонапорная башня, гиперboloидная конструкция, эпоха конструктивизма, городское культурное пространство.

В историческом центре Краснодара, на восточной стороне квартала, ограниченного улицами Рашилевской, Северной, Октябрьской и им. Володи Головатого, в пределах свободной пешеходной и транспортной досягаемости, расположена водонапорная башня системы инженера В. Г. Шухова, представляющая собой сетчатую стальную конструкцию гиперboloидного типа, – один из немногих сохранившихся памятников инженерного искусства XX века. Этот, изобретенный В. Г. Шуховым, конструктивный принцип – «гиперboloид вращения» – использовался в конце XIX – первой трети XX столетия в строительстве водонапорных башен, опор линий электропередач, маяков, в устройстве мачт военных кораблей.

В настоящий момент в мире сохранилось всего десять гиперboloидных башен, построенных В. Г. Шуховым (в том числе водонапорных – семь), из них шесть – в России (первая в мире гиперboloидная башня в Полибино Липецкой области, башня на Шаболовке в Москве, башня на металлургическом заводе в Выксе, гиперboloидная пожарная вышка на улице КИМ в Нижнем Новгороде, башня в Лобне под Москвой, водонапорная башня в Краснодаре), три – на Украине (водонапорные башни в Николаеве, Помошной, Черкассах), одна – в Белоруссии (водонапорная башня в Борисове).

Ценность краснодарской шуховской башни состоит не только в редкости этого типа башен в наше время, но и в том, что она является памятником эпохи конструктивизма в русском и советском градостроительстве, материальным свидетельством периода проникновения индустриальной культуры в коммунально-бытовую сферу жизни Краснодара на рубеже 20–30-х годов XX столетия. Кроме того, шуховская башня располагается в законодательно установленных границах исторического поселения, статус которого имеет центр Краснодара, и представляет собой, будучи высотной доминантой, выраженный градостроительный акцент в застройке тяготеющей к башне части города – района Сенного базара. Очевидно, этими соображениями объясняется включение водонапорной башни системы В. Г. Шухова в число объектов культурного наследия федеральной категории [1].

Помимо очевидной эстетической и исторической ценности башня замечательна принадлежностью к имени Владимира Григорьевича Шухова (1853–1939), гениального русского инженера, изобретателя, ученого, почетного члена Академии наук СССР (1929). Благодаря его работам Россия занимала лидирующие позиции в самых разных областях инженерной мысли в последней четверти XIX – первой трети XX века. Сделанные Шуховым открытия, в том числе в области строительных конструкций, нефтяного дела, теплотехники, мостостроения, остаются актуальными и в наши дни.

Наряду с Г. Эйфелем, Р. Мелартом, Э. Фрейси-не В. Г. Шухов является основоположником современных строительных конструкций. Он создал новаторские, поражающие смелостью замысла, простотой, изяществом и одновременно надежностью и долговечностью пространственные системы покрытий и высотных сооружений из металла. После Шухова в этой области не было сделано принципиально новых изобретений и не было создано конструкций, столь совершенных эстетически.

Авторство принципа гиперboloидной сетчатой башни было закреплено за В. Г. Шуховым патентом на привилегию «Ажурная башня» № 1896 от 12 марта 1899 года. В заявке, поданной им в январе того же года, сам инженер так разъяснял принцип конструкции: «Сетчатая поверхность, образующая башню, состоит из прямых деревянных брусьев, брусков, железных труб, швеллеров или уголков, опирающихся на два кольца: одно сверху, другое внизу башни; в местах пересечения брусья, трубы и уголки скрепляются между собой. Составленная таким образом сетка образует гиперboloид вращения, по поверхности которого проходит ряд горизонтальных колец. Устроенная вышеописанным способом башня представляет собой прочную конструкцию, противодействующую внешним усилиям при значительно меньшей затрате материала» [2].

Большим преимуществом сетчатых конструкций гиперboloидного типа было то, что пространственный каркас, имеющий криволинейные очертания, был образован из одинаковых и пря-

мых элементов. При этом само сооружение отличалось несомненной архитектурной выразительностью и малым весом.

Конструктивные принципы гиперболических сетчатых водонапорных башен заключаются в следующем. Башня состоит из двух различных по своему конструктивному характеру элементов – резервуара и собственно башни (разработка их конструкции принадлежит В. Г. Шухову). Остов (ствол) башни – гиперболическая металлическая сетка. Нагрузка от резервуара на ствол распределяется через систему решетчатой конструкции. В отличие от других типов металлических водонапорных башен, в которых вертикальную нагрузку от наполненного водой резервуара несут стойки, а ветровую нагрузку – специальные связи, в сетчатых башнях В. Г. Шухова оба вида нагрузок воспринимаются всей системой. Кроме того, ажурная конструкция представляет собой минимальную обтекаемую поверхность для ветра, который является одной из основных нагрузок для высотных сооружений. В целом пространственная сетчатая конструкция башни – это система, в которой прочность материала используется максимально за счет единой, универсальной работы всех ее элементов. Именно Шухову «принадлежит честь создания оригинальных сетчатых пространственных конструкций и плоских систем с перекрестными затяжками, вообще не имевших аналогов в предшествовавшей мировой практике. Создание сетчатых конструкций способствовало решению одной из наиболее принципиальных задач строительной техники – использования преимуществ сквозных пространственных систем» [3].

Башни Шухова при всей своей надежности и функциональной практичности были необыкновенно красивыми. Сам конструктор говорил: «Что красиво смотрится, то прочно. Человеческий взгляд привык к пропорциям природы, а в природе выживает то, что прочно и целесообразно» [4].

Первой известной башней В. Г. Шухова стала гиперболическая водонапорная башня, установленная им в 1896 году на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Всего на выставке, ставшей крупнейшим событием в культурной, промышленной и технической жизни страны, В. Г. Шухов построил восемь павильонов площадью около 27 000 м² [5]. Сооружения получили широкий резонанс. В зарубежной прессе подробно сообщалось о шуховских конструкциях (первая гиперболическая башня, первые висячие и арочные сетчатые пространственные покрытия) [6]. Удивление вызывала не только уникальность, но и высокое техническое совершенство сооружений. В центре внимания, несомненно, была водонапорная гиперболическая башня – одно из самых красивых строительных сооружений Шухова. Принцип ее конструкции лег в основу всех дальнейших проектных разработок шуховских башен (около 200 водонапорных), в том числе водонапорной башни в Краснодаре.

В. Г. Шухов поставил свое изобретение на промышленную основу, разрабатывая не только конструкцию всех узлов и деталей башни и резервуа-

ра, но и технологию их монтажа и необходимое для их эксплуатации оборудование. Известно, что еще при сборке башни для Нижегородской выставки он применил полный монтаж резервуара на земле с последующим подъемом и установкой на башню. Позже этот метод был принят как основной при возведении сетчатых водонапорных башен, не стала исключением и краснодарская.

Обращение В. Г. Шухова к конструированию сетчатых гиперболических водонапорных башен было вызвано пониманием острой потребности развивающихся промышленности и транспорта, быстро растущих городов в возведении множества водонапорных резервуаров. В последнем десятилетии XIX века водонапорные башни стали непременным элементом городской инфраструктуры. В то время большинство башен строилось из кирпича или бутового камня, небольшое количество – из чугуна. В первые годы XX столетия появились железобетонные башни (например, водонапорная башня на железнодорожной станции Екатеринодара). Вскоре после Нижегородской выставки 1896 года гиперболические башни Шухова приобрели большую популярность благодаря своей дешевизне, малому весу и простоте сборки.

Строительство и введение в эксплуатацию водонапорной башни системы Шухова в Краснодаре было подготовлено целым рядом обстоятельств, обусловленных нуждами пространственного и хозяйственного развития города, планомерный характер которого проявился еще в дореволюционные годы.

Водопровод в Екатеринодаре начал функционировать в 1894 году, через год для нужд водоснабжения была сооружена водозаборная станция мощностью 1360 кВт. Поначалу вода подавалась в специальные водозаборные будки, откуда отпускалась населению за плату по таксе, а позже магистральные трубы подводили к жилым дворам и отдельным зданиям, где были установлены водомеры [7]. Для нужд водоснабжения города помимо водозаборной станции, где располагались фильтрующие установки, на пересечении улиц Красной и Екатерининской, во дворе пожарной команды, была сооружена кирпичная водонапорная башня высотой 11 сажен, служившая одновременно пожарной каланчой [8].

В 1911 году в районе водозаборной станции начала эксплуатироваться артезианская скважина глубиной 151 м и с суточным расходом воды 160 000 ведер, в 1915 году на ул. Пашковской, 119, был запущен артезианский колодец глубиной 160 м (к 1921 году из-за неправильной эксплуатации он забился песком и с 1926 года заброшен) [9].

К 1912 году общая длина магистральных труб Екатеринодарского водопровода составила 31 км [10].

К концу Гражданской войны, в 1920 году, водопровод был в 1116 домовладениях при общем их числе 9034, в городе имелось 6 общественных артезианских колодцев с бесплатной раздачей воды, 2 цистерны, 1486 колодцев в личном пользовании [11].

В начале 1920-х годов в Краснодаре появилась серьезная демографическая проблема, а именно – катастрофическая перенаселенность. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, в Краснодаре при 157 000 жителей (49 035 семей) было всего 26 750 квартир, и на одного человека приходилось в среднем лишь 4,9 м² жилплощади. По тесноте Краснодар занимал второе (после Тулы) место в РСФСР [12]. Площадь столицы советской Кубани составляла 1493 га (данные 1925 г.), плотность населения – 96 чел./га, что превышало плотность населения Москвы [13].

Что касается городского благоустройства, то в 1926 году длина всех улиц Краснодара составляла 200 км, замощены были 40% от их общего числа. Всего в городе насчитывалось 9388 домов, водопроводом пользовались жильцы лишь 908, т. е. 9,7%, «окраины были принуждены пить отвратительную воду из грунтовых колодцев» (при высоком качестве артезианской воды в центре города [14]). Канализации в городе не было, выгребные ямы, не обложенные кирпичом, ежедневно впитывали в почву 150 000 ведер нечистот [15].

Еще в апреле 1923 года был составлен проект реконструкции краснодарского водопровода с использованием 20 артезианских колодцев глубиной до 80 саженей [16]. Управление всеми работами учреждалось при тресте «Водэльтрам», созданном в 1922 году и объединившем городские коммунальные службы по водоснабжению, электроснабжению и городскому транспорту (трамваю) [17].

Проектом предусматривалось строительство новой водонапорной башни в северной части города и дальнейшее развитие водопроводной сети. В течение трех лет были введены в эксплуатацию оборудованные современными насосами «Мамут» и «Фарко» две артезианские скважины глубиной 185 и 225 м в южной части города с суточным расходом воды 125 и 150 тысяч ведер соответственно, проложены магистральные трубы по улицам Октябрьской и Красной [18]. К 1926 году реализация плана подошла к вопросу о строительстве водонапорной башни.

Впервые упоминание шуховской конструкции водонапорной башни применительно к нашему городу встречается в «Списке чертежей проекта водоснабжения г. Краснодара, подлежащих исполнению вновь согласно основных положений», приложенном к записке инженеров Зимины и Бобылева директору «Водэльтрама» инженеру Лепарскому от 28 февраля 1927 года, где под номером 7 значатся варианты чертежей водонапорной колонны и башни «типа Шухова» [19].

В 1928 году заведующий водосетью инженер Свищев снова поставил вопрос о необходимости постройки водонапорной башни в записке «Состояние водоснабжения Краснодара и перспективы его развития в пятилетие 1927/1928 – 1931/1932 гг.», адресованной городскому управлению коммунального хозяйства: «Отсутствие такой башни является, во-первых, экономически невыгодным в смысле эксплуатационном, так как без него насосы в часы наименьшего разбора

(ночью), не будучи вполне загружены, принуждены работать с малым коэффициентом полезного действия, а в часы наибольшего разбора, работая полным ходом, все-таки не в состоянии удовлетворить предъявляемые требования. Кроме того, самым существенным при отсутствии этой башни является невозможность поддерживать в сети достаточное давление, иметь запас на случай пожара и даже образование в некоторых частях города давлений менее атмосферного, при условии образования коих возможно проникновение в сеть посторонней жидкости извне, из имеющих близкое соприкосновение с сетью уличных водосточных труб, используемых в городе как канализационные, и возможного проникновения благодаря этому в сеть инфекционных начал и возникновения эпидемий» [20].

В июне 1929 года трест «Водэльтрам» заключил с московским предприятием «Машилотрест» договор на строительство в Краснодаре водонапорной башни именно системы В. Г. Шухова [21].

В протоколе заседания Краснодарского горсовета № 43 от 12 февраля 1930 года приводятся контрольные цифры по деятельности «Водэльтрама», среди которых в разделе «капитальные вложения по тресту / новое строительство, приобретение имущества, оборудования и капитальные ремонты на 29/30 год» в общей сумме 1 600 000 руб. указано «по водопроводу: артоколодец – 60 000 руб., **водонапорная башня – 60 000 руб.** (выделено нами. – В. Б., О. М.), новый резервуар 20 000 руб.» [22].

Как следует из отчета главной конторы монтажных работ треста «Стальмост» [23], куда в 1930 году была передана строительная контора «Машилотреста» [24], краснодарская водонапорная башня числилась в числе семи незавершенных водонапорных башен по состоянию на 1 января 1932 года [25].

По данным краснодарского краеведа Г. С. Шаховой, водонапорная башня системы Шухова в Краснодаре была введена в эксплуатацию 1 мая 1935 года, одновременно с новой линией городского водопровода [26]. Это косвенно подтверждается документами послевоенного времени. Так, в докладе директора краснодарского управления «Водоканализация» тов. Говалло Краснодарскому городскому комитету ВКП(б) «О состоянии Краснодарского городского водопровода и канализации до временной оккупации...» сообщается: «До временной оккупации г. Краснодара немцами, т. е. до 9 августа 1942 года, работали четыре станции первого и второго подъема, причем **главная станция им. Кирова, Роцинская и Кожзаводская, здания, оборудования, так же как и другие сооружения, были новыми и введены в эксплуатацию только с 1935–1940 годов** (выделено нами. – В. Б., О. М.)». Здесь же, в перечне основного оборудования, значится шуховская башня с резервуаром производительной мощностью 750 м³ [27]. Таким образом, водонапорная башня системы инженера В. Г. Шухова в Краснодаре была введена в эксплуатацию не ранее 1935 года.

По сообщению «Красного знамени», в 1936 году было закончено проводившееся на средства кондитерского комбината строительство водопроводной магистрали протяжением 3800 м от башни (очевидно, новой) до улицы Северной [28]. По-видимому, речь идет о магистрали, посредством которой шуховская башня и башня в Первомайской роше могли работать как контролеруары. Этот факт может считаться косвенным свидетельством запуска шуховской башни до сентября 1936 года.

К середине 1950-х годов вновь возник вопрос о необходимости расширения и модернизации краснодарского водопровода. Водопроводная сеть, которую питали 22 скважины, обеспечивающие потребление воды в пересчете на одного человека 53,7 л (данные 1952 г.) [29], не соответствовала темпам территориального роста города и не отвечала предъявляемым к ней требованиям нового проекта планировки Краснодара (1955). Численность городского населения к концу десятилетия (1959) превысила довоенный уровень (1939) более чем в полтора раза (53,6 %) [30].

Реализация этого проекта предусматривала значительное увеличение территории города путем включения в его черту застроенных частей станицы Пашковской, села Калинино и даже левобережья Кубани, в излучине, в районе городских огородов. Размещение новых промышленных предприятий предполагалось в западном и восточном районах. В общем объеме нового жилищного строительства было запланировано возведение четырех- и пятиэтажных домов (70%), а также двух- и трехэтажных усадебных домов (15%).

Такое увеличение этажности, влекущее необходимость повышения давления подаваемой воды в водопроводной сети, подразумевало коренную реконструкцию и значительное расширение водопровода. В новую схему водоснабжения, где для поддержания напора использовались исключительно насосы, башня системы Шухова и находящаяся при ней артезианская скважина не входили, и их эксплуатация была прекращена. Точную дату остановки скважины и спуска воды из резервуара установить не удалось; по данным периодической печати, это произошло в 1957 году [31]. С тех пор и до настоящего времени никаких хозяйственных функций шуховская башня в Краснодаре не несет.

15 ноября 1977 года исполнительный комитет Краснодарского краевого совета депутатов трудящихся, руководствуясь пожеланиями жителей города и основываясь на причастности водонапорной башни как объекта инженерного искусства к имени выдающегося русского и советского инженера В. Г. Шухова, включил водонапорную башню системы Шухова в число охраняемых законом памятников истории и культуры [32]. Позже, как уже было сказано выше, статус башни был подтвержден решением крайисполкома в августе 1981 года, а в феврале 1995-го Указом Президента РФ башня была отнесена к числу объектов культурного наследия федерального значения. До этого, в 1986 году, башня утратила резервуар: он был

демонтирован, разрезан на части и направлен в переплавку.

За годы, прошедшие с момента постройки башни, район Сенного базара, именовавшегося в 1930–1990-е годы Центральным колхозным рынком, превратился из северной окраины Краснодара (о чем свидетельствует название улицы Северной, в нескольких десятках метров к югу от которой располагается башня) в район, тяготеющий к центру, а потом сросшийся с ним. В процессе территориального роста города изменился и характер застройки кварталов, примыкающих к Сенному базару: если поначалу здесь находились «блошинный рынок», склады, прочие постройки хозяйственного назначения, пекарня, мельница, крупный завод, металлический завод «Октябрь» (позже он оказался в пределах городских кварталов, что имело тяжелейшие экологические последствия), то в 1960–1980-е годы ближайшее окружение башни с прилегающей к ней территорией, находящейся в ведении «Водоканала», помимо завода «Октябрь» составили войсковая часть, цирк (построен в 1965–1970 гг.) [33] и торговый комплекс, состоявший из отдельных однотипных одноэтажных зданий-магазинов (начало 1980-х гг.). По другую сторону улицы Северной были построены Дом быта и универсам, на южной оконечности Всесвятского кладбища появилась Площадь Героев. К юго-востоку от башни, на улицах им. Володи Головатого и Красной, было построено несколько многоэтажных зданий, «заслонивших» собой шуховскую башню со стороны бульвара на улице Красной и площади Октябрьской революции [34].

За время, прошедшее с момента постройки и до 2002 года, какому-либо ремонту, консервации или реконструкции башня не подвергалась. Между тем известно, что литейный цех завода «Октябрь», ликвидированного лишь в 1999 году, выбрасывал в атмосферу различные газы, которые, соединяясь с атмосферной влагой, становились минеральными кислотами и, разумеется, оказывали разрушительное действие на расположенные поблизости здания и сооружения, к числу которых относится и шуховская башня.

В 2002 году при содействии Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края была проведена экспертиза технического состояния водонапорной башни системы В. Г. Шухова. Заказчиком являлось рекламное агентство «Социальный аспект», исполнителем – ООО «Стройпроект – XXI», техническое участие в этой работе принимала кафедра строительных конструкций инженерно-строительного факультета Кубанского государственного технологического университета. Специалисты пришли к заключению, что «основной тип повреждения – щелевая коррозия узлов»; состояние фундамента было признано удовлетворительным [35].

В настоящий момент, когда не только на Западе, но и в России актуализируются социальные функции культурного наследия, значительно возрос интерес ученых к изучению периферийных, провинциальных памятников истории и культу-

ры. Краснодарская шуховская башня, в числе подобных сетчатых башен гиперboloидного типа, с 1980-х годов является объектом исследования зарубежных ученых [36]. Отечественные ученые, к сожалению, ее до сих пор не изучали.

Краснодарская гиперboloидная сетчатая водонапорная башня системы В. Г. Шухова, являющаяся памятником инженерного искусства, в настоящий момент нуждается во всестороннем исследовании, консервации сохранившихся и реставрации подвергшихся частичному разрушению элементов.

Современное понимание роли культурного наследия в жизни общества ставит вопрос об актуализации социальных функций конкретных объектов: воспитательной, образовательной, рекреационной и, главное, функции «социальной памяти». Обладая характеристиками подлинности места, материала и конструкции, шуховская башня является «визитной карточкой» исторического центра Краснодара, служит самоидентификации города, «представляет» в общественном сознании его историю и культуру, обозначает его причастность к событиям российской и мировой истории, к имени выдающегося русского и советского инженера В. Г. Шухова.

При разумном, бережном подходе к формированию пространственного окружения этого уникального памятника, заинтересованности властей разных уровней, жителей города, радателей шуховского наследия, всей российской общественности в его сохранении и рациональном использовании шуховская башня в Краснодаре способна сохранить роль одной из доминант в культурном пространстве города, транслировать не только зафиксированные на настоящий момент социальные функции, но и приобрести новые.

Литература, источники и примечания

1. Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения. Утвержден Указом Президента РФ от 20 февраля 1995 года № 176.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1508. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.
3. Ковельман Г. М. Творчество почетного академика инженера Владимира Григорьевича Шухова. М., 1961. С. 81.
4. Цит. по: *Смурова Н. А.* Роль Шухова в формировании новой эстетики в архитектуре России конца XIX – начала XX в. // В. Г. Шухов. 1853–1939. Искусство конструкции. М., 1994. С. 165.
5. Архив РАН. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 47, 49.
6. The Nijni-Novgorod exhibition: Water tower, room under construction, springing of 91 feet span // *The Engineer*. London. 83. 1897. 19.3. P. 292–294.
7. Кубанские областные ведомости. 1894. 7 дек.; Там же. 1895. 1, 4 янв.
8. Кубанские областные ведомости. 1895. 18 янв.; *Борчевский А. А.* Краснодарская Краснознаменная городская пожарная команда. Краснодар, 1926. С. 23.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 78. Л. 60.
10. *Мионов П. В.* Екатеринодар (Очерк естественных, экономических и исторических элементов). Екатеринодар, 1914. С. 7.
11. ГАКК Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 78. Л. 48.
12. Там же. Л. 177; Д. 114. Л. 93; Список населенных мест Кубанского округа. Краснодар, 1927. С. 23, 78, 79, 150; Красное знамя. 1926. 16 дек.; Там же. 1927. 19 янв.
13. Красное знамя. 1925. 20 апр.
14. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 47. Л. 27.
15. Там же. Д. 101. Л. 21, 157–159.
16. Там же. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 78. Л. 39; Д. 185. Л. 10–14; Красное знамя. 1923. 28 апр.
17. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 78. Л. 2 об.
18. Там же. Л. 39, 60.
19. Там же. Л. 42.
20. Там же. Л. 67, 69 об. – 70 об.
21. Красное знамя. 1929. 16 июня; ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 2130.
22. ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 633. Л. 128.
23. Трест стальных конструкций и мостов «Стальмост» Всесоюзного объединения «Сталь» ВСНХ СССР был образован в целях улучшения работы по производству стальных конструкций и мостов на основании приказа ВСНХ СССР № 1077 от 24.03.1930 г. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7996. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2, 158–159; Д. 128. Л. 288; Д. 177. Л. 22–28; Ф. 7295. Оп. 2. Д. 3. Л. 84–85.
24. РГАЭ. Ф. 8113. Оп. 1. Д. 26; Там же. Ф. 7996. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об.
25. Там же. Ф. 7996. Оп. 1, доп. Д. 20. Л. 164–164 об., 167 об.
26. *Шахова Г. С.* Улицы Краснодара рассказывают... Краснодар, 2002. С. 158.
27. ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 2. Д. 47. Л. 33.
28. Красное знамя. 1936. 26 сент.
29. ГАКК. Ф. Р-988. Оп. 2. Д. 533. Л. 390–411.
30. Сборник основных итогов Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года по Краснодарскому краю. Краснодар, 1962. С. 4, 38.
31. Краснодарские известия. 1991. 21 сент.
32. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1-пр. Д. 2130. Л. 26–28.
33. Там же. Оп. 1. Д. 1621. Л. 21–22; Сов. Кубань. 1970. 3 июля.
34. *Шахова Г. С.* Улицы Краснодара рассказывают... С. 159; *Она же.* Краснодарская улица Красная. Краснодар, 2005. С. 116, 118.
35. Краснодарские известия. 2003. 27 авг.
36. Vladimir G. Suchov. 1853–1939. Die Kunst der sparsamen Konstruktion. Stuttgart. 1990; В. Г. Шухов. 1853–1939. Искусство конструкции: пер. с нем. / под ред. Р. Грефе, М. Гаппоева, О. Перчи. М., 1995; *Arkhitektura i mnimosti: The origins of Soviet avant-garde rationalist architecture in the Russian mystical-philosophical and mathematical intellectual tradition.* Elizabeth Cooper English, Ph. D., a dissertation in architecture. University of Pennsylvania, 2000.

V. V. BONDAR, O. N. MARKOVA. SHUKHOV TOWER IS THE MONUMENT TO ENGINEERING IN KRASNODAR

The hyperboloid water tower by engineer V. G. Shukhov's system in Krasnodar is a monument to engineering of Constructivism, the object of historical and cultural heritage of federal importance. The authors consider the history establishment and functioning of Shukhov tower in the context of space and economic development of Krasnodar; raise the problem of preservation.

Key words: *engineer V. G. Shukhov, water tower, hyperboloid structure, Constructivism, urban culture.*

С. Н. КТИТОРОВ

**ЭКСКУРСИОННЫЙ МЕТОД В ИСТОРИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКЕ
ПРЕДКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА**

В статье рассматривается метод исторических экскурсий, который сегодня находит широкое применение при изучении досоветского прошлого городов Предкавказья. Сделан вывод о том, что применение данного метода позволяет решить многие важные вопросы исторической урбанистики.

Ключевые слова: *города Предкавказья, исторические экскурсии, урбанистика, городская инфраструктура, градостроительство.*

В методике и технике регионоведческих изысканий особая роль принадлежит историческим экскурсиям. Их значение было научно обосновано еще в 1920-е годы в трудах отечественных историков И. М. Гревса [1] и Н. П. Анциферова [2]. Они доказали, что экскурсия имеет не только развлекательную и воспитательную функции, но и является специфическим методом изучения исторической реальности, особенно такого разнопланового явления, как город. Актуальность и результативность исторических экскурсий рассматривались И. М. Гревсом и Н. П. Анциферовым преимущественно на примере Санкт-Петербурга – Ленинграда.

При изучении истории городов Предкавказья (в рамках данной статьи досоветский период развития этого региона рассматривается нами на примере Кубанской области, Черноморской и Ставропольской губерний) возможности экскурсионного метода вплоть до нашего времени использовались минимально. Этот подход прослеживается в работах видного кубанского исследователя муниципального хозяйства П. В. Миронова, основным объектом внимания которого являлся Екатеринодар – Краснодар [3]. В новейший период о научном значении исторических экскурсий писал краснодарский историк В. В. Бондарь, успешно применяя данный подход при изучении прошлого столицы Кубани [4]. В краеведческих работах по истории населенных пунктов Предкавказья экскурсионный метод практически не использовался.

По мнению В. В. Бондаря, экскурсионный метод основывается на том, что «город как сконцентрированное общественное пространство представляет собой самостоятельный объемный многофункциональный источник информации о себе самом, т. е. о своей истории и современности. В процессе экскурсий-исследований историк входит в непосредственный зрительный, эмоцио-

нальный контакт с объектом изучения, постигая его историческую и культурную сущность вплоть до мельчайших подробностей» [5].

Присоединяясь к данному мнению, мы отмечаем, что город в этом случае дает информацию не только о себе самом. Он также во всем многообразии и сложности своих материальных и духовных составляющих свидетельствует о протекающих в стране процессах, отражает специфику своего региона. Экскурсии позволяют не только постичь облик данного города, но и ощутить дух эпохи, поэтому экскурсионный метод может быть полезен как историкам-урбанистам, так и любому исследователю жизни общества.

Указанный подход не исчерпывается исключительно визуальной информацией. Н. П. Анциферов считал, что, познавая город, необходимо использовать все органы чувств – не только зрение, но также слух и обоняние [6]. Можно добавить, что и осязание дает особую специфическую информацию: прикосновение к раскаленным камням и горячему песку солнечного южного города или к холодному и сырому граниту набережных, например, нашей «северной Пальмиры» дает ни с чем не сравнимое эмоциональное впечатление, позволяя ощутить атмосферу места и проникнуться присущим ему настроением. Таким образом, суть экскурсионного метода заключается в том, что главным источником изучения становится сам город, а основным инструментом при этом выступают целенаправленные прогулки-экскурсии по его территории, в ходе которых исследователь мобилизует все органы своих чувств, имеющийся запас знаний и старается настроиться на особый эмоциональный фон, присущий данному населенному месту.

Обращение к историческим экскурсиям при изучении дореволюционного прошлого городов Предкавказья представляет сегодня определенные трудности. Время и люди неузнаваемо из-

менили облик большинства населенных пунктов региона. Уже к концу 1930-х годов в результате антирелигиозной политики государства силуэты многих городов лишились своих выразительных доминант (в числе значительных утрат: собор св. Александра Невского в Краснодаре, Николаевский собор и Армянская церковь в Новороссийске, Михаило-Архангельский собор в Ейске, русская Николаевская и армянская Георгиевская церкви в Армавире, Казанский собор и Троицкая церковь в Ставрополе и т. д.). В те же годы борьба с символами монархической державности привела к уничтожению ряда памятников, украшавших улицы и площади центров Предкавказья (памятник Екатерине II, триумфальная арка иobelisk в честь 200-летия Кубанского казачества в Екатеринодаре, Тифлисские ворота и Суворовский крест в Ставрополе и др.).

К массовым потерям привела Великая Отечественная война. Большинство городов Предкавказья оказались в зоне боевых действий и подверглись бомбардировкам. В некоторых из них (Новороссийск, Армавир) стерты с лица земли оказались целые районы, что привело даже к изменению планировки (Новороссийск), в других (Ейск, Ставрополь) ущерб оказался не столь велик. Интенсивное жилищное и промышленное строительство послевоенных десятилетий также наложило свой отпечаток на облик городов, терявших последние островки исторической среды. На центральных улицах и площадях местные власти непременно стремились воздвигнуть «высотку» главной гостиницы. При этом городской силуэт получал совершенно новые ориентиры, а застройка – иную масштабность, что, в свою очередь, коренным образом изменяло сложившийся облик населенного пункта. Несмотря на это, многообразный потенциал экскурсионного метода включает в себе еще немало возможностей для исследователя исторической урбанистики.

Поднявшись на возвышенные точки, дающие возможность хорошего обзора, можно изучить особенности природного ландшафта населенного пункта, увидеть черты традиционного силуэта города, оценить степень озеленения его районов, проанализировать характер сохранившихся массивов старой застройки, подчеркнуть особенности уличной сети и планировки дворовых усадеб. Так постепенно проявляются первые штрихи индивидуального портрета города, определяются его масштаб и направления роста.

В некоторых центрах Предкавказья заметную роль продолжают играть высотные доминанты, издавна формировавшие неповторимость городского облика. Например, Новороссийск трудно себе представить без 9-этажной громады элеватора, возведенного на «зацемесской» стороне в 1894 году. И сегодня, даже на фоне стоящего рядом более крупного современного зернохранилища, он не затерялся среди позднейшей застройки, являясь наглядным свидетельством роли Новороссийска как важнейшего центра экспортной хлеботорговли. Здесь же, у подно-

жия Маркотхского хребта, как и сто лет назад, вздымаются в небо дымные трубы двух цементных заводов. И хотя эти предприятия были сооружены в послевоенный период на месте старых, они все же демонстрируют прямую преемственность как исторического облика города, так и его функциональной промышленной специфики. Определенную роль в силуэте Краснодара продолжает играть объем храма св. Екатерины, крупнейшего православного собора Кубани.

Экскурсионный метод и сегодня позволяет сделать вывод, что в конце XIX – начале XX века в застройке городов ведущее значение организующих пространство высотных ориентиров имеют уже не традиционные колокольни и купола храмов, а сооружения новой капиталистической эпохи – доходные дома (например, сохранившиеся до наших дней 4-этажные здания С. П. Меснянкина в Армавире, Н. П. Богарсукова в Новороссийске и т. п.) и гостиницы (4-этажный корпус «Кавказской Ривьеры» в Сочи), водонапорные башни, элеваторы, мельницы, трубы и корпуса фабрик и заводов. В этом отразился процесс изменения функциональной роли большинства городов той поры, превращавшихся из преимущественно военно-административных и религиозных центров в торгово-промышленные [7].

Впрочем, традиционные сельскохозяйственные занятия еще долго продолжали занимать важное место в жизни горожан. Еще в 1920-е годы Н. П. Анциферов отметил, что «свинья, трущаяся о забор, является характерной деталью пейзажа нашего провинциального города» [8]. И сегодня если не в самом центре, то на прилегающих к нему улицах и в зеленых зонах практически любого предкавказского города наблюдатель увидит пасущихся коз, овец, домашнюю птицу, а на окраинных пустырях и коров.

Экскурсионный метод позволяет охарактеризовать такую важную черту городов Предкавказья, как полиэтничность. Свидетельством тому были нередко располагавшиеся по соседству храмы разных религий, формировавшие неповторимый облик многих центров региона и зримо представлявшие многонациональность и многоконфессиональность империи. Так, в Ставрополе из одних и тех же точек прекрасно видны православная церковь св. апостола Андрея Первозванного и мусульманская мечеть, находящиеся всего в одном квартале друг от друга; в Новороссийске одновременно можно обозреть колокольню лютеранской кирхи на «зацемесской» стороне и Успенскую православную церковь в «старом» городе (неподалеку от последней сохранились здания бывших костела и синагоги); из многих возвышенных мест центра Армавира открывается панорама с шатрами армянской Успенской церкви, минаретом татарской мечети, куполами православных Свято-Троицкого собора и воссозданной Николаевской церкви.

Применение экскурсионного метода при более близком знакомстве с улицами города позволяет выяснить ряд вопросов. Исследователь полу-

чает возможность детально изучить топографию и рельеф населенного пункта, перепады высот, что чаще всего не фиксировалось на старых картах. Неровная поверхность вызывала усложнение планировочной структуры города, деформируя общепринятую тогда ортогональность улиц (это заметно в Новороссийске, Сочи, Туапсе, отчасти в Ставрополе; иначе выглядит прямолинейная шахматная планировка ровных территорий Краснодара, Ейска, Анапы). Легко понять, почему из всех крупных центров региона только Новороссийск до революции был оснащен сетью канализации, ведь уклон многих его улиц к берегу бухты существенно облегчал прокладку магистральных труб для сброса нечистот в море.

На характер планировки влияли и такие факторы, как русла и поймы рек, очертания морской береговой полосы, лесные массивы и заболоченные территории. Большую роль в организации городского пространства играли и объекты, созданные человеком. Нетрудно заметить, что на месте бывших фортификационных сооружений сегодня располагаются или свободные площади и скверы (например, на территории бывшей Ставропольской крепости), или застроенные кварталы, значительно отличающиеся по своим размерам и формам от окружающих, изменяя направления прилегающих улиц (таковы пространства упраздненных крепостей Екатеринодара и Анапы). Широкие протяженные бульвары иногда указывают на существовавшие здесь прежде оборонительные стены (так, бульвар по ул. Р. Люксембург в Армавире был разбит на месте защитной ограды времен Кавказской войны).

Направления роста городов определяли различные дороги. Полосы отчуждения железнодорожных магистралей, как и реки, часто становились препятствием на пути расширения селитьбы, расчленяя территорию поселения на неоднородные зоны по «эту» сторону полотна (здесь обычно строился вокзал) и за ним, где условия проживания и уровень благоустройства были заметно хуже, чем в центре. В «заполотнянских» районах селились беднота и рабочий люд, сооружались промышленные предприятия и комплексы складов. Рядовую застройку определяли небольшие одноэтажные дома из простых и дешевых материалов (саман, турлук, реже дерево), придавая ей, скорее, сельский, нежели городской облик. С помощью городских экскурсий можно проанализировать специфику таких окраин, отрезанных от центра железной дорогой (в Краснодаре – это кварталы к востоку от полотна, в Армавире – к юго-западу, в Ставрополе – к северо-востоку).

Экскурсионный метод позволяет выявить функциональную специализацию городских районов. Например, общим правилом для населенных центров было формирование промышленных зон вблизи железных дорог (возможность быстрой доставки сырья и отправки готовой продукции); у главных гужевых магистралей (подвоз сельхозсырья из окрестностей); у нефтепроводов (нефтеперегонные заводы); у берегов рек (вода часто

применялась как источник энергии, использовалась в пивоваренном, кожевенном производстве, здесь было легче удалять отработанные стоки); у выходов на поверхность глины и песка (кирпично-черепичные заводы); за пределами селитьбы обязательно оборудовались скотобойни и сопутствующие производства (кишечные, кожевенные, мыловаренные и другие заводы).

Особенности застройки улиц дают возможность охарактеризовать имущественную и профессиональную (иногда также этническую) дифференциацию местного населения, функциональные отличия отдельных районов, художественные вкусы жителей и особенности архитектуры. Экскурсионный метод позволяет непосредственно оценить масштаб домов и сооружений, что трудно сделать только на основе изучения фотоснимков. Во время пеших прогулок можно проанализировать особенности зданий и помещений, предназначенных для различных учреждений, например, охарактеризовать специфику торговых предприятий, появившихся в городах Предкавказья в XIX – начале XX века: гостиных рядов (сохранились в Ставрополе и Ейске), крытых рынков (на Сенном рынке в Краснодаре и на Центральном в Армавире), пассажей (в Ставрополе) и др.

На фасадах зданий нередко обозначены годы их постройки, встречаются монограммы, вензеля и изредка гербы домовладельцев (в основном на центральных улицах Краснодара и Ставрополя). В Армавире на некоторых особняках можно видеть родовые тамги коренных жителей черкесов, в чем отражается специфическое аульское прошлое города. На стенах нередко сохраняются старинные жестяные таблички страховых обществ, в которых была застрахована данная недвижимость.

Пристальное знакомство с городскими улицами дает представление об их благоустройстве (озеленение, материал тротуаров и мостовых), инженерно-технической инфраструктуре. Так, в Краснодаре до наших дней исправно служат старинные железные столбы-мачты, поддерживающие воздушные линии электричества и трамвайные провода. Изучение месторасположения таких опор позволяет определить те улицы, которые в досоветский период снабжались электроэнергией. В ряде городов (Краснодар, Армавир) сохранились чугунные крышки над смотровыми колодцами магистралей первых водопроводов, дающие сведения об их территориальной схеме. Непосредственное знакомство с транспортными железнодорожными объектами и постройками конца XIX – начала XX века, с портовыми сооружениями приморских городов (особенно Новороссийска и Туапсе) также предоставляет большие возможности для изучения исторического прошлого региона.

В рамках одной статьи невозможно подробно остановиться на всех аспектах применения и использования исторических экскурсий при изучении прошлого городов Предкавказья. В целом следует признать, что данный подход в комплек-

се с другими общенаучными методами в будущем принесет немало открытий и достижений в области исторического регионоведения.

Литература, источники и примечания

1. Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело (Пг.). 1921. № 1. С. 2–14.

2. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926; Анциферовы Н. и Т. Жизнь города. Л., 1927; Анциферов Н. П. Как изучать свой город. М.; Л., 1929; Он же. «Непостижимый город...» СПб., 1991.

3. Миронов П. В. Краснодар: материалы к естественно-историческому и экономическому познанию города. Вып. 1. Краснодар, 1926; Он же. Население Краснодара. Количество. Краснодар, 1926. Большое число неопубликованных исследований П. В. Миро-

нова, посвященных городам Кубани, сосредоточено в Государственном архиве Краснодарского края (Ф. Р-1547. Оп. 1).

4. Бондарь В. В. Город Екатеринодар в пространстве и времени. Опыт исторической урбанистики. Краснодар, 2006.

5. Бондарь В. В. Комплексное историческое исследование российского города: концептуальные принципы // Голос минувшего (Краснодар). 1998. № 1–2. С. 4.

6. Анциферов Н. П. Пути изучения города ... С. 132.

7. Кириченко Е. И., Щеболева Е. Г. Русская провинция. М., 1997. С. 123; Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Кн. 1. Общая характеристика и теоретические проблемы. М., 2001. С. 18.

8. Анциферов Н. П. Пути изучения города ... С. 34.

S. N. KTIOROV. EXCURSION METHOD IN CISCAUCASIAN HISTORICAL URBANISTICS

The article is dedicated to historical tours as a peculiar method of regional studies. The use of this method allows to solve many important questions of historical urban studies.

Key words: *Ciscaucasia, historical tours, excursions, urbanistics, urban studies, urban infrastructure, city development.*

Е. В. ПАНАРИНА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Автор рассматривает процесс перестройки работы библиотек в условиях военного времени, трудности восстановительного периода, отмечает большой вклад библиотечных работников в сохранение культурного потенциала страны и повышение уровня образованности населения тыла.

Ключевые слова: *библиотеки Дона и Северного Кавказа, Великая Отечественная война, военно-патриотическое воспитание.*

В условиях военного времени библиотеки играли важную роль в сохранении культурного потенциала страны, повышении уровня образованности населения тыла. Основой для осуществления этих задач являлась сложившаяся в довоенный период структура библиотечных учреждений, включавшая городские и районные библиотеки, избы-читальни, библиотеки предприятий и различных организаций. Всего в 1941 году на Северном Кавказе насчитывалось 5220 библиотек [1].

С началом войны в деятельности библиотек возникли серьезные проблемы материального обеспечения. Многие здания и помещения стали использоваться для военных и хозяйственных нужд. Отсутствие электричества и отопления, острая нехватка инвентаря, книг и периодических изданий существенно затрудняли работу большинства действующих библиотек. Ухудшение условий их функционирования было также связано с сокращением квалифицированных кадров.

В этих условиях коллективы библиотек осуществляли перестройку своей работы, направленную на усиление военно-патриотического воспитания советских граждан. В соответствии с приказом Наркомпроса РСФСР от 2 сентября 1941 года библиотеки, избы-читальни, так же как и другие учреждения культуры, должны были обеспечить бесперебойную работу в качестве центров агитационно-массовой и культурно-просветительной работы. В условиях войны рекомендовалось использовать различные формы устной и наглядной агитации, выставки, библиотеки-передвижки, книгоношество [2].

Наряду с непосредственным обслуживанием читателей коллективы библиотек проводили большое количество общественно-политических мероприятий. С этой целью устраивались книжные выставки, читательские конференции, встречи с популярными писателями. Например, в январе 1942 года работники краснодарской библиотеки им. Пушкина организовали выставку, пос-

вященную войну, оформили витрину с вырезками из газет и сообщений Совинформбюро [3].

Серьезной проблемой в деятельности библиотек стало сокращение поступлений художественной литературы. Среди продукции, издаваемой в годы войны, преобладали небольшие по объему пьесы, рассказы, повести, поэмы, стихотворения, связанные, так или иначе, с военной тематикой и опубликованные в газетах и журналах. В такой ситуации библиотеки играли основную роль в сохранении и популяризации литературы общекультурного назначения. Работники библиотек не прекращали выдачу книг читателям даже при непосредственном приближении фронта. Так, в центральной библиотеке Новочеркасска в период немецко-фашистского наступления количество читателей не только не уменьшилось, но и возросло. Если в мае 1941 года библиотека выдавала в среднем 350 книг, то в июле – 400, а в августе – 692 [4].

В годы войны сотрудники библиотек широко применяли подвижные методы работы с читателями. Вручную или используя различные подручные средства, они доставляли литературу в места массового пребывания людей (призывные пункты, эвакуационные пункты, общежития, госпитали, полевые станы и т. п.). При этом зачастую библиотекари выполняли предварительные заявки на те или иные произведения, знакомили читателей с новой литературой, организовывали беседы и громкие читки.

После освобождения Дона и Северного Кавказа от фашистской оккупации в военной истории библиотек наступил новый этап, основным содержанием которого стал процесс восстановления их деятельности. В период оккупации и при отступлении фашисты уничтожили в регионе большинство библиотек. Так, в Кабардино-Балкарии были разрушены, разграблены или сожжены вместе с оборудованием и книгами 19 городских и сельских библиотек, 120 изб-читален [5]. Значительный материальный урон этим учреждениям был нанесен фашистскими оккупантами и в других областях и республиках Северного Кавказа.

Центральные и местные органы власти приняли меры по возобновлению работы библиотек в кратчайшие сроки. Так, в августе 1943 года Краснодарский крайком ВКП(б) обязал местные партийные и советские органы в месячный срок восстановить работу изб-читален, библиотек, обеспечив их кадрами и материалами [6]. В результате происходил постепенный рост материальной базы культурно-просветительных учреждений. В Краснодарском крае к началу 1945 года было восстановлено 206 библиотек из 226, 530 изб-читален из 539. Вместе с тем 212 изб-читален продолжали работать в непригодных помещениях [7]. В Адыгейской автономной области из 164 колхозных изб-читален и клубов действовали только 53 [8].

Наибольшие трудности в организации работы библиотек были связаны не столько с отсутствием необходимых помещений, сколько с огромными потерями книжного фонда. В большинстве

библиотек Дона и Северного Кавказа в период военных действий и оккупации были уничтожены все или большая часть книг и периодических изданий. Например, в Ростове-на-Дону полностью погибли книжные фонды в семи библиотеках системы народного образования, в остальных значительная часть книг была расхищена [9]. Сохранившиеся книжные фонды библиотек зачастую находились вне всякого контроля, растаскивались населением на топку печей или в личные библиотеки. Широкое распространение получила распродажа расхищенных из библиотек книг в букинистических магазинах и на рынках. Так, в Карачаевске на рынке открыто продавались книги, принадлежавшие до оккупации различным библиотекам города [10].

В связи с этим со стороны местных органов и коллективов библиотек были приняты меры по сбору и реставрации уцелевших книг и журналов. Так, в июне 1943 года Ростовский обком ВКП(б) потребовал немедленно привести в порядок все книжные фонды, собрать книги и обеспечить их хранение. Учащиеся старших классов должны были принять активное участие в сборе книг, находившихся в разрушенных зданиях и во дворах учреждений. Прокуратуре и милиции предписывалось привлекать к ответственности лиц, расхищавших и уничтожавших книжные фонды, как мародеров и воров, посягнувших на народное имущество [11].

Помимо использования местных возможностей большое значение в пополнении книжных фондов библиотек сыграла государственная помощь. При этом часть книг из централизованных фондов была направлена для восстановления библиотек Северного Кавказа. Так, в августе 1943 года центральные издательства выделили библиотекам Краснодарского края 600 тыс. томов политической и художественной литературы [12].

Несмотря на принимаемые меры, восстановление книжного фонда происходило медленно. В Краснодарском крае к началу 1945 года во всех изб-читальнях насчитывалось около 30 000 экз., в среднем на одну изб-читальню приходилось примерно 55 экз. (подсчитано нами. – Е. П.) [13]. В такой тяжелой ситуации недостаток литературы в определенной степени компенсировался активной культурно-просветительной деятельностью. Работники библиотек организовывали читательские конференции и выставки книг, устраивали стенды с вырезками из газет и журналов, проводили лекции, консультации, громкие читки и беседы с читателями.

Использование этих активных форм работы позволило увеличить число читателей. Например, библиотеки системы народного образования Ростова-на-Дону к октябрю 1943 года сумели привлечь 17 700 детей и взрослых, охватить различными мероприятиями 22 000 чел., обслужив при этом семь госпиталей, отделение милиции и ряд домоуправлений [14]. Положительную динамику работы продемонстрировала и Северо-Осетинская республиканская библиотека. В 1943 году библиотеку посетило 111 669 чел., а за восемь месяцев

1944-го – 103 938 чел. Выдача книг в 1943 году составила 91 028 экз., а за восемь месяцев 1944-го – 71 997 экз., соответственно газет – 52 207 и 51 818 экз., журналов – 29 446 и 32 072 экз. [15].

Работники районных и сельских библиотек, а также изб-читален осуществляли обслуживание и устраивали различные мероприятия для тружеников сельского хозяйства непосредственно на полевых станах, животноводческих фермах. Так, в марте 1945 года в различных районах Ростовской области было организовано 280 передвижных библиотек, в каждой из которых имелось 100–150 книг. Одновременно с выдачей книг работники библиотек знакомили колхозников с новостями общественной и культурной жизни страны [16].

Таким образом, несмотря на ограниченность материальных и организационных возможностей, коллективы библиотек Дона и Северного Кавказа проводили большую работу по сохранению культурного наследия, распространению знаний, популяризации произведений отечественной и зарубежной литературы. Библиотеки, игравшие существенную роль в военно-патриотическом воспитании населения, способствовали укреплению духовного единства советских людей, ставшего одним из важнейших факторов достижения Победы.

E. V. PANARINA. ACTIVITY OF LIBRARIES ON DON AND THE NORTH CAUCASUS DURING THE YEARS OF GREAT PATRIOTIC WAR

This article deals with the process of reorganization of library work in conditions of military period, the difficulties of reconstruction period, the major contribution of library workers to maintenance of cultural potential of the country, the growth of the educational level of home front population.

Key words: Libraries of Don and North Caucasus, The Great patriotic War, military-patriotic upbringing.

Н. Б. ЗУБАРЕВА

ТЕОРИЯ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОГО МУЗЫКОЗНАНИЯ

Обращение гуманитарных наук к аппарату математики основывается на его использовании для анализа механистических систем; в то же время подход, предложенный Л. Заде, не нашел должного понимания и осмысления. В данной статье рассматриваются возможности расширения методологического потенциала музыкознания за счет введения в его орбиту нечетких переменных, нечетких высказываний и нечетких алгоритмов.

Ключевые слова: теория нечетких множеств, точные методы исследования, музыкознание.

«Никакое человеческое исследование не может почитаться истинной наукой, если оно не изложено математическими способами выражения» [1]. Это высказывание Леонардо да Винчи стало своего рода манифестом применения точных методов во всех областях знания. Искусствоведение не составило исключения, причем по мере приближения к современности число исследований, основанных на математическом базисе, растет, по меньшей мере, в арифметической прогрессии.

Литература и источники

1. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: стат. ежегодник. М., 1977. С. 320.
2. Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 75–76.
3. Большевик. 1942. 11 янв.
4. Молот. 1941. 7 сент.
5. Лики войны: сб. док. по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996. С. 201.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 976. Л. 132.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–45.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 989. Л. 149.
9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 12. Л. 46.
10. Красный Карачай. 1943. 20 окт.
11. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 376. Л. 19–19 об.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 976. Л. 134–135.
13. ГАКК. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 43–45.
14. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 12. Л. 46.
15. Социалистическая Осетия. 1944. 21 окт.
16. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 554. Л. 63.

Вместе с тем такая практика наряду с очевидными достоинствами имеет и свои недостатки.

Последние глубоко охарактеризовал в одной из своих работ основоположник теории нечетких множеств Л. Заде: «Наступление эпохи вычислительных машин вызвало быстрое расширение сферы использования количественных методов анализа за счет их применения для анализа экономических, урбанистических, социальных, биологических и других систем, в которых основную

роль играет поведение, напоминающее поведение живых существ. Большинство методов, используемых в настоящее время для анализа *гуманистических* систем, т. е. систем, в которых участвует человек, представляют собой модификации методов, которые в течение длительного времени создавались для *механистических* систем, т. е. систем, управляемых законами механики, электромагнетизма и термодинамики. Замечательные успехи, достигнутые с помощью этих методов, позволили раскрыть многие тайны природы и создавать все более и более совершенные машины. Но эти же успехи вселили широко распространенное убеждение в том, что теми же методами или подобными им можно сравнительно эффективно исследовать и гуманистические системы. <...> Наш основной тезис заключается в том, что, по своей сути, обычные количественные методы анализа систем непригодны для гуманистических систем и вообще любых систем, сравнимых по сложности с гуманистическими системами. В основе этого тезиса лежит то, что можно было бы назвать принципом несовместимости. Суть этого принципа можно выразить примерно так: чем сложнее система, тем менее мы способны дать точные и в то же время имеющие практическое значение суждения о ее поведении. Для систем, сложность которых превосходит некоторый пороговый уровень, точность и практический смысл становятся почти исключительными друг друга характеристиками» [2].

Альтернативный подход, предложенный Л. Заде, опирается на предположение о том, что в основе мышления человека «лежит не традиционная двужанная или даже многозначная логика, а логика с нечеткой истинностью, нечеткими связями и нечеткими правилами вывода» [3]. Этот подход дает приближенные, но весьма эффективные способы описания сложных систем, не поддающихся точному количественному анализу. Названные способы получили широкое распространение в таких областях, как экономика, социология, лингвистика, психология и др. В области музыковедения обращения к теории нечетких множеств и ее инструментарию было впервые предпринято нами в 1998 году [4]. Аппеляция именно к этому аналитическому аппарату разносторонне мотивирована.

Во-первых, музыкальные произведения, без сомнения, относятся к гуманистическим (создаваемым, исполняемым, воспринимаемым человеком) системам и поэтому в части количественной оценки требуют специальных методов, а не адаптации методов изучения механистических систем.

Во-вторых, объектом упомянутого, а также целого ряда последовавших за ним исследований [5] стали звуковые события, принадлежащие фоническому уровню музыкального произведения, – отдельные тоны, комплексы тонов и варианты их фактурной репрезентации. Избранные звуковые события могут быть определены, по Заде, как «элементы некоторых нечетких множеств или классов объектов, для которых переход от "при-

надлежности" к "непринадлежности" не скачкообразен, а непрерывен» [6]. Вследствие этого оказывается невозможным получение точных данных о количестве звуковых событий, содержащихся в той или иной единице музыкального времени.

В-третьих, особую проблему составляет сравнение насыщенности условных временных единиц событиями различных видов [7]. Ориентация на позицию лица, принимающего приближительное решение в описанных условиях, позволила ввести нечеткое множество следующего вида:

$$K_j = \left\{ \mu_k(i) / i ; i = \overline{1, n} \right\},$$

где j – номер параметра;

i – номер такта;

$i = \overline{1, n}$;

n – общее количество тактов;

$\mu_k(i)$ – вероятность того, что слушатель (рассматриваемый как лицо, принимающее решение) посчитает i -й такт наиболее насыщенным звуковыми событиями в момент его звучания.

Тем самым мы смогли вычислить и графически представить плотность ритмических, гармонических и фактурных событий, а также раскрыть формообразующее значение ее изменений в фортепианных произведениях разных эпох. Позднее метод измерения плотности звуковых событий был спроецирован на поэтическую составляющую камерно-вокальных произведений [8].

Тем не менее возможности, предоставляемые искусствоведу теорией нечетких множеств, остаются в значительной мере нереализованными. Осмыслению этих возможностей, выявлению путей их реализации и посвящена настоящая статья. Рассмотрим с этой целью основные понятия, используемые Л. Заде при описании своего подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений, – нечеткие переменные, нечеткие высказывания и нечеткие алгоритмы.

1. Нечеткие переменные

Человеческая способность к оценке информации, играющая существенную роль в характеристике сложных явлений, по мнению Л. Заде, наиболее ярко проявляется в использовании вербальных языков [9], т. е. в речевой деятельности. Покажем, что звуковые события, принадлежащие музыкальным произведениям (речевым произведениям на языке музыки), можно анализировать по аналогии со словами естественных языков.

Каждое звуковое событие x может считаться сжатым «описанием» нечеткого подмножества $M(x)$ полного множества области рассуждений U , где $M(x)$ есть значение x . Так, например, x есть комплекс звуков; $M(x)$ – видовой принадлежность этого комплекса (*мажорный секстаккорд*, *малый минорный терцквартаккорд* и т. д.); U – аккордика того или иного гармонического стиля.

В обозначенном смысле язык музыки можно рассматривать как систему, в которой нечетким

подмножествам множества U приписываются элементарные и составные символы (аккорды, гармонические обороты, тональные последования и т. д.). Представим с такой точки зрения звуковой комплекс, содержащий малую терцию и малую сексту от баса h . При этом значение интервального состава как такового есть нечеткое подмножество M – *мажорный сектаккорд*, а значение той же интервальной конструкции в конкретной высотной позиции – нечеткое подмножество M – *аккорд с основным тоном g* . Таким образом, значение звукового комплекса $h - d - g$ является пересечением M – *мажорный сектаккорд* и M – *аккорд с основным тоном g* .

При этом в качестве нечеткой переменной можно рассматривать разновидность аккорда; ее значениями (*мажорный сектаккорд*, *малый уменьшенный квинтсектаккорд* и т. д.) оказываются символы нечетких подмножеств полного множества всех аккордов с основным тоном g . Вместе с тем переменной можно считать и сам основной тон; тогда ее значения (a, b, c и т. д.) следует интерпретировать как символы нечетких подмножеств полного множества всех тонов музыкальной системы. В этом смысле основной тон оказывается нечеткой переменной, т. е. переменной, значениями которой являются символы нечетких множеств. Важно отметить, что значение переменной «основной тон», выраженное музыкально-ведческим понятием, гораздо менее точно, чем число, обозначающее частоту колебаний данного тона. В описанном случае мы имеем дело с меньшей четкостью теоретического понятия «тон» по сравнению с его акустическими параметрами. Нечеткость данного понятия неизмеримо возрастает, если мы примем во внимание зонную природу музыкального слуха, в соответствии с которой каждый тон представлен не единственной частотой колебаний, а некоторой частотной зоной.

Такой подход дает возможность количественного представления любых звуковых явлений, в том числе не имеющих в настоящее время апробированных средств измерения. Именно по этой причине мы в свое время отказались от рассмотрения тембра, артикуляции, акцентов и других событий фонического уровня [10]. Использование аналитического аппарата теории нечетких множеств делает излишней разработку отдельных измерительных методик для каждого вида звуковых явлений. Названный аппарат позволяет оценивать указанные явления не с точки зрения количественной выраженности некоторых специфических качеств, а с точки зрения принадлежности этих качеств потоку художественной информации.

2. Нечеткие высказывания

В количественных подходах к анализу систем простые отношения между двумя числовыми переменными обычно описывают с помощью таблицы, которую «словесно можно представить в виде набора высказываний, например, если x равно 5, то y равно 10; если x равно 6, то y равно 14 и т. д.» [11]. Такой же способ описания применяет и Л. Заде, только переменные x и y являются нечеткими. Зависимость между ними описывается с по-

мощью высказываний вида «из A следует B », где A и B – символы нечетких множеств, представляющие собой значения переменных x и y . Приведем пример нечетких высказываний, относящихся к интересующей нас области музыкознания.

Допустим, что A – нечеткое множество, объединяющее значения переменной x (x_1, x_2 и т. д.), представляющей собой звуковысотную конструкцию, а B – нечеткое множество, объединяющее значения переменной y (y_1, y_2 и т. д.), представляющей собой оценку звуковысотной конструкции x слушателем. Нечеткие высказывания, описывающие зависимость y от x , могли бы выглядеть следующим образом:

– если x – *минорное трезвучие с основным тоном h* , то для x_1 *минорный сектаккорд с основным тоном h* y – *событие с минимальной новизной* (такое значение y объясняется тем, что x_1 является структурным вариантом x);

– если x_1 – *минорный сектаккорд с основным тоном h* , то для x_2 *минорный сектаккорд с основным тоном e* y_1 – *событие с большей степенью новизны* (данное значение y_1 связано с тем, что x_2 является высотно-позиционным вариантом x_1);

– если x_2 – *минорный сектаккорд с основным тоном e* , то для x_3 *малый уменьшенный терцквартаккорд с основным тоном cis* y_1 – *новое событие* (высокая степень новизны этого звукового события обусловлена тем, что x_3 является другим аккордом по отношению к x_2) и т. д.

В своих исследованиях мы использовали только два варианта оценки звуковысотных конструкций, фиксирующие наличие или отсутствие события в гармоническом ряду. Открывающаяся возможность ранжирования звуковых событий по степени их новизны позволит в случае ее реализации получить более детальное представление о событийной структуре музыкального произведения.

3. Нечеткие алгоритмы

Сложные зависимости y от x требуют для своего описания нечетких алгоритмов. «По своей сути, – пишет Л. Заде, – нечеткий алгоритм представляет собой упорядоченную последовательность инструкций (подобно программе для вычислительной машины), некоторые из которых могут содержать символы нечетких множеств, например:

– если y *велико*, то *немного уменьшить x* ;
– если y *не очень велико и не очень мало*, то *очень ненамного увеличить x* ;
– если y *мало*, то *стоп*; если *нет*, то *увеличить x на 2*» [12].

Подобный подход к определению нечетких отношений мы можем продемонстрировать на примере работы А. Даргомыжского с поэтическим текстом романа «Титулярный советник». Вторая строфа стихотворения П. Вейнберга имеет ровный, сглаженный событийный профиль, что наиболее отчетливо проявляется в строении фонемного и акцентного рядов (табл. 1).

Даргомыжский мыслит форму романа как двухчастную, поэтому во второй части, которая контрастирует с первой по музыкальному мате-

Таблица 1

Ряды	5-я строка	6-я строка	7-я строка	8-я строка
фонемы	23	21	21	22
стопные акценты	3	3	3	3
слова	3	4	5	4

Таблица 2

Ряды	5-я строка	6-я строка	7-я строка	8-я строка
фонемы	23	21	28	15
стопные акценты	3	3	4	2
слова	3	4	7	2

риалу, ему нужна более рельефная событийная структура с ясно выраженным подъемом к вершине и последующим спадом. Преобразование словесного текста, выполненное с этой целью композитором, можно описать с помощью следующего алгоритма:

– если y_7 (событийное наполнение седьмой строки) *недостаточно велико*, то необходимо *увеличить* x_7 (число слов в седьмой строке);

– если y_8 (событийное наполнение восьмой строки) *недостаточно мало*, то следует *уменьшить* x_8 (число слов в восьмой строке).

Именно так поступает Даргомыжский, сдвигая границу между седьмой и восьмой строками:

(по Вейнбергу)

И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь!

(по Даргомыжскому)

И в винном тумане носилась пред ним
Генеральская дочь!

При этом событийный профиль строфы меняется желательным для композитора образом (табл. 2.).

В результате вторая строфа приобретает ярко выраженную «событийную кульминацию» в третьей четверти, за которой следует глубокий заключительный спад плотности звуковых событий (рис.).

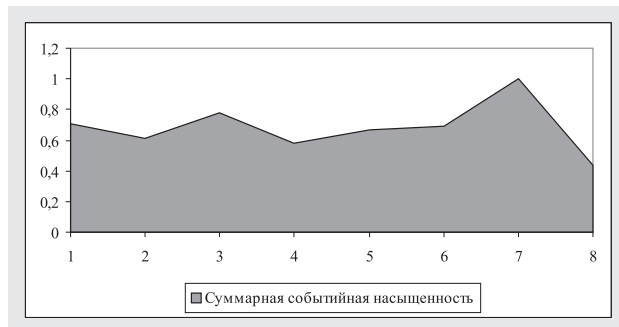
В данном случае мы использовали нечеткий алгоритм для описания процесса поиска оптимального творческого решения. Аналогичным образом могут исследоваться самые разнообразные художественные реалии, в том числе:

– переложения музыкального произведения для других исполнительских составов, взятые в их отношении к оригинальному тексту;

– эскизы и черновые наброски, взятые в их отношении к законченному произведению;

– различные версии перевода литературного сочинения, взятые в аспекте сравнительного анализа, и т. д.

Настоящую статью следует рассматривать как общее описание путей адаптации широко известного метода к изучению процессов и продуктов

музыкального (и шире – художественного) творчества. Изложенные теоретические основания такой адаптации вполне точны и «математичны» по духу, причем в каждом конкретном случае степень точности решения может быть согласована с требованиями задачи и точностью имеющихся данных. Гибкость представленного метода, отражающего существенные особенности человеческого мышления, вселяет надежду на то, что он сможет стать основой более продуктивного и реалистического подхода к количественному анализу художественных феноменов.

Литература

1. Цит. по: *Холопова В.* Понятие «музыка» // Музыкальная академия. 2003. № 4. С. 14.
2. *Заде Л. А.* Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений // Математика сегодня: сб. ст.; пер. с англ. / сост. А. В. Шилейко. М., 1974. С. 6–7.
3. Там же. С. 7.
4. *Зубарева Н. Б.* О применении точных методов в анализе музыкальных произведений // Гуманитаризация образования и внеучебная работа в вузе, техникуме, образовательной школе: материалы IV межвуз. науч.-практ. конф., Пермь, 20–21 апреля 1998 г. / Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 1998. С. 212–214.
5. См.: *Зубарева Н. Б.* О применении теории нечетких множеств в музыковедческом исследовании (на примере анализа фортепианного цикла С. Прокофьева «Детская музыка») // История и методология науки: межвуз. сб. науч. трудов / гл. ред. В. В. Маланин; Перм. ун-т. Пермь, 2000. Вып. 7. С. 169–178; *Она же.* Точные методы в исследовании процессов музыкального формообразования // История и методология науки: межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. В. В. Маланин / Перм. ун-т. Пермь, 2002. Вып. 9. С. 94–103; *Zubareva N. B., Kulichkin P. A.* «Degenerated» cases of tensivity function and the degree of genre characteristics expressions in a musical piece (experiments of quantitative analysis applied to pianoforte miniatures of XVIII–XX centuries) // Art and Science: Proceedings of the XVIII Congress of the International Association of Empirical Aesthetics, Calouste Gulbenkian Foundation, Lisbon, September, 13–16, 2004 / Edited by J. P. Fryis, P. Andrale, J. F. Marques. P. 536–539; *Зубарева Н. Б.* Методологические опыты: искусствометрия и музыковедение. Пермь, 2004; *Она же.* К теории и методике «музыкальной арифмологии» // Музыкальная академия. 2005. № 1. С. 98–105 и другие работы.

6. Заде Л. А. Основы нового подхода к анализу ... С. 7.

7. Зубарева Н. Б. Методологические опыты: искусствознание и музыковедение ... С. 44.

8. См. подробнее: Kulichkin P. A., Zubareva N. B. On the formation role of the «events dynamics» in the musical composition for voice and piano // Proceedings of the International Congress on Aesthetics, Creativity and Psychology of the Arts, Perm, June, 1–3, 2005 / Edited by E. Malianov, C. Martindale, E. Berezina, L. Dorfman, D. Leontiev, V. Petrov, P. Locher. P. 229–230; Зубарева

Н. Б., Калашикова И. С. «Событийная динамика» вокального произведения (опыт сравнительного анализа музыкального и поэтического рядов в романсах М. Глинки) // Вестник ПГИИК. 2005. № 1. С. 66–72.

9. Заде Л. А. Основы нового подхода к анализу ... С. 9.

10. Ручьевская Е. А. Классическая музыкальная форма: учеб. пособие. СПб., 1998. С. 51.

11. Заде Л. А. Основы нового подхода к анализу ... С. 10.

12. Там же. С. 11.

N. B. ZUBAREVA. FUZZY SETS THEORY AND THE RESEARCH PRACTICE OF MODERN MUSICOLOGY

The turning to the humanities in mathematics is based on using its analyzing mechanistic systems; however, the approach proposed by L. Zade has not been studied and apprehended. This article examines the opportunities of extending methodological potential of musicology by introducing fuzzy variables, fuzzy statements and fuzzy algorithms.

Key words: fuzzy sets theory, exact research methods, musicology.

Е. К. КАРЕЛИНА

РОСТИСЛАВ И НАТАЛЬЯ МИРОНОВИЧИ В ИСТОРИИ ТУВИНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Творческая деятельность супругов Мироновичей в 1943–1946 годах имела большое значение для развития музыкальной культуры Тувинской республики, в частности, тувинского театра, национального оркестра, вокального искусства и музыкального образования.

Ключевые слова: Тува, театр, опера, национальный оркестр, вокальное искусство, музыкальное образование.

В истории любой национальной культуры были личности, сыгравшие ключевую роль в ее становлении. Для развития музыкальной культуры Тувинской республики в период 1940-х годов большое значение имела деятельность Ростислава и Натальи Мироновичей – музыкантов, чей творческий путь начался в Краснодаре [1].

Ростислав Георгиевич Миронович (1904–1998) родился в Майкопе, Наталья Палладьевна (1904–1977) – в Краснодаре, в семье известного краеведа П. В. Миронова [2]. Ростислав одновременно учился в Краснодарском сельхозинституте и в музыкальном училище по классу флейты. Он организовал при сельхозинституте любительский симфонический оркестр, которым руководил в 1924–1927 годах. Знакомство будущих супругов произошло, когда начинающему дирижеру понадобилась певица-солистка для выступлений с оркестром. Наталья хорошо пела, свободно владела французским языком, имела опыт игры в драматических постановках.

Вскоре молодая семья переехала в Москву. Ростислав поступил в консерваторию, Наталья – в музыкальный техникум при консерватории на два отделения – теоретическое и вокальное; там она пела в хоре, а также обучалась игре на скрипке.

В 1931 году Ростислав окончил консерваторию по двум специальностям – флейта (класс проф.

В. Н. Цыбина) и оперно-симфоническое дирижирование (класс проф. Б. Э. Хайкина). В период учебы он занимался также в классе композиции С. Н. Василенко, написал струнный квартет, симфоническую музыку к спектаклям разных драматических театров. К сожалению, его супруге не удалось завершить учебу по семейным обстоятельствам: много времени приходилось уделять воспитанию двоих детей.

Профессиональная дирижерская работа Р. Г. Мироновича началась еще в консерваторские годы, на выездной практике со студенческим симфоническим оркестром. В 1935 году он был принят без конкурса в симфонический оркестр Московской филармонии. Здесь Ростислав Георгиевич имел возможность непосредственно наблюдать за работой таких знаменитостей, как отечественные дирижеры Голованов, Штейнберг, Орлов, Небольсин, Файер, зарубежные – Отто Клемперер, Бруно Вальтер, Оскар Фрид, Эуген Сенкар, Эрнест Ансерме. О каждом из них Миронович оставил воспоминания [3]. Кроме того, он дирижировал постановками в оперной студии консерватории. Успехи на данном поприще привели к тому, что его пригласил знаменитый певец Иван Козловский на должность дирижера в свой Ансамбль оперы, однако начавшаяся война оборвала оперные проекты, грандиозные планы.

В июле 1941 года Миронович был призван в действующую армию, служил старшим лейтенантом 1-й гвардейской стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. Вскоре он был ранен, контужен и после лечения в госпитале демобилизован. Наталью Палладьевну с детьми война застала в Краснодаре, где им пришлось пережить оккупацию. В декабре 1942 года Ростислав Георгиевич был командирован Комитетом по делам искусств СССР за границу, в Тувинскую Народную Республику, для руководства музыкальной частью национального театра. К работе в Туве он приступил в январе 1943 года. Однако семья смогла воссоединиться лишь в 1944 году, когда Наталья Палладьевна с дочерью приехала в Туву. Вскоре супруги Мироновичи узнали о трагической гибели сына. В 1945 году семья распалась: муж уехал в Киргизию, а жена задержалась в городе до октября 1946-го. Таким образом, каждый из них посвятил Туве три года, которые стали плодотворным периодом как для их личного профессионального роста, так и для развития национальной музыкальной культуры.

Несмотря на сложности военного времени, Ростиславу Георгиевичу, благодаря своему опыту дирижерской и театральной деятельности, удалось проделать большую работу за относительно короткий срок пребывания в Туве. Во-первых, он подготовил специалистов на оркестровом отделении театрально-музыкального училища, где вел все специальные дисциплины; во-вторых, инициировал процесс реконструкции тувинских национальных инструментов для их оркестрового применения; в-третьих, создал репертуар для первого национального оркестра Тувы (почти все танцы для постановок хореографа А. В. Шатина, музыку к ряду театральных спектаклей); в-четвертых, написал первую национальную тувинскую оперу «Чечен и Белекмаа»; в-пятых, осуществил первую в истории Тувы полноценную оперную постановку в театре (с участием солистов, хора, оркестра народных инструментов). Именно Мироновичу было суждено стать основоположником тувинского национального оркестра [4].

Идею создания первой тувинской оперы на основе сюжета народной сказки предложил филолог-тюрколог А. Пальмбах. До отъезда из Тувы Миронович успел полностью завершить работу над первым действием (еще два остались в набросках). Постановка первого акта оперы «Чечен и Белекмаа» была осуществлена в августе 1945 года как дипломная работа студентов музыкально-театрального училища. Проект Мироновича был продолжен одним из его бывших учеников по музыкально-театральному училищу, композитором Ростиславом Кенденбилем, чья опера «Чечен и Белекмаа» была поставлена в тувинском театре через 20 лет после оперы Мироновича [5]. Память о своем учителе тувинский музыкант пронес через всю жизнь: при советской паспортизации он взял себе имя любимого *баикы* (тув. – наставник, учитель) и в работе старался быть на него похожим. Миронович также высоко ценил своего ученика; кроме него,

из числа своих тувинских учеников он отмечал мастера-изготовителя музыкальных инструментов К. Тамдына и А. Лаптана, который был его ассистентом и вел ряд дисциплин у первокурсников. До конца жизни музыкант хранил письма своих тувинских учеников и коллег, а также фотографии, сделанные им в 1940-х годах в Туве. Долгое время Миронович дружил с семьей тувинских цирковых артистов Оскал-оолов, для труппы которых он писал музыку. В 1970-е годы Ростислав Георгиевич приезжал в Туву.

Опыт работы с тувинским материалом пригодился Мироновичу в Киргизии, где его композиторский потенциал раскрылся в полной мере. С 1962 года и до конца жизни он связал свою судьбу с Воронежем. Везде Ростислав Георгиевич совмещал активную дирижерско-постановочную работу в оперном театре с педагогической и творческой.

Годы работы Натальи Палладьевны в Туве максимально раскрыли ее как педагога и творческую личность. Имея способности к языкам, она быстро освоила тувинский и стала общаться со своими учениками на их родном языке. В классе педагога по вокалу Н. П. Миронович совершенствовали свои природные способности многие драматические артисты. Особых похвал педагога удостоивались ученицы вокально-хорового отделения Хургулек Конгар, Анна Долчун и Анфиса Орешкова. В репертуаре ее класса большое место занимали романсы Алябьева, Варламова, Глинки, Даргомыжского, «Серенада» Шуберта, сцены из опер «Запорожец за Дунаем» Гулака-Артемовского, «Наталка-Полтавка» Лысенко, «Русалка» Даргомыжского, «Чечен и Белекмаа» Мироновича. Помимо перехода народных голосов на академическую манеру пения, преподавателю приходилось решать проблему произношения текстов на русском языке. Прекрасные результаты в работе с тувинскими учениками позволяют нам в полной мере считать Наталью Миронович первым педагогом по классу академического пения в Туве.

Наталья Палладьевна любила петь русские и украинские народные песни, в ее репертуаре были романсы Чайковского, французских композиторов, песни Шуберта, арии из опер. Имея большой голосовой диапазон, она могла исполнять партии как сопранового, так и меццо-сопранового репертуара. Широкие познания педагога в области классической музыки помогали тувинским студентам осваивать репертуар. Тем самым закладывались местные традиции исполнения музыкальной классики. Н. П. Миронович также вела занятия по классу скрипки, проводила репетиции хора в училище и хоровой группы театра, осуществляла хоровые аранжировки песенного репертуара. Умея самостоятельно перекладывать музыку на состав театрального оркестра, после отъезда мужа она смогла полностью подготовить музыкальное оформление к спектаклю «Назар Стодоля».

Переехав в Москву, Н. П. Миронович преподавала музыку в одной из общеобразовательных школ. Работая с детьми, она вела активную музыкально-просветительскую деятельность как хор-

мейстер школьного хора, ставила с учениками музыкальные сказки, подготовила нескольких своих воспитанников к поступлению в ГИТИС. Наталья Палладьевна поддерживала сложившиеся в Туве дружеские связи с цирковой семьей Оскал-оол и композитором А. Аксеновым.

Семейный союз двух музыкантов, являвших собой пример высокого профессионализма и творческого энтузиазма, оставил заметный след в истории становления тувинского театра, национального оркестра, вокального искусства, музыкального образования. Многоаспектность их деятельности стала важным фактором в решении тех сложных профессиональных задач, которые ставила перед ними формирующаяся музыкальная культура Тувы.

Литература и примечания

1. Биографические данные получены нами благодаря личным контактам с членами семей Р. Г. и Н. П. Мироновичей; сведения об их работе в Туве дополнены информацией, содержащейся в документах Центрального государственного архива Республики Тыва (ф. 139). Анализ творческой деятельности супругов Мироновичей в Туве впервые был представлен в публикациях: *Карелина Е. К.* Ростислав Миронович и национальный оркестр ТНР

// Культура, искусство и образование в регионах Сибири: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (21 марта, 10 мая 2007 г.) / сост. Е. К. Карелина. Кызыл, 2008. С. 122–126; *Она же.* Первый преподаватель академического пения в Туве: Н. П. Миронович // Там же. С. 127–131.

2. Палладий Васильевич Миронов (1874–1952) – краевед, общественный деятель, работник городских муниципальных органов: Екатеринодарской думы, управы, а после установления советской власти – отделов коммунального хозяйства исполкомов. Опубликовал более 20 научных работ, собрал коллекцию документов по истории города и области. См. подробнее: *Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях...* Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 379.

3. *Миронович Р. Г.* Не в память, а в честь: [К 100-летию со дня рождения Р. Г. Мироновича] / сост. Н. Д. Сыпалова. Воронеж, 2004. С. 49–80.

4. *Карелина Е. К.* Тувинский национальный оркестр: вчера, сегодня, завтра // Музыкальная академия. 2006. № 2. С. 41.

5. *Карелина Е. К.* Тувинская национальная опера: проблемы и перспективы // Композитор в современном мире: материалы всерос. науч. конф., 11–12 ноября 2008 г. / ред. Н. А. Еловская, М. В. Холодова. Красноярск, 2008. С. 149–150.

E. K. KARELINA. ROSTISLAV AND NATALIYA MIRONOVITCH IN HISTORIES OF THE TUVINIAN MUSIC CULTURE

The article is about an importance the Mironoviches' creative activity for development of the Tuvian music culture during 1943–1946. They have left trace on histories of the Tuvian theatre, national orchestra, vocal art and music education.

Key words: Tuva, theatre, opera, national orchestra, vocal art, music education.

Культура и общество

Б. В. АКСЮМОВ

СОВРЕМЕННОСТЬ И ТРАДИЦИОННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОНФЛИКТА

В статье рассматривается фундаментальное мировоззренческое противоречие между современностью и традиционностью как основной дифференцирующий принцип, определяющий ситуацию глобального межцивилизационного конфликта в современном мире.

Ключевые слова: межцивилизационный конфликт, культура, идентификация, современность, традиционность, модернизация.

Наличие глобальных противоречий и потенциальных глобальных конфликтов фиксировалось во многих учениях нового и новейшего времени, например, в марксизме, в основе которого лежит теория глобальности классового конфликта, в геополитике, у истоков которой находится идея всемирной борьбы цивилизаций суши и моря. На современном этапе научного дискурса важно не только определить, имеются ли противостояния глобального масштаба (хотя и это является весьма значимой процедурой), но и идентифицировать их характер, операционализировать тем самым понятие «конфликт цивилизаций», вошедшее в широкое употребление в различных видах дискурса – философском, научном, политическом.

Особенно важным и необходимым на современном этапе развития социогуманитарного знания нам представляется философский, концептуальный анализ проблемы конфликта цивилизаций. Как справедливо отмечает в этой связи К. Делокаров, «принципиальная методологическая значимость поворота теоретической мысли состоит в том, что происходящие в условиях нынешней глобализации радикальные трансформации представлений о человеке, обществе, нации, государстве, прогрессе и т. д. носят столь фундаментальный характер, что они заставляют обратиться к истокам этих понятий, делая тем самым востребованным предельно метафизический уровень анализа происходящих событий» [1].

По мнению А. Богатурова, «к философскому анализу мировой политики побуждает тенденция к избыточному применению в ней силы. Ученый “классической” международно-политической школы пояснит причины и некоторые следствия происходящего. Но назрела необходимость идти дальше банальных или остроумных комментариев о силовом превосходстве, однополярном мире, гегемонии и “демократическом империализме”. Без глубокого философского анализа реальности объемное, полноценное понимание современной международной ситуации невозможно» [2].

Э. Баталов подчеркивает, что «потребность в информации, которая может быть получена в ре-

зультате философского исследования международных отношений, в последние годы становится все более очевидной <...> И вызвана она, прежде всего, необходимостью осмысления и переосмысления происходящих в мире фундаментальных изменений и нахождения новых ответов на вопросы, которые еще каких-нибудь десять или пятнадцать лет назад казались решенными» [3].

В аутентичной хантингтоновской концепции конфликта цивилизаций основной причиной межцивилизационных противоречий выступает религиозный фактор. Нет смысла отрицать значение этого фактора в выстраивании межцивилизационных отношений в современном мире. Однако его роль, на наш взгляд, далеко не так велика. Недостаточность «религиозного» истолкования конфликта цивилизаций объясняется тем, что если для традиционалистских цивилизаций религиозный момент имеет определяющее значение и все основные атрибуты этих цивилизаций так или иначе обусловлены самим фактом их принадлежности к той или иной религиозной системе, то для западной цивилизации религиозный фактор значим в гораздо меньшей степени. В связи с этим представляется необходимым найти более адекватное дифференцирующее свойство, обуславливающее современный межцивилизационный конфликт. Таким различием, выступающим главным основанием конфликта цивилизаций, является, по нашему мнению, различие между современностью и традиционностью, которые выступают важнейшими атрибутивными качествами цивилизаций.

Целью данной статьи является определение сути противоречия между современностью и традиционностью в контексте глобального межцивилизационного конфликта.

Сущностное противостояние современности и традиционности со всей очевидностью находит свое эмпирическое выражение в конкретной практике мирового глобального развития и, в частности, во взаимоотношениях западной и исламской цивилизаций, причем это касается не только современной ситуации. По мнению М. Аба аль-Хейля, бывшего министра финансов и национальной экономики Саудовской Аравии, «экскурс в историю доказывает: Запад использовал силу в отношениях с Востоком с тех самых пор, когда эти отношения только зарождались. Практически

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Конфликт цивилизаций в глобальном и региональном измерении: теоретический конструкт и эмпирическая реальность». Грант РГНФ 08-03-00208а.

ничего не изменилось и сегодня: две цивилизации связаны враждой и неприязнью друг друга» [4].

Как отмечает Л. Васильев, имеется принципиальное структурное различие между традиционным Востоком и Европой (имманентно устремленной в будущее). «Несколько раз самой историей ставились эксперименты по его преодолению. Первым можно считать период эллинизации Ближнего Востока, растянувшийся примерно на тысячелетие, от Александра до Мухаммеда, вторым – статус ориентализовавшейся Византии, в Средние века все очевиднее сближавшейся с традиционным Востоком. В обоих случаях победителем выходила традиционно-восточная структура. Зато в случае с германской Европой верх взяла европейская структура, уходящая корнями в античность. Но что характерно – во всех трех случаях ожидаемого синтеза не произошло, верх брала либо та, либо другая структура, что явно свидетельствовало о принципиальной их несовместимости» [5].

Данная несовместимость объясняется фундаментальным противоречием между современностью и традиционностью. По словам Д. Муази, «разрыв между Востоком и Западом – это отчасти продукт несовместимых мировоззрений, относящихся к разным историческим эпохам» [6].

Чисто хронологическая ассоциация, связанная с понятиями «современность» и «традиционность», представляется явно недостаточной для характеристики их сущности. Ключевой в данном отношении является, на наш взгляд, конкретная качественная определенность этих категорий. Иными словами, современность и традиционность должны пониматься не просто как обозначение абстрактного времени, а как совершенно определенные субстанции, помимо времени включающие в себя некую совокупность идей, принципов, идеалов, парадигмальных представлений о самых различных сферах и отношениях бытия, т. е. всего того, что обладает непосредственными идентификационными потенциями.

Современность, взятая именно в этом отношении, конструирует свой оригинальный образ мироздания и тем самым конституирует самое себя. Наиболее существенным отличительным моментом современности является то, что внутри нее происходит практически полное совпадение реальной хронологической характеристики бытия, выраженной в конкретной дате (скажем, начало XXI века), и рефлексии наличествующей ситуации как ситуации по преимуществу идеальной, совершенной. Смысловое мировоззренческое ядро современности как качественной определенности бытия в целом имеет фундаментальный и субстанциональный характер, хотя и не до такой, по существу абсолютной, степени, как в рамках традиционности. Эта неабсолютность и только относительная идеальность современности, на самом деле, весьма существенна, она оставляет возможность для реализации культурной автономии субъекта. Действительно, «субъект современности» не рефлектирует объективное содержание мира культуры как нечто абсолютное и не обнаруживает в нем того идеала, перед которым непременно следует поклониться и отождествить себя с ним. Процесс

самоидентификации в данном случае может быть максимально произвольным.

Основной существенной характеристикой традиционности является несовпадение между реальной хронологической датировкой истории и качественной определенностью традиционности как некой абсолютно идеальной и совершенной субстанции. Идеальной и совершенной традиционность была в прошлом, когда сложились классические (как правило, религиозно детерминированные) формы и способы жизнедеятельности, когда был сконструирован тот образ мироздания, который конституирует традиционность в любой момент исторического времени. В этом смысле идеи, сформулированные несколько тысячелетий назад, могут реально детерминировать жизнедеятельность в первом десятилетии XXI века, служить в качестве общеобязательных ориентиров в процессе самоидентификации. Соответственно, важнейшее значение приобретает история, которая понимается не столько как совокупность событий, пусть значимых для настоящего, но уже отошедших в прошлое, сколько в качестве самого настоящего, одновременно и средства для увековечения достигнутого и полностью осуществленного идеала, и субстанции этого идеала как такового.

Б. Льюис иллюстрирует данный тезис применительно к восприятию истории в исламском мире: «История важна для всех людей, но мусульман отличают особое внимание к ней и глубокое осознание ее значимости <...> На исламском Ближнем Востоке и по сей день можно наблюдать за яростными спорами и даже ожесточенными раздорами по поводу того или иного события, случившегося сотни, а то и тысячи лет назад, – о его сути, степени важности и значении для современных условий» [7].

По существу, история вообще перестает быть хронологической субстанцией, она превращается в хронологически нейтральную сущность, определяемую по преимуществу аксиологическими, идейными, метафизическими категориями, в строгом соответствии с которыми осуществляется конструирование мира культуры на субъектном уровне. Как следствие, реализация культурной автономии субъекта в традиционалистских цивилизациях априори обречена на провал, поскольку их цивилизационный идеал уже давно достигнут и полностью присутствует в «ситуации на данный момент», и главнейшая идентификация, основной акт самоотнесения касается именно этого идеала.

Особенно очевидным это обстоятельство становится в условиях конфликта цивилизаций, когда любые другие способы идентификации, кроме самоотнесения себя с фундаментальной идеей цивилизации в ее классической форме, становятся недостаточными. В этой ясности идентификации, когда традиционность в готовом виде предоставляет индивиду те идеи и принципы, с которыми он себя отождествляет, состоит одна из важных отличительных черт традиционалистских цивилизаций. Действительно, традиционность как субстанция, обладающая конкретной качественной определенностью, носит заверченный и абсолютный характер. Она подобна монадам Лейбница, заклю-

чающим в себе всю Вселенную. Традиционность уже целиком содержит в себе и смысл, и цель своего существования. Традиционность – это бытие, а не становление. Время с его категориями прошлого – настоящего – будущего играет здесь лишь привходящую роль.

В сущности, идея традиционности совпадает с идеей истории. И та, и другая выступают в качестве смысловых субстанций, а не хронологических определенностей. Историческое развитие только до известного момента – момента формирования идеала традиционности – имеет выраженный характер средства. После окончательной «канонизации» идеала история превращается в вечную истину для новых поколений индивидов. В то же время эта предельная определенность выступает в качестве своего рода необходимого предназначения каждого отдельного субъекта, не оставляя ему возможности осуществить личностный выбор на основе внутренней свободы и отсутствия внешних регламентирующих ограничений.

В то же время «ситуация на данный момент» никогда до конца не абсолютна. Прошлое было лишено идеала, настоящее его содержит, но не целиком – отсюда огромное значение приобретает будущее, которое, однако, всегда бывает достаточно туманным. По этой причине для индивида современности характерны существенные проблемы с идентификацией. Кроме того, если ценности традиционалистских цивилизаций абсолютны, поскольку проистекают из реально существующего идеала, то ценности современной цивилизации все же относительны, поскольку идеал, из которого они должны произрастать, неопределенен в самом себе, он только ищет свою окончательную абсолютную форму. Соответственно, история все время рефлектируется как средство для достижения идеала современности, т. е., по сути, вся предыдущая история признается неудовлетворительной, поскольку там нельзя этот идеал отыскать и невозможно мыслить саму историю как достаточное основание для понимания ценностей современности в качестве абсолютных. Но именно эта аксиологическая неабсолютность, как уже было отмечено, выступает необходимым условием реализации культурной автономии субъекта.

С этим аксиологическим моментом связано наиболее важное основание противоречия между современностью и традиционностью. Именно в его контексте лучше всего просматривается связь данного противоречия с конфликтом цивилизаций, который есть, прежде всего, конфликт между фундаментальными жизнеопределяющими ценностями различных культурно-цивилизационных систем. «Человек может до определенной степени бороться с пространством, но не со временем. Традиционные социокультурные ценности, основанные на приоритете нации, религии, семьи, формировались тысячелетиями. Сегодня глобальные трансформации не могут разрушить эти ценности так же стремительно, как проникает в эти сообщества автомобиль, компьютер и Интернет» [8], – утверждают К. Делокаров и И. Подзигун.

Добавим, что, на наш взгляд, эти ценности неразрушимы вовсе именно потому, что они фундируются на основе достигнутого цивилизационного идеала, реализуемого в жизненном мире каждого конкретного субъекта на протяжении всей его жизни. Разумеется, чаще всего это происходит бессознательно, партикулярный человек вполне может не отдавать себе отчета в том, что живет генетически усваиваемой истиной идеала той культурно-цивилизационной системы, к которой он принадлежит. Никакие техногенные блага, предлагаемые современностью, не способны выхолостить из существа человека традиционалистской цивилизации архетипического миропредставления, обусловленного его (человека) цивилизационным происхождением. Данный тезис находит эмпирическое подтверждение в современной истории многих традиционалистских стран и цивилизаций, которые, вроде бы серьезно увлекшись идеями вестернизации и даже кемализма, спустя некоторое время с негодованием отвергали эти идеи и возвращались в лоно своих привычных представлений и практик.

В качестве способа преодоления дисбаланса между современным и традиционным может рассматриваться теория и практика модернизации. Этой проблеме существенное внимание уделяет С. Хантингтон, понимая, что именно здесь расположена одна из важнейших «точек», определяющих динамику и в какой-то степени причины конфликта цивилизаций. По его мнению, отторжение традиционалистских обществ от всех тех интегрирующих и унифицирующих тенденций, которыми изобилуют глобализационные процессы, «связано с безнадежной задачей изолировать общество от охватывающего его современного мира». С другой стороны, «кемализм связан с трудной и болезненной задачей уничтожения культуры, которая просуществовала на протяжении веков, и установления на ее месте совершенно новой культуры, импортированной из другой цивилизации». Наконец, «третий выбор – попытка скомбинировать модернизацию с сохранением центральных ценностей, практик и институтов родной культуры общества» [9].

Крупный исследователь данной проблемы Б. Ерасов также выделяет три основных варианта взаимодействия традиционности и модернизации. Первый – это «симбиоз прежнего достоинства и заимствований», предполагающий минимальное воздействие, при котором поддерживается относительно независимое сосуществование традиционного и современного. Второй вариант предполагает ситуацию противостояния между модернизацией и традиционностью, в результате чего происходит распад традиционности и кризис традиционной культуры под воздействием имитаторской модернизации, вызывающей ответную реакцию протеста. Третий вариант – это «синтез наследия и заимствований», предполагающий сочетание лучшего из обоих миров [10].

По нашему мнению, на сегодняшний день в мировой практике модернизации в наибольшей

степени реализуется именно второй из предложенных вариантов. Однако следует подчеркнуть, что происходит, скорее, не распад традиционности, а, напротив, еще большая ее консервация. Столкнувшись с реальной угрозой утраты культурно-цивилизационной идентичности, многие восточные страны с еще большей решимостью подчеркивают свою самобытность, генетическую связь со своей многотысячелетней историей. Тот же Б. Ерасов отмечает, что «самобытность в сочетании с принципом эндогенности стали ключевым началом для выявления сущности тех процессов, которые развертываются в ходе модернизации, для оценки их адекватности и перспектив» [11].

К тому же выводу приходит и С. Хантингтон, который отмечает, что хотя «изначально модернизация и вестернизация тесно связаны и незападные общества, впитывая значительные элементы западной культуры, достигают прогресса на пути к модернизации», все же «с увеличением темпов модернизации удельный вес вестернизации снижается и происходит возрождение местных культур». Отсюда делается вывод о том, что «дальнейшая модернизация <...> изменяет цивилизационный баланс власти между Западом и незападным обществом и усиливает приверженность местной культуре» [12].

Столь парадоксальный эффект модернизации, заключающийся не в ожидаемом и вроде бы логичном ослаблении традиционности как таковой, а, напротив, в ее усилении, можно объяснить тем, что традиционность как идеальное воплощение реальной исторической действительности относится к прошлому. По этой причине все последующее историческое развитие рассматривается как деградация, а сама идея развития (модернизации) воспринимается негативно (хотя и происходит использование ее результатов в жизненной практике), так как предполагается, что чем дольше будет развиваться история, тем больше деструктивных моментов будет имплантировано в идеальную качественную определенность традиционности.

Если для современности абстрактное протекание времени и происходящее внутри него развитие делают идеальное и совершенное еще более идеальным и совершенным и время, разумеется, воспринимается как вечный союзник, то традиционности приходится постоянно бороться со временем, преодолевать или каким-то образом усваивать новые моменты, неизбежно привносимые модернизационным развитием. Стоять на позиции тотального неприятия перемен не представляется возможным, поскольку мир, становясь взаимозависимым и единым, предполагает в качестве важнейшего момента своего бытия конкуренцию между различными культурно-цивилизационными системами. В этой конкурентной борьбе могут выжить только те цивилизации, которые обла-

дают всей совокупностью новейших технологий и средств жизнедеятельности. По этой причине традиционалистские цивилизации вынуждены идти в ногу со временем, становиться в какой-то мере современными, включаясь в процессы модернизации, а иногда и вестернизации. Тем не менее субстанциальная основа традиционности, как правило, остается неизменной и продолжает выполнять функцию основного идентификатора для подавляющего большинства субъектов традиционалистских цивилизаций.

Таким образом, очевидно, что между современностью и традиционностью существует субстанциальное противоречие, которое объективируется на индивидуальном уровне и определяет возможности реализации культурной автономии субъектов, принадлежащих к различным культурно-цивилизационным системам. Кроме того, дифференциация данных систем, несомненно, осуществляется по линии «современность – традиционность», и именно эта дифференциация не только определяет деление цивилизаций на современные и традиционные, но и выступает сегодня существенным основанием глобального междоцивилизационного конфликта.

Литература

1. Делокаров К. Х. Открытость глобализации и перспективы цивилизации // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М., 2005. С. 5.
2. Богатуров А. Д. Философское осмысление международной политики: философия международных отношений: есть или должна быть? («Круглый стол») // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 56.
3. Баталов Э. Я. Предмет философии международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 7.
4. Аба аль-Хейль М. Эгоизм силы // Россия в глобальной политике. 2003. № 1. С. 102.
5. Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 104–105.
6. Муази Д. Конфликт эмоций // Россия в глобальной политике. 2007. № 1. С. 11.
7. Льюис Б. Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. 2005. № 3. С. 152.
8. Делокаров К. Х., Подзигун И. М. Глобализация и социально-философская мысль // Глобализация и философия. М., 2001. С. 53.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 105.
10. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002. С. 386–402.
11. Там же. С. 379.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций ... С. 107–108.

B. V. AKSYUMOV. MODERNITY AND TRADITIONALISM IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL CONFLICT

The article deals with the fundamental ideological contradiction between modernity and traditionalism as basic differentiating principle that determines the situation of global conflict of civilizations in contemporary world.

Key words: *civilizational conflict, culture, identification, modernity, traditionalism, modernization.*

М. Е. ПОПОВ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНФЛИКТОВ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье исследуются конфликты идентичностей в сфере региональной безопасности и природа ценностных конфликтов, выявляется специфика региональных этнополитических конфликтов, охвативших Россию и посттрадиционный мир.

Ключевые слова: конфликт идентичностей, кризис идентичности, культурная идентичность, безопасность, этнокультура.

Специфика современных этнополитических противоречий заключается в том, что они протекают на фоне затяжного кризиса культурных идентичностей, охватившего современный мир. Идентификационный кризис современности связан с поиском новых смыслов развития человеческой цивилизации в атмосфере эскалации конфликтов идентичностей. Конфликтная идентичность констатирует осознание консолидации ценностей в ситуации конфликта с «иными» (осознаваемыми в качестве «чужих») ценностными и идеологическими системами.

На Северном Кавказе как стратегически важном макрорегионе России, включенном в противоречивые и взаимообусловленные процессы глобализации и регионализации, деэскалация конфликтов идентичностей становится важнейшей составляющей системы национальной и региональной безопасности. Этнополитическая конкуренция как идеологический фактор конфликтов идентичностей принимает здесь характер конструирования новых культурно-политических пространств, выдвижения альтернативных проектов религиозного фундаментализма, этнонационализма и регионогенеза, строительства конфликтных идентичностей. В этой связи важным становится рассмотрение региональной безопасности Северного Кавказа как полиэтнического макрорегиона России в социокультурном аспекте (в контексте защиты коллективной идентичности), а политики идентичности – в аспекте реализации системы общественной безопасности, поскольку институционализация позитивного идентификационного проекта предопределяет успешное развитие любых социальных систем в новом веке.

В северокавказском регионе угроза дестабилизации социальных институтов вследствие актуализации конфликтов идентичностей напрямую связана с проблемой общественной безопасности, составными частями которой являются национальная и региональная безопасность. Общественная безопасность как защищенность гражданского общества формируется в период

структурных трансформаций, когда в социальной системе происходят амбивалентные процессы конфликта и консолидации макрополитических идентичностей. Способность к консолидации придает коллективной идентичности репродуктивный характер, однако конфликтующие идентичности могут служить основой макрополитических и социальных трансформаций, ведущих к распаду общегосударственной идентичности. Атрибутами конфликтов идентичностей являются иррациональность и субъективность: экзистенциальный опыт конфликтующих сторон формируется субъективно интерпретируемой социальной реальностью и мифологизированным этнополитическим контекстом.

Общественную безопасность национально-государства в сфере политики идентичности можно определить как защищенность от этнополитических и цивилизационных столкновений коллективной идентичности этнических и социальных групп, транслируемой в виде жизненно важных смыслов и ценностей общества в целом. Региональная безопасность в контексте защиты этнокультурной и гражданской идентичности является базовой частью национальной и общественной безопасности и обусловлена актуализацией на региональном уровне геополитических угроз и вызовов макросоциальной идентичности.

Обеспечение общественной безопасности в этнополитическом и идентификационном пространстве российских регионов и конфликтогенного Северного Кавказа – это целерациональная деятельность институтов государства, всего общества и каждого гражданина, направленная на формирование и защиту и российской макро-социальной идентичности, и мультикультурной полиэтничности в условиях конфликтов конкурирующих ценностных проектов. Политика безопасности, направленная на защиту и реализацию коллективной идентичности, т. е. политика макроидентичности, представляет собой систему целенаправленных действий, формирующих на макрополитическом уровне позитивную идентичность россиянина-гражданина как активного и самоопределяющегося социального актора.

Безопасность России в новом веке, устойчивое развитие ее регионов становятся заложниками глобальных опасностей и тенденций, с которыми посттрадиционный мир начал новое тысяче-

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Конфликтологические сценарии Юга России и обеспечение региональной и национальной безопасности в сфере межэтнических отношений», реализуемого при поддержке Грантов Президента Российской Федерации. Грант МК-6378.2008.6.

летие, – конфликтов идентичностей. Последние имеют многофакторную аксиологическую природу, в которой этнополитические и этнорелигиозные идентичности становятся гиперконфликтно-генными.

Конфликты идентичностей в посттрадиционном плюралистическом мире субстанциально связаны с сопротивлением интеграции развивающихся стран в глобальную систему новых транснациональных сообществ. Международная интеграция в целях безопасности развивающихся государств теряет свою силу в результате конфликтных этнополитических процессов как реакции на возникновение и доминирование транснациональных пространств, а также системных процессов в государствах благоденствия. Безопасность западных посттрадиционных государств базируется на динамичной социокультурной основе – безопасности в сфере идентичности, которая может трансформироваться в результате столкновения ценностей, исчезновения горизонтальной солидарности и кризиса легитимности патерналистской государственности, что на макросоциальном уровне сопровождается возникновением транснациональных и надэтнических идентичностей.

Мотивы участия гражданина и социальных групп в конфликте идентичностей будут во многом влиять на перспективы исхода конфликта; ради удовлетворения своих материальных интересов обычный человек вряд ли станет сознательно рисковать жизнью. Но имеется немало случаев, когда участие людей в конфликтах имеет выраженный ценностный характер именно жертвенности, а не неизбежного риска; иногда готовность нести жертвы ради каких-либо возвышенных идеалов четко осознается или вербализуется участниками конфликтов идентичностей. Так, рост этнической конфликтности в российских регионах происходит в том случае, когда этническая группа склонна воспринимать себя как жертву ценностных притязаний со стороны иных этнорелигиозных и этнополитических групп, т. е. в случае актуализации этнического неравенства в массовом сознании. Дж. Бертон рассматривает идентичность как одну из базовых потребностей человека. Угроза идентичности, по его мнению, воспринимается человеком или общественной группой как одна из основных угроз собственной безопасности. Более того, Бертон в качестве ключевых выделяет две коррелятивные потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности, рассматривая остальные как потребности второго уровня [1].

Конфликтная идентичность в современной России как затяжная реакция на распад советской является следствием амбивалентности постсоветского общественного сознания и утраты позитивной идентичности в результате глубоких социальных, политических и этнонациональных катаклизмов, политизации этничности, а также целенаправленной критики советской идентичности в 1990-е годы. Вышеназванные факторы способствовали формированию «деформированной» личности, утратившей культу-

ру, ценности, жизненные ориентиры, стандарты поведения, «базисную систему безопасности». «“Размывание” привычных способов деятельности, вызванное повышенным уровнем тревожности, не контролируемым базисной системой безопасности, – пишет Э. Гидденс, – представляется нам характерной чертой критических ситуаций. В повседневной социальной жизни акторы мотивированы на поддержание тактичных форм поведения» [2].

Важно отметить, что целенаправленное формирование макросоциальных гражданских идентичностей в условиях быстроменяющегося посттрадиционного мира является одной из ключевых задач социального управления в современной России и инструментом преодоления этнополитических конфликтов в региональной жизни.

Адекватное выявление механизмов инициации этнополитического конфликта идентичностей и вовлечения в него все новых и новых участников – путь к прогнозированию и раннему предупреждению конфликтов, предотвращению их эскалации. Конфликт идентичностей не всегда укладывается в простые познавательные схемы. Как справедливо отмечает Дж. Ротман, «одним из атрибутов конфликта идентичностей является его “неуловимость”». Другими словами, такой конфликт глубоко субъективен; соперники, оказавшиеся в конфликте идентичностей, иногда сами с большим трудом могут объяснить природу своего соперничества. Когда конфликтующие стороны описывают свои спорные проблемы в категориях истории, событий или значимости, внешнему наблюдателю может показаться, что он слышит различные рассказы. И так оно и есть на самом деле. Субъективный опыт соперников формируется специфической культурной реальностью и историческим контекстом. То, что одной стороне представляется как борьба за свободу, другой – как терроризм» [3].

Понятие «идентичность», став категорией конфликтологии как одной из наиболее динамично развивающихся отраслей мирового обществознания, может дополнить и конкретизировать конфликтологическое понимание российских трансформаций по нескольким направлениям:

- в изучении конфликтогенности легитимирующейся российской идентичности при сохранении постсоветской идентичности;
- в анализе конфликтогенного характера взаимодействия общероссийской, региональной и этнополитической идентичностей как типов макросоциальной идентичности в контексте глобализации и регионализации;
- в исследовании конфликта общероссийской и этнической идентичностей;
- в определении роли идентичности как инструмента стабилизации / дестабилизации общества и обеспечения общественной безопасности.

Конфликтогенность этнополитического пространства России определяется, прежде всего, незавершенностью процесса формирования общероссийской идентичности, ее неустойчивостью, а также непоследовательностью действий

российской политической элиты в этом направлении. Конструирование новой макросоциальной идентичности явно не входило в задачи реформаторов раннего романтического периода постсоветских реформ, достаточным считалось разрушение советской идентичности. Постсоветская идентичность сформировалась в первой половине 1990-х годов и по своей природе могла быть только конфликтной, поскольку она отражала период отхода от одной макросоциальной идентичности (советскости) к другой. Личности с такой переходной идентичностью не могут чувствовать себя тождественными друг другу, конфликты идентичностей в такой обстановке неизбежны.

Интеллектуальная и политическая элиты предлагают два основных варианта цивилизационного развития России: вхождение в мировую цивилизацию на вторых, если не третьих, ролях (как стало очевидным к середине первого десятилетия XXI века) или «цивилизационное одиночество», ориентация на особую российскую цивилизацию, в которую войдут еще несколько сопредельных социокультурных пространств и в которой Россия будет сохранять системообразующие позиции. В политическое поле активно вовлекается идея неоевразийства как вариант этой модели. Одновременно существуют другие векторы строительства макросоциальной идентичности (макрорегиональная идентичность, ориентация на новые региональные центры развития, этнополитическая и этноконфессиональная идентичности), представляющие собой серьезную угрозу общероссийской идентичности.

Множественный (плюралистический) характер идентичности – явление естественное и достаточно исследованное. Важным является то, что вышеперечисленные типы идентичностей являются конкурирующими. Если этнополитические идентичности в современной России – свершившийся факт, то общероссийская и региональные идентичности – это еще не реализованные проекты, не позволяющие современному россиянину осознать свое место в меняющемся мире. Особую проблему в этом ряду приобретает конструирование региональных идентичностей. Этот тип макросоциальной идентичности не является краеугольным в социокультурной ориентации человека, между тем в постсоветский период он неоднократно выступал объектом манипуляции со стороны «этнических антрепренеров».

Еще один конфликтогенный аспект множественной макросоциальной идентичности – взаимодействие с идеологией глобализма. Этот процесс имеет выраженные внутривнутриполитические аспекты: нарастание противоречия между несколькими успешно модернизирующимися регионами России, прежде всего Москвой и Санкт-Петербургом, и «остальной Россией»; углубление противоречия «центр – периферия»; превращение «точек роста», соответствующих идеологии второй половины 1990-х годов, в анклавное развитие в регионах, вызывающее дополнительное социальное напряжение.

Конфликт общероссийской и региональной идентичностей, становление этнополитических идентичностей и реализация концепции «этнической правосубъектности» в постсоветский период привели к необходимости согласования двух пластов макросоциальной идентичности – общегосударственной, надэтнической, цивилизационной, с одной стороны, и этнополитической, этнорелигиозной, этнокультурной – с другой. При этом последняя функционирует в современном российском обществе не столько в социокультурном контексте, сколько в политико-правовом.

Актуализация и конфликт этнополитических идентичностей в России в последние годы – свершившийся факт, позволяющий говорить о феномене реполитизации этничности [4]. Для преодоления гипертрофированности этнополитических идентичностей в современной России реанимируется идея гражданской нации. Она ориентируется на позитивные западные патерны и учитывает противоречивый социокультурный опыт советскости как репрессивной формы надэтнической идентичности, что может стимулировать становление актуальной гражданской идентичности, в которой действительно нуждается российское общество.

Важно отметить, что в 1990-е годы трансформация советскости не носила линейного и однозначного характера: в постсоветское десятилетие происходила латентная кристаллизация социокультурных элементов советской идентичности. Реставрационная ностальгия в новом веке – это поиск в советском прошлом стабильности и безопасности, которой нет в настоящем; это утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое. В современной России эта ностальгия политизируется, превращаясь в социально-политический инструмент для конструирования российской идентичности.

Российская идентичность вбирает в себя значительную часть «архивного» советского наследия: многие россияне склонны судить о современности и оценивать тенденции развития страны с позиций советского жизненного опыта. Для большинства граждан и властной элиты России именно советский период определяет «всемирно-историческую значимость» достижений страны: в повседневном человеческом общении и в самоидентификации власти практически все, что составляет предмет «культурной гордости», относится именно к советской эпохе. При этом современная российская власть должна помнить, что советская империя была репрессивным компромиссом интересов «центра» и «окраин».

По мере заявленного российской властью продвижения к нормативной демократии значимые элементы советской идентичности не только не исчезли, но, наоборот, укоренились в массовом сознании российских граждан. Об этом свидетельствуют образ жизни и повседневность большинства россиян, которые практикуют наряду с западным гражданским стилем прежний советский патерналистский стиль взаимодействий, и иден-

тичность российских граждан, принимающих конформистские, а вовсе не активистские и индивидуалистские образцы поведения. Особенности социально-политических предпочтений российских граждан, определяющих будущее «российскости», в начале нового века свидетельствуют о негативной реставрации характерных для советской эпохи имперских идентификационных ориентаций и стремлении к эклектичному синтезу советскости и новой российской идентичности.

В XXI веке российская гражданская идентичность может успешно сформироваться в рамках позитивно окрашенной социальной картины мира. Для этого необходим воспринятый большинством общества и обращенный в будущее социальный проект гражданской мультинации, контуры которого современная российская политическая элита лишь начала формировать [5]. Программы улучшения положения дел в социальной сфере, предложенные в 2005 году и обозначенные «национальными проектами», безусловно, важные сами по себе, могут претендовать не более чем на статус проекта создания социального государства и вряд ли способны обеспечить становление позитивных автостереотипов россиян. Обозначение этих программ национальными проектами существенно девальвирует саму идею национального проекта, столь необходимую для формирования современной российской идентичности. Фактически мы имеем дело с «понижающей идентификацией» [6].

При обсуждении вектора российской идентичности необходимо учитывать следующее. Во-первых, современная макросоциальная идентичность – это политический проект, содержание которого в значительной степени определяется системой общенациональной безопасности и политической конфигурацией мира. Во-вторых, если понимать под цивилизационной культурную, а не идеологическую идентичность и в качестве основы российской культуры принять русскую, то российскую цивилизацию можно рассматривать как периферийную часть западной цивилизации. Периферийный характер российской цивилизации не должен восприниматься как признак ее ущербности. Это не более чем констатация ее положения в социокультурном пространстве. Такое положение имеет как недостатки, так и преимущества, которые во многом носят исторический характер. В-третьих, обсуждая идентификационный проект строительства гражданской нации в России, нельзя далее отрицать тот очевидный факт, что центр экономического развития современного мира медленно, но неуклонно перемещается в Азию. В этой ситуации периферийное положение России на стыке евро-

пейского и азиатского миров создает дополнительные для нее транснациональные преимущества. В-четвертых, превращение этнотерриториальных конфликтов в конфликты идентичностей после окончания «холодной войны» убедительно показало недопустимость и невозможность ориентации на изоляционизм, автаркию той или иной социокультурной системы, именуемой цивилизацией [7].

Стратегия обеспечения общественной и региональной безопасности в сфере коллективной идентичности на Северном Кавказе и в России в целом должна включать комплекс мероприятий, направленных на конструирование, воспроизводство и трансляцию позитивной надэтнической идентичности, синтезирующей гражданские и этнокультурные ценности. В контексте общественной безопасности и безопасности Юга России можно выделить такие направления формирования коллективной идентичности, как развитие и укрепление общего гуманитарного пространства стран СНГ и Евросоюза в качестве основы легитимации региональных макроидентичностей в условиях конкурирующих цивилизационных и геополитических проектов; разработка и широкое обсуждение новых национальных проектов, в которые действующие национальные проекты были бы инкорпорированы в качестве составляющих элементов; разработка мегапроекта Юга России и стратегии безопасности макрорегиона с целью решения конкретных задач наиболее проблемного региона России, а также формирования в общественном сознании образа Северного Кавказа как одной из основ коллективной гражданской идентичности.

Литература

1. *Burton J.* Conflict Resolution: Its Language and Processes. Lanham, Md, & London, 1996. P. 35.
2. *Гидденс Э.* Устройство общества: очерк теории структуры. М., 2003. С. 116.
3. *Rothman J.* Resolving Identity-Based Conflicts. San Francisco, 1997. P. 42.
4. *Авксентьев В. А.* Северный Кавказ: реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития // *Обозреватель. Observer.* 2006. № 7. С. 19–27.
5. *Авксентьев В. А., Попов М. Е.* Макросоциальные идентичности в России XXI века: конфликтность и векторы развития // *Обозреватель. Observer.* 2006. № 8. С. 206–217.
6. *Гудков Л.* Негативная идентичность. М., 2004. С. 285.
7. *Попов М. Е.* Идентификационная безопасность России – способ предотвращения межэтнических конфликтов // *Социально-гуманитарные знания.* 2008. № 4. С. 98–105.

M. E. POPOV. ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF IDENTITY-BASED CONFLICTS IN CONTEMPORARY WORLD

The article is dedicated to the identity-based conflicts in the sphere of regional security, essence of value conflicts and the specificity of ethno-political conflicts spread all over the post-traditional world and Russia.

Key words: identity-based conflict, identity crisis, cultural identity, security, ethnoculture.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА ПРОЕКТИРОВАНИЮ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ СРЕДСТВАМИ ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА

В статье представлено комплексное исследование основных принципов создания рекламных изображений средствами графического дизайна, показаны отдельные аспекты содержания профессиональной подготовки будущих дизайнеров с позиций оптимальных путей создания проектного образа в процессе проектирования рекламных изображений.

Ключевые слова: дизайн, проектный образ, рекламные изображения, средства графического дизайна, профессиональная подготовка дизайнеров.

Качественный уровень профессиональной подготовки будущих дизайнеров обусловлен комплексным сочетанием научно-теоретических знаний в области методологии дизайн-проектирования и специфических для данной профессии умений и навыков, формирующихся в ходе создания творческих дизайн-проектов. Технология профессиональной подготовки специалистов в области графического дизайна должна быть основана на глубоком понимании обучающимися психологии восприятия любых графических, в том числе рекламных, изображений. Важно также знание принципов создания эффективной графической подачи дизайн-проекта.

Рекламное воздействие на личность потребителя предполагает взаимосвязь сознания и сферы бессознательного в психике и поведении человека. В ходе проектирования любых объектов графического дизайна необходимо учитывать специфику зрительных процессов. Механизм создания целостного образа путем восприятия объекта в различных условиях интересовал многих ученых. Описание особенностей его структурирования мы находим в трудах Л. М. Веккера, В. И. Катрана, М. С. Шехтера, А. Л. Ярбуса, А. В. Запорожца, Е. Н. Соколова и др.

Согласно экспериментальным исследованиям психофизиологов и психологов, в процессе проектирования объектов графического дизайна в рекламе необходимо учитывать следующие факторы:

– допустимый уровень перцептивной сложности рекламных изображений, превышение которого затрудняет процесс опознания объекта графического дизайна;

– результаты исследования подпорогового применения стимуляции, которые могут быть использованы при проектировании объектов графического дизайна;

– многослойность структуры бессознательно-го, участвующего в формировании результатов восприятия рекламных изображений (перцептивные компоненты изображения, его символические, религиозные, мифологические составляю-

щие на уровнях психоидного, индивидуального или коллективного бессознательного);

– необходимость символической формы предьявления визуальной информации, использования мифологии и религиозных верований в дизайнерских проектах;

– эмоциональную окрашенность изображения;

– величину поля восприятия рекламного изображения, обуславливающую различия в восприятии буквенно-цифровой и художественно-символической информации;

– предпочтительность раздельного композиционного размещения художественно-символических и буквенно-цифровых элементов рекламы, связанную с участием в восприятии соответственно бессознательной сферы психики и сознания;

– особенности неосознаваемых цветовых предпочтений потребителей, специфику цветового символизма, влияние на психику контраста взаимодополнительных цветов и др.;

– представление в визуальной рекламной информации сведений о возможной реализации наиболее значимых нужд потребителей;

– возможность использования элементов нейrolингвистического программирования в процессе разработки структуры рекламной композиции на основе включения в изображение определенных зрительных символов (вербально-визуальных, зрительно-семантических конструкторов, воздействующих на подсознание потребителя) [1].

Разработка графической композиции дизайн-проекта с учетом его перцептивной сложности, символической подпороговой стимуляции, эмоциональной составляющей, которая воздействует на бессознательную сферу психики, способна повысить эффективность рекламной кампании в целом и сформировать новые предпочтения потребителя рекламируемой продукции. При этом «символ, спровоцировавший перцептивную перестройку, должен быстро и безошибочно опознаваться. Затруднения в опознании рекламы значительно снижают ее эффективность» [2].

Представленные исследования являются предметом научной перспективы и требуют проведе-

ния дополнительных серий экспериментов для внедрения в практику дизайн-проектирования. Это связано с тем, что экспериментальные данные, к сожалению, пока не в полной мере отражают результаты реального восприятия рекламы, в точности воссоздавая идеальные условия экспериментального исследования. В то же время эффективность реальных дизайн-проектов потребитель оценивает в городской среде, совмещающей многообразие разноплановых объектов, на ходу, в движении, в различном психоэмоциональном состоянии.

Поэтому при проектировании рекламных объектов средствами графического дизайна, по нашему мнению, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- загруженность окружающей среды рекламными изображениями;
- структурную сложность и цветовые сочетания графических изображений;
- особенности освещения;
- характеристики групп потребителей рекламы (возраст, гендерные аспекты, национальность, культурные традиции и другие факторы).

Особенно значимым является тот факт, что эффективность проекта в графическом дизайне и рекламе определяется не только перцептивной сложностью и композиционными особенностями изображения, но и содержательной стороной дизайн-проекта. Обучение студентов данной специальности в значительной степени направлено на освоение принципов композиции, изучение элементов фирменного стиля и специфики технического осуществления рекламных дизайн-проектов. Однако особое внимание следует уделить *стилистическим, содержательным и ассоциативным аспектам* создания проектного образа, которые тесно взаимосвязаны.

Для сохранения стилистического единства носителей визуальной информации в графическом дизайне существуют следующие приемы:

- выбор одинаковых гарнитур, размера, начертания шрифта;
- соблюдение общей темы и стиля графических или фотоизображений, фотоколлажей;
- использование сходной композиции в размещении изображений;
- предпочтение единой цветовой гаммы (например, в серии плакатов);
- применение сочетания близких цветов.

Следует обращать внимание студентов на то, что содержательный аспект создания проектного образа обусловлен важностью коммуникативных и коммерческих задач, эффективное решение которых может быть достигнуто различными способами.

В процессе работы дизайнер использует различные графические изображения, своеобразный «графический язык». Визуальная информация может быть представлена в виде шрифтовых композиций, пиктограмм, иллюстраций и др. Ассоциативные аспекты создания проектного образа средствами графического дизайна тесно связаны с условиями предъявления визуаль-

ной информации, эффективностью ее воздействия на сознание и подсознание потребителя. Рассмотрим возможности разработки прямого и ассоциативного (опосредованного) образа в рекламе. Проектируемые при помощи средств графического дизайна изображения можно охарактеризовать наличием представленных в них ассоциаций. Ассоциации первого порядка (разделение произведено условно) актуализируются при восприятии «прямого» проектного образа и возникают в большей степени на осознаваемом уровне, а второго и третьего – являются опосредованными и тесно соприкасаются как с сознанием, так и со сферой бессознательного. Поэтому те рекламные изображения, в которых отражен опосредованный проектный образ, мы считаем наиболее эффективными по степени воздействия.

Прямой проектный образ содержит в себе непосредственное изображение рекламируемого объекта и воздействует на сознание. Например, изображение блюд японской кухни или представление на упаковке полуфабрикатов румяных блинчиков способствует решению примитивных коммуникативных задач на начальном этапе рекламной кампании заведения (например, ресторана). Возникновение ассоциаций второго порядка сопровождает начало решения задач иного рода – показать преимущество товара, его отличие от аналогичной продукции других производителей. Например, в проектном изображении подчеркиваются этнические традиции японской кухни, специфика приготовления блюд и т. д. Более сложные рекламные проекты вызывают ассоциации третьего порядка (со стилем жизни, принадлежностью к какому-либо обществу) и активизируют тем самым систему распознавания *своей – чужой*.

Очевидно, что качественные характеристики графического дизайн-проекта – это не единственный критерий покупки товара. Как правило, учитываются не только эффективное применение вербальных и невербальных средств графического дизайна (например, красиво оформленная упаковка йогурта), сведения о свойствах товара (словесная информация – маложирный йогурт), его цена, но и пол, возраст потребителя продукции, его материальные возможности, национальность и другие факторы.

Таким образом, в современных условиях дизайнер должен владеть не только традиционными для своей профессии знаниями, умениями и навыками, но и основами психологии творчества, социологии, защиты интеллектуальной собственности, менеджмента, маркетинга и др.

Литература

1. Веккер Л. М. Психические процессы: в 3 т. Т. 1. Л., 1974; Капран В. И., Капран О. В. Психология и разработка рекламной продукции: учеб. пособие. М., 2008; Капран В. И. Фрагментация стабилизированного образа как средство изучения микрогенеза восприятия // Исследования функциональной структуры исполнительной деятельности. Труды ВНИИТЭ. Эргономика. 1980. № 19. С. 122–

133; *Осгуд Ч.* Перцептивная организация // Хрестоматия по ощущению и восприятию / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и М. Б. Михайлевской. М., 1975. С. 281–296; *Gottschaldt K.* Über den Einfluss

der Einfluss der Erfahrung auf die Wahrnehmung von Figuren // *Psychol. Forsch.* 1926. Vol. 8. P. 261–317.

2. *Капран В. И., Капран О. В.* Психология и разработка рекламной продукции ... С. 62.

S. G. AZHGININ. HIGH-SCHOOL STUDENTS DESIGN TRAINING OF VISUAL ADVERTISEMENT BY MEANS OF GRAPHIC DESIGN

The article is dedicated to the complex research of main principles of advertising images creation by means of graphic design. The article contains some aspects of the maintenance of professional training of the future designers from positions of optimum ways of creation of a design image of advertising drawings.

Key words: design image, advertising images, design, means of graphic design, professional training of designers.

А. В. СКРИПКИНА

ИЗВЕСТНОСТЬ И РЕПУТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА ВУЗА

В статье анализируются факторы известности и репутации, играющие значительную роль в формировании положительного образа вуза культуры и искусств на современном этапе.

Ключевые слова: известность, репутация, профессиональное образование, специалист, организационная культура, имидж, коммуникационная деятельность.

Современная ситуация в России к концу первого десятилетия XXI века предполагает переосмысление сущности и роли университетского образования, возникновение нового взгляда на отношение в сферах *общество – образование – культура*. Это предопределено теми социальными формами, которые Россия заимствует в контексте интернационализации: рыночная экономика, парламентская республика, правовое государство, Болонская модель в образовании и др. В то же время далеко не очевидно, что в изменяющихся условиях российские университеты смогут выполнять уникальную функцию сохранения культуры и исторического опыта через содержание образования. Тем не менее в нынешних условиях чрезвычайно важной проблемой является сохранение традиционных основ общества, самобытности народа и его культурно-исторической неповторимости.

В контексте сохранения духовного наследия велика роль вузов культуры и искусств. Они имеют свою историю, идущую от подвижнического опыта российской интеллигенции по внешкольному образованию и культурному развитию населения дореволюционной России. Петроградский институт внешкольного образования (1918) стал первым вузом культуры. Впоследствии он преобразовался в Политикопросветительный, а затем в институт культуры. Сегодня это Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. Вторым учебным заведением высшего профессионального образования в сфере культуры стал Московский государственный библиотечный институт (1930), который после многократного переименования носит название Московский государственный университет культуры и искусств.

Сейчас в регионах России успешно работают более десяти подобных вузов, имеющих федеральное подчинение, и еще несколько, курируемых местными органами управления.

На современном этапе вузы культуры и искусств представляют собой особый тип учебного заведения, объединяющего такие современные направления профессиональной подготовки выпускников в сфере культуры, как библиотечно-информационное и издательское дело, книгораспространение, различные виды и жанры народного художественного творчества, специальности искусства, социально-культурная деятельность, современные формы менеджмента и др. Многообразие специальностей вузов продиктовано особенностями сферы современной культуры. Обеспечивая потребности отраслевых учреждений, органов управления культурными процессами на всех уровнях, современный вуз диверсифицирует подготовку кадров. Высшие учебные заведения с аналогичной специализацией открыты сегодня во многих регионах России, во всех странах СНГ и в ряде стран дальнего зарубежья.

Современное развитие вузов культуры и искусств в России достигло нового состояния, которое проявляется как во внешнем позиционировании, так и во внутрисистемном развитии. Реформирование высшего профессионального образования ориентировано на смену его целевых установок, внедрение многоуровневой системы. Последняя обеспечивает решение следующих задач: осуществление индивидуального выбора содержания и уровня получаемого образования и профессиональной подготовки, удовлетворяющей интеллектуальные, социальные и экономические потребности личности; получение специалиста в

короткие сроки с затребованными квалификационными характеристиками; наиболее полная реализация научного потенциала профессорско-преподавательского состава.

Востребованность специалистов данного профиля объясняется рядом причин. Во-первых, в России устойчиво функционирует модель культурной политики, которая позволяет осуществлять финансовую поддержку подготовки специалистов для отрасли культуры. Во-вторых, продуманная организация учебного процесса дает возможность эффективно использовать выделяемые средства. В-третьих, подобные вузы являются мощными центрами культурной жизни, особенно это ощущается в регионах, где они вызывают к жизни новые культурные инициативы, формируют культурные интересы и потребности населения, во многом определяют социально-культурную среду его жизнедеятельности.

Велика роль известности и репутации образовательного учреждения для продвижения целевых установок высшего образования сферы культуры и искусств, в основе которых находится четко выстроенная, глубоко осмысленная организационная структура учреждения. Известно, что понятие «репутация» (фр. *reputation*) представляет собой обобщенную характеристику, общественную оценку, сложившееся мнение о достоинствах и недостатках. В основе известности, как правило, находится репутация учреждения, сложившаяся на базе формальных и неформальных мероприятий, направленных на развитие имиджа вуза. Репутация Краснодарского государственного университета культуры и искусств, которая создавалась на протяжении более четырех десятилетий, выступает в виде неповторимой архитектоники вуза, определяющей его индивидуальность.

Интерес к изучению организации как культурного феномена восходит к традициям М. Вебера, Т. Парсонса, К. Левина, Ф. Селзника. В работах Ч. Бернарда появляется термин «организационная модель», предвосхитивший понятие «организационная культура». Основной вывод, к которому приходят авторы, заключается в том, что рационально-нормативистские управленческие теории и базирующиеся на них унифицированные методы регуляции трудового поведения и стимулирования мотивации не оправдывают себя на практике. Даже однотипные управленческие воздействия в различной организационной среде вызывают разные поведенческие реакции, а способы и методы управления во многом определяются традициями и культурными особенностями. Однако различие в понимании истоков формирования и сущности организационной культуры нашло отражение во множестве трактовок этого понятия. Оно было предметом внимания И. Ансоффа, Т. Питерса, Г. Саймона, Е. Шейна [1]. Содержание термина «организационная культура» можно установить через ряд следующих его определений:

– система оценок и представлений, разделяемая членами организации, позволяющая получить представление о ситуации;

– набор ценностей, образцов поведения, определяющих символов, установок и принятых способов целедостижения, которые отличают данную организацию от остальных;

– совокупность базовых представлений, которые данная группа изобрела, обнаружила или достигла в результате попыток адаптироваться к внешней среде или решать задачи, связанные с обеспечением внутренней интеграции; позиции, достаточно хорошо зарекомендовавшие себя, признанные этой группой целесообразными;

– философия, идеология, ценности, нормы, которые связывают членов организации в единое целое;

– целостная система, существующая для придания смысла не только результату, но и процессу деятельности, для создания форм взаимодействия и существования;

– базовый набор представлений, взглядов и внутренних правил, которые постоянно направляют поведение на рабочем месте;

– ценности и представления, которые определяют содержание отношений организации с окружающей средой.

Исходя из изложенных трактовок, можно говорить о том, что, с одной стороны, организационная культура рассматривается как атрибут организации, а с другой – как обозначение ее сути.

Вместе с тем совокупность базовых представлений образует «культурную парадигму» организации [2]. Это понятие, как известно, включает отношения со средой, представления о повседневной жизни, о природе человека и его деятельности.

В отечественной практике фундаментальными исследованиями в области организационной культуры являются труды Л. Е. Гурина, Н. А. Лобанова [3]. В основе концепций отечественных ученых лежат принципы формирования и проявления ментальности. По определению психологов, менталитет – это такая совокупность принятых и одобренных обществом взглядов, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает данную человеческую общность от других. Однако источники и факторы формирования менталитета не имеют однозначного определения, ученые приводят разный их состав.

В сфере образовательных учреждений организационная культура несет отпечаток ярко выраженных положительных черт российской национальности. Как правило, в системе высшего профессионального образования приоритет принадлежит таким факторам, как требование духовного совершенствования, высокого самосознания, коллективизма, справедливости, взаимоуважения.

Известность и положительная репутация в области формирования позитивного имиджа имеют в основе следующие принципы:

– ценности, которые определяют нововведения, должны быть адекватны формам внешнего поведения, не приводящим к конфликту между собственно ценностями и установками членов организации;

– при планировании надлежит учитывать стратегию развития организации, целесообразность глобальных изменений; руководящему персоналу важно понимать, какие структуры должны быть вовлечены в этот процесс;

– необходимо рассматривать возможность влияния на коллектив неформальных лидеров, которые воздействуют на поведение членов организации и ее субъектов на различных этапах иерархии;

– важно принимать во внимание историю организации;

– следует стремиться выработать обоснованные ориентиры, притягательные для всех членов организационной структуры.

Следовательно, от известности и репутации зависит создание позитивного имиджа вуза, что позволяет успешно пребывать на рынке образовательных услуг, который за последнее время в Краснодарском крае вырос многократно. Система высшего профессионального образования на Кубани насчитывает 140 вузов: 12 государственных, 1 муниципальный, 22 негосударственных, а также 106 филиалов. Кроме того, на территории края действует 50 представительств вузов.

Нижеприведенная таблица свидетельствует о темпах развития высшего профессионального образования в Краснодарском крае (табл. 1).

Как свидетельствует представленная информация, в регионе произошел существенный рост числа высших учебных заведений. Сам по себе этот процесс не может рассматриваться однозначно. С одной стороны, открытие вузов и филиалов способствует повышению образовательного уровня населения, максимальному приближению вузов к периферии, помогает в решении проблем занятости населения, обеспечивает дополнительный заработок преподавателям, получение внебюджетных средств для развития вузов. С другой стороны, очевидна жесткая конку-

рентная борьба за образовательное пространство, за каждого абитуриента, за каждый бюджетный рубль. Отметим, что более половины всех филиалов Краснодарского края приходится на долю региональных вузов. Причем 1/3 из них составляют государственные вузы.

В условиях широкого выбора образовательных услуг возрастает интерес к известности и репутации вуза. Сложившаяся ситуация значительно повлияла на качественные запросы к образовательному процессу. Абитуриенты и студенты интересуются котировкой вуза среди ему аналогичных, уровнем профессионального образования. Как показывает опыт, обучающиеся предъявляют высокие требования к квалификации преподавательского состава, что возможно при наличии профессионалов высокого уровня – докторов и кандидатов наук, имеющих большой опыт практической работы, авторитетных специалистов в сфере своей деятельности. В настоящий момент в вузах Краснодарского края складывается следующая ситуация по обеспеченности образовательных учреждений профессорско-преподавательским составом (табл. 2).

Абитуриенты, как правило, весьма не безразличны к ситуации, которая складывается на рынке труда. Наибольшим спросом пользуется ограниченное количество приоритетных специальностей, рейтинг которых отражает социальные процессы в обществе, показывает престижность одних и низкую популярность других профессий. Растет конкуренция, выживают те, кто может гибко реагировать на информацию в данной области, запросы общества, сочетая их с высоким уровнем потребностей личности.

Краснодарский государственный университет культуры и искусств на рынке образовательных услуг является единственным вузом в данной отрасли Южного федерального округа. Отметим, что проблема завоевания рынка труда стоит до-

Таблица 1

Категории учреждений	1991	2003	2004	2005
Государственные вузы	8	13	12	12
Филиалы государственных вузов	–	58	64	66
Негосударственные вузы	–	21	22	22
Филиалы негосударственных вузов	–	37	40	40
ВСЕГО:	8	129	138	140

Таблица 2

Категория вуза	Общее количество штатных преподавателей	Доктора наук, профессора	Кандидаты наук, доценты
Государственные вузы	5618	738	2908
Негосударственные вузы	1393	116	651
Итого	7011	854	3559

статочно остро. В условиях современной жесткой конкуренции главной целью высшего учебного заведения является получение прибыли за счет повышения конкурентоспособности. Эта цель может быть достигнута путем реализации следующих факторов: повышения качества обучения; изучения и приспособления к рынку труда; использования современных средств коммуникационной деятельности; применения современных научных подходов, принципов и методов разработки в образовательных системах; реализации управленческого решения на всех стадиях жизненного цикла вуза.

Сегодня КГУКИ обладает развитой структурой учебных специальностей и специализаций, отражающей многообразные потребности отрасли в кадрах различного профиля. Здесь обучаются культурологи, специалисты в области народного художественного творчества, социально-культурной деятельности, информационной культуры, музееведения, управления и экономики культуры, библиотковедения, библиографоведения, информатики, документоведения, книговедения. Вуз готовит музыкантов-исполнителей и преподавателей игры на фортепиано, народных и оркестровых инструментах, певцов, дирижеров, композиторов, музыковедов, актеров драматических и кукольных театров, хореографов, специалистов в области монументально-декоративного, декоративно-прикладного искусства и народных промыслов, дизайна, рекламы и т. д. Иными словами, КГУКИ ориентирован на углубленную профессиональную подготовку специалистов для различных сфер искусства, культуры и образования. На современном этапе он сохраняет репутацию одного из ведущих вузов культуры и искусств в России. Его работа формируется с учетом конкретных потребностей региона и мировых образовательных стандартов.

Успешности университета способствует развитая структура образовательной и научной деятельности. Здесь функционируют консерватория, две академии (художественно-промышленная и народной культуры), восемь факультетов, аспирантура по двенадцати специальностям, докторантура, три докторских диссертационных совета, институт повышения квалификации, телевизионная студия «Дебют», библиотека с читальным залом, типография, лаборатории (криминалистическая, музыкальная, учебно-методическая, звукозаписи и др.), редакция рецензируемого журнала «Культурная жизнь Юга России», включенного в Перечень ВАК, редакционно-издательский отдел, специализированные кабинеты.

Продуктивно действует в контексте формирования репутации вуза созданная университетом система вертикальной интеграции профессионального образования (начальное, среднее, среднепрофессиональное, высшее, послевузовская подготовка). Творческие связи объединяют КГУКИ со многими училищами – музыкальными и художественными, культуры и искусств, колледжами культуры. Университет сотрудничает с учебными заведениями Краснодара, Майкопа, Владикавказа, Элисты, Новороссийска, Сочи,

Ставрополя, Минеральных Вод, Ростова, Шахт, Таганрога, станицы Северской.

Для формирования известности и позитивной репутации в университете используются все применяемые в вузовской практике формы профорientации: дни открытых дверей (в том числе и выездные – в районах края), выставки, краевые ярмарки учебных заведений, краевая выставка-форум, рекламные телевизионные программы собственной телестудии «Дебют», рекламные материалы в краевых и городских газетах и в специализированных справочниках.

Студенты творческих специальностей заканчивают обучение публичным государственным экзаменом по специальным дисциплинам, что в немалой степени содействует творческой репутации КГУКИ. По окончании вуза его выпускники составляют значительную часть артистического состава таких ведущих коллективов, как симфонический оркестр ТО «Премьера», Государственный концертный оркестр русских народных инструментов «Виртуозы Кубани», Кубанский казачий хор, Музыкальный театр, филармония и др.

На формирование позитивной репутации вуза направлена научно-исследовательская деятельность профессорско-преподавательского состава университета, его аспирантов и студентов. Концепция научного развития университета нацелена, прежде всего, на решение важнейших проблем подготовки кадров. Она учитывает принципы глобализации, интернационализации, конвергенции, социализации, преемственности, непрерывности, целостности, информатизации, вариативности. Сегодня предприняты шаги по созданию в университете эффективной финансовой системы с диверсифицированными доходами, академически сфокусированными на научном сопровождении обеспечения учебных программ и разного рода деятельности – научных школ и направлений, издательских, художественно-творческих проектов. Известность и репутация учебного заведения формируется учеными, практиками, известными деятелями культуры и искусства. Благодаря разработанной системе многоуровневых научных школ созданы коллективы, включающие студентов, соискателей и аспирантов во главе с научным руководителем комплексной темы.

Как свидетельствует мировой опыт, важным фактором формирования репутации вуза в научном мире является получение грантов. В соответствии с соглашением между администрацией Краснодарского края и Российским гуманитарным научным фондом «Об участии в региональном конкурсе “Северный Кавказ: традиции и современность”», а также Положением о конкурсе проектов в области гуманитарных наук в 2000 году университет утвержден головной организацией РГНФ. За последнее время университетом получено около 100 грантов, в том числе и иностранных.

Таким образом, при формировании положительного имиджа вуза необходимо стремиться к проведению мероприятий, направленных на формирование известности и репутации учреждения.

Отметим следующие важнейшие составляющие этого процесса:

- анализ внешней среды;
- выделение целевой группы, к которой будет обращен имидж вуза;
- анализ внутренних ресурсов;
- определение задач и их классификация (содержательные, организационно-результативные и т. д.);
- мотивация участников проекта;
- выявление соотношения между компонентами имиджа (научный, образовательный, художественно-творческий, общественный, имидж на рынке труда и т. д.);
- определение принципов формирования имиджа;
- разработка технологии формирования каждой составляющей имиджа;
- анализ соответствия полученного имиджа достигнутому результату.

Внедрение целостной системы формирования имиджа в практику образовательного учреждения представляется одним из важнейших путей позиционирования высшего образования в целом и отраслевого учебного заведения в частности.

Литература

1. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб., 1999. С. 401–414; Питерс Р., Уотерман Г. В поисках эффективного управления: пер. с англ. М., 1987. С. 94; Саймон Г. А., Смитбург Д. У., Томпсон В. А. Менеджмент в организациях. М., 1995; Шейн Э. Г. Организационная культура и лидерство. М., 2001.
2. Шейн Э. Г. Организационная культура и лидерство ...
3. Лобанов М. М. Основные принципы оценки конкурентоспособности продукции // Лобанов М. М., Осипов Ю. М. Маркетинг в России и за рубежом. М., 2001. С. 53–58.

A. V. SKRIPKINA. POPULARITY AND REPUTATION OF EDUCATIONAL ESTABLISHMENT IN FORMATION OF POSITIVE IMAGE OF HIGH SCHOOL

The article is dedicated to factors of popularity and the reputation playing a significant role in formation of a positive image of high school of culture and arts at the present stage.

Key words: *popularity, reputation, professional education, specialist, organizational culture, image, communication activity.*

О. В. БЕЛОУСОВА

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ РАЗВИВАЮЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

При построении учебно-воспитательного процесса в диаде «общеобразовательная школа – физкультурный вуз» использовались принципы организации развивающего образования акмеологического типа, которые позволили выявить его влияние на качественную сторону образованности школьников и подготовку бакалавров.

Ключевые слова: *системный подход, принцип развития в акмеологии, принцип достижения профессионализма.*

Важнейшая задача акмеологии – исследование сущностных характеристик человека, формирующихся в дошкольном, младшем школьном, отроческом и юношеском возрасте, благодаря которым он может проявить себя на ступени зрелости [1]. Наука, предполагающая целостное изучение человека в комплексных исследованиях, связанных с обобщением знаний о нем (философских, социологических, психологических, физиологических, психолого-педагогических, исторических и др.), в полной мере позволяет отнести ее к человекознанию [2]. Попытки определить содержание образования, исходя из создаваемых продуктивных (прогрессивных) технологий обучения, фактически породили одно из его новых направлений. Вопрос разработки моделей содержания образования в таком ракурсе еще не ставился, хотя

косвенно был затронут во многих педагогических исследованиях [3].

Не менее важной, на наш взгляд, является проблема опережающего формирования структурных элементов когнитивных процессов как своего рода степени развитости отдельных познавательных актов мотивационно-эмоциональной, волевой, произвольно-регуляторной сфер, особенно у школьников [4]. Поэтому как можно раньше необходимо заложить психологическую основу обучения, позволяющую учащимся на протяжении всего школьного периода не только успешно осваивать знания, но и быстрее обретать потенции к переходу в режим саморазвития.

В научных исследованиях при решении методологических проблем нового направления модернизации образования понятия «принцип» и

«подход» нередко разделяют. Подобное разграничение можно пояснить на примере терминов «системный подход» и «принцип системности». А. А. Деркач поясняет это следующим образом: принципом в науке обозначают исходное теоретическое положение, руководящую идею; подход же выделяют как особый синтез знаний, базирующийся на определенных принципах [5]. Между подходом и принципом, как это выяснилось, существуют самые тесные связи. Исследователь К. К. Платонов заявлял, что «системный подход – это принцип психологии, заключающийся в понимании каждого человека как системы» [6]. Сходную позицию занимал А. Б. Брушлинский, отождествляя «субъектный подход» и «принцип субъектности» [7].

Не вдаваясь детально в науковедческие вопросы, примем позицию близости этих понятий и попытаемся выделить те методологические положения акмеологии, на основании которых следует выстраивать развивающее образование в диаде *школа – физкультурный вуз*, поскольку они в значительной степени позволяют соблюсти преемственность при соотнесении систем школьного и вузовского обучения.

Исходя из базовых позиций акмеологии, мы полагаем, что для построения продуктивного образования одним из важнейших следует признать принцип поэтапного достижения вершин собственного развития в онтогенезе не только в учебных результатах (обученности), но и в личном, субъектном росте каждого. Это требует перевода обучения в ранг персональных достижений с раннего детства до глубокой старости, т. е. до возраста, в котором оно осуществляется на максимуме способностей, задатков, психической напряженности в соответствии с уровнем здоровья при оптимальной трате энергетического потенциала в течение установленного индивидуального времени и вариативности воздействий [8].

Совершенно очевидно, что принятие такой методологии построения образования означает его истинную модернизацию, которая потребует раскрытия не только закономерностей и механизмов становления качественно-количественных характеристик акме, но и создания соответствующих инструментов измерения их показателей с учетом следующих факторов: предрасположенности обучаемых к конкретным предметным областям знаний; выбора присущей им профессии; прогрессивной технологии ее освоения. Далее, определяя иерархию качеств в обозначившемся контексте профессиональной деятельности, необходимо обязательно выделить незаменимые и те, которые могут быть без ущерба замещены другими [9].

Постановка развивающего образования акмеологического типа (прежде всего, в общеобразовательных школах) предполагает также учитывать принцип сопряженного (в какой-то мере, фронтального) развития не всего многообразия качеств способностей и самосознания обучаемых, а только их триады – психотехнических, личностных, субъектно-деятельностных интегральных

[10]. Их необходимо формировать и диагностировать вплоть до завершения обучения в школе и в вузовском образовании. С точки зрения акмеологической методологии эти свойства должны «вырачиваться» в условиях сквозного использования психолого-педагогических методов, постепенного «снятия» ограничений в свободе действий учащихся и перехода к самообучению, самовоспитанию, саморазвитию в индивидуации (самосуществлении) деятельности. При этом физкультурно-валеологические установки в учебно-воспитательном процессе не менее актуальны, чем стратегические учебно-развивающие, так как без сохранения здоровья не будет и качественного образования.

Не менее важным фактором, характеризующим развивающее образование в рамках акмеологии, следует назвать принцип комплексности или комплексного подхода, нацеленного на интеграцию знания о различных качествах, свойствах, состояниях человека и различных систем, в которых он осуществляет свою жизнедеятельность. Его разработка связана с именем Б. Г. Ананьева, сформулировавшего задачу целостного изучения человека и интеграции знаний о нем [11]. По мнению А. А. Деркача, комплексный подход в акмеологии означает интеграцию разноуровневого знания о закономерностях и механизмах прогрессивного развития человека как индивида, субъекта деятельности, личности и индивидуальности [12]. Специфика этого принципа состоит в том, что он задает ориентацию на единство изучения и реального совершенствования человека.

В таком понимании комплексный подход отличается от системного. Основная идея последнего заключается в изучении объекта как целого, состоящего из разных взаимосвязанных элементов, упорядоченного и сложноорганизованного. Системный подход появился и разрабатывался в основном в кибернетике (Л. Берталанфи, Н. Винер и др.), общей теории систем (Н. Н. Моисеев и др.), философии (В. П. Кузьмин, Э. Г. Юдин), физиологии (П. К. Анохин, К. В. Судаков). Этот принцип получил наиболее мощное воплощение в психологических исследованиях А. А. Бодалева, В. А. Ганзена, Е. А. Климова, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова и др. Его особенность состоит в том, что акмеологические объекты не имеют четко выраженного уровня системного строения, так как динамические изменения, связанные с развитием, гетерохронность этих процессов делают структуру весьма подвижной и переменчивой. К тому же образы (цели) системы выделены весьма отчетливо. Системные идеи на современном этапе недостаточно разработаны, хотя теоретико-методологическое изучение основ акмеологии, в том числе и в русле образования, является перспективным научным направлением.

Выдвижение на первые «парадигмальные» позиции принципа субъектности в акмеологии и образовании требует глубокого обоснования, хотя, по мнению А. В. Брушлинского, личность всегда является субъектом [13]. Принципы психологи-

ческого детерминизма и развития, разработанные в психологии, также можно считать имеющими выраженное акмеологическое содержание, связанное с образованием [14]. Например, определение внутренних условий, побуждающих к саморазвитию, является важной составляющей любого акмеологического исследования и образования.

Специфика принципа детерминизма в акмеологии проявляется в следующем. Внутренние условия личности в обучении рассматриваются как побудительные причины и детерминанты ее развития; далее, личность сама является его движущей силой; и, наконец, процесс вызревания личности имеет двойную детерминацию: внутреннюю (раскрытие потенциала) и внешнюю (осознаваемые и принимаемые внешние воздействия), когда социальная детерминация все более переходит на индивидуальный уровень.

Формирование сознания должно быть ориентировано только на прогрессивное развитие и осуществляться в направлении становления индивидуального субъекта деятельности и индивидуальной личности, а также интегральной индивидуальности. Следует признать, что в акмеологии речь пока не идет о гармоничном развитии личности, хотя многие исследователи подчеркивают необходимость стремления к нему.

Принцип развития в акмеологии включает следующие условия:

- понимание развития как процесса совершенствования и самосовершенствования, движения к зрелости, высшему уровню «выращивания самости» и постижения профессионализма в избранной деятельности;
- признание субъектного характера развития;
- осуществление развития через противоречия, разрешаемые субъектом или личностью;
- индивидуальный характер развития;
- многогранность и многоплановость развития в разных сферах;
- реализацию индивидуального потенциала в процессе развития.

Следующим важнейшим методологическим аспектом является принцип постижения профессионализма в избранной деятельности в зрелом возрасте. Применительно к основной задаче образования на данном этапе становления науки он предполагает анализ формирования профессионализма в многообразии личностных проявлений. При этом профессионал рассматривается как индивид и субъект труда, личность и индивидуальность.

Важнейшим системообразующим фактором развития профессионализма является образ искомого результата, к которому стремился субъект деятельности. Потребность его достижения связана со степенью успешности продвижения к цели, поиском причин, способствующих и препятствующих этому процессу. Весьма важным оказывается и анализ в диалектическом единстве свойств профессиональной личности и профессиональной деятельности. Специальных исследований требует и принцип, который утверждает

необходимость изучения «общего в отдельном». Он реализуется в поиске общего и особенного, единичного в том, что связано с прогрессивным развитием зрелой личности. Прежде всего, необходимо изучить общие закономерности формирования профессионализма с учетом конкретной деятельности и индивидуальных траекторий движения к профессиональному мастерству. Идея заключается и в определении сходных параметров профессионализма на уровне общего и особенного, при этом они носят инвариативный (в какой-то степени независимый) характер. Ведь в структуре профессионализма есть составляющие, присущие всем специалистам, независимо от характера деятельности, поэтому развитие этого качества должно начинаться в первую очередь с них.

Кроме того, исследование методов достижения акме является весьма важной проблемой, которая состоит из процессов самоподготовки и самореализации. Первый означает формирование творческого потенциала индивидуума, второй – его воплощение в жизнь. Структура самореализации – соотношение самовыражения и самоутверждения, где важно не только достижение своей вершины в профессии (самовыражение), но и умение добиться общественного признания полученного результата.

Однако следует учесть, что самовыражение – это первый шаг в самореализации. Он характеризует высокий класс профессионала. Следующий – воплощает мотив социального роста. Отметим, что равновысоких достижений в осуществлении этих мотивов достичь почти невозможно вследствие ряда противоречий в их одновременном развитии.

Необходимо также указать и на принцип гуманизма, который является одним из наиболее весомых в педагогике, психологии и акмеологии. С точки зрения последней его применение в образовании должно быть направлено в первую очередь на интересы человека, прогрессивное личностное и профессиональное развитие. Задача акмеологии состоит в том, чтобы развивать человека в соответствии с гуманистическими требованиями общества или до уровня, который он определил сам для себя. Согласно данному принципу, акмеология ориентирует личность на движение к центру своего «Я», исключая развитие «за счет других».

Итак, построение учебно-воспитательного процесса в диаде *общеобразовательная школа – физкультурный вуз* предполагает использование принципов организации развивающего образования акмеологического типа для возможного применения его в реконструкции уже существующего, а также для выявления его влияния на качественную сторону обучаемости школьников, подготовленности бакалавров и повышения их профессионализма.

Литература

1. Бодаев А. А. О предмете акмеологии // Психологический журнал. 1993. № 5. С. 73–79; Деркач

А. А. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. М., 1993; Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология: познание и развитие. М., 2003.

2. Кузьмина Н. В. Педагогическое мастерство учителя как фактор развития способностей учащихся // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 21–25.

3. Краевский В. В., Лернер И. Я. Теоретические основы процесса обучения в советской школе. М., 1989; Нечаева Н. Н. Содержание образования как проблема вузовской педагогики // Основы педагогики и психологии высшей школы / под ред. А. В. Петровского. М., 1986. С. 144–160.

4. Локалова Н. П. Психологическое развитие как составляющая образования // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 34.

5. Гребнева В. В. Человекоцентрированное взаимодействие в вузе: теория и практика. Белгород, 2004.

6. Платонов К. К. Избранные труды. М., 1990. С. 5–10.

7. Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб., 2003.

8. Пирогова О. В. О применении педагогических концепций в современном вузе // Инновации в образовании. 2004. № 6. С. 114–120.

9. Бодаев А. А. О предмете акмеологии ...

10. Белоусова О. В. Концептуальное проектирование инновационной образовательной системы саморазвития индивидуальности в комплексе: детский сад – школа: науч.-метод. пособие. Ростов н/Д, 2004; Мухина В. С. Первые итоги работы института развития личности РАО // Вопросы психологии. 1996. № 45. С. 147; Слободчиков В. И. Проблемы становления и развития инновационного образования // Инновации в образовании. 2003. № 2. С. 4–28.

11. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1976.

12. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология: познание и развитие ...

13. Брушлинский А. В. Психология субъекта ...

14. Андыферова Л. И. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 5–14.

O. V. BELOUSOVA. CONSTRUCTING PRINCIPLES OF DEVELOPING EDUCATION ON THE ACMEOLOGICAL BASIS

During educational process forming in the dyad: secondary school - sports college the constructing principles of developing education on the acmeological basis were applied. These principles allowed to determine the influence of such an education on schoolchildren's educational abilities and bachelors' professional training-mastering.

Key words: *systematic approach, principle of development in acmeology, mastering professionalism principle.*

З. В. НИКОНОВА

СУЩНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В аспирантуре необходимо развивать методологическую компетентность научно-педагогических работников, содержание которой включает методологическую рефлексию, способность к научному поиску, критическому осмыслению и творческому применению определенных концепций и методов познания.

Ключевые слова: *аспирантура, методологическая компетентность, послевузовское профессиональное образование, научно-педагогические работники.*

В настоящее время методологическая компетентность является обязательным условием профессионального роста преподавателя высшей школы, так как главное направление инновационных процессов в образовании есть, прежде всего, не смена содержания и педагогических технологий, а формирование педагогического субъекта. Последний (в идеале) представляет собой на современном этапе носителя высокой методологической культуры, составной частью которой является методологическая компетентность. Он отличается способностью концептуально осмысливать свою образовательную деятельность, т. е. расценивать ее как гуманитарную, а также иметь стратегию личного профессионального развития.

Подготовку научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации педагогического профиля осуществляет аспирантура. В соответствии с существующим законодательством обучение аспирантов имеет следующие цели:

- формирование умений и навыков самостоятельной научно-исследовательской деятельности;
- изучение теоретических и методологических основ педагогической теории;
- освоение методологии и методов педагогического исследования;
- углубление философских знаний;
- совершенствование знания иностранного языка, ориентированного на профессиональную деятельность;

– подготовка к преподавательской деятельности.

Квалификационная характеристика выпускника аспирантуры осуществляется не только по наличию знаний и умений, но и по готовности к осуществлению самостоятельной научной (исследовательской и педагогической) деятельности, овладению культурой научной работы в области педагогики [1]. Поэтому наряду с задачей воспроизводства научных кадров высшей квалификации необходимо решать и проблему подготовки преподавателей высшей школы, что осуществляется посредством чтения образовательных курсов, а также включения аспиранта в научно-педагогическую работу кафедры.

Под научно-педагогическими работниками в данной статье понимаются аспиранты и преподаватели высшей школы, занимающиеся научно-исследовательской деятельностью в рамках системы повышения профессиональной и научной квалификации. Показателем последней является ученая степень кандидата наук, которая также свидетельствует об уровне *методологической компетентности* работника. Становление методологической компетентности – длительный процесс, продолжающийся в течение всей творческой жизни преподавателя вуза. В это понятие мы включаем интегрированное сочетание знаний, способностей и свойств, позволяющих человеку вести научно-исследовательскую деятельность в современной научной среде.

В последние пятнадцать лет проблема подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре стала предметом исследования педагогов, психологов, социологов, экономистов, управленцев, однако компетентностный подход в послевузовском образовании до сих пор не являлся предметом специального рассмотрения. Вместе с тем нет и научных исследований в области развития методологической компетентности научно-педагогических работников. В данных обстоятельствах сложились следующие противоречия:

– между объективными потребностями общества в зрелом научно-педагогическом работнике, интеллектуально и социально подготовленном, компетентном, имеющем ценностные установки, сформированное мировоззрение, и отсутствием такого специалиста;

– между признанием необходимости направленного обучения аспирантов основам научного видения мира, исследовательским методам его познания и отсутствием такового;

– между потенциальными возможностями существующей базы изучаемых в рамках аспирантуры дисциплин развивать методологическую компетентность и нереализованностью методологии читаемых курсов в этом аспекте;

– между заявленными программными целями развития компетентного специалиста и неразработанностью путей формирования компетентной личности.

Объективность и педагогическая важность этих противоречий обозначили проблемное поле нашего исследования – необходимость развития у

научно-педагогического работника в послевузовском образовании методологической компетентности и выявления специфики и структуры этого качества, формируемого за период обучения в аспирантуре. Настоящая статья посвящена разрешению данного противоречия.

В переводе с латинского компетентность (*competentis*) означает обладание компетенцией, т. е. осведомленностью в определенном круге вопросов. Следовательно, компетентный в определенной сфере человек владеет соответствующими знаниями и способностями, позволяющими ему обоснованно судить об этой области и эффективно в ней действовать. В «Концепции модернизации российского образования до 2010 года» отмечается, что «компетентность» включает в себя не только когнитивную и операционно-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую. В соответствии с этой аргументацией можно выделить ключевые компоненты компетентности, относящиеся к личности как субъекту жизнедеятельности; проявляющиеся во взаимодействии человека с другими людьми; связанные с профессиональной деятельностью человека (выступающие во всех ее типах и формах).

Компетентность обнаруживается в степени умелости, в форме проявления способности как некоторого итога самообразования и саморазвития специалиста (И. А. Зимняя, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, А. М. Новиков, В. А. Сластенин и др.). Данное понятие широко употребляется для описания образа специалиста высшей школы, однако в послевузовском профессиональном образовании оно используется не часто.

Методологическая компетентность – это готовность и способность к научному поиску, особый тип организации знаний и исследовательских умений, связанный с мировоззрением, мотивационной сферой, жизненной позицией, а также набор личностных качеств. В содержание этого понятия входят методологическая рефлексия (умение анализировать собственную научную деятельность), способность к научному обоснованию, критическому осмыслению и творческому применению определенных концепций, форм и методов познания, управления, конструирования.

Для научного работника, педагога-исследователя методологическая компетентность профессионально значима, с одной стороны, как требование (норма) квалификационного стандарта, а с другой – как потребность в научно-исследовательской деятельности. Данная позиция отражена в Национальной доктрине образования Российской Федерации, где в качестве концептуальной заложена идея «участия педагогических работников в научной исследовательской деятельности», «интеграции научных исследований с образовательным процессом». В «Требованиях к квалификации педагогических и руководящих работников при присвоении им квалификационных категорий» и «Рекомендациях по определению уровня квалификации педагогических и руководящих работников» также обращается внимание на исследова-

довательскую деятельность педагога, которая невозможна без методологической подготовки [2].

Литература

1. Временные требования к основной образовательной программе послевузовского профессио-

нального образования по отрасли 13.00.00. Педагогические науки. Уч. ст. кандидат наук. М., 2002.

2. Аттестация педагогических и руководящих кадров в образовании: практическое пособие для работников органов управления образованием. М., 1996.

Z. V. NIKONOVA. NATURE OF METHODOLOGICAL COMPETENCE OF SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL WORKERS OF HIGH SCHOOL

The article is dedicated to the problem of developing the methodological competence of scientific-pedagogical workers in the post-graduate courses. The content consists of methodological reflection, ability to the scientific research, critical sensing and creative application of definite concepts and methods of understanding.

Key words: post-graduate course, methodological competence, post-high school professional education, scientific-pedagogical workers.

В. А. ОВЧИННИКОВ

ДИСЦИПЛИНА «ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА» В ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МВД РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы модернизации учебного процесса основных специальностей высших образовательных учреждений МВД России.

Ключевые слова: модернизация учебного процесса, дисциплина «Физическая подготовка», вузы МВД России.

За последние два десятилетия в нашей стране произошли резкие изменения в экономике и общественно-политической жизни. В настоящее время Россия интегрируется с европейским и мировым сообществом, процессы глобализации активно внедряются во все сферы деятельности. Правоохранительные органы различных стран объединяются для выполнения совместных действий по предупреждению и пресечению преступлений террористического характера и экстремистских проявлений. Поэтому воспитание профессионала в широком смысле этого слова – важнейшая задача Министерства внутренних дел России. Одним из показателей цивилизованного общества является профессионализм, а наиболее эффективным путем его формирования – образование [1].

В системе органов внутренних дел уделяется большое внимание проблемам высшего профессионального образования. В частности, качество подготовленности специалистов и эффективность их работы во многом определяются системой многолетней профессионально-прикладной физической подготовки, осуществляемой в вузах МВД России.

Процесс подготовки специалистов для органов внутренних дел включает в себя, во-первых, наделение курсантов и слушателей необходимыми для их последующей деятельности теоретическими знаниями, отвечающими уровню высшей школы; во-вторых, овладение практическими навыками и умениями по выполнению функциональных обя-

занностей, соответствующих требованиям квалификационных характеристик выпускаемых вузом специалистов. Решение этих задач сопряжено с проблемами, которые сопутствуют современному состоянию всего общества, в том числе и высшему образованию. Одним из приоритетных направлений развития образовательных систем является внедрение новых передовых форм интенсификации учебного процесса, а именно персонифицированных педагогических технологий и разработок методов их реализации [2].

В связи с этим цель нашего исследования – выявление общих тенденций и перспектив развития учебного процесса по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность», «Судебная экспертиза», а также определение степени важности дисциплины «Физическая подготовка» и ее места в общей структуре юридического образования.

До 2000 года в вузах МВД России временной период получения квалификации «юрист» и «судебный эксперт» составлял четыре года. В связи с переходом на многоуровневую систему обучения Приказом Министерства образования РФ № 686 от 02.03.2000 года нормативный срок освоения основной образовательной программы этих профессий при очной форме обучения определен в пять лет. Специальность «Правоохранительная деятельность» создана Приказом Министерства образования РФ № 155 от 18.01.2001 года, и нормативный срок освоения ее основной образовательной программы при очной форме обучения

определен также в пять лет. Мы проанализировали примерные учебные планы для образовательных учреждений ВПО МВД России по данным специальностям за 2001/2002 и 2007/2008 учебные годы (табл. 1).

Нами подробно изучена динамика процентного соотношения общего количества часов в 2001/2002 и 2007/2008 учебных годах по трем специальностям (табл. 2).

Как видно из данных таблиц 1 и 2, в примерном учебном плане МВД России на 2007/2008 учебный год прослеживается следующая тенденция. Вне зависимости от соотношения, предполагаемого для блоков дисциплин (уменьшения, оставления без изменений, увеличения), общее количество часов, отводимых на аудиторские занятия, снижается, а предназначенных для самостоятельной подготовки – существенно возраста-

Таблица 1

**Сравнительный анализ соотношения общего количества часов
в 2001/2002 и 2007/2008 учебных годах**

Юриспруденция

Блок дисциплин	Учеб. год	Всего, ч	Аудитор., ч	Самост., ч
ГСЭ	2001/2002	1800	1340	460
	2007/2008	1800	1330	470
ЕН	2001/2002	400	220	180
	2007/2008	400	220	180
ОПД	2001/2002	4590	3010	1580
	2007/2008	5832	2916	2916
ДПП	2001/2002	1616	1334	282
	2007/2008	1886	1120	766
Всего	2001/2002	8568	6012	2556
	2007/2008	9918	5586	4332
ДФП	2001/2002	450	–	450
	2007/2008	450	–	450

Правоохранительная деятельность

Блок дисциплин	Учеб. год	Всего, ч	Аудитор., ч	Самост., ч
ГСЭ	2001/2002	1800	1370	430
	2007/2008	1800	1340	460
ЕН	2001/2002	400	210	190
	2007/2008	400	220	180
ОПД	2001/2002	4232	2758	1474
	2007/2008	4324	2192	2132
ДПП	2001/2002	1164	1026	138
	2007/2008	5216	2738	2478
Всего	2001/2002	7596	5364	2232
	2007/2008	9702	5471	4231
ДФП	2001/2002	450	–	450
	2007/2008	450	–	450

Судебная экспертиза

Блок дисциплин	Учеб. год	Всего, ч	Аудитор., ч	Самост., ч
ГСЭ	2001/2002	1800	1170	630
	2007/2008	1800	1090	710
ЕН	2001/2002	700	410	290
	2007/2008	700	430	270
ОПД	2001/2002	3170	2014	1156
	2007/2008	3040	1922	1118
ДФП	2001/2002	2844	2010	834
	2007/2008	2974	1870	1104
Всего	2001/2002	8514	5604	2910
	2007/2008	8514	5312	3202
ДФП	2001/2002	450	–	450
	2007/2008	450	–	450

Примечание: ГСЭ – блок общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин; ЕН – блок общих математических и естественнонаучных дисциплин; ОПД – блок общепрофессиональных дисциплин; ДПП – блок дисциплин предметной подготовки; ДФП – блок дисциплин факультативной подготовки.

ет. В этой связи мы проанализировали изменения в соотношении часов, отводимых на дисциплину «Физическая подготовка» в указанный период (табл. 3).

Анализ приведенных данных показал, что количество часов, отводимых на дисциплину «Физическая подготовка», необходимо пересмот-

реть. Общей структуре построения примерных учебных планов и их направленности на предусмотренное снижение количества аудиторных занятий (при возрастающем объеме самостоятельных) соответствует только планирование по специальности «Судебная экспертиза». В планировании занятий, необходимых для освоения дисциплины

Таблица 2

Процентное соотношение общего количества часов в 2001/2002 и 2007/2008 учебных годах

Юриспруденция

Блок дисциплин	Всего, %	Аудитор., %	Самост., %
ГСЭ	0	-1	+2
ЕН	0	0	0
ОПД	+21	-3	+45
ДПП	+14	-16	+63
Всего	+14	-8	+40

Правоохранительная деятельность

Блок дисциплин	Всего, %	Аудитор., %	Самост., %
ГСЭ	0	-2	+6,5
ЕН	0	+4,5	-5
ОПД	+2	-20	+31
ДПП	+22	+62	+94
Всего	+22	+2	+47

Судебная экспертиза

Блок дисциплин	Всего, %	Аудитор., %	Самост., %
ГСЭ	0	-7	+11
ЕН	0	+4,6	-7
ОПД	-4	-7	+24,5
ДПП	+4,4	-7	+24
Всего	0	-5	+9

Примечание: «-» – соотношение за указанный период уменьшилось; «0» – соотношение за указанный период не изменилось; «+» – соотношение за указанный период увеличилось.

Таблица 3

Сравнительный анализ соотношения количества часов, отводимых на физическую подготовку в 2001/2002 и 2007/2008 учебных годах

Юриспруденция

Учеб. год	Всего, ч	Аудит., ч	Самост., ч
2001/2002	590	530	60
2007/2008	500	500	0
Изменение количества часов, %	-15	-6	-100

Правоохранительная деятельность

Учеб. год	Всего, ч	Аудит., ч	Самост., ч
2001/2002	560	500	60
2007/2008	500	500	0
Изменение количества часов, %	-11	0	-100

Судебная экспертиза

Учеб. год	Всего, ч	Аудит., ч	Самост., ч
2001/2002	530	360	170
2007/2008	530	320	210
Изменение количества часов, %	0	-11	+19

Примечание: «-» – соотношение за указанный период уменьшилось; «0» – соотношение за указанный период не изменилось; «+» – соотношение за указанный период увеличилось.

«Физическая подготовка» и других вышеназванных, очевиден необоснованный пробел, поскольку часы для самостоятельной подготовки обучающихся вообще исключены из учебного процесса.

Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел согласно приказам МВД России № 412 от 29 июля 1996 года и № 510 от 15 мая 2001 года организуется и проводится в зависимости от содержания их оперативно-служебной деятельности. Программой предусмотрены три уровня физической подготовки рядового и начальствующего состава ОВД. Первый уровень предполагает базовую физическую подготовку, предназначенную для всех работников. Второй – усиленную, рассчитанную на сотрудников подразделений криминальной милиции, органов предварительного следствия, а также сотрудников подразделений патрульно-постовой милицейской и дорожно-патрульной службы ГИБДД, подразделений вневедомственной охраны при ОВД, участков уполномоченных милиции. Третий – предусмотрен для сотрудников специальных отрядов (отделов) быстрого реагирования, а также для отрядов милиции особого и специального назначения [3].

Поэтому курсанты и слушатели, обучающиеся по специальности «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность», по окончании высшего образовательного учреждения МВД России должны соответствовать второму уровню физической подготовленности – усиленному, а специализирующиеся по предмету «Судебная экспертиза» – первому (базовому). Из этого следует, что количество часов, отводимых физической подготовке для первых двух специальностей, должно примерно совпадать. «Правоохранительная деятельность» гораздо больше, чем профессия следственных работников, связана с задержанием невооруженных и вооруженных преступников. Количество же часов на физическую подготовку по специальности «Судебная экспертиза», соответственно, должно быть меньше. На самом деле складывается иная ситуация. За шесть лет количество часов, предусмотренных на дисциплину «Физическая подготовка», в вузах МВД России

по наиболее распространенным специальностям «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» снизилось в среднем на 13%, тогда как уровень преступности в стране на фоне криминогенной обстановки остается очень высоким, а число гибнущих сотрудников ОВД не снижается. Количество часов, отводимых на данную дисциплину, у работников усиленной физической подготовки на 6% меньше, чем для специалистов базовой.

В целом проведенный анализ показал, что примерные учебные планы высших образовательных учреждений МВД России соответствуют общему направлению. Однако общее количество часов, предусмотренное на дисциплину «Физическая подготовка» по специальностям «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность», находится в противоречии с регламентирующими документами. Необходимо их существенное увеличение и изменение структурного соотношения.

Литература

1. Железняк Ю. Д. Инновационные перспективы подготовки педагогов по физической культуре в системе высшего профессионального физкультурного образования // Теория и практика физической культуры. 2006. № 4. С. 9–12.

2. Шилько В. Г. Модернизация системы физического воспитания студентов на основе личностно ориентированного содержания физкультурно-спортивной деятельности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003; Якимович В. С. Проектирование системы физического воспитания детей и молодежи на основе личностно ориентированного образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2002.

3. Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников ОВД: приказ МВД России от 29 июля 1996 года № 412. М., 1996; О внесении изменений и дополнений в Наставление по физической подготовке сотрудников ОВД, утвержденное приказом МВД России от 29 июля 1996 года № 412: приказ МВД России от 15 мая 2001 года № 510. М., 2001.

V. A. OVCHINNIKOV. DISCIPLINE «PHYSICAL TRAINING» IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS MVD OF RUSSIA

The article is dedicated to the questions of modernization of educational process of basic specialties in higher educational institutions MVD of Russia.

Key words: *modernization of educational process, discipline «Physical training», higher educational institutions MVD of Russia.*

И. Г. ПРОКОПЕНКО

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К КАРЬЕРНОМУ РОСТУ

В статье рассматривается понятие «карьерный рост», а также обосновывается необходимость внедрения методологий, ориентированных не только на повышение уровня знаний студентов, но и на формирование у них психологической готовности к карьерному росту.

Ключевые слова: карьера, карьерный рост, психологическая готовность, психологические условия, методология.

Глобальные изменения социальной ситуации в нашей стране предъявляют особые требования к уровню профессионализма специалистов. Объективно назрела потребность в компетентных, высококвалифицированных работниках, способных принимать самостоятельные решения и руководить трудовыми коллективами по окончании вуза, т. е. в полной мере готовых к практической деятельности. Сознательное планирование карьеры является одним из важнейших факторов профессионального развития личности, ее самореализации.

Карьера – это один из показателей индивидуальной профессиональной жизни человека, достижение желаемого статуса и соответствующего ему уровня и качества жизни, известности и славы. В последние годы стал исчезать негативный оттенок понятия «карьера». Проблема карьерного роста стала предметом изучения Н. И. Дряхлова, А. И. Кравченко, А. И. Турчинова, Е. В. Охотского, В. И. Добренькова и др.

С середины 1990-х годов в отечественных научных изданиях, посвященных проблемам психологии управления, менеджменту персонала, появляется целый ряд различных по глубине определений карьеры. К числу наиболее известных можно отнести теорию карьерных якорей. Согласно Э. Шейну, планирование карьеры – это процесс медленного развития профессиональной «Я-концепции» и самоопределения в терминах собственных способностей, мотивов, потребностей, отношений и ценностей. Понятие успешной карьеры связано, прежде всего, с успешным профессиональным самоопределением. В теории Д. Сьюпера утверждается, что важнейшей детерминантой профессионального пути человека является представление о личности, так называемая «профессиональная Я-концепция», которую каждый человек воплощает в серию карьерных решений [1]. Н. С. Пряжников также усматривает в построении карьеры процесс профессионального самоопределения, который, по мнению ученого, представляет собой последовательность чередующихся выборов и имеет в качестве основы «Я-концепцию» личности как относительно целостное образование, постепенно изменяющееся по мере взросления человека. На современном этапе

под карьерой понимается не только успешность в данной профессиональной деятельности, но и успешность всей жизни [2].

Отечественные авторы (например, А. К. Маркова) разделяют понятие карьеры на широкое и узкое. В первом случае оно рассматривается как профессиональное продвижение, профессиональный рост, переход от одних ступеней профессионализма к другим (в таком толковании этот термин близок определению траектории движения человека к вершинам, «акме» профессионализма). Во втором – подразумевается такое «должностное продвижение», при котором на первый план выступает достижение определенного социального статуса, занятие определенной должности [3]. Высокий профессионализм является важной, но не единственной детерминантой успешного профессионального и личностного развития, сопряженного с эффективным карьерным продвижением.

На наш взгляд, наиболее современное и актуальное толкование термина «карьера», отражающее психолого-акмеологический подход, предлагает И. Д. Ладанов [4]. Он определяет сущностную характеристику карьеры не только как продвижения по должностным ступенькам, но и как процесса реализации человеком себя, своих возможностей в условиях профессиональной деятельности. Такое личностное становление подразумевает психологическую готовность к карьерному росту. Выделим в ее структуре компоненты, включающие в себя субъективные и объективные факторы, которые обуславливают развитие психологической готовности:

– *мотивационно-ценностный*, отражающий, во-первых, профессиональную направленность – эмоциональное отношение к себе как будущему профессионалу, ценностное и заинтересованное отношение к профессии, потребность реализовать себя в ней, удовлетворенность сделанным выбором, активность; во-вторых, *ценностные ориентации* (значимость общечеловеческих ценностей);

– *оценочно-ориентационный*, характеризующийся адекватностью самооценки, обусловленной знаниями об особенностях будущей профессиональной деятельности, а также подразумеваю-

щий *профессиональную компетентность*, представленную знаниями, частичными умениями и навыками;

– *эмоционально-волевой*, свидетельствующий о наличии самоконтроля, эмоциональной устойчивости, умения управлять собой, уверенности в успехе, а также об индивидуально-психологических особенностях личности, обеспечивающих успешный карьерный рост.

При рассмотрении первого фактора нам представляется важным выделить понятие *направленности личности*. Оно находится в тесной связи с психологической готовностью к конкретной деятельности. В этом контексте применяется категория *профессиональной направленности*, которая в значительной степени определяет характер общих устремлений личности. Проблеме ее формирования посвящены исследования Е. А. Климова, Н. Д. Левитова, В. Ф. Сахарова, А. П. Сейтешева, В. Д. Шадрикова.

В современной психологии большое значение имеет понятие *ценностных ориентаций*, под которыми, как правило, понимают некие идеальные цели общества, социальных групп или личности. Кроме того, они представляют собой своего рода точку отсчета при оценивании тех или иных событий. Через ценностные ориентации проявляется отношение человека к окружающей реальности, которое формирует его поведение, характер деятельности, способы самоактуализации.

Профессиональная компетентность включает в себя комплексы знаний и умений. Однако необходимо отметить, что большую роль играют не только профессиональные, но и общие (не относящиеся непосредственно к профессии, а отражающие осведомленность личности в различных сферах жизнедеятельности) знания. Профессиональная компетентность применительно к оценке развития психологической готовности студентов к карьерному росту вполне может быть представлена необходимыми знаниями, актуализированными в таких умениях, как понимание профессиональных задач и принятие правильного решения.

Важную роль имеет самооценка профессионально значимых качеств личности, т. е. сопоставление осознаваемых качеств у себя и других людей, соотнесение их с внутренним эталоном, а также самооценка деятельности (определение человеком своих возможностей в реально осуществляемой или будущей деятельности). Формирование *адекватной самооценки* является существенным фактором структуры психологической готовности к карьерному росту.

Эмоционально-волевой компонент структуры отражает стремление к развитию профессионально важных качеств.

Выделенные нами компоненты представляют, с нашей точки зрения, совокупность достаточных и необходимых для личности студента факторов развития психологической готовности к карьерному росту.

Для максимального и всестороннего развития составляющих структуры психологической готовности к карьерному росту необходима также

разработка психологических *условий*, адекватных данной структуре. Этому способствует анализ становления личности в период обучения в вузе. Для нас важно выделить новообразования данного возраста, а именно: профессиональную направленность, ценностные ориентации, профессиональную компетентность и факторы эмоционально-волевого компонента (самоконтроль, уверенность в успехе, умение управлять собой).

Студенческий возраст – время активного развития *эмоционально-волевой сферы*. Это связано с поиском своего места в жизни. В качестве основного психологического новообразования данного периода выступает *самосознание* – обобщенная самооценка, степень принятия собственной личности. Самоанализ и самооценка осуществляются путем сравнения идеального «Я» с реальным. Оба компонента на данном этапе еще не выверены и могут быть случайными, поскольку к этому времени они еще не оценены всесторонне самой личностью. Карьерные планы молодых людей студенческого возраста отличаются относительно слабой, неустойчивой сформированностью и довольно сильной нравственной нормированностью со стороны старших поколений. В них в основном представлены концепции идеальной профессии. При этом развитие идеалов профессионального пути у молодых людей (например, «я хочу быть крупным банкиром» или «я хочу быть преуспевающим бизнесменом») сопряжено с неопределенными представлениями о средствах их достижения (например, «надо закончить какой-нибудь престижный институт», «надо иметь хорошие контакты с преуспевающими деловыми людьми» и т. п.).

На наш взгляд, студенческий возраст является наиболее благоприятным для становления основных подструктур человека, достижения им зрелости как субъекта общения, познания, деятельности, т. е. развития психологической готовности к профессиональному карьерному росту. Обучение и воспитание в вузе призваны обеспечить формирование и саморазвитие личности специалиста с такими качествами и опытом, которые соответствовали бы современным требованиям общества и гарантировали успех на практике с самого начала ее осуществления. Эта цель выражает объективно назревшую потребность в подготовке работников, способных выполнять определенные социальные и трудовые функции в условиях демократизации общества. Вузское образование представляет собой не столько передачу знаний, умений и навыков, сколько их отбор, синтез, открытие (Т. Н. Ломтева).

В провозглашенной идее личностно развивающегося обучения акцент делается на социальную активность обучаемого (А. Г. Асмолов, Е. В. Бондаревская, А. А. Вербицкий), развитие его профессионального самосознания (А. П. Алексеев, М. К. Мамардашвили, А. К. Маркова), совершенствование самоконтроля и самоорганизации. Главное внимание, как отмечает Л. М. Митина, должно быть сконцентрировано на личности специалиста, поскольку от того, какой смысл имеет для него профессия, как он относится к другим и

к себе, зависит успешность профессионализации и карьеры [5].

Анализ результатов многочисленных исследований позволяет выделить следующие группы условий успешного формирования личности студента в вузе:

– понимание учащимися значимости своей будущей профессии и требований, которые она предъявляет к специалисту; положительная мотивация к самоутверждению в студенческом коллективе; правильная самооценка своих личностных качеств и степени подготовленности к будущей практической деятельности по окончании вуза; стремление к совершенствованию профессиональных качеств и личности в целом;

– четкое уяснение преподавательским и руководящим составом вуза современных требований к подготовке специалистов; изучение и объективная оценка уровня профессиональной подготовленности студентов, степени сформированности у них соответствующих психических процессов, состояний; побуждение студентов к непрерывному совершенствованию своих позитивных качеств, знаний, навыков и умений, необходимых для эффективной профессиональной деятельности по специальности;

– стремление к единству взглядов, установок, профессиональной направленности и взаимодействия преподавателей и студентов, согласованность.

В связи с этим целенаправленное формирование сознания студентов требует от педагогов знания закономерностей развития необходимых качеств и личности в целом, а также соответствующей организации всего учебно-воспитательного процесса.

Отечественные психологи считают, что работа по формированию личности лишь предопределяет ее развитие. Управлять этим процессом возможно в деятельности, формирующей и развивающей все качества, черты характера и способности. Как отмечал А. Н. Леонтьев, «исследование <...> порождения трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к ее подлинному пониманию» [6].

В управлении деятельностью студента важную роль, по мнению М. И. Дьяченко, играет обратная связь, всестороннее и глубокое понимание воспитателями значения ее результатов [7]. В первую очередь эта связь отражается в успеваемости учащихся, их общественной занятости, культуре поведения. Гораздо сложнее получить информацию о самосознании, направленности, темпераменте, характере, способностях как психологических предпосылках эффективности деятельности будущих специалистов. Тем не менее изучение и учет роли этих параметров в жизни учащейся молодежи в значительной мере определяет успех учебно-воспитательной работы в вузе.

Деятельность обучающихся имеет конкретную внутреннюю структуру: цели, мотивы, способы. В ней отражаются присущие студентам познавательные процессы, знания, навыки, умения, лич-

ные качества, а также влияние со стороны других людей, коллектива, преподавателей и руководства вуза в соответствии с требованиями государства и общества к специалистам. Учебная деятельность есть форма активного отношения к изучаемому материалу. Она базируется на определенной ориентации студента, соответствующим образом организующего свои силы, специфична по целям, условиям, мотивам (по сравнению с учебой в школе) [8]. Вместе с тем она является основой формирования личности будущего специалиста.

Становление и поддержание устойчивой направленности личности студента представляет собой непрерывный процесс согласования требований перспективы посредством деятельности и обратной связи. По мнению В. И. Ковалева, формирование мотивов, равно как и системы целей и намерений, идет вместе с выработкой потребностей [9]. Они, как и другие компоненты (интересы, влечения и др.), становятся устойчивее за счет более глубокого познания перспективы и трансформации их в конкретные мотивы.

Один из важных методов развития профессиональной направленности студентов – стимулирование их к самообразованию и самовоспитанию, что, в свою очередь, зависит от формирования положительного отношения к будущей профессии и стремления повышать квалификацию по окончании вуза. Организация активной пробы сил в той сфере, на которую ориентируется студент, является важнейшим условием повышения уровня профессиональной направленности. Реализация данного условия предполагает постановку перед молодыми людьми задач, раскрывающих специфику деятельности и ее творческие стороны [10].

Несомненно, обучение в вузе – важнейший период социализации человека, усвоения опыта, норм, принятых в данной группе и обществе, путем преобразования их в свои личные ценности и ориентации. Вузское обучение является мощным фактором социализации студентов. Уместность целенаправленного влияния на студентов со стороны педагога и степень его эффективности зависит от того, как понимать воспитание. Если это – воздействие на личность с целью формирования нужных воспитателю, вузу, обществу качеств, то ответ может быть и отрицательным. Если оно направлено на создание условий для саморазвития личности в ходе вузовского обучения, то ответ должен быть однозначно положительным [11]. Воспитание предполагает формирование жизненных позиций, профессиональных и карьерных ценностей, идеалов и целей, определенные степени их согласованности. Оно может быть действенным, если переходит в самовоспитание, пробуждает собственную активность, участвует в формировании психологической готовности студентов к карьерному росту по окончании вуза.

Потребность в самовоспитании личности является показателем ее социальной зрелости, которая определяется степенью соответствия профессиональной подготовки требованиям общества. Установка на самовоспитание, связанная с перспективами будущей специальности, способствует

ет тому, что получаемая студентами из разных источников информация воспринимается, оценивается и используется ими на фоне задач развития у них соответствующих качеств. Успешность формирования психологической готовности студентов к карьерному росту зависит, прежде всего, от внутреннего принятия учащимися будущей профессии, отношения к ней, которое обусловлено их потребностью к познанию, интересами и идеалами, ценностными ориентациями. При этом необходимо также систематическое, комплексное и целенаправленное использование всего разнообразия принципов, форм и методов в ходе учебно-воспитательной работы в вузе, создание ситуаций, близких к реальным условиям будущей деятельности. В этом и состоит работа по образованию предпосылок формирования у студентов психологической готовности к карьерному росту [12].

Таким образом, анализ научных подходов позволяет систематизировать условия, способствующие формированию психологической готовности к карьерному росту, которые (в соответствии с ее структурой) можно объединить в следующие содержательные блоки:

– развитие мотивационно-ценностного компонента (т. е. потребности в карьерном росте, убежденности в его значимости для дальнейшей жизни, воспитание и поддержание устойчивой профессиональной направленности личности студента, стимулирование мотивационно-ценностного отношения к профессии, интереса к ней, желания проявлять в ней свои способности);

– утверждение оценочно-ориентационного компонента структуры (стимулирование к самообразованию и самовоспитанию, организация активной пробы сил в выбранной ими сфере деятельности, актуализация внутреннего потенциала студента, будущего специалиста, привитие навыков рефлексии);

– выработка эмоционально-волевого компонента (формирование образа «Я» как субъекта готовности к карьерному росту, развитие субъектных качеств, способствующих последнему, а также навыков самоуправления и самоконтроля, создание ситуации успеха).

В настоящее время нами разработано и готово к реализации опытно-экспериментальное исследование по апробации модели формирования психологической готовности к карьерному росту в процессе обучения в вузе.

Литература

1. *Super D. E.* Synthesis. Or is it distillation // *Personnel and Guidance Journal*. 1983. Vol. 61. P. 508–512.
2. *Пряжников Н. С.* Профессиональное и личностное самоопределение. М.; Воронеж, 1996.
3. *Маркова А. К.* Психология профессионализма. М., 1996.
4. *Ладанов И. Д.* Психология управления рыночными структурами: преобразующее лидерство. М., 1997.
5. *Митина Л. М.* Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // *Вопросы психологии*. 1997. № 4. С. 28–38.
6. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 173.
7. *Дьяченко М. И.* Психология высшей школы. Минск, 2006.
8. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность ...
9. *Ковалев А. Г.* Психология личности. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1970.
10. *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
11. *Шумская Л. И.* Социализация студенческой молодежи. Минск, 2001.
12. *Дьяченко М. И.* Психология высшей школы ...

I. G. PROKOPENKO. THEORETICAL-METHODOLOGICAL GROUNDS OF PSYCH READINESS FORMING TO A CAREER ADVANCE

The article deals with the notion «a career advance». The author stipulates the necessity to introduce technologies aimed at high level of students' knowledge as well as their psych readiness to a career advance.

Key words: a career, a career advance, a psychological readiness, psychological conditions, methodology.

А. П. ЧЕРВАТЮК

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ-УНИВЕРСАЛ

В статье рассматриваются модель и концепция подготовки современного специалиста-универсала музыкального профиля в педагогическом вузе с учетом модернизации российского музыкального образования.

Ключевые слова: современный специалист-универсал музыкального профиля, гуманизация высшего образования.

Современная жизнь общества ставит новые задачи перед музыкальным образованием. В час-

тности, весьма востребованным на данном этапе является специалист-универсал. Это обстоятель-

ство порождает необходимость разработки моделей и концепций его профессиональной подготовки. Под моделью в науке понимается наглядная схема, четко выстроенная система какого-либо объекта, дающая представление о механизмах его функционирования (в нашем случае – о творческой деятельности музыканта).

Разрабатывая модель и концепцию подготовки современного специалиста-универсала музыкального профиля в педагогическом вузе, мы учитывали современную направленность государственных структур в музыкальном искусстве, модернизацию российского образования музыкального профиля. Как показано на схеме, наша модель состоит из четырех блоков, тесно взаимосвязанных между собой и в то же время являющихся самостоятельными. Внутри каждого блока дисциплины находятся в тесной взаимосвязи и преемственности, вплотную объединяющей все блоки. Наша модель предусматривает необходимый объем формирования критериев профессионального мастерства специалиста-универсала музыкального профиля, подготовленного вузом.

В первом блоке модели – дисциплины хорового, оркестрового и вокально-инструментального классов, а также дирижирование и чтение партитур. Эти предметы являются основой при формировании руководителя музыкальных коллективов. К данному блоку относятся также сольное пение, постановка певческого голоса и гигиена голосового аппарата.

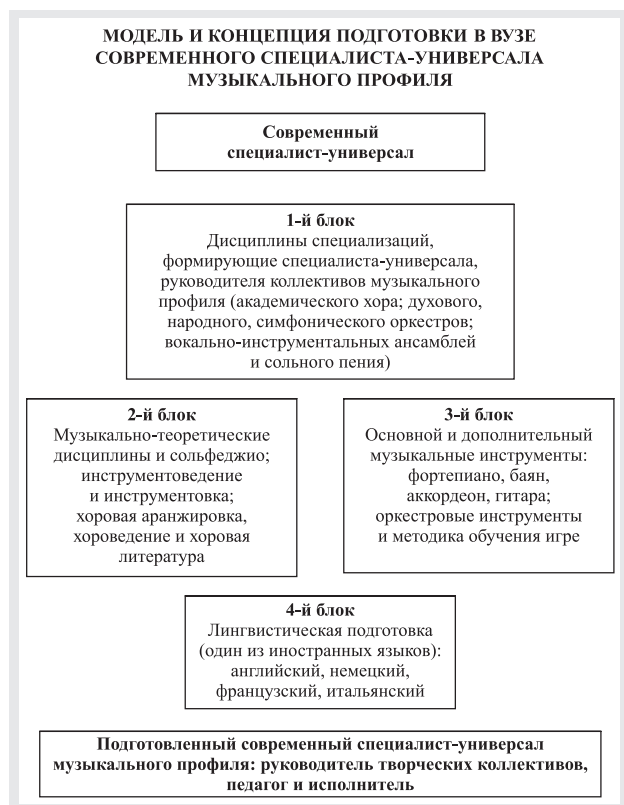
Обучая дирижированию, педагог использует единые приемы показа длительностей долей в тактах простых и сложных размеров, схем их тактирования, акцентирует внимание на способах пока-

за вступления и выключения голосов, постановки ферматы, снятия ее на любой доле такта различных размеров, исполнения пунктирных ритмов (различных длительностей нот с точкой), синкоп, стаккато, портаменто и деташе. Подобная наработка технических навыков, умений и приемов по дирижированию соответствует учебному плану специальности. Мы рекомендуем поручать ее проведение одному из наиболее опытных педагогов один раз в неделю в первом и втором семестрах в форме двухчасового учебного занятия в небольших группах. Во время остальных семестров учебного плана дирижирование и чтение партитур рекомендуем проводить индивидуально. Концертмейстер на фортепиано исполняет специально подобранные для этой цели музыкальные упражнения и небольшие построения, состоящие из различных музыкальных пьес и крупных произведений.

Важно также рассказать студентам о постановке рук, показать схемы дирижирования двумя руками и одной, продемонстрировать поочередные подключения левой и правой, их отключение и выведение в свободную позицию дирижерского аппарата. Если у одного из студентов группы возникают затруднения, необходимо тут же добиться устранения ошибки. При этом рекомендуется не прерывать работу над музыкальным произведением. Именно такую плановую, четко продуманную учебную деятельность по формированию у студентов дирижерской техники рук, усвоению приемов, способов и методов дирижирования необходимо осуществлять при обучении управлению хоровым, оркестровым и вокально-инструментальным творческим коллективами. Такие же наработки требуются учителю музыки и исполнителю сольного пения, ему необходимо хорошо понимать все показы дирижера при их совместном творческом процессе. В классе музыки общеобразовательной школы учителю приходится осуществлять несколько функций: обучать детей музыке, дирижировать при хоровом исполнении музыкальных произведений и хорошо выполнять обязанности концертмейстера. Ему важно владеть этими творческими специализациями. Во время пения детского хора, сосредоточив внимание на конкретном фрагменте, он должен показывать жестах рук необходимые приемы исполнения песни. Он должен уметь разучивать новые музыкальные произведения, играть их на фортепиано или другом музыкальном инструменте [1].

Кроме вышесказанного, руководителю творческого коллектива надлежит уметь читать хоры и оркестровые партитуры, музыкальные эскизы вокально-инструментальных ансамблей (эскиз – изложение музыкального произведения для ансамбля, запись которого осуществляется без транспорта, т. е. вся запись делается как клавиш для фортепиано, но в виде партий для каждого инструмента). Эта работа в период обучения студентов в вузе занимает одно из значимых мест.

Одновременное прочтение нотного текста, записанного на двух и более нотных строках в разных ключах (скрипичном, басовом и др.), требует длительной и постоянной подготовки студентов.

Как правило, в оркестровых партитурах имеются транспонирующие инструменты, следовательно, после прочтения записанной музыки следует исполнять в реальном звучании. Это весьма сложно, навыки такого ее чтения и исполнения надо постоянно нарабатывать.

Чаще всего транспонировать музыку приходится на большую секунду вниз от написанного (партии кларнетов и труб «В»), на малую терцию вверх (партия кларнета «Еs»), на большую сексту вниз (партии саксофона альт, валторн «Еs», альтов духового оркестра), на большую нону вниз (партии саксофона тенора, а также духовых инструментов – тенора, баритона). Освоение навыков транспозиции нот, написанных для инструментов разного строя, является одной из основных задач для руководителя творческих коллективов.

Кроме духовых, в транспортном режиме записываются партии для некоторых инструментов народного и симфонического оркестров, поэтому данную проблему обойти невозможно, ее следует решать в процессе занятий в классе дирижирования и чтения партитур. Управление творческими хорами, оркестровыми, вокально-инструментальными коллективами, проведение уроков музыки и сольного пения – это сложный процесс, требующий от специалиста профессионального мастерства.

Второй блок в нашей схеме составляют музыкально-теоретические дисциплины. Необходимо отметить органичную связь между теорией музыки, гармонией и полифонией, которые по своему содержанию наиболее близки и специфично дополняют друг друга. Эти дисциплины тесно связаны с практическим курсом сольфеджио, не входящим в музыкально-теоретический блок, и плавно переходят во взаимосвязь с дисциплиной «Анализ музыкальных произведений», которая имеет отношение к их форме и содержанию.

Изучив основы музыкальной грамоты (музыкальный звук и его свойства, нотное письмо, скрипичный и басовый ключи, слоговое и буквенное название нот, основные ступени звукоряда, октаву и октавную систему в музыкальном звукоряде, регистры и фортепианную клавиатуру), педагог переходит к изучению теории музыки. Вопросы этой дисциплины надо усваивать не только теоретически, но и практически, выполняя упражнения для развития слуха в классе сольфеджио и гармонии. Здесь изучаются вопросы построения простых интервалов и аккордов.

В классе гармонии приобретаются более сложные навыки, изучается система построения всех аккордов, применяемых в курсе гармонии, во всех мелодических положениях тесного, широкого или смешанного расположений. Каждый аккорд строится и исполняется голосом в шести вариантах. Поются аккорды по вертикали снизу вверх: бас, тенор, альт, сопрано. Построение аккордов в четырехголосном изложении – сложная задача, поэтому мы разработали специальную цифровую систему их построения во всех мелодических положениях и расположениях. Она изложена в наших предыдущих научных работах.

По мере приобретения навыков построения аккордов студент должен изучать систему и логику их соединения, развития и последовательности. Тема «Аккорды» закрепляется на музыкальных произведениях русской и зарубежной классики. Теория музыки тесно связана с гармонией и практическим курсом сольфеджио, которые весьма органично дополняют друг друга, позитивно влияют на развитие музыкального слуха и способностей студентов при обучении в вузе.

Завершение предыдущей работы осуществляется в классе полифонии, изучаемой на старшем курсе, в объеме которой усваиваются многоголосие и приемы развития голосов. Так, в подголосочной полифонии одновременно звучат варианты одной, а в контрастной – различных мелодий; в имитационной – повторение какого-либо мотива или темы осуществляется через некоторое время в другом голосе. Изучив эти виды полифонии, следует переходить к усвоению сложного контрапункта и некоторых правил голосоведения. Завершается изучение полифонии фугой, где дается многоголосное проведение одной темы во всех голосах.

Творческая взаимосвязь между всеми музыкально-теоретическими дисциплинами – практическим курсом сольфеджио, народным музыкальным творчеством, историей западной, русской классической и современной музыки – открывает путь к широкому изучению музыкального искусства, его интонационной основы, что активно влияет на эмоции человека, а следовательно, на эстетическое воспитание личности [2].

Музыка объединяет такие виды искусств, как театр, кино и литература, что и создает своего рода творческий круг искусств:

	Музыка	
Литература		Театр
	Кино	

Понимание их взаимосвязи весьма важно, поскольку глубокое, всестороннее изучение музыки открывает пути постижения других искусств.

Современные направления гуманизации образования предполагают активизацию использования различных видов искусств в обучении, что должно обеспечить достойное воспитание нового поколения, служить ему основой здорового образа жизни. В музыке содержится большая творческая сила, влияющая на различные сферы человеческой жизни и общества, а в совокупности различные виды искусств способствуют эффективному всестороннему развитию человека, его обучению и воспитанию. Музыка широко используется артистами театра и кино при подготовке и исполнении своих ролей, которые тесно связаны с вокальным музыкальным произведением – песней или романсом [3].

Здесь уместно напомнить, что всякое чисто теоретическое изучение музыки отдаляет нас от «живого» реального звучания, от непосредственных творческих переживаний. Вокальная музыка оказывает большое влияние на инструментальную, на ее мелодико-интонационное развитие.

Основой музыки, по меткому выражению М. И. Глинки, является мелодия. Следовательно, аккорды сопровождения составляют ее вторую половину, они дополняют, делают музыку более совершенной и значимой, дорисовывают в ней те черты, которых нет в мелодии. Но, прежде чем научиться применять аккорды, студенту вуза необходимо хорошо изучить их теоретически, уметь строить и соединять между собой, выработать хороший вкус, сформировать представление о логике и последовательности гармонического развития. Наиболее интенсивно этот процесс протекает только в сочетании с изучением ритма – основы каждого музыкального произведения. Наиболее сложны для усвоения пунктирный ритм и различного рода синкопы, а также инструментальные затакты вступления голосов с мелким ритмическим рисунком и другими полифоническими переплетениями и украшениями мелодии. Полифония в музыке – одно из сложнейших явлений, тем более с неординарным ритмом.

Проводя постоянные наблюдения за приемами интенсивного совершенствования музыкальных способностей, мы создали алгоритмическую систему опытно-экспериментальной методики формирования профессионального мастерства музыканта в лингвистическом классе вуза. На базе алгоритмов в музыке мы разработали специальные тесты, изучили их со студентами музыкально-педагогического факультета в классе английского языка, формируя тем самым профессиональное мастерство будущих специалистов-универсалов музыкального профиля и одновременно активно совершенствуя студенческую лингвистическую подготовку. Такая работа нравится студентам, она им близка, легко усваивается. Учитывая то, что иностранный язык в России широко изучается в общеобразовательной школе, когда закладываются основы формирования лингвистических навыков и общей подготовки, мы пришли к выводу о необходимости осуществления опытной работы с детьми этого возраста.

Эксперимент был проведен с учащимися 6-го класса одной из краснодарских средних общеобразовательных школ и со студентами Московского государственного областного педагогического института, в котором автор работал на протяжении трех лет. Результаты эксперимента позволяют утверждать, что включение специализированных тестов по музыкальному искусству в учебный процесс музыкантов при изучении английского языка вызывает у будущих специалистов большой профессиональный интерес.

Работая по предложенной экспериментальной методике, студенты проявляли большую активность на занятиях в классе английского языка. Вся эта деятельность целенаправленно обеспечивала пополнение словарного запаса, опыта общения на английском языке и, что очень важно, укрепляла профессиональные знания студентов и их навыки, которые необходимы для работы с творческими коллективами.

Нами на практике апробировалась гипотеза об эффективности созданной экспериментальной методики совершенствования лингвистической подготовки студентов музыкального профиля педаго-

гических и других вузов при формировании у них профессионального мастерства. Были установлены критерии оценивания специалиста-универсала, согласно которым мастерство педагога и исполнителя, подготовленного на музыкально-педагогическом факультете вуза, предполагает наличие высокопрофессиональных знаний, умений и навыков работы с различными творческими коллективами, ведения индивидуальной педагогической деятельности по подготовке солистов в сферах вокально-хорового и инструментального исполнительства.

В соответствии с разработанной нами моделью и концепцией подготовки специалиста-универсала музыкального профиля будущий профессионал должен:

- владеть инновационными тенденциями развивающего и проблемного обучения;
- обладать хорошим музыкальным слухом и развитым чувством лада;
- в совершенстве знать сольфеджио и музыкально-теоретические дисциплины;
- иметь хорошие навыки игры на одном из музыкальных инструментов (фортепиано, баяне, аккордеоне, гитаре);
- уметь играть, транспонируя из оригинальной (исходной) тональности в другие, расположенные на интервалы больших и малых секунд и терций вверх и вниз;
- подбирать по слуху знакомые мелодии, песни и романсы;
- играть аккомпанемент на одном из основных музыкальных инструментов при исполнении голосом песен и романсов (петь под свой аккомпанемент);
- обладать певческими голосовыми данными;
- владеть техникой дирижирования во всех применяемых в музыке размерах;
- обладать чувством музыкального ритма, хронометрического движения, знать темповые обозначения, определять скорость исполнения произведения;
- знать хороведение и уметь делать аранжировки музыкальных произведений;
- свободно читать хоровые и оркестровые партитуры, играть их на фортепиано;
- уметь делать эскизы музыкальных произведений, инструментовать их для оркестров и оформлять партитуры;
- знать строй инструментов духового, народного и симфонического оркестров и уметь их настраивать;
- иметь начальные навыки игры на оркестровых инструментах – духовом и струнном;
- уметь настраиваться по камертону и обучать этому хор и вокальные ансамбли;
- обладать навыками руководства творческими коллективами – хором, оркестрами (духовым, народным, симфоническим) и вокально-инструментальными ансамблями;
- иметь опыт создания вокальных и инструментальных дуэтов, трио, квартетов, квинтетов, секстетов и обладать навыками ансамблевой игры;
- хорошо знать синтезатор и уметь играть на нем;

– играть на классической шестиструнной гитаре, петь под свой аккомпанемент, знать ритм- и бас-гитару.

Работая над музыкальным произведением, специалист обязан уметь определять такие параметры его формы, как тональность, границы частей, периодов, предложений и их каденции; характеризовать период (одночастный, модулирующий и др.), его структуру, осуществлять мелодический и гармонический анализ, рассматривать приемы мелодического развития, намечать исполнительский план работы, отмечать диапазон мелодии, анализировать лад, метрические и ритмические особенности, кульминацию мелодии и фактуру всего музыкального произведения, тональный план, единство формы и содержания.

В целях развития методики обучения специалиста-универсала музыкального профиля в вузе мы проанализировали отдельные приемы и методы начального обучения игре на различных классических и оркестровых музыкальных инструментах при работе со студентами музыкально-педагогического факультета МГОПИ, в котором работал автор. С сентября 2003 года мы обучали студентов игре на различных музыкальных инструментах, хоровому пению, оркестровому дирижированию, вокально-инструментальному ансамблю, сольному пению, а также пению с аккомпанементом.

Особое внимание мы отводили тем студентам, которые изъявили желание заниматься на духовых инструментах, переживающих сейчас не лучшие времена, – флейте, кларнете, саксофонах альте и теноре, валторне, тромбоне, трубе, теноре, баритоне и тубах «Еs» и «В».

Эти инструменты занимают важное место в различных оркестрах: являются основой в духо-

вом, составляют опорную группу духовых (кроме тенора и баритона) – в симфоническом, а также выборочно используются в оркестре народных инструментов.

В основе нашей работы лежали теоретические и практические мелкогрупповые и индивидуальные занятия продолжительностью по 45 минут каждое – в ансамблевой и оркестровой группе, которые проходили один раз в неделю.

Творческая отчетность по работе проводилась два раза в год, в январе и мае – июне, перед окончанием учебного года. Подобные занятия оказали плодотворное влияние на развитие эмоционально-нравственных чувств и любви к музыкальному искусству. Особенно ярко это проявлялось в концертах, где принимали активное участие творческие группы, состоящие из студентов других факультетов института.

Таким образом, в рамках опытной работы, на музыкальных занятиях со студентами факультета, была проверена и доказана эффективность нашей методики при подготовке студентов музыкального профиля педагогических и других вузов для формирования у них профессионального мастерства будущих специалистов-универсалов.

Литература

1. Казурова А. С. Проблемы государственного образовательного стандарта высшего профессионального музыкального образования: опыт и перспективы. М., 2005.
2. Куревина О. А. Синтез искусств в эстетическом воспитании детей дошкольного и школьного возраста. М., 2003.
3. Уколова Л. И. Педагогически организованная музыкальная среда как средство становления духовной культуры растущего человека. М., 2008.

A. P. CHERVATYUK. MUSICAL EDUCATION: MODERN TOP-SPECIALIST

The article deals with the model and conception of preparing modern specialist in any musical profile in the high school, registering modernization of Russian musical education.

Key words: *top-specialist in music, humanization of high education.*

Е. В. ШВАРЕВ

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ВУЗА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Статья посвящена критериям и показателям эффективности управления процессами интеграции в вузах культуры и искусств. Выделены основные типы этих процессов: содержательно-обобщающие, функционально-агрегирующие, организационно-преобразующие и личностно-развивающие.

Ключевые слова: *интеграция, интеграционный процесс, управление интеграционными процессами, критерии, показатели.*

Одной из важнейших тенденций современного профессионального образования является интенсификация интеграционных процессов.

Целенаправленное и успешное управление ими невозможно без обоснования соответствующих критериев и показателей эффективности.

На основе обобщения эмпирического опыта нами было выделено четыре основных типа интеграционных процессов, характерных для современных вузов культуры и искусств: содержательно-обобщающие, функционально-агрегирующие, организационно-преобразующие и личностно-развивающие.

Особенностью содержательно-обобщающих интеграционных процессов является их направленность на установление разнообразных связей в содержании образования, повышение плотности информации и ее содержательное обобщение, поиск способов унификации знания в определенно сложившихся и постоянно совершенствующихся формах познания и выражения познанного. В качестве интегрирующего фактора в этих процессах выступает определенная методологическая идея.

Функционально-агрегирующие интеграционные процессы направлены на кооперирование усилий людей, достижение единства в их действиях. Интеграция осуществляется в разных видах совместной деятельности и их структурных компонентах.

Основным смыслом и содержанием организационно-преобразующих интеграционных процессов является создание новых организационно-образовательных структур (комплексов, проблемных лабораторий интеграционного типа, временных научно-исследовательских коллективов и др.). Интегрирующим фактором в таких реорганизациях является совместно выработанная субъектами программа деятельности, в основу которой положена авторская концепция.

Личностно-развивающие интеграционные процессы связаны с формированием и развитием интеграционных личностных образований (по определению В. С. Мерлина, интеллигентности, профессиональной компетентности, творческого потенциала, интегральной индивидуальности) [1]. Опираясь на суждения Л. С. Выготского, мы можем утверждать, что здесь используются как интегрирующие такие формы образовательной деятельности, которые позволяют обеспечить переход внешних процессов во внутриличностный план [2]. В соответствии с данной типологией мы выделяем четыре критерия эффективности управления интеграционными процессами в вузах культуры и искусств, рассматривая в качестве первого развитие организационного субъекта образовательной деятельности.

Исследования психологов А. Л. Журавлева, Б. Ф. Ломова, Л. И. Уманского, А. С. Чернышева и других показывают, что эффективность совместной деятельности в значительной мере зависит от скоординированности и согласованности усилий. Активное взаимодействие может приводить к образованию особых социальных общностей, обладающих качеством субъектности групповых и организационных субъектов профессиональной деятельности.

Под групповым субъектом в широком смысле слова мы понимаем такую социальную общность людей, которая в деятельности и во взаимоотно-

шениях с другими субъектами и социальными сообществами ведет себя как единое целое. В качестве групповых субъектов профессиональной деятельности могут рассматриваться бригада, творческий коллектив, кафедра, факультет, вуз или любая другая организация в целом и т. д. Если групповым субъектом, по определению О. П. Решетникова, является организация или учреждение в целом, то его называют организационным субъектом [3]. Формирование последнего может рассматриваться в качестве стратегической цели, результата развития интеграционных процессов и критерия эффективности управления ими в связи с тем, что только в этом случае достигается синергетический эффект в деятельности субъектов образования и наиболее оптимальные результаты.

Показателями развития вуза как организационного субъекта образовательной деятельности являются следующие факторы: достижение целевого, концептуального, содержательного, технологического и критериального единства в действиях субъектов; уровень кооперации усилий субъектов при решении образовательных задач; сработанность и совместимость субъектов при выполнении коллективной деятельности.

В качестве второго критерия эффективности управления интеграционными процессами мы в своем исследовании используем понятие целостности образовательного процесса. По мнению психологов (Л. С. Выготский, В. С. Мерлин) и педагогов, разрабатывающих проблемы управления интеграционными процессами (П. Е. Решетников, Б. И. Канаев и др.), сущность развития любой системы (а в качестве таковой можно рассматривать и личность будущего специалиста) заключается в возрастании степени интеграции личностных структур [4]. Важнейшим условием интеграции последних является целостность образовательного процесса, возрастание степени интеграции его компонентов.

Для вузов культуры и искусств можно выделить следующие показатели целостности образовательного процесса: соответствие друг другу стратегических, тактических и оперативных задач; единство и взаимосвязь обучения, воспитания, образования и саморазвития, аудиторной и внеаудиторной занятости студентов; степень интеграции научной, образовательной и социально-культурной деятельности преподавателей и студентов.

В качестве третьего критерия мы используем понятие интегрированности образования, под которым понимается способность обеспечивать гармоничное включение субъектов (носителей образования) в деятельность различных социальных общностей, их адаптацию в трудовых коллективах, успешное решение ими профессионально-трудовых, социально-культурных и общественно-политических задач, осознание своего места и роли в общей деятельности, успешное выполнение социальных функций в соответствии с общественными ожиданиями и установленными нормами поведения. Интегрированность образования следует отличать от «интегративного»

образования, подразумевающего процесс обучения и воспитания учащихся, студентов, основанный на использовании интегративных форм и методов.

Выделим следующие основные показатели интегрированности образования в вузе культуры и искусств: интеграция вузовского образования в мировое образовательное пространство; интеграция деятельности субъектов образования в региональный социально-культурный процесс; успешность адаптации выпускников вуза в профессионально-трудовых коллективах.

Четвертым критерием эффективности управления интеграционными процессами в вузе является развитие интегральной индивидуальности будущих специалистов, которую исследовал В. С. Мерлин [5]. В трудах Б. Г. Ананьева была раскрыта основная закономерность развития интегральных качеств человека, который последовательно проходит этапы становления от индивида к личности, затем к субъекту профессиональной деятельности и собственной жизни. Завершается этот процесс становлением творческой индивидуальности [6]. В трудах В. С. Мерлина было показано, что полноценная творческая самореализация сущностных сил человека возможна лишь в том случае, если он не только обладает творческим потенциалом и неповторимыми чертами личности, но и активно интегрируется в деятель-

ность социальной общности, т. е. становится интегральной индивидуальностью. Показателями ее сформированности у будущих специалистов являются их творческий потенциал, развитое системное мышление, гармонизация индивидуальных, групповых, вузовских и национальных целей, интересов и потребностей.

Итак, мы рассмотрели основные типы интеграционных процессов, их особенности, а также основные критерии эффективности управления интеграционными процессами в вузах культуры и искусств.

Литература

1. Мерлин В. С. Психология индивидуальности: избранные психологические труды. М., 2005.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3 / под ред. А. М. Матюшкина. М., 1983.
3. Решетников О. П. Формирование духовно-развивающей среды в учреждениях среднего профессионального образования: моногр. Белгород, 2008.
4. Решетников П. Е. Нетрадиционная технологическая система подготовки учителей: педагогическая мастерская. М., 2000; Канаев Б. И. Система внутришкольного управления. М., 1997.
5. Мерлин В. С. Психология индивидуальности ...
6. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания: избранные психологические труды. М., 2005.

E. V. SHVAREV. THE CRITERIA AND INDICATORS OF EFFICIENCY OF DIRECTION OF INTEGRAL PROCESSES IN EDUCATIONAL SYSTEM OF INSTITUTE OF CULTURE AND ARTS

This article is dedicated to the criteria and indicators of efficiency of direction of the main kinds of integral processes in institutes of culture and arts: substantial-generalized, functional-aggregated, organizing-reformatory and personal-developing.

Key words: integration, integral process, direction of integral processes, criteria, indicators.

В. В. ТРУБИНСКИЙ

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается проблема индивидуализации процесса обучения курсантов военного летного вуза, а также противоречия между индивидуальным и коллективным подходами в учебно-воспитательном процессе.

Ключевые слова: индивидуализация обучения, индивидуальный и коллективный подходы, формы обучения.

Проблема качественной подготовки летчиков в кратчайшие сроки в условиях интенсификации и индивидуализации педагогического процесса является одной из центральных при обучении курсантов высших военных авиационных учебных заведений России. Индивидуальный подход, рассматриваемый нами, позволяет на практике создать систему, эффективную для всех обучающихся.

Активизация человеческого фактора в военном деле, прежде всего, связана с выявлением и максимально полным использованием в процессе

обучения индивидуальных особенностей курсантов, обеспечением необходимого соответствия их личных возможностей требованиям военной профессии [1].

Практическая значимость проблемы индивидуализации занятий обусловлена сложностью рационального разрешения существующего противоречия между коллективным характером учебной деятельности и сугубо индивидуальным усвоением знаний. Эту сложность можно успешно разрешить лишь при условии активи-

зации самостоятельной учебно-познавательной работы [2].

Необходимость решения данного вопроса особенно ярко выражена в военном вузе. Как и в других образовательных учреждениях закрытого типа, учеба курсантов в отличие от их гражданских сверстников в большей степени связана с жизнью коллектива. Поскольку у них быт и обучение подчинены воинскому уставу и дисциплине, они в известной степени ограничены в свободе передвижений и в связях за пределами вуза. Формирование качеств взрослого, самостоятельного человека происходит в этой среде значительно раньше, чем у гражданской молодежи, по причине того, что эти процессы проходят в режиме интенсивной службы, совмещения учебы с выполнением воинских обязанностей и повышенной правовой ответственности.

Коллективный подход в обучении и воспитании курсантов всегда играл ведущую роль, поскольку основную часть своего времени они проводят в коллективе, в котором живут и служат. Поэтому очевидно, что большое значение в этих условиях принадлежит именно коллективным формам деятельности.

Индивидуальный подход рассчитан на более глубокую и сосредоточенную работу в области развития персональных качеств личности. Однако при этом нельзя допускать, чтобы курсанты переживали ощущение неполноценности, приводящее к пассивности, утрате стимулов к обучению, снижению чувства собственного достоинства. Для специалиста летной профессии чрезвычайно важным является воспитание сильных сторон личности, которые бы гарантировали успех и веру в свои силы. Поэтому в педагогической практике необходимо умело использовать поощрение и порицание. Положительные эмоции, связанные с достижением успеха, – основа наиболее эффективного обучения.

Коллективный и индивидуальный подходы, взятые в отдельности, имеют присущие им достоинства и недостатки. Нарушение баланса между ними может привести к возникновению сложных психологических проблем. Так, коллективизм стимулирует инициативу, активность, обеспечивает динамику познавательных процессов. Однако его доминирование при отсутствии принципа индивидуализации приводит к насаждению усредненного подхода к курсантам, в результате чего теряется личность. Индивидуальная самостоятельная работа не только углубляет знания курсанта, но и является уникальным механизмом формирования у него всех необходимых для профессиональной деятельности умений и навыков. В то же время ограничение учебно-воспитательной деятельности только индивидуальными методами лишает курсанта разнообразия общения, тормозит формиро-

вание опыта совместной работы и умения жить в коллективе. В связи с этим немаловажная роль отводится рациональному сочетанию коллективных и индивидуальных форм обучения, позволяющему избежать противоречия в организации учебно-воспитательной работы.

Коллективные формы обучения и воспитания подразумевают получение знаний, приобретение умений и навыков курсантами в составе потока, учебной группы, подгруппы, пары, проведение групповых консультаций, тогда как индивидуальная форма – это сугубо личная работа курсанта, а также преподавателя, командира персонально с каждым курсантом.

В процессе реализации индивидуального обучения необходимо иметь определенную информацию о личности обучаемого, т. е. принимать во внимание сведения о его темпераменте, характере, особенностях мышления, способностях и дарованиях. К индивидуальным формам обучения можно отнести персональные консультации, самостоятельную работу, подготовку и проведение фрагмента учебного занятия, а также подготовку докладов, рефератов, выступлений и т. д.

В настоящее время коллективные и индивидуальные формы обучения не практикуются отдельно. Они существуют, дополняя друг друга. Поэтому необходим строгий дифференцированный подход для использования в учебно-воспитательной деятельности сочетания коллективных и индивидуальных форм.

В перспективе предполагается создание индивидуальных программ, ориентированных на конкретные образовательные потребности и цели, учитывающие опыт, уровень подготовки, психофизиологические, когнитивные особенности каждого курсанта [3]. Реализация этой модели обучения позволит повысить открытость образовательной системы [4].

Именно такой подход к обучению в современных условиях способствует привитию курсантам необходимых знаний, позволяет сформировать у них профессиональные умения и навыки.

Литература

1. Аношкин А. Ю., Железковская Г. И. Формирование профессиональной направленности курсантов военных авиационных вузов: моногр. Саратов, 2001. С. 19.
2. Уварова И. В. Информационные критерии индивидуального планирования в системе непрерывного образования // Новые педагогические исследования: приложение. № 5. М., 2006. С. 131–134.
3. Никонова З. В. Педагогика высшего образования: учеб. пособие. Краснодар, 2006. С. 40.
4. Гордеева Н. Н. Индивидуализация обучения: опыт, реалии, перспективы // Педагогика. 2002. № 2. С. 32–38.

V. V. TRUBINSKIY. INDIVIDUALIZATION OF CADETS TRAINING IN EDUCATIONAL PROCESS

The article is dedicated to the problem of cadets training individualization in high aviation military institute of higher education and to the problem of contradiction between the individual and collective approach in educational process.

Key words: individualization of education, individual and collective approaches, forms of education.

Проблемы мировой и региональной истории

А. Н. ЕРЕМЕЕВА

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ТЕКСТАХ САМИЗДАТА И ТАМИЗДАТА

В статье рассматривается отражение истории научной интеллигенции в советском самиздате и тамиздате, анализируются различные типы неподцензурных текстов, представляющие альтернативные интерпретации истории советского научного сообщества.

Ключевые слова: история научной интеллигенции, самиздат, тамиздат, альтернативные интерпретации.

История научной интеллигенции СССР активно изучалась в советской исторической науке. Особое внимание уделялось проблемам партийно-государственного руководства наукой и учеными, подготовки научных кадров, а также биографиям ведущих советских ученых. Одновременно в неподцензурных изданиях публиковались работы, представляющие альтернативный взгляд на разнообразные аспекты темы и поднимающие проблемы, исключенные из официального дискурса по идеологическим основаниям. В данной статье рассматривается отражение истории научной интеллигенции в советском самиздате и тамиздате.

По определению А. Ю. Даниэля, самиздат – это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде [1]. Тамиздатом назывались запрещенные в СССР книги и журналы, изданные за рубежом. Репертуар самиздата и тамиздата различался, однако многое из самиздата попадало в тамиздат; имел место и обратный процесс.

Среди авторов работ, в той или иной степени затрагивающих историю советской научной интеллигенции, – представители социально-гуманитарных и естественных наук, писатели и публицисты.

Одной из первых неподцензурных книг по истории советской науки был труд генетика, специалиста в области молекулярных проблем геронтологии Жореса Медведева «Взлет и падение Т. Д. Лысенко». Как отмечал М. Лернер, переводчик этого труда на английский язык, генетик университета Беркли (Калифорния, США), первоначально рукопись Медведева находилась в советском издательстве. В официальном письме он запросил ее копию для перевода на английский язык. Однако в этой просьбе ему отказали в связи с тем, что было принято решение вообще не публиковать книгу [2]. (Медведеву же сообщили, что в год 50-летия Октября в издательстве другие приоритеты.) Тем временем «через неофициальные каналы» Лернер получил микрофильм с текстом рукописи.

В книге изложены основные этапы возвышения Лысенко, подчеркнута тесная связь этого воз-

вышения с политическими процессами, происходившими в сталинском СССР, с идеологизацией естественных наук. Медведев представил основные школы в советской биологической науке, их лидеров. Сам автор позиционировал себя как выразителя идей политически не ангажированной части советских генетиков.

Своеобразным продолжением и дополнением «Взлета и падения Т. Д. Лысенко» можно рассматривать книгу Марка Поповского «Дело академика Вавилова». Известный журналист и биограф во втором поколении (его отец А. Поповский – автор многочисленных биографий отечественных ученых) М. Поповский распространял рукопись книги (первоначальное название – «Беда и вина академика Вавилова») среди своих друзей. По его данным, «верные люди увозили ее из Москвы в Среднюю Азию, в Киев, в Воронеж, на Дальний Восток» [3]. После эмиграции автора книга была издана на Западе и долгое время рассматривалась в числе лучших публицистических произведений о политической составляющей науки сталинской эпохи и о трагической судьбе Н. И. Вавилова. Одним из первых и наиболее активных респондентов М. Поповского, предоставивших важную информацию о Н. И. Вавилове, был всемирно известный специалист в области селекции кукурузы М. И. Хаджинов, проживавший на Кубани.

Главный антигерой труда М. Поповского, Т. Д. Лысенко, судя по документам его фонда в архиве РАН (ф. 1521), читал книгу и интересовался личностью и творчеством автора.

В 1979 году в Париже был опубликован роман М. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» (Париж, 1979) о судьбе ученого – крупнейшего специалиста по гнойной хирургии, лауреата Сталинской премии, священника.

Феномен шараги – научно-промышленного предприятия в рамках системы НКВД, где работали арестованные ученые, – стал предметом осмысления не только хорошо известного романа А. И. Солженицына «В круге первом» (где воспроизводится послевоенное бытие шараги), но и ряда сам- и тамиздатовских текстов. В 1971 году во Франкфурте-на-Майне была из-

дана ранее циркулировавшая в самиздате книга Г. Озерова «Туполевская шарага». За псевдонимом скрывался Л. Л. Кербер, в предвоенные годы отбывавший срок в шараге, а впоследствии лауреат Государственной и Ленинской премий. Автор реалистично воспроизвел повседневную жизнь и настроения заключенных специалистов.

Попытка выявить основные тенденции в развитии науки в условиях советского социума была предпринята в монографии Жореса Медведева «Советская наука» (1978). В предисловии автор обосновал уникальность своей позиции как исследователя. В отличие от профессиональных советских историков науки он не был обязан избегать острых тем и делать упор только на достижениях. Наличие персонального опыта, длительная вовлеченность в научную жизнь в СССР давали ему преимущество по сравнению с западными историками [4]. По сути, наряду с традиционными источниками и методами исследования автор использовал метод включенного наблюдения. В книге, ориентированной, как он сам отмечает, на западного читателя, рассмотрены основные этапы развития советской науки, начиная с революционных лет и завершая периодом «разрядки» международной напряженности (1972–1977). Медведев излагает проблему взаимоотношений ученых и власти сквозь призму статуса ученых и науки в советском обществе на различных этапах борьбы власти с инакомыслием ученых.

Книга Медведева стала результатом не только раздумий о судьбе советской науки, но и интенсивного опыта общения с европейскими и американскими коллегами за годы пятилетней эмиграции. Последний фактор, думается, стимулировал появление авторского замечания о том, что безответственное использование науки и техники политиками не есть феномен одной страны: «Многие другие страны с различными социальными системами разными путями манипулируют научно-техническим прогрессом в политических целях» [5].

Работы о современном состоянии науки и научной интеллигенции включали анализ политических предпочтений ученых, механизмов стимулирования в сфере науки, взаимоотношений исследователей и администраторов от науки.

Международному сотрудничеству ученых посвящена книга Ж. Медведева «Международное сотрудничество ученых и национальные границы» [6]. На основе собственного опыта и опыта своих коллег автор рассмотрел индивидуальные возможности сотрудничества ученых разных стран, степень вмешательства государства в этот процесс, современные масштабы и эффективные формы международных научных связей. Отдельный раздел посвящен гражданскому праву и законодательству о зарубежных путешествиях. В заключении высказаны пожелания организациям, «определяющим в СССР политику и практику международного сотрудничества отдельных граждан», – «Интуристу», Всесоюзному географическому обществу, Идеологической комиссии ЦК КПСС.

М. А. Поповский, обобщив опыт многочисленных поездок в научные учреждения СССР, в том числе в южнороссийские, одним из первых коснулся вопроса о стремлении партийных и государственных чиновников получить ученые степени, которые «оберегают своего носителя от всевозможных бюрократических катаклизмов лучше, чем любая должность в обкоме или министерстве», о традициях написания диссертаций для администрации институтов научными коллективами [7]. В современной России этот процесс (научковед А. В. Юревич в 1990-е годы назвал его, сообразно новым условиям, «братанием бедной науки и богатой политики») развивается лавинообразно.

Проблема *наука и власть* – одна из центральных в автобиографическом сочинении бывшего заведующего кафедрой логики философского факультета МГУ, крупного специалиста в области методологии науки А. А. Зиновьева «Русская судьба, исповедь отщепенца». Автор делает теоретические выводы, исходя из анализа собственной жизни и творчества. Особое внимание он уделяет взаимоотношениям ученого-гуманитария с «самым сильным, самым неуязвимым, самым замаскированным под благородство и самым беспощадным <...> врагом – <...> профессиональной средой». Полагая, что в западных исследованиях истории советской науки «непомерно преувеличивается роль КГБ», автор отмечает: «А между тем инициатива расправы с непокорным индивидом далеко не всегда исходит из КГБ и даже из ЦК. КГБ есть исполнительный орган ЦК, а ЦК получает информацию о людях из их окружения, из их коллективов, из их профессиональной среды. ЦК и КГБ лишь организуют и направляют ту инициативу, которая исходит из окружения данного индивида, подвергаемого давлению и наказанию. Я это испытал на собственном опыте и видел это, наблюдая аналогичную ситуацию в отношении многих других» [8].

А. А. Зиновьев, таким образом, коснулся аспекта, активно разрабатываемого современными историками научного сообщества. Исследователи, используя этнографические методы анализа, изучая сообщества ученых с позиций их собственной логики, уже «не стесняются» говорить о том, что в основе полемики часто лежали концептуальные разногласия, институциональные конфликты, просто личная вражда, что сами ученые, вступавшие в диалог с политиками, апеллировали к ним как к арбитрам. Следовательно, к научной интеллигенции подходят не только как к объекту партийно-государственного руководства, получавшего из рук последнего привилегии и от него же страдавшего.

Своеобразное явление представляли собой художественные произведения, написанные учеными. Это, по сути, облеченные в художественную форму исследования по социальной истории советской науки.

Хорошо известен эмигрантский роман А. А. Зиновьева «Желтый дом» (1980), в сатирическом ключе воссоздающий жизнь высокостатусных

философов и идеологов, для которых, по мнению автора, характерен внешний конформизм при полной и окончательной ориентации на Запад. Герои Зиновьева, имевшие реальных прообразов, не разрабатывая ничего нового в области коммунистической теории, активно занимаются критикой буржуазных течений, по сути, паразитируя на буржуазной науке и идеологии.

Яркая страница неподцензурного художественного творчества – стихотворные произведения доктора физико-математических наук, специалиста в области кинематики ядерных реакций Г. И. Копылова (1925–1976). Поэма «Евгений Стромькин» (1948–1956), написанная онегинской строфой, широко расходилась в списках и вошла в студенческий фольклор физического факультета МГУ. Е. Фейнберг справедливо назвал ее, по аналогии с пушкинской, «энциклопедией студенческой и научной жизни послевоенного десятилетия» [9]. В 1964–1972 годах Г. Копылов написал «Четырехмерную поэму». Прототипом города Задвинска с его Храмом науки за колючей проволокой послужила подмосковная Дубна, где с 1955 года автор работал в Объединенном институте ядерных исследований. Инициатором публикации произведений Г. Копылова на Западе стал видный правозащитник, ученый-астрофизик К. А. Любарский.

Персонажи Копылова воплощают различные варианты жизненных стратегий ученых. Это и борцы «за идеологическую чистоту» науки, и независимо мыслящие личности. Особого внимания удостоились исследователи, которые, оправдывая себя тем, что первоочередной долг ученого – «двигать науку», устранялись от объективной оценки политических событий и процессов:

И если я чувствую кванты нутром,
и если влезаю я в антинейтрон –
плевать мне, словаки ли, венгры ли
свою демократию свергнули [10].

Интересна и авторская трактовка эволюции молодых, прогрессивно мыслящих ученых в конформистов. Его Евгений Стромькин, «прежний еретик», после университета был «распределен» в «почтовый ящик», где «грядущих атомных веков <...> наступление торопят». Через несколько лет жизни в относительно благополучном наукограде Евгений «остепенился и притих», понял,

«что быть глазам приятней в шорах», что, прежде всего, нужно думать о профессиональном совершенствовании:

...Науку двигая свою,
Я больше обществу даю,
Чем тыча пальцами в прорехи.
Я приближаю новый век,
Не разрушая ветхих вех [11].

Данная трансформация была характерна для многих советских ученых. Практика социального конформизма обосновывалась приоритетом профессионального роста.

Итак, в самиздате и тамиздате нашли отражение разнообразные аспекты истории советской научной интеллигенции, повседневные практики академической жизни. Ракурсы, обозначенные в пространстве неподцензурной литературы, по сути, совпадали с теми, которые рассматривали западные историки советской науки. В 1990-е годы эти аспекты доминировали в российских историко-научных исследованиях.

Литература и примечания

1. Даниэль А. Ю. Истоки и смысл советского самиздата // Антология самиздата. Т. 1. Кн. 1. М., 2005. С. 17.
2. Lerner M. Foreword // *Medvedev, Zhores A. The Rise and Fall of T. D. Lysenko / translated by I. Michael Lerner, with the editorial assistance of Lucy G. Lawrence.* N. Y.; L., 1969. P. VII.
3. Поповский М. Дело академика Вавилова. Ann Arbor: Hermitage, 1983. С. 15.
4. Medvedev Z. A. Soviet Science. N. Y., 1978. P. X.
5. Ibid. P. XII.
6. Изданный в Великобритании в серии «The Medvedev Papers» вариант получил название «Fruitful Meetings between the Scientists of the World» (L., 1971).
7. Поповский М. Управляемая наука. Лондон, 1978. С. 62.
8. Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 433.
9. Фейнберг Е. Л. Сатира Г. И. Копылова // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1998. № 2. С. 94.
10. Копылов Г. Четырехмерная поэма. URL: <http://www.dubna.ru/culture.php?liter=4mer>
11. Копылов Г. Евгений Стромькин // ВИЕТ. 1998. № 2. С. 120.

A. N. EREMEEVA. HISTORY OF THE SOVIET SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA IN SAMIZDAT AND TAMIZDAT TEXTS

The article is dedicated to reflection of the history of scientific intelligentsia in the Soviet Samizdat and Tamizdat. The author provides the analysis of different sources of uncensored texts and their alternative interpretations of the history of the Soviet scientific community.

Key words: history of scientific intelligentsia, samizdat (self-publishing), tamizdat (published abroad), alternative interpretations.

Ю. В. ПРИЙМАК

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ТРАКТАТ 1700 ГОДА И КРЫМСКО-ОСМАНО-РОССИЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В статье исследуется политическая ситуация в Северо-Восточном Причерноморье на рубеже XVII–XVIII веков в условиях изменения международно-правового статуса региона и генезиса «восточного вопроса» после заключения Константинопольского трактата 1700 года.

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, «восточный вопрос», Константинопольский трактат, набеговая система.

Генезис «восточного вопроса», обостривший на рубеже XVII–XVIII веков ситуацию в Северо-Восточном Причерноморье и вызвавший острейший внешнеполитический и внутренний кризис в регионе, был лишь отчасти купирован соглашениями, заключенными по итогам Карловицкого конгресса 1698–1699 годов.

Временное двухлетнее перемирие между Россией и Портой, достигнутое на переговорах в Карловицах (Карловичах), стало основой для заключения 3 июля 1700 года в Царьграде (Константинополе) трактата о перемирии между Россией и Портой на 30 лет. Сам «Трактат, заключенный в Цереграде», именуемый в историографии Константинопольским миром, имел для Северо-Восточного Причерноморья большое внутри- и внешнеполитическое значение. Впервые в осmano-российских отношениях разрешались не только сложные двусторонние противоречия, но и регламентировались вопросы делимитации границ в Северо-Восточном Приазовье. «Азов-город, – гласила статья IV трактата, – и ныне к нему надлежат все старые и новые городки, и меж теми городками лежащие, или земля или вода, понеже во владении Царского Величества суть, паки тем же образом всемерно Его же Царского Величества в державе да придут» [1]. Тем самым Порты на межгосударственном уровне признала переход Азова под юрисдикцию России.

Статья V трактата определяла осmano-крымско-российскую границу к западу от Азова, причем земли от Миуса до Перекопа получили статус «барьерных» территорий, на которых запрещалось расселение подданных России и Порты. «Да от Перекопского замка начинающейся заливы, – записано в договоре, – Перекопской двенадцати часов расстоянием простирающейся земли, от края даже до нового города Азовского, который у реки Миуса реченой стоит, среди лежащие земли пустые и порожние и всяких жильцов лишены да пребудут» [2].

В интересах кочевого и оседлого населения Приазовья статья VI мирного договора допускала ведение беспешинной хозяйственно-промышленной деятельности в «барьерных» землях, где «как пристойно доброму соседству и доброй пересылке, вольно буди с обеих сторон дрова сечь,

пчельники держать, сено косить, соль вывозить, рыбную ловлю чинить и в лесах ловли звериные творить» [3]. «А понеже для тесноты Крымского острова, – подчеркивалось в статье, – и помянутой заливы Перекопской, скоты и иные животные исстари вне Перекопской заливы выгнанные пастбищ употреблять обыкли суть, на таком пастбище урон и убыток какой да не наносится, но пастбища употребление обыклым правом спокойно и безмятежно да сотворится» [4].

Делимитация границ к югу от Азова определялась статьей VII мирного договора, в которой указывалось: «Понеже также Азовскому городу и с другой стороны приличным образом земли владение надобно есть, дается от Кубанской стороны уезд, считая расстояние его от Азова к Кубани, даже до кончания десяти часов ездой конскою, обыкновенным считать обычаем во всех народах так, дабы Коммисары никоими мерами ссориться не могли; но по силе сего постановления обою страны земли добро да отделят и положением явных знаков да разделят, и никому никогда не дан бы был разности случай, от содержимых меж определенного расстояния земель десяти часов, да и с равным числом людьми, с обеих сторон назначенные разумные и благоволительные Коммисары, постановя меж собою время, сие дело как скорее да учинят» [5].

Сложности в определении линии границы на юге, между «Азовским городом» и «Кубанью», явились следствием, с одной стороны, отсутствия четкой системы внутреннего разграничения османских владений в Северо-Восточном Причерноморье на крымскую и собственно турецкую составляющие, а с другой – неопределенностью представлений «коммисаров» о том, что считать «обыкновенным обычаем» при измерении расстояния «до кончания десяти часов ездой конскою». На XXI конференции, в ходе согласования условий мира, канцлер Высокой Порты Магмет рейз-эфенди и «тайных дел секретарь и переводчик» турецкого султана А. Маврокордато-Скарлат в вопросе об уступке России земли от Азова в кубанскую сторону настаивали на расстоянии в 8 часов езды верхом, в то время как российские уполномоченные Е. Украинцев и И. Чередеев требовали исчислять дистанцию в

12 часов. При этом, сойдясь на 10 часах, обе стороны пререкались в вопросе о темпе верховой езды по степи. Османская сторона, отвергнув российское предложение определить спорное расстояние немецкими милями, не соглашалась признать ни «скорую гонцековую езду», ни предложение о среднем темпе – «езду ступистого коня». Российской же стороной в ответ указывалось, что «нигде того не повелось, чтоб на степях ездить чинно, постоянно и тихо. Пашинская городовая езда к той степной езде не пример» [6].

Таким образом, конкретное разграничение, или «положение явных знаков», между землями османского санджака Атчу (Ачу), Кубанской Татарией (Кубанским Сераскерством) Крымского ханства и российским Азовом откладывалось на неопределенный срок. Частично оно было урегулировано в октябре 1704 года, когда Россия и Османская империя, в лице азовского губернатора И. А. Толстого и османского уполномоченного Гасан-Паши, в рамках обязательств, взятых на себя по Константинопольскому договору 1700 года, окончательно согласовали вопрос о делимитации границ между Азовом и кубанскими владениями Порты и Крыма, определив пограничную черту по реке Ея [7].

В статье XVII договора между Россией и Портой определялась также незыблемость статуса других областей Северо-Восточного Причерноморья, оставшихся под властью Османской империи [8].

Основным содержанием статьи VIII являлись обязательства, принятые Россией по обузданию «своевольств и напусков» «неспокойных» казаков в пределы Крыма и Тамани, чайкам которых запрещалось выходить в Черное море. В свою очередь, османским «Губернаторам, и Крымским ханам, и Калгам, и Нурадынам, и иным Салтанам, и вообще Татарским народам и ордам» Порта повелевала соблюдать условия мира и не нападать на российские земли низовьев Днепра и Северо-Восточного Причерноморья. Однако недовольство этой частью османо-российского договора было вызвано не миром с Россией и отказом от набегов в ее пределы в Крыму, а признание Портой отказа Москвы от дани («дачи»), которая ежегодно выплачивалась крымским ханам [9].

В статье IX договора затрагивался важный для населения Северо-Восточного Причерноморья вопрос о судьбе «полоняников», грозивший обернуться новым обострением в османо-крымских отношениях. «А которые полоняники, – гласила статья, – по окончании мира или во время сего перемирия из Государств Царского Величества похищены и отведены будут и в странах Крымских, или Буджацких, или Кубанских, или в иных странах меж Оттоманскими и Татарами и Черкесами найдутся, без цены освобождены и возвращены да будут» [10]. Безусловно, выполнение подобных договоренностей во многом зависело от степени покорности крымских ханов турецкому султану как своему сюзеру и осложнялось значимостью торговли живым товаром в хозяйственной составляющей набеговой системы Крыма.

Константинопольский мир 1700 года, закрепивший за Россией устье Дона и часть Приазовья, серьезно повлиял на геополитическую ситуацию в Юго-Восточной Европе, подорвав многовековую монополию Порты и Крыма на господство в Северо-Восточном Причерноморье. Россия, закрепившись в Приазовье, поставила под контроль коммуникации, обеспечивавшие опасные для России прямые контакты Порты и Крыма с калмыками, тюркским населением Поволжья и Степного Предкавказья. Кроме того, Азов стал форпостом России в Северо-Восточном Причерноморье, барьером на пути крымских набегов, базой молодого азовского флота и важным пунктом российского влияния в близлежащих районах Крыма и Северо-Западного Кавказа.

Наибольший ущерб Константинопольский мир нанес интересам Крымского ханства, чьи северо-причерноморские и кубанские владения оказались отрезанными друг от друга. Кроме того, Порта, в силу взятых на себя международных обязательств, без учета интересов Крыма, гарантировала прекращение каких-либо враждебных действий крымских татар против России, что привело к осложнению крымско-османских вассально-союзнических отношений и переориентации набеговой системы ханства от походов против южно-российских земель к вторжениям в периферийные области своих же владений в Приазовье и на Кавказе. Кроме того, контроль России над устьем Дона окончательно сорвал намечившееся в начале 90-х годов XVII века крымско-калмыцкое военно-политическое сближение.

Для Порты основательный мир с северным соседом давал долгожданную передышку в череде неудачных войн, Россия же не только получила возможность сконцентрировать усилия в борьбе за выход к Балтийскому морю, оставив Черноморский вопрос открытым, но и провидчески сформулировала на полтора века вперед свою программу в решении восточного вопроса [11].

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ). Т. IV (1700–1712). № 1804. СПб., 1830. С. 68. Далее документ цитируется по этому изданию; *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. III. СПб., 1858. С. 382; Договоры России с Востоком, политические и торговые / сост. Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 4; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887. С. 371; Реформы Петра I: сб. док. / сост. В. И. Лебедев. М., 1937. С. 243.
2. Там же.
3. ПСЗРИ ... С. 69; *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого ... С. 382–383; Договоры России с Востоком ... С. 5; Письма и бумаги императора Петра Великого ... С. 371–372.
4. Там же.
5. Там же.
6. *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии: в 5 т. Т. 5. Посольство Е. И. Украинцева в Константинополе. 1699–1700. М., 2007. С. 120.

7. ПСЗРИ ... С. 634; *Санин О. Г.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 102; *Тепкеев В. Т.* Калмыцко-крымские отношения в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 31.

8. ПСЗРИ ... С. 69; *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого ... С. 383; Договоры России с Востоком ... С. 6; Письма и бумаги императора Петра Великого ... С. 373.

9. ПСЗРИ ... С. 70; *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии ... С. 110; *Артамонов В. А.* О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 77.

10. ПСЗРИ ... С. 71.

11. *Дегоев В. В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 32.

J. V. PRIJMAK. KONSTANTINOPOLSKIY TREATISE OF 1700 AND CONTRADICTIONS BETWEEN THE CRIMEA AND RUSSIAN AND OSMAN EMPIRES IN NORTH-EAST BLACK SEA COAST

The article is dedicated to the political situation at the North-East Black Sea Coast in the XVII–XVIII centuries in conditions of changing of international legal status of region and genesis of «East question» after the conclusion of treatise in Konstantinopol in 1700.

Key words: *the North-East Black Sea Coast, «East question», Konstantinopolskij treatise, the system of incursions.*

М. Ю. МАКАРЕНКО

КАЗАЧЕСТВО КУБАНИ В ГОДЫ НЭПА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК

На основании анализа статистических материалов представлена характеристика социально-демографического облика кубанского казачества. Сделан вывод о постепенном «растворении» казачества в общей массе сельского населения региона, интенсивность которого усилилась в послеоктябрьский период.

Ключевые слова: *казачество, крестьянство, сословная и этническая принадлежность.*

В истории «советского» казачества время нэпа (прежде всего, 1924–1926 гг.) – особенный период. До него было печально (точнее – трагедийно) известное циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года, а после – «великий перелом», поставивший казачество и крестьянство в вынужденную оппозицию к советской власти. Нэп же был относительно благополучным периодом: появилась реальная альтернатива противостоянию казачества и советской власти. Пленум ЦК РКП(б), проходивший в апреле 1925 года, признал «совершенно недопустимым игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций» [1].

Если в большинстве статистических материалов первой половины 1920-х годов понятие «казачество» было заменено категорией «приписные» (т. е. те, кто пользовался надельной землей, как разъясняет термин один из статистических сборников [2]) или же казаки вообще не выделялись из общей массы населения, то перепись 1926 года, проведенная уже после «смены курса», в числе прочих характеристик зафиксировала и «бывшую сословную принадлежность». По ее материалам, 27,52% жителей Северо-Кавказского края считали себя казаками. Относительный вес казаков среди населения Кубанского, Армавирского, Майкопского и Черноморского округов, послуживших основой образованного в 1937 году

Краснодарского края, составлял 42,32% [3]. Таким образом, продолжалась тенденция медленного понижения доли казачества среди жителей региона, установившаяся в начале XX века. Причем она проявилась и на территории соседнего Дона. Статистик З. И. Щелкунов отмечал, что войсковое население области дает все меньший процент по сравнению с невойсковым: на 1 января 1903 года войсковое население составляло 45,1% от общего числа жителей, а спустя девять лет – 44,3% [4].

Особенности колонизации и хозяйственного освоения различных регионов Кубани определили существенную разницу в численности казачества по округам: казаки составляли более 50% населения Кубанского и только 12,08% Черноморского.

Концентрация казачества повышалась (до 60% сельского населения Кубанского округа) среди жителей сельской местности [5]. Причем заведующий отделом переписи КСУ А. И. Гозулов подчеркивал: «Перепись, по единодушному заключению округов, в сельской местности проводилась значительно лучше, чем по городам» [6]. Таким образом, нет сомнений в достоверности ее материалов. Незначительным был относительный вес казаков среди городского населения: в Краснодаре, например, он составлял 7%, в Армавире – 4% [7].

После Октября 1917 года на смену христианско-патриархальной традиции организации семейной жизни пришли новые принципы. Городская молодежь с готовностью воспринимала измене-

ние социальных ценностей: в среде комсомольских активистов красные крестины, октябрины и свадьбы «без поа» быстро становились распространенным явлением.

Постепенно преобразования начинали проникать и в станичную повседневность. Высоко оценивая происходящие перемены, автор статьи «Новый быт в станице», опубликованной в 1924 году, пишет: «Мне бы очень хотелось, чтобы <...> какой-нибудь из старорежимных атаманских зубров, один из тех, которые так любят организовывать теперь различные "кубанские землячества", казачьи рады и круги на берегах Шпреи или Сены и предаваться воспоминаниям "о добром старом времени" в кабаках Белграда, Софии, Праги и Парижа, чтобы сейчас один из этих кубанских выкидышей заглянул на минутку в нынешнюю советскую станицу» [8]. Подтекст этих восторженных рассуждений – станица неузнаваемо изменилась. Можно, конечно, предположить, что размах происшедших перемен несколько преувеличен, однако трудно представить, что подобные восторги основывались только на пустом месте.

Большинство казаков были русскими или украинцами, хотя среди них встречались и представители других национальностей – калмыки, например [9]. В Кубанском и Черноморском округах среди казаков преобладали украинцы, в Армавирском и Майкопском – русские. Таким образом, сохранялись этнические аспекты колонизации региона.

Благодаря налоговой политике, проводимой государством в годы нэпа (а именно – прогрессии при налогообложении), происходило измельчение крупных хозяйств, большинство которых составляли казачьи.

Размеры казачьих семей сокращаются практически по всем посевным группам, однако интенсивнее этот процесс проявляется в семьях, связанных с хозяйствами самых высоких посевных групп – с посевом от 10 десятин. Нетрадиционный для региона дефицит мужского населения, сложившийся в результате мировой и гражданской войн (как наиболее призывная часть населения, казаки пострадали в наибольшей степени), проявлялся на Кубани (где основная отрасль сельского хозяйства – зерновая, в которой роль мужского труда исключительна) особенно остро.

Так же, как и в целом на Кубани, период пониженной рождаемости среди казачьего населе-

ния приходится на 1915–1922 годы, а минимальный показатель – на 1919-й. Судя по возрастной структуре, зафиксированной переписью, рождаемость 1926 года составила только 56% уровня 1914-го [10]. Аналогичный показатель по всему населению Кубани – 53% [11]. Причиной этого явления стала меньшая демографическая модернизированность казачества; кроме того, у детей, рожденных в крепких казачьих семьях, было больше шансов выжить. Незначительная, на первый взгляд, разница (несколько процентов) стойко отличает развитие практически всех демографических процессов.

Между тем нашла отражение общемировая тенденция: уровни модернизированности постепенно выравнивались, и с некоторым отставанием казачество также перешло бы к экономному типу репродукции. К сожалению, данные статистики не позволяют подтвердить или опровергнуть результаты расчета (например, имитационно-прогностической модели): после 1926 года ни одна из переписей не отмечала принадлежности к казачеству.

Литература и источники

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). М., 1970. Т. 3. 1924–1927. С. 237.
2. Население и хозяйство Кубанского округа. Статистический сборник за 1924–1926 гг.: в 2 т. Краснодар, 1928. Т. 1. С. 149.
3. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С. 3–5, 7.
4. Щелкунов З. И. Состав и рост населения Области Войска Донского за 10 лет (1902–1911) // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Вып. 12. Новочеркасск, 1914. С. 2.
5. Казачество Северо-Кавказского края ... С. 3–5, 7.
6. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 44. Л. 32.
7. Казачество Северо-Кавказского края ... С. 3–5, 7.
8. Красное Знамя. 1924. 23 марта.
9. Казачество Северо-Кавказского края ... С. 5.
10. Там же. С. 28, 30, 32.
11. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5. М., 1928. С. 138, 162, 170, 208.

M. Y. MAKARENKO. KUBAN COSSACKS IN PERIOD OF NEP: SOCIAL-DEMOGRAPHIC ASPECT

The characteristic of social and demographic appearance of Kuban Cossacks is presented on the basis of analysis of statistic materials. There is the conclusion about gradual «dissolving» of the Cossacks in a common mass of rural population of the region, which intensity increased in the post-October period.

Key words: Cossacks, peasantry, estate and ethnic referrance.

К. М. ГУСЕЙНОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ШЕРСТЕОБРАБОТКИ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ШЕРСТИ

В статье рассматривается становление и развитие кустарно-ремесленной обработки шерсти у народов Дагестана, а также вопросы классификации традиционных изделий из шерсти.

Ключевые слова: народные промыслы Дагестана, традиционные изделия из шерсти.

Животноводство, издревле являвшееся одним из основных традиционных занятий населения Дагестана, исторически развивалось в различных формах и в разной степени симбиозности с плужным земледелием [1]. «Уже во II–I тыс. до н. э. в северных районах (нынешнего. – К. Г.) Дагестана существовали поселения с довольно развитой земледельческой и животноводческой культурой, – отмечает А. П. Круглов. – Естественные условия дали возможность кочевникам, населявшим всю плоскость и предгорья Дагестана, заниматься разведением овец, а излишки шерсти подтолкнули население к занятию войлочным и ткацким ремеслом для удовлетворения собственных потребностей. Им нужно было защищаться от непогоды, изготавливать мешки для перевозки провизии, наконец, одеваться, и на все эти сложные потребности была шерсть, одна шерсть» [2]. Отметим, что дальнейшее развитие дагестановедения позволило археологам определить верхние границы становления производящего хозяйства на территории Дагестана – VIII–VII тыс. до н. э. [3]. Одним из основных ремесел населения Кавказской Албании К. В. Тревер называет ткачество [4]. О древности обработки шерсти и шерстоткачества на территории Дагестана говорят находки из древнебронзовых поселений [5]. Здесь ткачество развивалось и в албано-сарматский период (III в. до н. э. – III в. н. э.). В раннежелезном веке (VII–IV вв. до н. э.) происходит специализация ремесел, в том числе и ткачества. Параллельно совершенствуются способы изготовления войлока и бурок [6].

В Дагестане становление и развитие феодальных отношений произошло с середины I тыс. до н. э. Этот процесс способствовал дальнейшему развитию ремесел в регионе. В частности, широкий размах получило ткачество, которое помимо прямого назначения обслуживало внутренние и внешние торгово-обменные операции [7], а узорное ткачество и ковроделие вышли за рамки домашнего производства [8].

Развитию ремесла способствовали также сложившиеся связи населения Дагестана с народами Закавказья и Северного Кавказа, близость основных караванных путей между Востоком и Западом и крупных торговых центров. В первых веках нашей эры Дербент являлся одним из центров транзитной торговли [9].

Арабский историк X века Абу-Джафар Мухаммед Табари отмечал, что высококачественные ковры производились на территории Дербента и Ширвана уже в 40-е годы VII века [10]. О значительном распространении в Дагестане ткачества свидетельствует широкое применение ковров и ковровых изделий для украшения мечетей и молитвенных домов [11]. В XI–XV веках, с формированием феодальных отношений, одним из следствий которого было дальнейшее развитие ремесла, происходит специализация последнего по микрорегионам и селениям. Ускоренными темпами развиваются художественные промыслы. Кубачи, Харбук, Микрах, Испик, Кумух, Балхар, Гочатль, Хунзах превращаются в большие промысловые центры. Одним из факторов дальнейшего развития ремесленного производства послужило его отделение от земледелия.

Распад Кавказской Албании [12] и образование целого ряда раннефеодальных государственных образований [13] способствовали дальнейшему развитию ремесел и промыслов. Характерной особенностью раннесредневекового Дагестана было развитие городов как центров ремесел и торговли. В домонгольский и послемонгольский периоды дагестанские шали, высококачественное добротное сукно появляются на рынках Закавказья, Северного Кавказа, далеко за пределами Кавказа [14]. В XVI–XVII веках сложились производственные традиции в ткачестве, художественные и технологические особенности ковроткачества также получили отчетливые очертания, продолжая совершенствоваться [15].

В 1700 году Петр I отдал приказание астраханскому воеводе Мусину-Пушкину укреплять дружественные и торговые отношения с горцами Дагестана [16]. Начиная с XVIII века развитие промыслов и ремесел региона стимулировалось его экономическими связями с Россией, которая играла роль посредника в торговле между Востоком и Европой. Кроме того, росли потребности русской мануфактурной промышленности в сырье [17].

В XVIII – первой половине XIX века отчетливо наблюдается процесс дальнейшей специализации центров шерстоткачества. В частности, к середине XVIII века по всему Кавказу были известны сукна, производимые ткачами селений Карата, Акуша, Цудахар, Вихли и др. В XIX веке этот перечень расширяется, к нему добавляются Глондо-

да, Хаджал-Махи, Цовкра, Арчиб, а также селения Келебского общества [18]. Как центры производства высококачественного сукна, славились многие селения Аварского, Андийского, Кайтаго-Табасаранского, Казикумухского, Даргинского и некоторые селения Гунибского округов [19]. В начале XX века высококачественные тонкие сукна из верблюжьей шерсти, идущие в основном на рынки за пределы Дагестана, вырабатывались в таких населенных пунктах, как Акуша, Кутиша, Мекеги, Улуая, Муги, Усиша, Хаджил-Махи, Цудахар [20]. В селениях аварцев, лакцев, арчинцев изготавливались сукна естественного цвета овечьей шерсти, в том числе и белые.

Производство ворсовых и безворсовых ковров и ковровых изделий в XVIII – первой половине XIX века было характерно для Южного Дагестана (селения Ахтов, Микраха, Аркита, Межгюля, Хучни, Хуриг-Халага, Хива, Рутула, Касумкента, Рукела, г. Дербент). Целый ряд селений Хунзахского плато специализировался на производстве безворсовых ковров и узорных войлоков, в Глярата и близлежащих селениях развивалось производство ворсовых ковров и узорного вязания, в Гунибе и его округе – узорное ткачество и вышивка [21]. При этом внутри самих центров ковроделия, вырабатывавших несколько типов ковров и ковровых изделий, уже в XVIII веке отчетливо проявлялась специализация по отдельным видам производства. Так, например, в Южном Дагестане табасаранцы и рутульцы производили главным образом паласы, а лезгины – сумахи [22].

Ремесленники селений Анди, Ансалта, Риквани, Шодрода, Гагатль, Ботлих специализировались на производстве бурок. Со временем стали появляться мануфактуры простейшего типа – небольшие мастерские, в которых представители зажиточной части населения специально заготавливали шерсть, красители и прибегали к применению наемной рабочей силы. В селении Ансалта, как отмечает Х.-М. О. Хашаев, активизировали свою деятельность скупщики, приобретавшие готовые бурки значительными партиями. Они же нередко раздавали шерсть надомницам-мастерицам для чистки и крашения за плату, а в домах своих родственников открывали небольшие мастерские по производству бурок специально для продажи. В конце 1880-х годов в Анди (82 хозяйства) бурочным производством было занято 126 женщин, в Гагатле (59 хозяйств) – 73 женщины [23]. В 1890-е годы такие мастерские появились в Ансалте [24].

Таким образом, с древнейших времен обработка шерсти занимала видное место в традиционных занятиях населения Дагестана. Становление и дальнейшее развитие этого ремесла было обусловлено особенностями естественно-географического и природно-климатического характера, спецификой форм традиционного хозяйства, уровнем развития производственных сил общества, внутренними и внешними торгово-экономическими связями, исторически сложившимися в

регионе. Формирование производительных сил постепенно приводило, помимо специализации некоторых микрорегионов и отдельных обществ в видах кустарного ремесла, к повышению товарности вырабатываемой продукции и становлению элементов начальных форм капиталистического производства.

Изделия домашних промыслов и ремесленно-го производства из шерсти традиционно классифицировались по материалу, способу изготовления и назначению.

По материалу их разделяли на изделия:

– из овечьей шерсти;

– из нитей овечьей шерсти и хлопчатобумажные;

– из верблюжьей шерсти.

По способу изготовления изделий выделяли:

– валяние;

– ткачество на ткацком станке;

– вязание на спицах;

– вязание вручную.

По назначению изделия классифицировали следующим образом:

– материал для строительства жилища (войлочные пологи для жилища кочевников);

– материал для покрытия транспортных средств (войлочные пологи для кибиток);

– материалы для предохранения товаров, продуктов от температурных перепадов и пыли (войлочные пологи);

– мешки, сумы, хурджины для транспортировки и хранения товаров, материалов, продуктов;

– спальные принадлежности;

– материалы для одежды и обуви;

– ковры и ковровые изделия;

– веревки;

– попоны и потники;

– ритуальные маски.

Следует отметить, что приведенная классификация, охватывая собой весь ассортимент изделий из шерсти, дает, тем не менее, самое общее представление о традиционной шерстеобработке в Дагестане. В частности, ряд исследователей строит классификацию на основе технологических особенностей создания ковровой ткани, разделяя, например, ковры ворсовые, безворсовые, ковровые изделия и их видовое разнообразие. А. Дж. Магомедов называет такие разновидности ковров, как безворсовые, ворсовые, махровые, войлочные, вышитые и выполненные в комбинированной технике [25]. А. С. Иванов проводит классификацию по месту изготовления ковров, выделяя группы ковров Центрального, Северного и Южного Дагестана [26]. В основе классификации могут лежать и принципы основных приемов композиционного построения узора, особенности орнаментальных мотивов [27] и ряд других факторов.

Литература

1. Османов М.-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX века. М., 1990. С. 41.

2. *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н. э. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., 1946. Вып. 13. С. 132.

3. *Гаджиев М. Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. Эпоха неолита и ранней бронзы. М., 1991. С. 236.

4. *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры Кавказской Албании. IV в. до н. э. – VII в. н. э. М.; Л., 1959. С. 81.

5. *Котович В. Г., Шейхов Н. Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Вып. 8. Махачкала, 1960. С. 338.

6. *Давудов О. М.* Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 64.

7. История Дагестана с древнейших времен до XX века. Т. 1. М., 2005. С. 133–141.

8. *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 70.

9. *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982. С. 176.

10. *Гусейнов К. М.* Ковровый промысел аварцев (конец XIX – начало XX в.). Махачкала, 2006. С. 19.

11. *Исаев М. Д.* Ковровое производство Закавказья. Тифлис, 1932. С. 4.

12. *Ямпольский З. И.* Из истории древней Кавказской Албании. М., 1949. С. 136.

13. *Мамедова Ф.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986. С. 82–112; *Алиев К. Г.* Античная Кавказская Албания. Баку, 1992. С. 191–196; *Гасанов М. Р.* Дагестан в составе Кавказской Албании. Некоторые вопросы

социально-экономической и политической истории. Махачкала, 1998. С. 169–173; *Мамедова Ф.* Кавказская Албания и албанцы. Баку, 2005. С. 11–114.

14. История Дагестана с древнейших времен до XX века. Т. 1. М., 2005. С. 205.

15. *Фатуев А.* Дагестанские ковры // Революция и национальность (Махачкала). 1936. № 10. С. 66–70.

16. Кавказ (Тифлис). 1869. № 1.

17. История Дагестана с древнейших времен до XX века ... С. 433.

18. *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 99.

19. Дагестанская область // Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. С. 139.

20. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Тимир-Хан-Шура, 1903. С. 30; Обзор Дагестанской области за 1903 г. Тимир-Хан-Шура, 1904. С. 72; Обзор Дагестанской области за 1904 г. Тимир-Хан-Шура, 1905. С. 31; Обзор Дагестанской области за 1913 г. Тимир-Хан-Шура, 1914. С. 21.

21. *Гусейнов К. М.* Ковровый промысел аварцев ... С. 29.

22. Там же.

23. Дагестанская область ... С. 135–137.

24. *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке ... С. 99.

25. *Магомедов А. Дж.* Традиционное художественное ремесло Дагестана. Махачкала, 1999. С. 31.

26. *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана ... С. 70.

27. *Казимов Г. Н.* Ворсовые ковры Дагестана. Махачкала, 1989. С. 53–60.

K. M. GUSEINOV. THE BASIC STAGES OF TRADITIONAL WOOL MANUFACTURING AMONG DAGHESTAN PEOPLE AND THE MATTERS OF CLASSIFICATION OF HAND-MADE WOOL ITEMS

The article deals with the reasons of origin and development of hand-made wool manufacturing among Daghestan people as well as the matters of wool-wares classification.

Key words: handicrafts of Daghestan, traditional woolen items.

А. Г. БУРМАГИН

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В ПЕРВЫХ БОЯХ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ИЮНЕ 1941 ГОДА

Автор освещает историю создания 6-й казачьей Кубано-Терской кавалерийской дивизии, а также ее участие в боях на Западном фронте в первые дни Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, кавалерийская дивизия, дислокация, казаки-кубанцы.

Накануне Великой Отечественной войны на действительной военной службе находились военнослужащие-кубанцы 1919–1922 годов рождения. Многие из них служили в 5-й Ставропольской

кавалерийской и 74-й Таманской стрелковой дивизиях – старейших соединениях РККА, которые исторически были связаны с Кубанью и пополнялись призывниками из этого региона. Однако в

июне 1941 года только одно из соединений РККА официально носило наименование казачьего. Это была 6-я казачья кавалерийская Кубано-Терская, Чонгарская, ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Красной Звезды дивизия имени С. М. Буденного под командованием генерал-майора Михаила Петровича Константинова. Она дислоцировалась в г. Ломжа Белостокской области, в непосредственной близости от государственной границы СССР, и входила в 6-й кавалерийский корпус 10-й армии Западного особого военного округа. 22 июня 1941 года дивизия в числе первых приняла бой с немецко-фашистскими захватчиками.

6-я казачья кавалерийская дивизия была сформирована в годы Гражданской войны из жителей Ставрополя и Кубани и входила в 1-ю конную армию. В 1936 году она стала казачьей и продолжала пополняться призывниками Ставрополя и Кубани. По штату дивизии полагалось иметь 9240 военнослужащих, 64 легких танка, 18 бронемашин, 32 полевых и 16 противотанковых и зенитных орудий, 64 миномета. Фактически же перед началом войны в соединении было около 6000 человек. В его состав входили: управление, 3-й Белореченский Кубанский казачий кавалерийский полк, 48-й Белоглинский Кубанский казачий кавалерийский полк, 94-й Северо-Донецкий Кубанский казачий кавалерийский полк, 152-й Ростовский Терский казачий кавалерийский полк, 35-й Кубанский казачий механизированный полк и отдельные подразделения [1].

Боевая тревога в 6-й кавалерийской Кубано-Терской казачьей дивизии была объявлена 22 июня 1941 года, в 3 часа 30 минут, однако многие подразделения, не выведенные из мест постоянной дислокации, подверглись бомбежке. Около 10 часов утра 94-й казачий полк под командованием подполковника Н. Г. Петросьянца принял свой первый бой с немцами на рубеже железной дороги Ломжа – Лапы. Вскоре в бой вступили еще два казачьих полка – Белореченский Кубанский подполковника В. В. Рудницкого, занимавший оборону правее, и 152-й Терский подполковника Н. И. Алексева. Благодаря их героическому сопротивлению были отбиты все попытки врага с ходу пробиться к Ломже.

Ночью 22 июня части дивизии получили приказ отходить к Белостоку, куда они и прибыли к вечеру 23 июня. На всем 75-километровом пути маршевые колонны дивизии подвергались бомбежке с воздуха. 24 июня казаки заняли оборону по линии железной дороги Сокулка – Белосток, но к 16 часам получили приказ двигаться в сторону Гродно. Этот приказ был связан с тем, что 23 июня командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов решил нанести контрудар с целью ликвидации вражеского прорыва из сувалкского выступа. В сторону Гродно были брошены две дивизии 6-го кавалерийского корпуса и части 11-го и 6-го механизированных корпусов под общим руководством заместителя командую-

щего Западным фронтом генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Поскольку названные соединения находились на большом расстоянии друг от друга, они не смогли одновременно участвовать в контрударе.

Вечером 24 июня, примерно в 21 час, 94-й полк вступил в бой с противником в долине реки Бебжа, южнее Сидры. 1-й сабельный эскадрон под командованием старшего лейтенанта Ф. Липко при поддержке артиллерии заставил неприятеля отступить.

Утром 25 июня полки 6-й кавалерийской дивизии на исходных рубежах для наступления подверглись сильнейшему артобстрелу и бомбардировке с воздуха, которые продолжались до 12 часов дня. В результате они были рассеяны и начали отходить в лес. Штаб дивизии потерял связь с 94-м и 48-м кавалерийскими полками, отдельные подразделения вели бои в окружении. По воспоминаниям генерала И. В. Болдина, командир 6-го кавкорпуса генерал-майор И. С. Никитин так комментировал этот бой: «В момент вторжения противника 6-я кавдивизия находилась южнее Ломжи и приняла на себя удар. Вначале все было хорошо. Конники превосходно дрались. Они буквально усеяли землю вражескими трупами и ни на один шаг не отступили. Тогда враг бросил на дивизию авиацию. Так и растрепали фашисты дивизию» [2].

По словам начальника штаба 94-го кавалерийского полка 6-й кавдивизии В. А. Гречаниченко, 25 июня – самый черный день и для полка, и для всей дивизии. Начиная с рассвета, немецкая артиллерия открыла массированный огонь. В воздухе непрерывно барражировала вражеская авиация. Уже в первые часы все тяжелое вооружение было выведено из строя, связь полностью парализована. Полк нес тяжелые потери. Погиб командир полка подполковник Н. Г. Петросьянец. К концу дня от 94-го и 48-го полков осталось не более 350 конников [3].

«В результате неудавшегося контрнаступления, – вспоминал маршал А. И. Еременко, – многие наши части оказались в кольце вражеских войск и в неравных боях понесли огромные потери или были полностью уничтожены. Среди этих войск находился и 6-й кавалерийский корпус, которым я командовал в период освободительного похода в Западную Белоруссию» [4].

Судьбы попавших в окружение казаков-кавалеристов сложились по-разному. 29 июня под Волковыском был тяжело ранен командир дивизии генерал-майор М. П. Константинов, в командование разрозненными остатками дивизии вступил полковник И. П. Калюжный. Раненый генерал был оставлен в деревне Хатежино. После излечения он воевал в партизанском отряде, затем был вывезен на Большую землю и назначен командиром 7-го гвардейского кавалерийского корпуса. И. П. Калюжный удостоен звания Героя Советского Союза. В запас он уволился в звании генерал-полковника. Одни казаки-кубанцы дивизии

погибли в оборонительных боях, другие – пробиваясь на восток, значительная часть оказалась в окружении и в плену. Многие продолжали борьбу, став партизанами и подпольщиками, среди них был и вышеназванный начштаба 94-го полка В. А. Гречаниченко.

19 сентября 1941 года 6-я казачья Кубано-Терская кавалерийская дивизия была официально исключена из состава действующей армии. Впоследствии в РККА не создавались кавалерийские дивизии под номером шесть.

Литература

1. Курков Г. М. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной. Из истории формирования и боевых действий казачьих кавалерийских соединений Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 13.
2. Болдин И. В. Страницы жизни. М., 1961. С. 92.
3. Гречаниченко В. А. 94-й кавалерийский // Сайт РККА. URL: //www.rkka.ru/memory/belostok/
4. Еременко А. И. В начале войны. М., 1965. С. 73.

A. G. BURMAGIN. TO THE QUESTION OF PARTICIPATION OF THE KUBAN COSSACKS IN THE FIRST FIGHTS WITH NAZY TROOPS IN JUNE 1941

The author describes the creation of 6-th Cossack Kuban-Terets cavalry division as well as its participation in fights on the Western front in the first days of Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, cavalry division, a disposition, Kuban Cossacks.

В. В. КУЛАКОВ, Е. И. КАШИРИНА

МАССОВЫЙ ГЕРОИЗМ И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 годы)

В статье предпринята попытка анализа значительного фактического и статистического материала, затрагивающего события Второй мировой войны. С национально-патриотической позиции авторы рассматривают одну из важных проблем войны – героизм и коллаборационизм.

Ключевые слова: героизм, коллаборационизм, мобилизация, партизаны, дезертиры.

В современной историографии Второй мировой войны существуют полярные взгляды на проблему героизма и предательства советских солдат в период с 1939 по 1945 год. С одной стороны, мнение военных историков, работающих под эгидой Института военной истории и Генштаба Министерства обороны, с другой – представления гражданских исследователей [1]. Дискуссии между ними будут продолжаться до тех пор, пока исследователи не получат доступ к закрытым архивам. В некоторых изданиях содержатся противоречивые сведения. Так, в обзорном томе «Всероссийская Книга Памяти: 1941–1945» приводится информация о демографических потерях личного состава Вооруженных сил СССР, которые, по расчетным данным военных историков, составили 8 668 400 чел. [2]. В то же время только по республикам, краям и областям РСФСР эти потери составили 11 546 863 чел. [3], а вместе с другими республиками СССР – более 19,5 млн. чел. Эти сведения во многом совпадают с возрастным дисбалансом переписи 1959 года (20,7 млн. чел.). Если учесть коррекцию половозрастного баланса на 1941 год – 8 млн. чел., а также его изменения с 1946 по 1959 год, то получится искомая величина прямых демографических потерь призывного контингента – 19,5 млн. чел.

Как видно, официальные цифры потерь противоречат макродемографическим показателям и не вписываются в общедемографические тенденции военных лет. Известно, что население СССР в середине 1941 года насчитывало 196,2 млн. чел. При сохранении темпов естественного роста в условиях мирного времени оно могло бы составить 213,2 млн. чел., а не 170,6 млн. чел. Иными словами, суммарные потери населения – более 42,5 млн. чел., из них на сокращение рождаемости пришлось 12 млн. чел., а остальные 30 млн. чел. – на сверхсмертность и эмиграцию (0,451 млн. чел.) в годы войны. Однако в распоряжении историков есть две официальные концепции демографических потерь – комиссии А. Н. Яковлева и Генштаба МО РФ. Власть использует их как во внешнеполитических, так и во внутривнутриполитических целях, в зависимости от своих интересов минимизируя либо абсолютизируя те или иные цифровые параметры, объективизируя разного рода доктрины. Эти версии, условно называемые военно-героическими и гражданско-драматическими, в действительности отражают две стороны военных катаклизмов, в которые попала наша страна в годы Великой Отечественной войны. Поэтому данные вопросы необходимо рассматривать в диалектической связи процессов мобилизации всех сил на

борьбу с врагом, с одной стороны, и уклонизмом, дезертирством и добровольной сдачей в плен – с другой.

В годы Великой Отечественной войны на защиту Родины встали 40,6 млн. советских граждан, из них более 20 млн. составили добровольцы. Кадровый состав Вооруженных Сил (5,67 млн. чел.) пополнили призывники – 29,575 млн. чел., из них 15 млн. военно-обученных и запасных, а остальные – новобранцы и добровольцы. Вне системы НКО вели борьбу с фашистами более 5 млн. чел. Так, 6000 партизанских отрядов насчитывали 1,224 млн. чел., 60 дивизий народного ополчения – 2 млн. бойцов. Безопасность и охрану прифронтовой полосы обеспечивали 200 тыс. пограничников НКГБ и 906 тыс. солдат внутренних войск НКВД. 55 дивизий и 20 бригад войск НКВД участвовали в боях в составе действующей армии. В тылу безопасность и порядок обеспечивали 1755 истребительных батальонов (623 тыс. чел.), а также войска МПВО (200 тыс. чел.) и подразделения милиции (378 тыс. чел.) НКВД [4].

На войну пошли 6,387 млн. коммунистов и 11,5 млн. комсомольцев, 2 млн. женщин (в том числе 0,5 млн. военнообязанных), а также 200 тыс. подростков (из них 40 тыс. «сынов» полков и морских юнг).

Уровень мобилизованности населения составил 20,6%, что в два раза выше, чем расчетные (10%) показатели предвоенных лет. Такого наплыва в Вооруженные Силы, в том числе вне системы НКО и особенно добровольцев, не ожидал никто из противников и даже союзников СССР. Благодаря пополнению Вооруженных Сил к 1943 году удалось создать новую, по существу непобедимую, армию, которая сумела разбить гитлеровский вермахт в операциях 1943–1945 годов. В 1941–1942 годах был выбит кадровый костяк гитлеровских войск на Восточном фронте, что объективно способствовало последующей Великой Победе. Колоссальные жертвы отступательного периода войны (более 11,2 млн. советских солдат) были не напрасны.

Обратный процесс – уклонение от воинского долга, дезертирство, воинские преступления. Масштабы этого явления до сих пор не получили адекватного отражения в научной литературе. Известно, что уклонистов и дезертиров было зафиксировано 2168 тыс. чел., из них 212,4 тыс. чел. не разысканных. Это явление наблюдалось, прежде всего, в западных прифронтовых округах в 1941 году, когда линии фронтов менялись со скоростью 20–60 км в сутки, и поэтому значительная часть приписного состава не смогла явиться на места своей приписки. В плену оказалось 6300 тыс. советских людей, в том числе более 5000 тыс. красноармейцев, из них более 300 тыс. чел. добровольно сдались в плен, а 1142 тыс. чел. пошли служить «Третьему Рейху» перед реальной угрозой гибели от голода, болезней и издевательств, вследствие которых погибло около 3 млн. военнопленных. В целом невыявленные уклонисты, дезертиры, перебежчики составили около

2 млн. чел. Данное количество не превышает 5% от числа мобилизованных. В основном советские люди (95%) оказались верными своему гражданскому и патриотическому долгу [5]. По сравнению со странами, противостоявшими германской агрессии с 1938 года (Австрия и Чехословакия сдались без единого выстрела, Польша, Дания, Норвегия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Албания, Греция, Югославия капитулировали в ходе блицкрига), Советский Союз принял все возможное и невозможное для разгрома противника. Доля «пятой колонны» предателей и изменников была ничтожной (в 20 раз меньше, чем патриотов и героев).

До сих пор нет ясного определения воинского героизма. Так, например, для присвоения звания Героя Советского Союза необходимо было иметь личные или коллективные заслуги перед советским государством и обществом, связанные с совершением героического подвига [6]. На наш взгляд, героическим поступком является выполнение особо важного боевого задания командования, связанного с непосредственным риском для жизни.

Статистика награждений в определенной степени отражает общую тенденцию развития героизма личного состава действующей армии, партизанских отрядов, подпольщиков, дивизий народного ополчения и других воинских формирований. В ней имеются как факты «недонаграждения», так и награждения в нарушении статуса о государственных наградах. Известно о 300 подвигах, аналогичных действиям Александра Матросова. Звания Героя Советского Союза были удостоены 148 воинов: из них 12 отмечены орденом Ленина, 11 – орденом Красного Знамени, 29 – орденами Отечественной войны, 1 – орденом Красной Звезды, а остальные остались ненагражденными. Более трети военнослужащих, повторивших подвиг Н. Гастелло, не получили заслуженных наград. И хотя наградная система в годы войны значительно усовершенствовалась (были учреждены 24 ордена со степенями и 24 медали), все же не было создано идеальной системы награждений. До сих пор более 3 млн. наград ждут своих героев.

В целом динамика награждений боевыми орденами и медалями за личное мужество и героизм выглядит следующим образом: 1941 год – 32 700 чел., 1942 – 395 000, 1943 – 2 050 000, 1944 – 4 300 000, 1945 – 5 470 000 чел. Всего отмечены 12 247 700 чел., в том числе орденами – 300 000 чел. Героями Советского Союза стали 11 633 чел., из них 115 – дважды и 2 – трижды [7]. В целом более 30% защитников Родины были отмечены за мужество и героизм. Следует учесть, что ввиду больших демографических потерь медалью «За Победу над Германией» были награждены 15 млн. чел., включая демобилизованных по инвалидности и переведенных на работу в оборонные отрасли.

Невосполнимые потери среди военнослужащих составили 25 млн. чел. Данный контингент,

исключая изменников (2 млн. чел.), бывших военнопленных (1,836 млн. чел.), а также членов националистического подполья (200 тыс. чел.), осужденных (436 тыс. чел.) и отчисленных из армии по неблагонадежности (206 тыс. чел.), составит около 19,5 млн. чел., что и выявил компьютерный учет по Книгам Памяти [8]. Они погибли в боях (14 млн. чел.), умерли от ран и болезней (1,3 млн. чел.), были замучены в лагерях для военнопленных (3 млн. чел.), а более миллиона уничтожены в ходе действий по защите Отечества. Кроме того, на войне люди умирали и естественной смертью, и от несчастных случаев, бомбежек, ошибочных стрельб, а также в результате противоправных действий других лиц.

Однако в целом (с учетом реабилитированных в последующем представителей репрессированных народов и бывших военнопленных) подавляющее число мобилизованных в армию с честью выполнили свой гражданский и патриотический долг по защите Отечества. Поэтому практически всех павших в бою, умерших от ран следует считать героями, которые пожертвовали своими жизнями для выполнения воинского долга. Именно массовый героизм 38 млн. советских солдат и воинское мастерство наших военачальников явились основными факторами капитуляции германского вермахта 8 мая 1945 года.

Часть граждан СССР, зараженных идеями буржуазного национализма (представители прибалтийских республик, Западной Украины, Белоруссии, Крыма, Кавказа), а также уголовные и другие антисоциальные элементы, включая часть эмигрантов, партийной и военной бюрократии, сознательно пошли на службу оккупационному режиму. Среди них были белые генералы Краснов, Шкуро и фон Паннвиц, а также бывшие советские генералы Власов, Жиленков, Трухин и Малышков, которые составили организационную основу для изменников и коллаборационистов, пошедших на службу «новому порядку» из-за «куска хлеба». В целом эта категория насчитывала около 2 млн. чел. Из них добровольцами в национальные легионы «ваффен СС» пошли идейные националисты – 280 тыс. чел. Примерно столько же составили части националистических воинских формирований типа УПА. В ряды венгерской и румынской армий с оккупированных территорий Украины и Молдавии было призвано 160 тыс. чел. Во вспомогательных частях вермахта в качестве «хиви» (добровольцев) служили 750 тыс. бывших военнопленных. В немецкой вспомогательной полиции насчитывалось 330 тыс. чел. В вооруженных отрядах самообороны на территории Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии – 160 тыс. чел. [9]. Абвером было подготовлено и заброшено 40 тыс. шпионов и диверсантов из бывших военнопленных, которые добровольно сдались немцам. Из этой армии предателей, которая по своей численности и вооруженной мощи превосходила совокупные Вооруженные Силы Венгрии, Финляндии и Румынии, были убиты на полях

сражений 212,4 тыс. чел., а 270 тыс. «власовцев» взяты в плен Красной армией, осуждены военными трибуналами и направлены в места лишения свободы.

Органами СМЕРШ НКВД и НКГБ были инфильтрованы и направлены в ГУЛАГ 339 тыс. «скомпрометированных» военнопленных. Они стали «ковать» ракетно-ядерный щит СССР. 283 107 «власовцев» были переданы союзниками в соответствии с Ялтинскими соглашениями. Около 400 000 полицаяев были уничтожены в ходе ожесточенной партизанской войны. Это была, по сути, война в войне, широкомасштабная гражданская война между сторонниками и противниками советской власти на оккупированной территории, в ходе которой погибло 1,5 млн. партизан и полицаяев, а также сотни тысяч мирных граждан. Только войска НКВД и НКГБ в годы войны уничтожили 95 451 националиста и захватили в плен 99 732 бандита. К началу 1956 года были ликвидированы ОУН УПА, УНРА и ЛЛЛ, уничтожено 29 678 и захвачено 67 815 бойцов. Более 500 тыс. коллаборационистов официально нашли политическое убежище на Западе как «жертвы советского коммунизма», а около 300 тыс. чел. «растворились» по всему миру, стремясь избежать выдачи в СССР.

Советское командование принимало соответствующие меры по борьбе с дезертирами, паникерами, изменниками и т. д. Было выявлено 1700 тыс. нарушителей, осуждено 994 тыс. чел., из которых расстреляно 157 тыс., направлено в штрафбаты – 423 тыс., в рабочие батальоны – 660 тыс., на поселения – 206 тыс. чел. [10]. В условиях военного времени эти жестокие меры оправданы. В наши дни сложилось мнение, что они были избыточно репрессивными. В 1950-е и в 1980-е годы были проведены амнистия и реабилитация в отношении миллиона репрессированных, осужденных по статье 58 УК РСФСР.

В целом наглядно видно, что, несмотря на большое число изменников, предателей и коллаборационистов, народы СССР, прежде всего русский, внесли решающий вклад в разгром «непобедимого» германского вермахта. Советский патриотизм и массовый героизм личного состава Вооруженных Сил СССР явились теми основными факторами, которые спасли мир от гитлеровского нацизма. Они дали возможность мобилизовать в два раза больше самоотверженных воинов, чем ожидали гитлеровские стратеги. Тем самым были сорваны гитлеровские планы разгрома Красной Армии, расчленения СССР и уничтожения советских «унтерменшей».

Литература

1. Яковлев А. Н. По мощам и елей. М., 1995; Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995; Соколов Б. В. Тайны Второй мировой. М., 2000 и др.
2. Всероссийская Книга Памяти: 1941–1945. М., 2005. С. 250.

3. Там же. С. 322.
 4. Кулаков В. В., Степанов А. И., Уткин А. И. Всероссийская империя и СССР в мировых войнах. М., 2005. С. 137.
 5. Там же. С. 138.
 6. Сборник законов СССР. 1934. № 21. С. 168.
 7. Смыслов О. С. Загадки советских наград. М., 2005. С. 147.
 8. Кулаков В. В., Степанов А. И., Уткин А. И. Всероссийская империя и СССР в мировых войнах ... С. 139.
 9. Там же. С. 140.
 10. Там же.

**V. V. KULAKOV, L. I. KASHIRINA. THE MASS HEROISM
 AND COLLABORATION OF SOVIET SOLDIERS
 IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR
 (1939–1945)**

The article is dedicated to the analysis of the significant actual and statistical materials concerning the events of the Second World War. From the national-patriotic point of view the authors consider heroism and collaboration one of the important problems of war.

Key words: *heroism, collaboration, mobilization, partisans, deserters.*

Н. Е. БЕРЛИЗОВ

ДАРИЙ I И НАЧАЛО САРМАТИИ

Статья посвящена истории и археологии савроматов южнорусских степей в конце VI – V веке до н. э. Серьезные изменения в погребальной обрядности и материальной культуре савроматов, а также появление Самаро-Уральского варианта савроматской культуры автор связывает с результатами завоевательной политики персидских царей. Походы Дария I против саков в 519 году до н. э. и против скифов в 514–512 годах до н. э. нарушили стабильность в степном поясе. Результатом было переселение в Приуралье части скифского и сакского населения, известного как «отделившиеся скифы» и «дахи», и формирование на этой основе Самаро-Уральского варианта савроматской культуры. Последний явился основой для формирования к IV веку до н. э. особой сарматской культуры вновь сложившегося сарматского этноса.

Ключевые слова: *Сарматия, савроматы, сарматы, савроматская культура, скифы, саки, Персидская империя, Дарий I.*

Конец VI века до н. э. отмечен в савроматской культуре рядом изменений. Во-первых, на смену одиночным впускным погребениям на Дону приходят стационарные могильники с устоявшимся обрядом погребения и значительно большим, чем ранее, количеством погребенных, а несколько позднее в устье Дона у станицы Елизаветинской возникает варварское поселение. Появляются отличия в богатстве погребального инвентаря. Во-вторых, кардинально меняются оружие, украшения, формы посуды и предметы туалета, что знаменует собой начало нового периода системы савромато-сарматской хронологии. В-третьих, сразу в сложившемся виде появляется Самаро-Уральский вариант савроматской культуры. Для него свойственно сочетание элементов обряда и материальной культуры, характерных для европейской скифов и саков Приаралья. В конце VI – начале V века до н. э. фиксируется перерыв в поступлении к варварам Нижнего Дона античного керамического импорта. В это же время гибнет Таганрогское поселение, фиксируются пожары и разрушения в Фанагории, сгорает святилище Деметры в Нимфее [1].

Письменные источники также фиксируют в данный период серию событий, существенно повлиявших на ситуацию как в цивилизованной Ойкумене, так и на ее варварской перифе-

рии, причем участниками некоторых из этих событий прямо названы савроматы. Большая часть этих событий была инспирирована персидским царем Дарием I Гистаспом. Подавив к 522 году до н. э. восстание магов, молодой царь огромной державы занялся ее обустройством. Персидское государство к этому времени просуществовало чуть более 30 лет, пережило поражение и гибель своего основателя Кира, нелепую смерть его наследника Камбиза и, наконец, путч. Итогом этих событий были попытки персидских сатрапий вернуть утраченный суверенитет, а также набег варваров, покончивших с Киром. Утихомирив сепаратистов, Дарий Гистасп совершил то, что не удалось Киру. Около 519 года до н. э. он подчинил номадов – среднеазиатских саков. В Бехистунской надписи по этому поводу значится следующее: «После этого я отправился с войском в страну Сака против саков, которые носят островершинные шапки. После этого я подошел к реке, я переправился на плотках. После этого я разбил саков наголову <...> Предводителя их, по имени Скунха, схватили и привели ко мне. Тогда я сделал другого над ними главой, как было мое желание. После этого страна стала моей» [2]. Так персидский царь в первый раз серьезно нарушил стабильность степного мира, нанеся по нему удар с юго-востока.

Примерно к 514–512 годам до н. э. относится второе серьезное вмешательство персов в жизнь степняков. Уверовав в то, что и их можно побеждать, Дарий предпринял попытку вторжения в Европейскую Скифию с целью предотвращения новых набегов северных варваров через Кавказ, превращения Черного моря в *Mare Irganum* и удара в тылномадам Средней Азии. О намерении персов далеко проникнуть в пределы Скифии свидетельствует только Геродот: в его версии Дарий с самого начала рассчитывал поход на 60 дней и достиг земель будинов [3]. Ктесий Книдский считал, что персы проникли в Скифию лишь на 15-й день пути, Страбон спустя 400 лет писал о блужданиях армии Дария в Гетской пустыне (Буджакская степь) [4]. Не приводя всех доказательств в пользу версии Геродота (они подробно разобраны Е. В. Черненко [5]), напомним только, что единственными союзниками скифов в этой войне от начала и до конца были их восточные соседи – савроматы, будины и гелоны [6]. Если Дарий собирался только «пощекотать» западные рубежи Скифии, им не о чем было беспокоиться. О значительном территориальном размахе войны свидетельствуют пожары и разрушения скифских городищ на Ворскле и уход жителей с Трахтемировского городища на Каневщине, приходящиеся как раз на конец VI века до н. э. [7].

Вождь савроматов Скопасис в этой войне выступал на равных с вождями скифов: ему поручили возглавить отдельную часть объединенной дружины с заданием патрулировать побережье Меотиды. Именно отряд Скопасиса в дальнейшем в обход персов вышел к переправе через Истр, убеждая греков-ионийцев разрушить ее [8]. Ктесий сообщает о предварительном морском поиске, который персы провели вдоль северного побережья Черного моря, захватив при этом брата скифского вождя [9]. Не с этим ли поиском связаны пожары и разрушения, фиксируемые в конце VI века до н. э. в Фанагории и Нимфее, и гибель Таганрогского поселения? В таком случае мы получаем еще одно подтверждение далеко идущих планов персов, ведь все эти пункты находятся на побережье Азовского моря. Объяснение получает и союз скифов с восточными соседями, и район действий отряда Скопасиса: реальной становилась угроза морских десантов в Северном Приазовье и поддержки персидской армии со стороны флота. Но, к счастью для номадов, Дарий до этого не додумался.

Нет смысла пересказывать все перипетии этой кампании, ей посвящена специальная работа [10]. Коснемся лишь отдельных моментов, имеющих отношение к нашей теме. Савроматы вместе с будинами и гелонами оказались в рядах победителей персидской армады. Возможно, показателем нового статуса «державы-победительницы» стал гораздо более богатый инвентарь погребений Задонья. Вероятно, с войной связано и возобновление обычая амазонства: в женских погребениях начала V века до н. э. вновь появляется оружие, причем в Елисаветовском кургане № 30 (1967) встречен полный набор наступательного воору-

жения: копье, акинак и стрелы. Гораздо солиднее в целом становится савроматская паноплия. В мужских погребениях Задонья начала V века до н. э. элементы стрелкового вооружения встречены в 76,2% случаев, древковое – в 33,3, клинковое – в 85,8 (!), детали оборонительных доспехов – в 14,3%. При этом комплексы VI века до н. э. древкового оружия и защитного вооружения не содержали вовсе, а меч встречен в одном случае из 15.

С победой в войне можно связать и появление поселения с прилегающим к нему дружинным кладбищем у станицы Елизаветинской на Дону. В специальной работе нами разбирались различные взгляды на этнокультурную принадлежность этого археологического комплекса и приведены письменные, археологические и палеоантропологические данные, позволяющие вполне однозначно связать его именно с савроматами и считать резиденцией и некрополем савроматских вождей и их дружины [11]. Расположение ставки савроматов в дельте Танаиса-Дона было оптимальным с точки зрения контактов с союзными тогда скифами царскими. Место было удобным и для греков, торговавших ранее с варварами через Кремены.

Еще одним событием с далеко идущими последствиями была эвакуация мирного населения Скифии в самом начале войны в соответствии со стратегическим планом вождей скифов и их союзников [12]. Следуя этому же плану, отряды скифов, будинов и гелонов привели персов в земли тех, кто не поддержал их в войне – меланхленов, андрофагов и невров. Последние также были вынуждены покидать обжитые места. Таким образом, вторжение Дария I в Европейскую Скифию, хотя и оказалось неудачным, вновь нарушило стабильность степного мира. На этот раз толчок был нанесен с северо-запада. ***Вероятным результатом походов Дария I на саков и скифов можно предположить почти одновременный исход масс кочевников, двигавшихся на север или северо-запад из Средней Азии и на север или северо-восток из Северного Причерноморья, который нашел археологическое выражение в появлении Самаро-Уральского варианта савроматской культуры.*** Об этом свидетельствуют и время появления памятников данной группы, и синкретичность ее обрядности и материальной культуры, и отсутствие у Самаро-Уральского варианта прототипа на территории его возникновения (он появляется сразу в сложившемся виде). Учитывая, что именно на основе памятников Приуралья конца VI – V века до н. э. сложилась культура, которую можно связывать с сарматами античных источников, можно считать Дария I с его попытками подчинить степь «крестным отцом» Сарматии.

До сих пор дискуссионным является вопрос о том, под каким именем могли фигурировать на страницах источников номады Урала. Высказывались гипотезы о принадлежности их савроматам, исседонам, дахам [13]. В последнее время все больше внимания уделяется скифским элементам в культуре ранних кочевников Южного Урала [14]. Анализ погребальных памятников позволяет говорить о сходстве уральских погре-

бений и предшествующих им по времени скифских. Формы клинкового оружия, преобладание в колчанах втульчатых наконечников стрел, некоторые типы украшений и керамики также сближают уральские и скифские памятники. Кроме того, исторические события, сопутствующие формированию Самаро-Уральского варианта, а именно эвакуация в 514–512 годах до н. э. части скифов и их союзников, а также возможное вытеснение тех, кто не хотел воевать с Дарием, дают единственный пример раскола Скифии, когда часть населения покинула родину. Это дает нам право присоединиться к тем из коллег, которые связывают памятники ранних кочевников Южного Урала с отделившимися скифами Геродота. «Над иирками живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю» [15], – свидетельствует источник. Большинство специалистов уже давно связывают памятники ананьинской культуры Волго-Камья с иирками Геродота [16]. Памятники Самаро-Уральского варианта находятся к востоку от них, по ряду характеристик близки классическим скифским и появляются в тот единственный момент, когда письменные источники фиксируют уход части скифских племен из Украины куда-то на север.

Вторая культурная составляющая Самаро-Уральского варианта связана с сакским миром в широком понимании. Она представлена, помимо особенностей погребального обряда и элементов материальной культуры, антропологической близостью саков и уральских кочевников. Вслед за Ю. М. Десятчиковым и К. Ф. Смирновым мы связываем ее с дахами или даями [17]. Их появление в Приуралье можно объяснить подчинением части саков персам. При этом «сакский» компонент должен был возникнуть в регионе несколько раньше, после событий 519 года до н. э., и сыграть роль субстрата для скифского компонента, появившегося в 514–512 гг. до н. э.

Деятельностью Дария I и Ксеркса можно объяснить и некоторые другие события. Выше отмечен перерыв в поступлении на Нижний Дон античного керамического импорта в конце VI – первой четверти V века до н. э. Кроме того, примерно с начала V века до н. э. в Предкавказье перестает функционировать большинство скифских кладбищ: степи к югу от Савроматии освободились. Начиная с 518 года до н. э., когда был захвачен Самос, и до битв при Саламине, Платеях и Микале в 480–479 годах до н. э. персы проводили активную наступательную политику в Эгейском бассейне. Это могло быть причиной перерыва в поступлении греческих товаров на Дон. Те же события вкупе с активизацией номадов после поражения Дария в войне 514–512 годов до н. э. привели к объединению полисов Восточного Крыма и Тамани в 480 году до н. э. По мнению ряда исследователей, в это время греками и союзными им синдами был возведен Тиритакский вал с целью прекращения сезонных перемещений скифов из Крыма в Предкавказье [18].

Но не все процессы, происходившие в степях Задонья – Приуралья в конце VI – V века до н. э.,

можно связать с последствиями активности персидских царей. Прежде всего, резко вырастает численность степного населения. Мы располагаем сведениями о погребениях V века до н. э. – 35 скифских в Днепро-Дунайском междуречье и 43 скифских и 3 савроматских между Доном и Днепром [19]. Для Нижнего Дона имеется информация о 37 погребениях второй-третьей четвертей V века до н. э. из Елисаветовского могильника и 108 комплексах из степей между Доном и Волгой [20]. В Зауралье зафиксированы еще 46 савроматских комплексов. При этом появление к концу VI века до н. э. Елисаветовского поселения [21] свидетельствует о частичной седентеризации населения Нижнего Дона. На Урале комплексов VII и большей части VI века до н. э. почти нет, лишь в Зауралье исследовано около 30 погребений так называемой бобровско-тасмолинской группы. В конце VI века до н. э. в степном Приуралье и Зауралье взрывообразно распространяются памятники Самаро-Уральского варианта савроматской культуры (мы располагаем информацией о 130 погребенных) [22].

Рассмотрим, как эти данные коррелируют с изменением климата. В Европе примерно с 500 года до последней трети V века до н. э. отмечено увлажнение климата по сравнению с предшествующей эпохой, что считается благоприятным фактором для ведения кочевого хозяйства и вполне объясняет рост населения. Но это же увлажнение странно сказалось на демографии лесостепи. Так, на Днепровском лесостепном правобережье открыто 195 погребений второй половины VII – VI века до н. э. и лишь 97 – второй половины VI – V века до н. э. [23]. Впрочем, это можно связать как раз с отливом скифских «беженцев» на восток в связи с событиями скифо-персидской войны. Последнее тем более вероятно, что с конца VI – V века до н. э. в лесостепном днепровском правобережье прекращается традиция совершения захоронений в ямах с дромосом [24], которая появилась в памятниках Приуралья в IV веке до н. э. В Зауралье этап увлажнения в V веке сменился «резким ухудшением климатических условий», а точнее – резкой аридизацией [25]. Этим объясняется отлив из региона прежнего тасмолинского населения. Но не находит объяснения расцвет Самаро-Уральского варианта савроматской археологической культуры (АК). Если наша гипотеза верна и его появление было результатом массовой эвакуации номадов, испытавших прямо или косвенно удары персов, то почему беженцы задержались в экологически неблагоприятной зоне, а не вернулись в родину после поражений Дария и Ксеркса? При этом по соседству в том же «неблагоприятном» V веке до н. э. фиксируется расширение ареала гороховской и саргатской культур в лесостепном Зауралье и Прииртышье [26]. Таким образом, аридизация оказалась благоприятным фактором в развитии степных и лесостепных племен региона.

В конце VI – V века до н. э. степняки Дона и Приуралья явно перешли ко второй стадии кочевания, для которой характерно ограничение территории перекочевок каждой орды или рода

и возникновение стационарных зимников [27]. Об этом свидетельствует появление более или менее крупных могильников (Елисаветовский, Аксеновские I и II в Задонье; Новый Кумак, Аландские I–III, Тара-Бутак, Бесоба и другие в Приуралье) и Елисаветовского поселения. Кости жертвенных животных из погребений Задонья и Заволжья принадлежат лошади, мелкому и крупному рогатому скоту и собаке. В Приуралье к ним добавляется верблюд. Каких-либо прямых свидетельств о развитии ремесел у савроматов и их уральских родственников нет. Вместе с тем широкое распространение стального наступательного вооружения, бронзовых наконечников стрел, оригинальных украшений и деталей упряжи позволяет предположить наличие собственных специалистов в области их производства. Пример специализированного общества номадов-кузнецов дают цыгане. Отсутствие же инструментов в погребениях не может быть доводом против наличия у номадов своих ремесленников: мы не знаем, предусматривалось ли его помещение обрядовыми нормами.

Материалы Задонья демонстрируют возобновление обмена с греками-колонистами через Елисаветовское поселение не позднее рубежа первой-второй четверти V века до н. э. Через этот канал к савроматам попадали, прежде всего, вино, столовая посуда и мелкие украшения. Возможно, греки доставляли савроматам и металлы, залежи которых в Задонье отсутствуют, с Кавказа и из Криворожского месторождения. Фигурные золотые серьги из Сазонкина Бугра, как отмечали авторы раскопок, находят аналогии в Закавказье [28], однако каким именно путем они попали к савроматам, говорить сложно. В погребениях Самаро-Уральского варианта обращают внимание «рогатые» одноцветные и полихромные плоские глазчатые бусы, не имеющие аналогий в античных городах Северного Причерноморья. Единственным центром цивилизации, откуда они могли поступать к номадам (причем регулярно, судя по их популярности), был Ахеменидский Иран. Такие бусы отсутствуют в памятниках Средней Азии указанной эпохи, что позволяет предполагать наличие прямых Урало-Иранских контактов в V веке до н. э. Они подтверждаются присутствием в курганах Урала других импортов, которые не находят аналогий у савроматов Задонья (финикийские стеклянные сосудики и самшитовый гребень из Пятимаров I и II, Сары и Покровки) [29]. Восточные соседи уральских номадов, носители гороховской культуры, перенимают у них некоторые элементы погребальной обрядности и материальной культуры (в том числе атрибуты культа). Наличие у гороховских племен поселений, сходство гороховских и уральских «савроматских» металлических изделий позволяют предполагать, что именно гороховцы снабжали последними своих соседей-кочевников.

В конце VI – V века до н. э. савроматы Задонья на севере по-прежнему соседствовали с носителями городецкой культуры и скифской среднедонской группой, на западе – со скифами, на юге

– с меотами и носителями кобанской культуры, на востоке их кочевья явно распространялись на степи Заволжья и граничили с Самаро-Уральской группой. Соседями последней на севере были носители городецкой и ананьинской АК, на востоке – гороховской АК, на юге значительная «нейтральная полоса» отделяла ее от памятников саккомассагетов. Отмечено появление савроматских памятников в междуречье Дона и Донца, а также погребений Самаро-Уральского варианта в ареале расселения гороховских племен.

О расселении различных родоплеменных групп в этот период определенную информацию могут дать произведения звериного стиля из погребений. Как отмечено в одной из наших работ, картирование персонажей звериного стиля показывает, что в узкие промежутки времени их популярность изменялась [30]. Они могут встречаться то по всей территории расселения савроматов и сарматов, то в какой-то ее части, обычно достаточно четко ограниченной. Напомню, что в конце VI – V веке до н. э. для всей территории савроматской культуры характерны изображения волка и хищной птицы (грифа?), тогда как в Скифии доминируют изображения оленей. Выделяются также два крупных массива савроматских памятников, один из которых связан с Волго-Донским междуречьем, а второй – с Заволжьем и Приуральем. Для первого характерны изображения кошачьего хищника, для второго – верблюдов. В рамках обоих массивов выделяются локальные группы со своими излюбленными персонажами. На Урале их две. Для первой характерны изображения коз, для второй – архаров. В синхронных Волго-Донских памятниках для одной группы памятников обычны изображения кабанов, для второй – львов, для третьей – оленей.

Можно предположить, что животные и птицы могли быть изображениями тотемов-предков родов, фратрий, племен и надплеменных объединений скифо-савроматского мира. Вероятно, изображения, характерные для локальных групп памятников, могут представлять собой тотемы фратрий или племен. Прослеживаются три цепочки памятников с изображениями разных животных, тянущиеся вдоль Сакмары (изображения коз), верхнего Урала (архары) и Илека (верблюды). Все они сходятся недалеко от устья Илека в Филипповке, где, вероятнее всего, похоронен вождь, возглавлявший соответствующие племена (или племя, если мы имеем дело с тотемами фратрий). Тотемы, общие для одного из вариантов савроматской культуры, скорее всего, принадлежали племенам или союзам племен. Так, изображения пантеры V века до н. э. встречены в ареале, традиционно отводимом савроматам Геродота. Наконец, изображения, общие для всей савроматской культуры, вероятно, принадлежали еще более широким общностям, связанным, в основном, в идеологическом плане, как минимум – союзам племен. Возможно, с актами заключения таких союзов связаны уникальные наборы произведений звериного стиля из Хошеутова и Филипповки. С другой стороны, такие изображе-

ния могли быть тотемами предводителей «интернациональных» дружин, ходивших в набеги. В таком случае, районы повышенной концентрации «общекультурных» изображений могут очерчивать кочевья рода-организатора набега, а изображения по периферии – ареал расселения всех его участников.

Литература

1. Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. М., 1984. С. 77; Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 372; Копылов В. П., Ларенок П. А. Таганрогское поселение (каталог случайных находок у каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988–1994 гг.) // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. II. Ростов н/Д, 1994. С. 5.
2. Хрестоматия по истории древнего Востока / под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963. С. 31–32.
3. Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г. А. Стратановского. М., 1993. IV. 98, 123–124.
4. Книдский Ктесий. История Персии // Вестник древней истории. 1947. № 2. 29. 16.
5. Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984. С. 65–79.
6. Геродот. История ... IV. 118–120.
7. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989. С. 14; Моруженко А. А. Оборонительные сооружения городищ Повороскля в скифскую эпоху // Скифский мир. Киев, 1975. С. 144.
8. Геродот. История ... IV. 120, 123, 128.
9. Книдский Ктесий. История Персии ... 29. 16.
10. Черненко Е. В. Скифо-персидская война ...
11. Берлизов Н. Е. К вопросу об этнокультурной принадлежности Елисаветовских курганов на Нижнем Дону // Археологические записки. Вып. 4. Ростов н/Д, 2005. С. 38–41.
12. Геродот. История ... IV. 121.
13. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989. С. 161.
14. Гуцалов С. Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000; Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 149; Членова Н. Л. О культурной принадлежности старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стел и «отделившихся скифах» // Краткие сообщения Института археологии. М., 1988. Вып. 194. С. 3–11.
15. Геродот. История ... IV. 22.
16. Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 138.
17. Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 9–10; Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 153; Он же. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 129–139; Он же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 14–16. Рис. 1.
18. Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н. э.) // Вестник древней истории. 1984. № 3. С. 36–39; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–V вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 76–77.
19. Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
20. Берлизов Н. Е. О влиянии климатических изменений в южнорусских степях на расселение савромато-сарматских племен // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. Вып. 2. Краснодар, 2004. С. 329.
21. Там же.
22. Там же. С. 332–333.
23. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи ... С. 27, 36.
24. Там же. С. 37.
25. Таиров А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. С. 31.
26. Могильников В. А. Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 283–284; Он же. Саргатская культура // Там же. С. 308; Таиров А. Д. Изменения климата ... С. 49–50.
27. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): учеб. пособие. Воронеж, 2003. С. 13–15.
28. Берхин-Засецкая И. П., Миловицкая Л. Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // Советская археология. 1965. № 3. С. 143–153.
29. Савельева Т. В., Смирнов К. Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // Вестник древней истории. 1972. № 3. С. 117–118.
30. Берлизов Н. Е. Парадный кинжал из кургана «Дачи» и проблема использования произведений савромато-сарматского звериного стиля для этнографических реконструкций // Древности Кубани. 2003. Вып. 21. С. 11–17.

N. E. BERLIZOV. DARIUS I AND START OF THE SARMATIA

The article is devoted to the history and archaeology of savromatian tribes of South Russia in the fin of VI–V centuries B. C. The important changes in savromatian funeral traditions and material culture are connected by the author with the results of aggressive politics of Persian kings. Darius I campaigns against European and Asian nomads (Scythians and Sakians) in 519 and 514–512 B. C. destabilized situation in steppe region. As a result some of Scythians and Sakians (known as «Separated Scythians» and «Dahians») fled Ural steppes so Samara-Ural variant of Savromatian culture was formed. It became the basis of formation the original Sarmatian culture dated back to the IV centuries B. C.

Key words: Sarmatia, Savromatians, Sarmatians, Scythians, Sakians, Persian Empire, Darius I.

Теория и история литературы. Журналистика

Л. Х. ТАНКИЕВА

**ГЕНЕЗИС ОБРАЗОВ ОДИНОКИХ ЮНОШЕЙ-БОГАТЫРЕЙ
И НЕДОСТУПНЫХ ДЕВ-ВОИТЕЛЬНИЦ
В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ ИНГУШЕЙ**

В статье анализируются сказки об одиноком герое, стремящемся к побратимству, и гордых, недоступных девах-воительницах эпохи матриархата, прослеживаются вопросы генезиса этих образов.

Ключевые слова: побратимство, матриархат, патриархат, одинокий герой, дева-воительница, чудесные силы.

В ингушском сказочном эпосе наряду со сказками о младшем брате и одиноком герое, стремящемся к побратимству, бытуют сюжеты об одиноком юноше-богатыре, совершающем различные подвиги. В более ранних вариантах сказок он достигает цели при помощи чудесных сил, в позднейших – добывается благополучия для себя и других своим трудом и умением. Во многих сюжетах такой герой занимает низкое социальное положение. К нему относятся с презрением, однако он неожиданно совершает героические подвиги или получает поддержку волшебных сил и достигает цели.

В одном ауле, повествует сказка «Жерочун во I чарах» («Сын вдовы – охотник»), жила бедная одинокая вдова с сыном. Никто не обращал внимания на юношу, так как он был беден. Но дочь соседнего князя сумела разглядеть в нем героя и решила испытать его. Она переделалась мужчиной и уговорила его вместе угнать княжеский табун. Юноша покорила сердце девушки своей смелостью и благородством. Сын вдовы смело послал мать сватать княжескую дочь. Князь из любопытства задал герою неосуществимую задачу, но бедняк чудесным образом ее исполнил, и все закончилось свадьбой. Эта сказка отражает мечту народа о справедливости, добиться которой можно лишь с помощью волшебных сил, ума, смекалки и мужества.

В сказке «Князь Тепсарко и вдовый сын Жосарко» к княжеской дочери сватаются сын бедной вдовы и спесивый князь Тепсарко. Девушке нравится Жосарко, так как он удалой молодец, самый добрый джигит в ауле. Она задает соперникам трудное задание (угнать у морских чудовищ их табуны), понимая, что оно под силу только смельчаку. Княжна оказалась права. Трусливый князь, предав Жосарко и завладев табуном, завоеванным юношей, собирается жениться на красавице. Но девушка догадывается о его обмане и отправляется на поиски храброго юноши. Она находит в поле лишь труп обессиленного джигита. Оживить его княжне помогает волшебная монета, упавшая сверху. В сказке нашло отражение народное понимание великой, всепобеждающей силы любви, которая способна оживить даже мертвого.

Только благородный, мужественный, трудолюбивый герой достоин настоящего чувства. Этот сюжет является еще одним вариантом идеализации социально обездоленного персонажа.

Аналогично вышеописанному развиваются события и в сказке «Наьрта во I» («Сын нарта»). Знатный князь пожелал жениться на девушке из княжеского рода, но она объявила, что выйдет замуж только за человека мужественного и благородного. Ей были известны живущие по соседству вдова прославленного нарта с несовершеннолетним сыном. Угадывая в нем будущего героя и желая испытать князя, она сказала последнему: «Я сумею оценить твоё мужество, если ты сможешь продать этого мальчика и плату за него принести мне». Князь предал юношу, а его героические поступки попытался приписать себе. Юный герой оказался сильнее в битве с братьями-великанами. Победить самого страшного из них (семиголового) ему помогло солнце, к которому он обратился со словами: «Ва, чубуза дашо малх, новкъостал делахь сона!» (О, заходящее золотое солнце, помоги мне!). Князь тем временем отправился к девушке и сообщил, что он сам продал мальчика и за него ему дали волшебного коня. Однако обман обнаружился, когда сын вдовы возвратился домой и попал на свадьбу своего обидчика. Казнив вероломного князя, герой женился на красавице.

Традиционным финалом подобных сказок является гибель трусливых богачей и победа бедного юноши-богатыря. Характерно также обращение героя к заходящему золотому солнцу за помощью в борьбе с великаном. Можно предположить, что сказочные ситуации связаны с культом небесных светил. В древней доисламской религии Малой Азии, по наблюдениям Б. Далгата, наибольшим почитанием пользовалось всеоживляющее солнце, которое называли «Даьла малх». Оно, как источник жизни, считалось светилом живых, а луна – светилом мертвых [1].

Ингушским сказкам свойственно также почтительное отношение к металлу (железу). Как правило, конь героя ждет своего хозяина под землей за девятью замками и питается железом. Сила богатыря такова, что стоит ему коснуться головы великана железной саблей, как она сама отлетает.

Появление железа произвело глубокий культурный переворот, освободило людей от страха перед животными. «Нет ничего удивительного, что железу стали поклоняться как благодетелю человечества, избавителю от многих бед и страданий. В своем увлечении железом первобытная мысль не знала границ», оно «сделалось великой, таинственной силой, способной одолевать всевозможные бедствия и изгонять злых демонов» [2]. Железному оружию и просто кускам железа все народы Кавказа приписывают сверхъестественные свойства. Чтобы выздороветь, грузины опоясывают себя железной проволокой. В старину многие горцы лечили зубную боль, вбивая в дерево железный гвоздь; жители Елисаветпольской губернии, чтобы обеспечить благополучный исход родов, окружали постель роженицы цепью и под подушку клали кинжал. Отзвуком таких представлений является распространенная вера в счастье, которое, якобы, приносит подкова, прибитая у порога или найденная где-нибудь.

Во всех сказках, которые мы рассмотрели, на первый план выдвигается образ героя-труженика. Так отражается в них мечта народа о лучшей жизни, которой достоин простой человек, о социальной справедливости. Чудо, которое вмешивается в человеческие судьбы, призвано ее восстановить. Однако многое зависит и от доблести, ума, смекалки самого героя, воплощающего народный идеал. Ему отдает предпочтение дочь царя, выбирая себе в женихи не царевича, а бедного юношу, обладающего недюжинными способностями.

Почти во всех сказках о юноше-богатыре, добывающем невесту, мы встречаемся с гордой, требовательной девицей. Она находится высоко в башне с золотой крышей, золотым частоколом, на котором насажены черепа неудачливых просителей ее руки. Они не смогли справиться с трудными заданиями, оказавшимися под силу только юноше-герою. Он побеждает и женится на красавице.

«Все, что связывалось с мудростью и знанием, с представлением о естественных законах и господстве над природой, – писал А. М. Горький, – относилось к женщине» [3]. В этот период развития человеческого общества уважение к ней и авторитет ее в общественных делах, переходящий нередко в страх, были настолько велики, что образы матери-земли, «судьбы», «доли» сохранились до сих пор не только среди малокультурных племен, но и в быту европейцев. Отсюда же идут представления о волшебницах, вещих девах, добрых феях, которые превратились в бабу-ягу, ведьму и т. д. Сказочные образы гордых, недоступных, требовательных дев, вероятно, и есть у ингушей отражение той первостепенной роли, которую играла женщина в древнейшие времена.

Обычно поклонников ослепляет красота девицы. Во всех случаях они терпят поражение, им не сносить головы. Оставшийся последний свободный кол предназначен для головы героя, незамедлительно прибывающего на место сказочного действия. Еще до встречи с красавицей выявляются его человеческие качества, и слушателю

становится ясно, что именно он сумеет победить девицу и жениться на ней. Подобных сюжетов в ингушском фольклоре особенно много, и типичной в этом отношении является сказка «Дошо-дото бераш» («Золотые, серебряные дети»).

Герой отправляется в путь на поиски недоступной красавицы Малха-Азни, что живет на краю земли и превращает всех, добывающихся ее руки, в камни. Но при помощи совета доброй Жера-бабы и спасенных им по дороге животных герой побеждает красавицу [4]. Доброта, сочувствие к животному миру, умение прислушаться к совету простого человека – вот те черты, которые, по сказке, свойственны трудовому народу и полностью отсутствуют в княжеской среде.

Образ суровой, решительной девицы-воительницы типичен для многих эпосов мира: в русских былинах – это удалая поленица, у древних греков – амазонка, у кельтов – воинственная дева. Зарождение таких сюжетов относится к периоду матриархата, когда женщина в обществе могла свободно проявить свою волю в любых важных вопросах жизни. Иногда жених поступает явно наперекор патриархальному обществу, не соблюдает обычаев, сопровождающих привоз невесты в дом будущего мужа, а в некоторых случаях даже остается в ее доме. Такова, например, сказка «Ганахья вайна ган-паччахья» («Ган-падишах, увиденный во сне»), в которой юноша, добившись руки красавицы, остается жить в ее царстве [5]. А в другой сказке «Аьлан во1» («Сын князя») герой женится на царской дочери и живет в ее доме определенное время [6].

Подобные ситуации немислимы для эпоса, рожденного в период патриархата, когда женщина была унижена и бесправна. Тем ценнее древние образы, которые народ сумел сохранить в волшебных сказках и донести до наших дней.

По мнению Ф. Энгельса, «народы, у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается <...> часто питают к женщине» подлинное уважение, чего нельзя сказать о европейцах. «Дама эпохи цивилизации, окруженная кажущимся почтением и чуждая всякому действительному труду» занимает более низкое общественное положение, чем выполняющая тяжелый труд женщина эпохи варварства, которая считалась у своего народа действительно дамой (lady, frowa, Frau-госпожа) и по характеру своего положения таковой и была» [7].

Итак, в ингушском сказочном эпосе сюжеты об одиноком герое и недоступной девице-воительнице сохраняют в себе реликтовые черты эпохи матриархата, элементы архаических культов солнца, железа и др. В сказках найдена отражение вера народа в лучшее будущее человека-труженика, достойного счастья и благополучия.

Литература и примечания

1. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Вып. III. Владикавказ, 1893. С. 121.
2. Чурсин Г. Ф. Культ железа на Кавказе // Кавказ. 1901. № 173. С. 173.

3. Горький А. М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 181.

4. Жера-баба – дословно: «вдова, добрая старуха».

5. Сказка записана нами от Зугу Оздоевой летом 1969 года.

6. Ингушский фольклор. Т. II. Грозный, 1967. С. 76.

7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953. С. 49.

8. Антология ингушского фольклора. Т. 2. Волшебные сказки. Нальчик, 2003. С. 183, 214.

9. Чеченский фольклор. Т. II. Песни, загадки, сказки, поговорки / сост. С. Ч. Эльмурзаев. Грозный, 1964.

L. Kh. TANKIEVA. GENESIS OF THE IMAGES OF SINGLE MALE ATHLETES AND INACCESSIBLE FEMALE WARRIORS IN THE INGUSH FAIRYTALES

The article is dedicated to the analysis of the fairytales about the lonely hero seeking to twinning, proud and inaccessible female warriors of patriarchy and the issues of genesis of these images.

Key words: twinning, patriarchy, patriarchy, the lonely hero, female warrior, wonderful forces.

М. В. СКОРОХОДОВ

ИСТОЧНИКИ ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

В статье рассматриваются источники летописи жизни и творчества писателя: рукописные и печатные тексты его произведений, эпистолярное наследие, мемуарная литература, критические отзывы, а также научные исследования.

Ключевые слова: биография, летопись жизни и творчества, источники исследования.

Летописи жизни и творчества (летописи жизни и деятельности) создаются в нашей стране многим более столетия, если считать родоначальником этого научного жанра Н. О. Лернера, выпустившего в 1903 году первое издание «Трудов и дней Пушкина». В. М. Жирмунский считал, что это «первый в свое время опыт такого рода, возможно, даже <...> не только в масштабе русского литературоведения, но и <...> мирового» [1].

В середине XIX века, как писал в 1906 году В. В. Сиповский, «исследование обращается к личности писателя, его времени, отношениям <...> и литературным источникам его творений» [2].

Б. В. Томашевский призывал изучать возникавшие при жизни авторов и создававшиеся не без их участия «биографические легенды», полагая, что «своим созданиям поэт предпосылал не реальную – послужную свою биографию, а свою идеальную биографическую легенду» [3]. По мысли ученого, для «писателей с биографией» характерно соединение реальной и легендарной жизни с тканью литературного произведения, неотделимой от созданных писателями текстов. Поэтому исследователь литературы должен изучать их в комплексе.

Иную позицию занимал Г. О. Винокур. В работах середины 1920-х годов он писал: «По своим методам и приемам биография примыкает к филологии, поскольку овладение источниками биографии возможно лишь путем интерпретации исторических памятников» [4]. Ученый считал также, что «вопрос об обратном соотношении между наукой о литературе и биографией, т. е. о литературном памятнике как источнике биографии, должен быть решен отрицательно, поскольку литература

понимается <...> не только как исторический документ, но и как предмет искусства, эстетический, обладающий в силу этого бытием фиктивным и условным, а потому и не могущий служить материалом исторических исследований» [5].

При выборе источников летописи жизни и творчества важно учитывать и то обстоятельство, что далеко не всякое историческое событие, произошедшее в годы жизни того или иного человека, становится для него значимым. По мнению Г. О. Винокура, «исторический факт <...> для того чтобы стать фактом биографическим, должен в той или иной форме быть пережит данной личностью». Становясь предметом переживания, он «получает биографический смысл <...> Пережить что-либо – значит сделать соответствующее явление событием в своей личной жизни» [6].

Источниками летописи жизни и творчества становятся исследования по истории того или иного периода, а также статьи и информационные материалы, публиковавшиеся в периодических изданиях. Их анализ позволяет раскрыть историко-культурный и литературный контекст, необходимый для всестороннего изучения жизненного и творческого пути писателя.

На наш взгляд, первостепенный источник научного биографического исследования – произведения и книги автора. Д. Д. Благой, размышляя о творческом пути А. С. Пушкина, подчеркивал, что биограф, изучающий историю жизни писателя, «не может игнорировать самое главное в ней – его художественные создания. Наоборот, исследователь творческого пути писателя, в центре внимания которого находится именно это главное, отнюдь не должен отказываться как от при-

влечения там, где это нужно, биографического материала, так и от возможных объяснений фактами жизни фактов творчества» [7].

Изучая наследие М. Ю. Лермонтова, В. А. Мануйлов указывал на общие источники научной биографии и творчества. «Составитель летописи, – писал ученый, – так же как и биограф, находится в зависимости от наличия сохранившихся, дошедших до нас биографических материалов, документов, дневниковых записей, автобиографических признаний, литературного и эпистолярного наследия, воспоминаний современников и т. д.» [8].

Важной основой для летописей жизни и творчества служат те исследования, которые вводят в научный оборот новые материалы. К ним в первую очередь следует отнести материалы к биографии и полные (академические) собрания сочинений писателей. Безусловно, при создании летописей жизни и творчества писателей должны учитываться все прижизненные свидетельства: автографы произведений, авторские публикации, критические отзывы в периодических изданиях и книгах, упоминания фамилии в печатных и рукописных материалах.

Существенный источник биографических сведений – дневниковые записи и воспоминания современников. Нередко они позволяют восстановить картину происшедших событий, порой становясь их единственным свидетельством. Однако мемуары подчас являются не документальными, а художественными произведениями. Бывает, что в памяти мемуаристов стираются или накладываются друг на друга одновременно происшедшие события. В связи с этим мемуары требуют очень внимательного критического анализа, при возможности – перекрестной проверки.

Датировка описываемых событий – одна из проблем, возникающих при использовании мемуаров для создания летописи жизни и творчества. Мемуаристы могут указать лишь год, время года (весна, осень), день недели, календарный праздник. Исследователю же предстоит дать по возможности более точную дату. Если этого не удается достичь, появляется приблизительная дата, сопровождаемая вопросительным знаком, который показывает, что исследователь не смог точно установить время события. Впрочем, подобный знак может появиться и у формулировки события. Это свидетельство того, что источники, на основе которых оно установлено, являются сомнительными, однако составитель летописи счел необходимым учесть приводимые сведения. Но такими соображениями исследователь руководствуется не всегда. Так, авторы книги о А. И. Герцене отмечали, что «гипотезы, многочисленные в нынешней историографии касательно встреч, отношений, связей» писателя с современниками «вводятся в "Летопись" только в тех

случаях, когда они представляются обоснованными. Апокрифические мемуарные свидетельства остаются за ее пределами [9].

Эпистолярное наследие писателя и его современников – источник, который должен быть непременно учтен при создании летописи жизни и творчества.

Значительные сложности возникают при использовании материалов, на основе которых определяется круг чтения героя летописи. Это отметила еще Н. М. Чернышевская-Быстрова: «В подавляющем большинстве случаев источник не давал точных сведений» о бывшей в руках писателя книге. «Эти данные пришлось восполнять составителю <...> при помощи разного рода справок в периодических изданиях, каталогах и энциклопедиях <...> разработке подверглось и студенческое чтение Чернышевского, о котором повествует его капитальный дневник. Конечно, в "Летописи" не все могло быть выяснено» [10].

В силу недостаточности источников разные периоды жизни и деятельности исследуемого лица могут быть охарактеризованы с разной степенью полноты. Наличие подобных «белых пятен» важно принимать во внимание. «Некоторая неравномерность и неполнота в отдельных моментах объясняется состоянием наших источников, – отмечал Н. К. Пиксанов. – В этом отношении "Летопись" имеет ту негативную полезность, что раскрывает перед литературоведами <...> слабые участки в изучении писателя и ставит задачи дальнейших исследований» [11].

Литература

1. *Жирмунский В. М.* Введение в литературоведение. Курс лекций / под ред. З. И. Плавскина, В. В. Жирмунского. М., 2004. С. 131.
2. *Сиповский В. В.* История литературы как наука. СПб.; М., 1906. С. 15.
3. *Томашевский Б. В.* Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4. С. 8.
4. *Винокур Г.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 11.
5. Там же.
6. *Винокур Г.* Биография и культура. М., 1927. С. 37, 39.
7. *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 10.
8. *Мануйлов В. А.* Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964. С. 4.
9. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена: в 4 кн. Кн. 1. М., 1974. С. 10.
10. *Чернышевская-Быстрова Н. М.* Летопись жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М.; Л., 1933. С. 11.
11. *Пиксанов Н. К.* От редактора // *Клеман М. К.* Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М.; Л., 1934. С. 10.

M. V. SKOROHODOV. SOURCES OF CHRONICLES OF WRITER'S LIFE AND WORK

This article is dedicated to the sources of the chronicles of writer's life and work: manuscripts and printed texts of his works, epistolary heritage, literature memoirs, critical reviews, as well as scientific researches

Key words: *biography, the chronicles of life and work, sources of investigation.*

А. Х. МУСУКАЕВА

РЕЧЬ ПЕРСОНАЖА КАК СПОСОБ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В АДЫГСКОМ РОМАНЕ

На материале произведений А. Кешокова, И. Машбаша, Т. Адыгова, М. Эльберда и других писателей автор исследует разнообразные речевые характеристики персонажей романов: монолог, диалог, речь автора и персонажа, внутреннюю речь и т. д.

Ключевые слова: *психологический анализ, речь персонажа, стилистический анализ, фольклор и литература.*

Психологический анализ в художественном произведении предполагает различные средства изображения: прямые авторские размышления, самоанализ героя, высказывания о нем других, а также поступки, жесты, мимику, т. е. косвенные характеристики. Особое место принадлежит речи героя и его внутренним монологам: «Слово персонажа может стать до предела сжатым отражением его характера, переживаний, побуждений, своего рода фокусом художественной трактовки образа. Но потребовалось длительное развитие, работа многих великих художников для того, чтобы эти возможности слова могли осуществиться» [1].

Нередко в прозаических произведениях адыгских писателей отсутствует четкая дифференциация речи автора и персонажа при стилистическом и художественно-интонационном многообразии фактов и событий. Несмотря на то, что тексты в достаточной степени содержат пересказ, иллюстрацию событий и характеристики героев, в целом все это свидетельствует о незрелости прозы.

Писатели обращаются к национальным проблемам, стремясь отразить особенности ментальности, психологии народа. При этом возрастает роль фольклорных элементов, а также «натуральной» (устной) речи с переборами, неправильностями, пропусками, т. е. со всей речевой физической фактурой.

Характер персонажа, его внутренние мотивы, внешние обстоятельства, ситуация текущего момента чаще всего проявляются в диалогическом слове; оно дает представление о свойствах героя, анализирует, дополняет, а нередко и обнажает его натуру.

Такие качества, как самолюбование, гордость, страсть, лицемерие, холодность души, неумение и нежелание понять другого человека, часто соединяются в жизни и в художественном тексте. В романной прозе каждое слово, реплика, монолог, диалог выполняют сложную художественную задачу: характеризуют героя, его время, среду, его мысли и переживания, содержат в себе информацию о событиях, касающихся персонажа, развивают сюжет произведения, привнося в него дополнительную динамику, а иногда неожиданный поворот. Но нередко слово выходит за пределы характера героя и сюжета произведения, и тогда оно несет в себе философские обобщения

о жизни и месте человека на земле. Примером могут служить романы Т. Адыгова, А. Кешокова, И. Машбаша, М. Эльберда и др.

В романе Т. Адыгова «Щит Тибарда» речь персонажа носит назидательный характер (как правило, это обращение опытных воинов к молодым, пожилых людей – к юношам). Она имеет прямое воспитательное значение, разъясняет, предостерегает, поучает и т. д.

Большой знаток и ценитель родного языка А. Кешоков разнообразит речевые характеристики персонажей, сравнительный анализ которых доказывает единство авторский позиции в оценках поступков, характеров и речи героев. К примеру, речь Казгирея Матханова («Вершины не спят») отличается богатым лексическим запасом, красочностью, мягкостью и образностью. Обращаясь к своим ученикам, герой говорит: «Никогда не прибегайте к грубым выражениям, все хорошее укладывается в вежливые слова, и только нехорошее требует грубых выражений» [2]. Принцип прямого противопоставления в романе выражается в остром полемическом диалоге героев, наиболее точно отличающем язык каждого.

Языковое богатство, близость к народному просторечию проявляются на всем протяжении другого романа А. Кешокова «Сломанная подкова». Примером может служить сцена у ворот домика одной из главных героинь произведения Хабибы, представительницы старшего поколения («совести народа»). Увидев человека в гражданской одежде и немецкой фуражке, она обращается к нему со словами:

– Ты что, Централь? На голову напялил пакостную фуражку и воображаешь себя Гитлером? Чтобы тебя выволокли за ногу, как дохлую собаку! Зачем черепицу бьешь? Разве черепица сделала тебя убогим по уму? Забыл язык матери, говоришь выстрелами?» [3]. Синтаксис прозы А. Кешокова, как и в произведениях устного сказа, прост, но многозначен, глубок и содержателен. Сцена отправки на фронт другой героини, Апчары, описана в небольшом абзаце, содержащем напряженность военной обстановки, волнение Апчары и окружающих, суету и тревогу аула. Фраза, слово писателя создают реальный художественный образ героя, неповторимого как в поступках, чувствах, так и в речи.

Нередко в адыгском романе речь обусловлена ситуациями, в которых большую роль играют традиции. Например, приветствие гостя, застолье, предполагающее строгое соблюдение этикета, диалоги родителей с детьми, диалоги спутников в дороге и т. д. – все это представляет психологический портрет горского народа.

При изображении переживаний героя в драматической ситуации (глубокое волнение, особое душевное или физическое состояние – болезнь, ранение, близость смерти) в его речи используются иррациональные элементы. Подобный прием для наиболее тонкого показа внутренней жизни героев нередко употреблял Л. Н. Толстой («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресенье»), а также его повести и рассказы).

Внутренняя речь героя открывает широкие возможности для анализа его психологического состояния: человек «раскрывает» себя, мечтает, признается в своих слабостях и ошибках и т. д. По мнению Л. Выготского, внутренняя речь – «не есть речь минус звук», это особая структура, которая характеризуется своим содержанием и целенаправленностью [4]. Речь персонажей детерминирована. Она отражает ментальность героев, близких к народу, подчеркивает их естественность, безыскусность. У них нет тайных мыслей, поэтому они говорят то, что думают. Тем не менее, передавая психологию персонажей, писатель прибегает к некой завуалированности, загадочности. Таковы внутренние монологи героев А. Кешокова, Т. Адыгова, И. Машбаша.

Нередко фольклор выполняет у романистов лексические задачи. Речь персонажей богата метафорами, эпитетами, сравнениями фольклорного происхождения, также создающими вязь их прозы. Особенно красочно отражена поэтическая палитра языка и специфика мышления народа в произведениях А. Кешокова. В его романе «Вершины не спят» представление героя начинается с его портретного описания. Однако в «Сломанной подкове» первоначальное знакомство с персонажами дается через синтаксический и эмоциональный строй их речи: экспрессивность Апчары, эмоциональность Хабибы, рассудительность и спокойствие Бекана – все эти свойства воспроизводятся посредством речевых характеристик. Подобный же прием используется писателем и для создания отрицательного образа. Так, речь Якуба Бештоева до «правления» построена на равнодушных, «безликих» интонациях, а во время «правления» – на лицемерии, витиеватости и частых обращениях к Аллаху.

Нередко поведение героя и слова, которые он произносит, противоречат реальной ситуации. Сложность психологических состояний (неловкость, отчаяние, стыд) прикрываются бравадой (герой осознает, что он не то говорит, не то делает).

Изображение физических особенностей и проявлений человека («вещественность») в романе нередко становится гиперболическим, символически многозначным. Оно демонстрирует отно-

шение героя (приятие – неприятие) к кому-либо и чему-либо.

Типы диалогов в романе весьма разнообразны: социально-бытовые, бытовые, философские, дружеские, любовные, непримиримо-враждебные, но чаще – поучительные, воспитательные. Например, герой вышеназванного романа Бекан говорит перебившему его речь молодому человеку: «Когда на пиршествах делили баранью голову, видно ни разу тебе не досталось уха, иначе бы ты научился слушать старших» [5].

Особое место в речи героев адыгских романов занимает меткая поговорка, кратко и емко выражающая авторскую мысль и зачастую используемая для психологической характеристики героев. Таковы высказывания о взаимоотношениях детей с родителями, о мудрой любви Хабибы к детям: «Любовь детей к матери коротка, как мост через реку, а любовь матери длинна, как сама река»; об осмотрительном человеке: «У осторожного сына мать не плачет» и др.

Пословицы и поговорки в произведении функционально оправданны. Они не инородны, так как всегда «вписываются» в контекст повествования, обогащая, в частности, индивидуальную речь персонажа: «Хабиба любит говорить, что беда идет дорогой предчувствий»; или: «Не с кем посоветоваться, клади папаху на землю, выскажись перед ней».

Этой поговорке близка по смыслу другая: «Прежде чем высказаться – подумай, прежде чем сесть – осмотришь».

В этих изречениях воплощены определенные этикетные нормы адыгэ хабзэ: будь сдержанным, терпеливым, осмотрительным, как и подобает мужчине-адыгу. По мнению Б. Бгажнокова, у адыгов «понятия человеческого достоинства и мужества в первую очередь связаны с толерантностью» [6].

Народная мудрость приобретает в адыгском романе новое нравственно-эстетическое значение и звучание. Герои романов – выходцы из народа, и поэтому обращение писателей к устно-поэтической традиции в их речевых характеристиках естественно. Стилиевые трансформации народной образности (афоризмы, поговорки, пословицы) не автономны, не изолированы. Они составляют неотъемлемую часть общей идейно-художественной системы произведений.

Литература

1. Гинзбург Л. О психологической прозе. М., 1999. С. 297.
2. Кешоков А. Вершины не спят. М., 1965. С. 103.
3. Кешоков А. Долина белых ягнят. М., 1989. С. 309.
4. Выготский Л. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 178.
5. Кешоков А. Долина белых ягнят ... С. 82.
6. Бгажноков Б. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 37.

A. Kh. MUSUKAEVA. CHARACTER'S SPEECH AS THE WAY OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

On the example of the works of such authors as A. Keshokov, I. Mashbash, T. Adygov, M. Elberd and others, the author investigates different ways of characters' speech characteristics: monologue, dialogue, author's and character's speech, inner speech etc.

Key words: *psychological analysis, character's speech, stylistic analysis, folklore and literature.*

В. К. ЧУМАЧЕНКО

РОЛЬ В. МОВЫ В ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

В статье анализируются ранние газетные публикации участника харьковской громады В. Мовы, свидетельствующие о его значительном вкладе в становление журналистики Слободской Украины 1860-х годов.

Ключевые слова: *история украинской журналистики, шевченковедение, харьковская громада.*

Несмотря на изрядное расстояние, Кубань и столицу Слободской Украины город Харьков соединяют давние и плодотворные культурные связи. Особенно они окрепли в середине XIX столетия, когда Императорский Харьковский университет вошел в список учебных заведений, в которых кубанские казаки имели квоты на поступление своих студентов. В его стенах многие посланцы Черноморья заявили о себе как яркие творческие личности. В это время здесь учатся, например, начинающие писатели Василий Мова (Лиманський) и Иван Стеценко (Нордега). Оба они дебютировали на страницах газеты «Харьков» (приложение к «Харьковским губернским ведомостям»), первый – как пламенный журналист, второй – как подающий надежды драматург, оставшийся, к сожалению, автором единственной, но весьма любопытной и до сих пор по достоинству не оцененной пьесы «Доля». Ее отдельный оттиск с автографом автора сохраняется в Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского в Киеве.

О том, что «слободская» составляющая в казачьей культуре Кубани была заметным связующим звеном в ее культурных взаимоотношениях с Украиной, свидетельствуют новые книги заведующего кафедрой журналистики, профессора Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина Игоря Леонидовича Михайлина: уже зарекомендовавшая себя двухтомная «Історія української журналістики ХІХ століття» [1] и вышедший относительно недавно «Нарис історії журналістики Харківської губернії. 1812–1917» [2].

В первой книге, состоящей из двух томов, последовательно изложена история развития украинской журналистики с момента ее возникновения и до конца столетия. Первый том посвящен условиям зарождения и национальным источникам журналистики, истории харьковских журналов 1810–1920-х годов, петербургского журнала «Основа» и газеты «Черниговский листок». Второй том освещает развитие украинской жур-

налистики в Галичине (газеты «Зоря Галицька», «Батьківщина», «Діло», «Буковина», журналы «Правда», «Зоря», «Світ», «Народ», «Хлібороб», «Жите і слово» и другие), а также в эмиграции – женевские издания М. Драгоманова. Завершается том обзором украинской журналистики в России во второй половине столетия, где она была вновь сведена до уровня альманахов или русскоязычных изданий («Киевский телеграф» и «Киевская старина»).

Второй учебник представляет собой первую попытку подробного изложения истории прессы одного из важнейших регионов Украины, который принято считать колыбелью украинской журналистики в пределах Российской империи. Книга построена на четких методологических основах. В ней отбрасывается как неприемлемая идея о признании национально значимыми лишь изданий, которые печатались на украинском языке. Обосновывается плодотворная мысль о том, что газеты и журналы, выходившие на русском языке, следует также изучать в истории национальной журналистики, но под углом зрения украинского дискурса, т. е. отображения в них жизни этноса, с учетом их участия в формировании украинской идентичности.

Автор совершенно справедливо связывает зарождение журналистики Слободской Украины с появлением в Харькове университета (начало XIX столетия). Сгруппировавшиеся вокруг него силы украинской творческой интеллигенции из числа профессуры и студентов стали той почвой, на которой произросли первые харьковские газеты и альманахи местных романтиков, а затем появились и сменяли друг друга всевозможные газеты и журналы. Автор подробно останавливается на истории «Харьковских губернских ведомостей», выходивших непрерывно с 1838 по 1917 год. Отдельные главы посвящены таким наиболее примечательным газетам, как «Южный край» (1880–1919), «Слобожанщина» и «Порада» (обе – 1906), «Сніп» (1912), а также журна-

лам «Мир», «Вера и Разум», «Мирный труд» и «Школьный луч». Будущим исследователям И. Л. Михайлин оставляет для более детального изучения еще около 300 периодических изданий, вышедших на Слобожанщине в течение столетия.

Книги И. Л. Михайлина заинтересовали нас потому, что они однозначно вводят в круг зачинателей и корифеев слобожанской журналистики поэта с Кубани, воспитанника Харьковского университета Василия Семеновича Мову (Лиманского) (1842–1891). Свидетельство крупного специалиста в области изучения украинской журналистики для нас особенно важно, так как общеизвестна тенденция региональных исследователей преувеличивать значение отдельных фактов местной истории и культуры, что порой вызывает к их оценкам справедливое недоверие. В данном же случае нам выпала уникальная возможность соотнести свои оценки с авторитетным сторонним мнением.

Следует сказать, что весь корпус достоверно известных текстов В. Мовы-журналиста, разбросанных по страницам чрезвычайно редкой теперь газеты «Харьков», был собран нами и опубликован под одной обложкой еще в 1999 году [3]. Однако теперь книги И. М. Михайлина однозначно добавляют к ним еще два чрезвычайно важных текста, опубликованных анонимно, но, без сомнения, принадлежащих перу В. Мовы. Речь идет о статьях «Спор Украины за язык в Харькове» [4] и «Лист Харківської громади до галицької молоді» [5]. Введение их в широкий научный оборот позволяет по-новому взглянуть на проблему «Мовы-журналиста», а также дать более глубокую оценку общественно-политическим взглядам поэта, которые ранее рассматривались не как плод его собственных раздумий, а, скорее, как вторичные, заимствованные у нового университетского окружения.

***

Документы доносят точную дату поступления кубанского поэта в университет – 16 августа 1860 года. Первый период пребывания в Харькове связан с учебой на историко-филологическом факультете. С 1860 по 1864 год В. Мова одолел лишь два курса, после чего был исключен за неуплату. Очевидно, Кубанскому казачьему войску надоело платить за студента, систематически не являвшегося на экзамены. Второй вывод (1865–1869) связан с учебой В. Мовы на юридическом факультете, где он числился на правах «постороннего лица». Его имя появляется в официальных документах лишь по поводу окончания университета. Свою диссертацию на тему «Народное представительство и политическая свобода в Западной Европе» нерадивый студент защитил лишь в 1869 году.

Причина такой долгой и неровной учебы в том, что не одной только учебой были заняты мысли В. Мовы. Девятнадцатилетний кубанский казак появился в Харькове в момент, когда творческая жизнь университета теплилась лишь в студенческом литературном обществе. В числе его членов исследователи называют И. Беликова, Д. Оробченко, А. Шиманова, Я. Станиславского, И. Паученко,

С. Сукачева, В. Гнилосырова, П. Лобко, К. и М. Жученко, И. Горошко, И. Шама и др. Особую роль играл Петр Алексеевич Лобко, поддерживавший отношения с Т. Г. Шевченко и даже выполнявший отдельные его поручения. В 1860 году кружок организовал распространение в Харькове украинских книжек, издаваемых в Петербурге П. Кулишом, а также первого украинского регулярного журнала «Основа», привлек к этой работе членов Харьковского литературного кружка (в том числе, В. Мову, который дебютировал как поэт в четвертом номере «Основы» за 1861 год). Следует подчеркнуть, что это была вполне легальная деятельность, возникшая в России на волне проводимых тогда реформ. Деятельность кружка ограничивалась преподаванием на южнорусском языке в школах, проведением литературных вечеров, хоров, изданием и распространением популярных брошюр, а также попытками найти средства на издание «своей» газеты.

Сходные проблемы обсуждались и в Харьковской Громаде, собиравшейся в доме писательницы Христи Алчевской, где бывали студенты университета и учащиеся других учебных заведений Харькова, семинаристы. Если литературный кружок при университете насчитывал полтора десятка членов, то в Громаде их было около 80. Здесь молодежь не только пела украинские песни и вела дискуссии о путях достижения народного счастья, но и составляла брошюры литературного и научного содержания, которые назывались «метелики». Маленькие разноцветные книжечки разлетались, подобно мотылькам, во все отдаленные уголки Украины и читались нарасхват сочувствовавшей национальному движению интеллигенцией и немногочисленными тогда сельскими грамотеями.

В Громаде все было основательнее и солиднее, шире спектр общественных и политических взглядов. Именно сюда приходили «заезжие гости»: Стороженко и профессор Пуллой из Галиции, Рылский из Киева. Здесь блистал своим талантом и обаянием языковед Александр Потемня. Скорее всего, здесь, в салоне Алчевской, состоялось знакомство В. Мовы с писателем П. Кулишом.

Новый импульс деятельности молодых харьковчан придало полученное 27 февраля 1861 года известие о смерти Кобзаря. Отныне борьба за духовное наследие Шевченко, пропаганда его творчества станут ключевыми моментами в их деятельности. Уже 1 марта, вечером, кружковцы собрались, чтобы потолковать об устройстве благотворительного музыкально-литературного вечера. Чтобы придать задуманной акции как можно более широкий характер, предполагалось установить контакты с единомышленниками в Полтаве, Одессе, Киеве, Нежине, Москве, Петербурге, Херсоне, Екатеринославе, Екатеринодаре, Чернигове. Вечер состоялся в зале дворянского собрания. К участию в нем были приглашены университетские профессора П. А. Лавровский (славяновед) и А. П. Зернин (историк). Кроме них с чтением произведений Гребинки выступили Виноградский и Галченко. Музыкальные номера представляли

Ширков (скрипка) и Ковалевский (flute harmonie). На собранные средства решили закупить 6000 экземпляров букваря Т. Шевченко и передать их киевскому митрополиту Арсению для распространения в сельских школах.

31 марта студенты отправили церковному иерарху соответствующее письмо, но вместо благословения он написал донос обер-прокурору синода графу А. Толстому. А тот, в свою очередь, сотресея с шефом жандармов В. А. Долгоруким. Последний обратился за консультацией к министру народного просвещения, который заново поставил вопрос о букваре Шевченко перед Главным управлением цензуры. Последняя, уже однажды допустившая его к изданию, покровительствовать от имени правительства распространению оно в Малороссии в виде народного учебника признала неуместным. Разумеется, инициативных студентов взяли «на заметку».

Но это было только началом сражения за Шевченко, за понимание истинного значения и масштабов его поэтического гения, за распространение его пророческого слова в народе. В. Мове, активно участвовавшему в истории с распространением шевченковского букваря (его университетский приятель В. Гнилосыров в своем не опубликованном до сих пор дневнике фиксирует участие В. Мовы во всех предпринятых тогда начинаниях), вскоре предстояло принять свой первый единоличный бой. Поскольку открыть собственную газету кружковцам конечно же не разрешили, ареной дискуссии послужили страницы либеральной газеты «Харьков» (прибавление к «Харьковским губернским ведомостям»).

Трудно преувеличить значение дискуссии о Т. Шевченко 1861 года на страницах газеты «Харьков», ведь она была едва ли не первой в нарождавшемся шевченковедении. Началось все с того, что местный публицист А. Барымов опубликовал в номере за 12 апреля «Два слова о литературных вечерах в Харькове и одно – о Т. Г. Шевченко», полемически направленных против недавно проведенного шевченковского вечера. Иронизируя над увлеченностью части публики поэзией Кобзаря, фельетонист объяснял ее не достоинствами произведений, а известными обстоятельствами жизни поэта, которые всегда обращали на себя особенное внимание публики и заставляли смешивать человека с художником. Барымов предложил называть Шевченко не великим, а даровитым писателем, считая, что первого эпитета заслуживает разве что А. С. Пушкин. В украинского гения был нацелен и второй тезис критика, высказавшегося в том смысле, что и сам характер малороссийской нации устарел. Хрестоматийным стал впоследствии еще один высказанный им упрек – в ожесточенности поэта против «москалей».

Вступившему в полемику В. Мове [6] удалось верно расставить главные акценты в проблеме о «великости» Шевченко. Опираясь он, в общем-то, на хорошо известные современникам оценки, высказанные крупнейшими российскими критиками В. Г. Белинским и Н. А. Добролюбовым по вопросу о народности поэзии А. С. Пушкина.

Вслед за своими учителями Мова высказывается в том смысле, что «поэту предстояло выразить душу народа со всеми ее своеобразными характеристическими особенностями». И это ему удалось: «характер малорусской народности, характер южнорусса – вот то, что он выразил в своих произведениях, и выразил в высокой степени полно, художественно и многосторонне». Размышляя о сопоставимости талантов Пушкина и Шевченко, Мова усматривает их разницу в сфере поэтической деятельности, и эта разница не уменьшает значения украинского гения, а, напротив, говорит в пользу его таланта. «Пушкин преимущественно рисовал высшее общество, вообще, жизнь народа образованного, касаясь чисто народной жизни настолько, насколько простирается взаимное соприкосновение этих двух слоев общества – образованного и необразованного – в действительности. Шевченко же выражал жизнь простого народа, не преобразованного новейшей цивилизацией, а, как справедливо сказал Белинский, выражать художественно жизнь простого народа, подмечать в ней все прекрасное и высокое не только не легче, но даже гораздо труднее, чем в гостинных высшего общества». При этом В. Мова вовсе не умалял значения Пушкина, оговариваясь, что в своих последних произведениях тот пошел дальше всякого народного поэта, выражая в них «содержание общечеловеческое, мировое». Впрочем, Шевченко также имеет, по крайней мере, общеславянское значение, считает В. Мова. То, что поэт высказал, скорее всего и ближе всего придется по душе каждому славянскому народу (исключая отсюда, конечно, всех переродившихся ни на то, ни на се). Молодой критик находит у поэта мысли, составляющие общечеловеческое содержание, тем самым роднящие его с такими титанами, как Шекспир, Гете, Пушкин.

Именно вступление в дискуссию В. Мовы, при всем очевидном ученичестве высказанных им суждений, придало ей актуальность и то непреходящее и не осознанное нами до сих пор значение, на которое она может рассчитывать в истории украинской литературы. Все, что было потом, лишь развивало заложенные в ней незрелые, не до конца проговоренные, полемически заостренные мысли неопита с Кубани. Даже пресловутая «ожесточенность против москалей» в советских учебниках будет трактоваться так, как трактовал ее в свое время В. Мова.

Дебют на страницах газеты «Харьков» был настолько успешным, что на целых три года Василий Семенович становится одним из самых деятельных ее авторов. Он постоянно публикует свои новые статьи, смело вступает в новые дискуссии (с «культурным» помещиком Н. Зарудным и юристом Е. Н.), не гнушается и небольших заметок на темы культурной жизни Харькова [7]. Создается ощущение, что в 1861–1862 годах в редакции газеты он был, что называется, своим человеком.

«Похолодание» в общественной жизни России, усиление реакции, пришедшейся на 1863 год, привело к изменению характера издания и уходу из него В. Мовы. Вскоре закрылись воскресные шко-

лы, часть друзей, окончив университет, подалась из Харькова. Поэт, будучи исключенным за неуплату, был вынужден искать работу. Закончился первый период его харьковского бытия. Он уже не вернется на историко-филологический факультет, больше не станет писать по-русски и полностью перейдет на украинский язык. Причину такой разительной перемены можно понять, если вспомнить о польском восстании 1863 года, которое повлияло на умонастроения нарождавшейся украинской интеллигенции, ускорив национальное созревание многих будущих духовных лидеров нации.

В плане становления В. Мовы, как одного из них, интересны еще две анонимные публикации кубанца в западно-украинских изданиях, на анализе которых особо останавливается И. Л. Михайлин. Они посвящены проблеме духовного единения всех украинских этнических земель. Началось с того, что 25 июля 1862 года в львовской московфильской газете «Слово» появилась программная статья «Послание к братьям Галичанам от братьев Киевлян», в которой последние рассказывали о своих успехах (создание объединений украинцев для совместной работы, открытие украинских народных школ, возникновение национальной журналистики, примером чего служила «Основа»). 5 сентября «Молодые Галичане» опубликовали ответ киевлянам под названием «Дещо на ответ братьям украинцам». Они с гордостью рассказывали о своих трех печатных изданиях (газеты «Слово», «Галичанин» и «Вечерниці»), разветвленной сети школ и училищ, налаженной системе книгораспространения. Это был едва ли не первый публичный диалог австрийских и российских украинцев, засвидетельствовавший, что они являют собой не только этнографическое, но и культурное единство. А 22 октября к этому диалогу присоединились харьковчане, опубликовавшие анонимный «Спор Украины за язык в Харькове». И. Л. Михайлин считает, что его автором был В. Мова. Анализ текста, сам характер полемического рассуждения заставляет нас с этим предположением целиком и полностью согласиться.

В присланной из Харькова статье рассказывалось об одном из выступлений перед учениками университетского профессора Петра Алексеевича Лавровского. Известно, заявил он, что украинцы говорят по-разному на левом и правом берегу Днепра, и тем более в Галичине с ее особым наречием. Где же взять такой язык, чтобы все разобрать? Вместо того чтобы работать на пользу литературного языка, который уже сформировался, есть такие люди, что думают об особой украинской литературе, – это святотатство. Вон в России 50 говоров, но разве нужно ей иметь и 50 литератур?

Некоторые студенты ответили профессору, рассказывал далее корреспондент, что не следует молодым студентам первого курса проповедовать, будто народ украинский не создаст себе литературного языка, а то они и вправду могут в это поверить. В ответ Лавровский заявил, что он уже 20 лет работает в науке, повидал многое и уве-

рен, что никогда не будет особой украинской литературы. А запрещать ему об этом говорить – это деспотизм. Отнюдь, заявил со страницы газеты В. Мова, деспотизм – произносить подобные речи на лекции, когда преподаватель говорит, а слушатели молчат. Такие заявления могут подорвать у них авторитет украинской идеи, а в ней нет ничего преступного.

Далее автор в трех пунктах излагает свою украинофильскую программу. Во-первых, он утверждает легитимность украинского возрождения, говорит об уважении украинофилов к правительству и отсутствию у них интереса к оппозиционным движениям. В условиях начавшейся в России реакции (арест Н. Г. Чернышевского, закрытие воскресных школ) этот шаг примирения навстречу властям был полностью оправданным. Второй пункт программы В. Мовы посвящен культурно-просветительной работе. Он говорит о желании учиться у народа всему доброму, рассказать ему на его родном языке обо всем, чему сам научился у народа. С этой целью необходимо собрать песни и сказки, вернуть народу его духовное богатство. В. Мова с беспокойством отмечал процесс денационализации в украинских университетах, включая и харьковский. «Мы желаем, – писал он, – чтобы те юноши, которые учатся теперь в наших университетах, учились не для чинов, а для пользы своей родной Украины, своего родного народа». «Мы хотим выковать свой родной язык», – подвел итог своим размышлениям поэт с Кубани [8].

Для осуществления данного плана Харьковская громада, в которой В. Мова играл не последнюю роль, планировала начать в январе 1863 года издание двуязычного еженедельника «Український вісник» под редакцией Ф. Павловського. Он был бы очень кстати, так как из-за финансовых трудностей в самом конце 1862 года прекратил свое существование петербургский журнал «Основа». Однако новое издание не было разрешено на основании печально известного Валуевского циркуляра от 11 октября 1862 года, запрещающего увеличение количества периодических изданий без особых на то причин, особенно в Малороссии и западных губерниях империи. Кто знает, как развернулся бы полемический талант В. Мовы, уже вытесняемого со страниц либерального «Харькова» по требованию благонамеренных читателей, в новом, более радикальном издании. Но этим планам не было суждено сбыться. Единственную возможность опубликовать украинские тексты предоставляли теперь лишь львовские издания. Этим и не преминул воспользоваться молодой литератор.

Его вторая статья, написанная в форме коллективного письма, появилась в 1863 году в «Вечерницах». И. Л. Михайлин называет ее «Листом Харківської громади до галицької молоді» [9]. Академик Ю. Шевелев воспроизвел ее ранее в своем мюнхенском издании В. Мовы под названием «Письмо с Задніпровської України» [10]. Косвенным подтверждением главенствующей роли кубанского поэта в написании этого письма служит его послание редактору «Вечерниц»

Федору Заревичу от 30 ноября 1862 года. Из него видно, что именно В. Мова посылает данный материал во Львов, оговаривая возможные варианты публикации, и именно на свое имя просит он направлять выписанные харьковчанами очередные номера газет «Слово» и «Вечерницы» [11].

Целью нового письма харьковчан, как справедливо замечает И. Л. Михайлин, было рассказать братьям-галичанам о своеобразии ситуации на востоке Украины. Она отличалась тем, что здесь православная церковь являлась еще одним мощным фактором денационализации, в то время как греко-католическая церковь в Галичине выступала главным инициатором украинского национального возрождения. В этих условиях харьковчане ставили вопрос о необходимости выработки украинского народного языка и создания на нем литературы, которая не только бы обслуживала нижние слои населения, но формулировала идеи, подобно тому, как это делал Т. Шевченко. В. Мова вновь говорит о легитимности борьбы украинцев за свои национально-культурные права, но его отчет о новых «успехах» слобожанцев удручает: воскресные школы запрещены, двуязычная газета не разрешена к изданию. Остается нам, с горечью завершает он, развиваться самим, обогащаться знаниями, укрепляться в своих взглядах и верованиях и, если кто сможет, написать что-то для народа.

Публицистические выступления кубанского поэта в харьковских и львовских газетах способствовали расширению единого украинского мира от Львова до Харькова и Кубани, где жили потомки славных запорожцев. Воплощению этой идеи была посвящена вся последующая жизнь поэта, которая прошла в родных краях, далеко от украинских культурных центров. За возвращение на родину пришлось заплатить дорого: своим несомненным талантом украинского журналиста, которому в условиях тогдашней Кубани применения не нашлось. Впрочем, не будем спешить с за-

ключениями. Исследователями пока даже не ставилась проблема выявления анонимных текстов В. Мовы в кубанских, одесских и северокавказских изданиях.

Литература и примечания

1. Михайлин И. Л. Історія української журналістики ХІХ століття. Київ, 2003.
2. Михайлін І. Л. Нарис історії журналістики Харківської губернії. 1812–1917. Харків, 2007.
3. Мова (Лиманський) В. Из литературного наследия / сост., предисл., ком. и науч. ред. текстов В. К. Чумаченко. Краснодар, 1999.
4. Спор України за язык в Харькове // Слово. 1862. 27 жовт.
5. Харківці. Лист Харківської громади до галицької молоді // Вечерниці. 1863. № 14–15.
6. В. Эм-о-ве. По поводу «Слова» г. Рымова о Т. Г. Шевченко // Харьков. 1861. 28 июня. С. 497–503; 3 июля. С. 507–511.
7. Михайлін І. Л. Нарис історії журналістики Харківської губернії ... С. 58–64. В «Харькове», кроме вышеупомянутой, были напечатаны следующие статьи В. Мовы: «Два литератора-критикана», «Два слова г. Зарудному», «Разоблачение», «Автору статьи “Казусное происшествие”», «По поводу готовящегося музыкально-литературного вечера в память Т. Г. Шевченко», «Два-три слова о студенческих вечерах».
8. Текст данной статьи излагается нами по книге: Михайлин И. Л. Історія української журналістики ХІХ століття ... С. 296.
9. Михайлин И. Л. Історія української журналістики ХІХ століття ... С. 319–321.
10. Мова (Лиманський) В. Твори / ред. і вступ. стаття Ю. Шевельова. Мюнхен, 1968. С. 357–365.
11. Мова (Лиманський) В. Старе гніздо й молоді птахи / упоряд., авт. передм. та приміт. О. Ф. Савицькій. Київ, 1990. С. 385.
12. Михайлін І. Л. Нарис історії журналістики Харківської губернії ... С. 321.

V. K. CHUMACHENKO. VASYL MOVA'S ROLE IN THE HISTORY OF JOURNALISM OF SLOBODA UKRAINE

The article is dedicated to the early newspaper publications written by Vasyl Mova, then a participant of Kharkiv City Hromada (Community) Society, proving his substantial contribution to the formation of journalism in the Sloboda Ukraine of the 1860s.

Key words: history of the Ukrainian journalism, Shevchenko studies, Kharkiv City Hromada (Community) Society.

Лингвистика

А. В. ЗИНЬКОВСКАЯ

ЯЗЫКОВАЯ СТРУКТУРА ПЬЕСЫ Б. ШОУ «АНДРОКЛ И ЛЕВ» КАК ОПОРА ЕЕ СМЫСЛОВОЙ СИСТЕМЫ (переводческий аспект)

При переводе художественного текста опорой служит его смысловая система. Переводчик, в свою очередь, должен иметь свой общий образ текста, включающий сведения о ключевых семантических категориях конкретного текста.

Ключевые слова: семантическая категория, структурно-смысловое единство, адекватность, инвариант.

Языковая структура художественного текста служит опорой его смысловой системы, восприятие же направлено на восстановление, осмысление и оценку представлений в тексте так называемой второй реальности и стоящего за ней художественного смысла. На этом основании задача управления пониманием и восприятием художественного текста при его переводах на иностранный язык закономерно выходит на первый план. В таких случаях она не может не быть соотносена с созданием у переводчика общего образа текста, включающего сведения о ключевых семантических категориях конкретного текста, который по определению должен обладать «структурно-смысловым единством, упорядоченной последовательностью единиц, составляющих его, законченностью, коммуникативной целенаправленностью, информативностью» [1], а также иметь «специфическую функцию – эстетическое воздействие на читателя» [2].

С одной стороны, при рассмотрении проблем взаимодействия культур в художественном переводе с позиции лингвистики следует учитывать общую комплексную трактовку таких важных понятий переводоведения, как адекватность, эквивалентность, инвариант перевода и др. С другой стороны, следует понимать, что текст – это составляющая дискурса, а «дискурс – это не язык, не речь, не языковая способность, это не только деятельность и не только текст. Это отдельная семиотическая система» [3]. Иными словами, дискурс определяется нами как «вербализуемая речемыслительная деятельность, представляющая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планом» [4]. С этих позиций вполне понятно, что в литературном произведении смысловая структура слова (зафиксированная в соответствующих словарях) может видоизменяться, и в этом заключается органичное свойство художественного текста. Смысловая структура слова, таким образом, «расширяется и обогащается теми художественно-образительными «приращениями» смысла, которые развиваются в системе целого эстетического объекта» [5]. Поэтому, наверное, именно в теории худо-

жественного перевода особое значение обретает более широкое, наполненное новым содержанием понятие переводческой эквивалентности, так или иначе связанное с общим семиотическим и культурологическим подходом к решению данной проблемы.

В пьесе Б. Шоу «Андрокл и лев» (Androcles and the lion) основным способом, раскрывающим специфические черты художественного перевода как процесса и результата речевой (в нашем случае – литературной) деятельности, является принцип аналога и контраста. Этот прием достаточно выпукло, на наш взгляд, представляет специфику творческой манеры замечательного английского драматурга, которая проявляется уже в самом начале пьесы – при описании ее главных героев, только что появившихся на сцене.

Androcles and his wife Megaera come along the path. He is a small, thin, ridiculous little man who might be any age from thirty to fifty-five. He has sandy hair, watery compassionate blue eyes, sensitive nostrils, and a very presentable forehead; but his good points go no further: his arms and legs and back, though wiry of their kind, look shrivelled and starved. He carries a big bundle, is very poorly clad, and seems tired and hungry. His wife is a rather handsome pampered slattern, well fed and in the prime of life. She has nothing to carry, and has a stout stick to help her along.

На тропинке появляются Андрокл и его жена Мегера. Он невысокий, тощий, смешной человек без возраста, ему можно дать и тридцать лет, и все пятьдесят пять. У него рыжеватые волосы, водянисто-голубые добрые глаза, нервные ноздри и внушительный лоб; но на этом и заканчиваются его привлекательные черты: его руки, ноги да и все тело – в общем-то сильные – кажутся высохшими от истощения. Он тащит огромный тюк, очень плохо одет и выглядит усталым и голодным. Его жена, изнеженная, пухлая неряха в расцвете лет, недурна собой. У нее нет никакой поклажи, только палка, на которую она опирается на ходу.

Принцип контраста уже в самом начале произведения использован Б. Шоу для выражения основной идеи – показать, что все в жизни повторя-

ется: и добро, и зло. Противопоставление, и это не случайно, начинается сразу – с описания внешности Андрокла и его жены Мегеры. Первое, что бросается в глаза, – это неопределенный возраст Андрокла (*from thirty to fifty-five* – и тридцать лет, и все пятьдесят пять); его жена, наоборот, «в расцвете сил» (*in the prime of life*). Если при описании Мегеры драматург характеризует женщину в общем, не вдаваясь в подробности (*a rather handsome pampered slattern, well fed and in the prime of life* – изнеженная, пухлая неряха в расцвете лет, недурна собой), то, представляя читателям Андрокла, вырисовывая его внешность, писатель делает акцент на «рыжеватых волосах» (*sandy hair*), «водянисто-голубых добрых глазах» (*watery compassionate blue eyes*), «нервных ноздрях» (*sensitive nostrils*) и «внушительном лбе» (*a very presentable forehead*) – именно таким видит Б. Шоу портрет этого христианина и хочет, чтобы таким его видели читатели пьесы.

Контраст проявляется, таким образом, в постоянных противопоставлениях Андрокла и его жены, причем по самым разнообразным основаниям: *he carries a big bundle – she has nothing to carry; he seems hungry – she is well fed*. Особое внимание в связи с этим обращает на себя перевод на русский язык эпитета «compassionate» как «добрый» (ср. *compassionate – feeling or showing sympathy for the sufferings of others causing a desire to help them* – сострадательный, сочувствующий, жалостливый). Этот эпитет использован Б. Шоу в описаниях причудливости характеров Андрокла и его жены. Перевод удачен, ибо именно заявленная коннотация и должна присутствовать при передаче на русский язык полноты и глубины содержания информации, охватываемого данным эпитетом. Обобщенный перевод английского прилагательного словом «добрый» сохраняет общую тональность пьесы, ее настроения, не позволяя вместе с тем читателю познать глубинный замысел автора, расшифрованный, как ни удивительно, в послесловии к пьесе, являющем собой изложение политических взглядов на современный писателю мир, его умонастроения. Необходимо также отметить выбор имени жены Андрокла – Мегера. Ирония драматурга прослеживается с самых первых страниц произведения, она видна уже в этом имени (ср. Мегера – в греческой мифологии богиня мести; обитает в царстве Аида и Персефона, появляясь на земле, чтобы возбудить месть, безумие, злобу).

Опора на контраст помогает Б. Шоу многое рассказать не только о героях и времени, в котором они живут, но и о себе. По Б. Шоу, верить в будущее следует даже тогда, когда верить в него нелепо, когда по сути-то его и нет. Приведем пример.

All are tired and dusty; but the soldiers are dogged and indifferent, the Christians lighthearted and determined to treat their hardships as a joke and encourage one another.

Все они изнурены и покрыты пылью, но солдаты упрямы и безразличны, а христиане веселы

и полны решимости смотреть на свои невзгоды как на потеху и поддерживать друг друга.

Контраст проявляется здесь при описании состояния солдат и христиан. Если при характеристике воинов Б. Шоу использует такие описательные слова, как «dogged» и «indifferent» (ср. *dogged – refusing to give up in the face of difficulty or opposition* – упрямый; редк. упрямый; *indifferent – not interested in; not caring about or noticing* – безразличный), то, описывая христиан, он наделяет их уже такими качествами, как «веселость» и «решимость» (ср. *lighthearted – cheerful, happy; determined – having a strong will; resolute*). Ситуация нелепа: те, кого ведут убивать, веселы и почти безмятежны, те же, кто ведет несчастных на смерть, полны печали и раздумий. Ситуация доведена до наоборот. Драматург намеренно меняет местами воинов и пленников, сатирически показывая истинное положение дел.

Упрямость и безразличие к исполнению своего воинского долга, панибратство с пленниками подчеркиваются в дальнейшем словами капитана, в которых видна абсурдность сложившихся отношений между пленниками и их охранниками.

The Captain. You are to instruct your men that all intimacy with Christian prisoners must now cease. The men have fallen into habits of dependence upon the prisoners, especially the female prisoners, for cooking, repairs to uniforms, writing letters, and advice in their private affairs. In a Roman soldier such dependence is inadmissible. Let me see no more of it whilst we are in the city.

Капитан. Вы должны дать своим подчиненным указание, чтобы они прекратили всякое панибратство с христианами. Они привыкли во время похода зависеть от пленников, в особенности от пленниц, которые готовили им пищу, чинили обмундирование, писали письма и давали советы в личной жизни. Такая зависимость недопустима для римского солдата. Пока мы в городе, я не желаю этого видеть.

Неумение и нежелание солдат готовить пищу, чинить обмундирование, писать письма (*The men have fallen into habits of dependence upon the prisoners, especially the female prisoners, for cooking, repairs to uniforms, writing letters*), подчеркнутые капитаном, иронически перекликаются с двумя последними предложениями примера. В самом деле, смешно: с одной стороны, капитан провозглашает недопустимость уже сказанного им (*In a Roman soldier such dependence is inadmissible*), с другой – получается, что эта «недопустимость» имеет свои границы, распространяясь только на территорию Рима. (*Let me see no more of it whilst we are in the city. – Пока мы в городе, я не желаю этого видеть.*)

Комизм ситуации усугубляется повтором в пьесе размышлений о нетерпимости «зависимости» (*dependence*) римских солдат от пленников-христиан.

Senturion. <...> Mind you behave yourselves. No singing. Look respectful. Look serious, if you're capable of it.

Центурион. <...> Ведите себя как положено. Никаких песен. Постарайтесь иметь приличный вид! Серьезный вид, если вы на это способны.

Отчаянная попытка заставить солдат вести себя подобающим образом предпринимается и Центурионом: он призывает их к порядку. Повтор глагола «look», придающий его командам оттенок просьбы, завершается фразой, оформленной придаточным предложением условия – «if you're capable of it» (если вы на это способны), что подчеркивает тупик отношений между Центурионом и его подчиненными.

Обращает на себя внимание также нетрадиционное применение в пьесе пунктуации – вместо предсказуемых восклицательных знаков при произнесении команд Б. Шоу в следующем примере намеренно (с акцентом на иронию) ставит точки. Единственный восклицательный знак в русском переводе, по-видимому, не случаен – он «смягчает» строгость значений глагола «постарайтесь», что в итоге и придает высказыванию, задуманному писателем, форму просьбы.

Итак, мы пришли к выводу, что лингвистическая адекватность перевода оригиналу – важная составляющая высокого качества художественного перевода. Чем точнее перевод, тем глубже и полнее оказываются представления читателя переводного текста об иной национальной культуре и литературе, об идейно-эстетических взглядах писателя, отраженных в конкретном литературном произведении, об особенностях его стилистической манеры, подчеркивающих или не

подчеркивающих творческую индивидуальность автора художественного произведения. Мету и конкретные проявления в художественном переводе соприкосновений и взаимопроникновений культур и языков помогают вскрыть общую культуру читателя как обязательная компонента дискурсивного пространства художественного текста (в нашем случае – пьесы Б. Шоу «Андрокл и лев»), знание правил сопоставительного анализа текстов оригинала и текстов перевода, понимание того, что, как читатель особого рода, переводчик может рассматриваться в качестве соавтора художественного произведения.

Литература

1. *Исаева Л. А.* Лингвистический анализ художественного текста: проблемы интерпретации скрытых смыслов. Краснодар, 2008. С. 27.
2. Там же. С. 27.
3. *Красных В. В.* Единицы языка vs единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. Волгоград; М., 2008. № 7. С. 53–58.
4. Там же. С. 53.
5. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. М., 1963. С. 47.
6. *Шоу Б.* Андрокл и лев. Пьеса-притча // Полное собрание пьес: в 6 т. Т. 4. Л., 1980. С. 125–175.
7. *Shaw B.* Complete Plays and Prefaces. Volumes I–VI. N. Y., 1963.

A. V. ZINKOVSKAY. LINGUISTIC STRUCTURE OF «ANDROCLOS AND THE LION» BY B. SHOW AS THE BASIS OF ITS SEMANTIC SYSTEM (translator's approach)

The semantic system is the basis in translating a belles-lettres text. The translator should have his own general concept of the text, which includes the information about key semantic categories of the text.

Key words: semantic category, structural-semantic unity, adequacy, invariant.

М. Ю. СИМОНЕНКО

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПЕРИФРАЗА КАК СРЕДСТВА ВВОДНОСТИ

В статье исследуются средства, способствующие раскрытию содержания и значения оригинальных перифразов, предлагается классификация перифразов, помогающая их анализу с точки зрения стилистического использования.

Ключевые слова: перифраз, субъективное отношение, номинативная функция, предикативная функция, аллюзия, стилистическое использование.

Как известно, сущность перифраза заключается в замещении им прямого названия предмета или явления. Несмотря на отсутствие такого прямого названия, мы обычно понимаем значение употребленного тем или иным автором перифраза, хотя, как известно, писатель часто строит свои перифразы по линии выделения признака, кото-

рый не является наиболее характерным для описываемого предмета или явления, но имеет в данной ситуации первостепенное значение для персонажа или для выявления своего субъективного отношения к описываемому.

You and your damn caterwauling. It's a wonder I put up with it [1]. Перифраз damn caterwauling,

означающий в данном контексте *игру на гитаре*, не дает какой бы то ни было объективной характеристики этого музыкального инструмента, но указывает на чисто субъективное, отрицательное в данном случае, отношение к нему говорящего. Обособление этого перифраза (до крайней степени – предложения), являющегося дополнением в придаточном субъектном предложении, и, тем более, постановка его в препозицию также служат перемещению второстепенного члена в центр синтаксического сознания, его интонационному и логическому выделению.

Оригинальные перифразы могут крайне рельефно выявить субъективное отношение говорящего (будь то автор или один из персонажей произведения) к явлению или предмету путем выделения той его черты, на которую особенно остро обращено внимание автора или персонажа в момент повествования [2]. Вот почему представляется весьма интересным наметить те главные средства в художественном произведении, которые делают возможным осознание значения употребленного в нем перифраза, способствуя тем самым более глубокому пониманию творческого замысла автора и идейной направленности его произведения.

Детальный разбор и анализ языкового материала позволяет наметить следующие группы средств, способствующие раскрытию содержания, значения употребленного автором перифраза. Намеченные группы не отделены друг от друга, но, наоборот, во многих случаях находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Наиболее общераспространенным средством, способствующим пониманию значения перифраза, является контекст, в котором данный перифраз употреблен. Причем под контекстом понимается не только языковое окружение какого-нибудь стилистического средства языка (в данном случае перифраза), но и вся общая ситуация, понимание которой необходимо для определения значения употребленного автором перифраза. В первую группу входят перифразы, значение которых раскрывается исключительно благодаря более или менее широкому контексту. Примеры подобного рода чрезвычайно многочисленны в литературе.

Во вторую группу (не менее обширную, чем первая) входят некоторые из так называемых логических перифразов, в основе которых лежит прямое значение слова, в отличие от перифразов метафорических и метонимических, основанных на употреблении слова в его переносном значении. Сюда относятся логические перифразы, построенные по линии выделения общеизвестного признака предмета или явления, в результате чего значение таких перифразов раскрывается как бы само собой через общеизвестность, своего рода «объективность», подчеркиваемой черты предмета или явления действительности. *They ain't gonna stick their jack-knives into you* [3]. Значение данного перифраза (*stick their jack-knives*) понятно читателю без помощи контекста, но исключительно благодаря тому, что им заменяется прямое название явления (в данном случае процесса

убийства) путем описания одного из объективно существующих способов убить человека, а именно убить при помощи ножа (в данном контексте это, скорее, «пырнуть» ножом).

В следующую, третью группу входят так называемые метафорические и метонимические перифразы, в основе которых лежит либо метафора, либо метонимия. Отметим, что между двумя указанными типами перифразов, с одной стороны, и простой метафорой и метонимией – с другой, не существует резкой границы, вследствие чего в языке можно иногда наблюдать случаи перехода одного из этих стилистических средств в другое. Понимание значения таких перифразов основано, с нашей точки зрения, на самом принципе построения обычных метафор и метонимий.

Третья группа, в свою очередь, распадается на две подгруппы. В подгруппу А входят метафорические перифразы, в подгруппу В – метонимические.

Как известно, метафора – это перенос значения, основанный на сходстве формы, цвета, движения и прочих характеристик сближаемых предметов. В метафоре налицо своеобразное замещение одного значения другим, причем обогащенным, несущим в себе комплекс этих значений, а в результате и новый смысловой оттенок. Понимание значения метафоры обычно связано с общепонятностью прямого значения слова, на котором она основана, ибо ни один троп (в частности, ни одна метафора) не может служить коммуникативным средством именно как троп, т. е. слово с «переносным» значением, если в других случаях данное слово не проявляет своего «прямого», «собственного значения». Роль метафорического перифраза познается так же, как и роль обычной метафоры. Следует отметить, что определенное значение здесь имеет контекст. Чем более художественным является перифраз, чем больше реального сходства между сближаемыми явлениями, тем он доступнее для понимания и тем полноценнее он может донести идейный замысел, содержание произведения до читателя или слушателя. *You just favor that extra barrel of wild cat each month* [4]. Здесь метафорический перифраз *barrel of wild cat*, означающий *алкогольный напиток*, построен по линии сходства между поведением взбесившейся кошки и поведением пьяного человека. Понимание значения этого перифраза облегчается также его сочетанием со словом *barrel* (*бочка*), которое употребляется обычно со словами, означающими какое-нибудь питье.

Всякий перифраз, в том числе метафорический, соответственно своей природе несет номинативную функцию в языке. В то же время метафора, не являясь особым способом называния предмета, явления или лица, выполняет в языке предикативную функцию, обусловленную свойством метафоры сообщать нечто новое об уже названном предмете или явлении.

Известно, что обычная метонимия построена на замене одного слова другим на основании смежности (но не сходства, как в метафоре) двух

понятий. Эта смежность может быть самого различного характера (например, пространственная). Часто это соотношение содержащего и содержимого («я уже выпил три стакана»). В других случаях – это соотношение материала и продукта или орудия и продукта («бронза XV века»; «медь», «серебро», «золото» – как монеты из этих металлов). Понимание значения метонимии, как и метонимического перифразы, возможно благодаря тому, что мы всегда знаем прямое значение слова, смежного с метонимическим, сближаемого с последним на основании реально существующей зависимости, связи между ними [5]. *Nothing to live upon but love. I fell in love and married, and surrounded myself with little rosy cheeks* [6]. Здесь метонимический перифраз (*little rosy cheeks*), имеющий значение *дети*, построен на основании смежности, соотношения всего предмета и его части (своего рода синекдоха): ребенка и розовых щек, характерных для детского лица; весь контекст, ситуация подкрепляют значение этого метонимического перифраза.

Перифразы, входящие в третью группу, раскрывают свое значение в контексте, главным образом, благодаря общеизвестности, общепонятности прямого значения слова, на основании сходства (метафорический перифраз) или смежности (метонимический перифраз) с которым и создается это анализируемое стилистическое средство языка.

Среди примеров имеется обширная группа перифразов, в которых автор как бы помогает читателю понять значение созданного им перифраза путем прямого называния самого слова. Такие случаи образуют четвертую группу. Казалось бы, наличие своего рода «ключа» к перифразу противоречит характеру, природе этого стилистического средства, основанного на замене прямого называния слова словосочетанием или предложением. Однако прямое называние слова, относящегося к перифразу в примерах, включенных в четвертую группу, носит такой характер, что оно не влечет за собой превращение перифраза в развернутое определение или приложение при определяемом. *Papa, love, I am a mother. I have a child who will soon call Walter by the name by which I call you* [7]. Наличие выше данного перифраза слова *Papa*, раскрывающего его значение, не может лишить перифраз его главной характерной черты, ибо это слово не примыкает в тексте непосредственно к перифразу, в результате чего последний воспринимается как нечто самостоятельное, цельное, ни в коей мере не зависящее от однозначного с ним слова.

Значение перифразов, входящих в пятую группу, познается благодаря знакомству с мифологическими или библейскими образами, историческими героями или событиями. Поэтому такие перифразы условно можно было бы назвать перифразами, основанными на аллюзии. К ним относятся такие широко употребительные выражения, как «A Pyrrhic victory», «The sword of Damocles»,

«Between Scylla and Charibdis», «Gordian knot» и др. [8]. Представляется правильным предположить, что подобные перифразы возникали в языке как метафоры и лишь со временем превращались в своего рода традиционные перифразы в результате некоторой утери образности и закрепления их в словарном составе языка.

Соответственно предлагаемой классификации перифразов с точки зрения средств, способствующих пониманию значения созданного тем или другим автором перифраза, последние подразделяются на вышеприведенные пять групп. Основным средством для выявления значения перифразов первой группы является контекст, а для второй – само построение перифраза по линии выделения одного из общеизвестных, объективно присутствующих данному предмету или явлению признаков (логические перифразы).

Третья группа включает в себя две подгруппы. В подгруппе А значение перифраза познается читателями благодаря общепонятности прямого значения слова, на котором образована метафора, лежащая в его основе (метафорические перифразы). В подгруппе В значение перифраза выявляется благодаря тому, что читатель обычно знаком с прямым значением слова, смежного с метонимическим, лежащим в его основе (метонимические перифразы).

В четвертую группу входят перифразы, определению значения которых способствует сам автор, употребляя в контексте слово, к которому относится перифраз (перифразы с так называемым ключом). Значение оригинальных перифразов, входящих в пятую группу, вскрывается благодаря знакомству читателя с мифологическими или библейскими образами, историческими или литературными героями или событиями (так называемые перифразы, основанные на аллюзии).

Предложенная классификация, как и всякая другая, не может считаться всеобъемлющей, так как ресурсы и возможности языка безграничны. Однако есть основания полагать, что такая классификация может способствовать анализу перифразов с точки зрения их стилистического использования различными авторами, что представляет несомненный интерес для исследователя индивидуального языкового стиля.

Литература

1. *Sexton A.* The Great Midland. L., 1992. P. 14.
2. *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Киев, 1949.
3. *Maltz A.* The Way Things Are. M., 1962. P. 99.
4. Там же.
5. *Виноградов В. В.* Проблемы русской стилистики. М., 1981. С. 136.
6. *Dickens Ch.* Bleak House. M., 1961. P. 36.
7. *Dickens Ch.* Dombay & Son. T. 2. M., 1956. P. 327.
8. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. Л., 1981.

M. Y. SIMONENKO. STYLISTIC FUNCTIONING OF PERIPHRAIS AS MEANS OF PARENTHESIS

The article is focused on the means helping to determine the content and meaning of the original periphrasis. The classification of periphrasis is given used for their analysis from the point of view of their stylistic usage.

Key words: periphrasis, subjective attitude, nominative function, predicative function, allusion, stylistic use.

M. Ю. БЕЛЯЕВА

ПРОЗВИЩА ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА

Исследование ономастической лексики в этнолингвистическом аспекте выявляет ценностно-установочные критерии личности, исторически сложившиеся и развивающиеся на определенной территории. Из прозвищ извлекаются сведения о семейно-бытовом укладе, занятиях, национальных отношениях жителей Краснодарского края.

Ключевые слова: ономастика, прозвища, этнолингвистика, Кубань.

Для современных исследований в области общей (теоретической) и практической ономастики, посвященных проблемам прозвищ, характерно традиционное для русской научной мысли сопряжение *Культура – Общество – Язык*. Интерес к структурно-семантическим особенностям прозвищ ярко проявился в 1970-е годы в работах Н. В. Ардеевой, Е. Ф. Данилиной, З. П. Никулиной, С. И. Зинина, П. Т. Поротникова, Н. Н. Ушакова, Т. Н. Чайко и др.

В настоящее время продолжается исследование прозвищ различных регионов РФ: Архангельска, Смоленска, Черноземья, Ставрополья, Урала, Коми, Адыгеи [1], а также Украины, Латвии [2]. Воплощен в жизнь проект сводного словаря русских прозвищ [3].

Область интересов данной статьи связана с этнолингвистическим исследованием ономастики Краснодарского края [4]. Цель этнолингвистики – увидеть человека, творящего язык, сквозь призму языка; выявить, как образ человека отражается и сохраняется в языке. Сведения о семейно-бытовом укладе, привычных занятиях, национальных отношениях извлекались из собранных нами прозвищ, бытующих в западной части Краснодарского края (Абинском, Крымском, Приморско-Ахтарском, Славянском, Темрюкском, Калининском, Красноармейском и других районах, ст-це Полтавской) [5]. Прозвища были сгруппированы нами в ряд тематических блоков.

1. Фауна

Излюбленным объектом сравнения для старых и молодых людей традиционно служат домашние животные:

коза: *Коза* – шустрая девочка (ст-ца Вышестеблиевская, Т); *Баба Коза* – семейное прозвище *Козы* (ст-ца Брюховецкая); *Кезя* – о мальчике по фамилии Козлов (С);

собака: *Бабушка-Собачка* – всегда ходит с собачкой (ст-ца Брюховецкая); *Собака* – злая, *Собака Баскервилей* – о злой учительнице (ст-ца

Петровская, С); *Пес* (ст-ца Петровская); *Пудель* – учительница с вьющимися волосами (Кл); *Пудики* – семья лохматых, как пудели (Пл); *Волкодавна* – об учительнице (ст-ца Петровская); *Пекинеска* – плоское лицо, маленький нос у девушки (С);

кот: *Кот* – умный; *Кыця* – хитрый; *Коца* – ласковый (все – ст-ца Вышестеблиевская, Т); *Кошка* – девочка любит кошек (ст-ца Холмская, А); *Кошка* – у девочки зеленые глаза и длинные ногти; *Кишка* – ластится ко всем, как кошка (Кл); *Киса* – о девочке 4-го класса (С).

Традиционно неприятны *жаба, лягушка, змея*: *Жаба* – с большими губами; *Царевна-Лягушка* – с холодными руками (оба – ст-ца Вышестеблиевская, Т); *Лягушки* – в разговоре маленьких мальчиков о девочках (Кл); *Змея подколотная* – злая бабка (ст-ца Петровская, С); *Зуёныш-змеёныш* – о вредном однокласснике (С). Есть и мелиоративы: *Лягушка-путешественница* – об учителе географии, любителе походов; *Фрог* – заимствованное из английского языка название лягушки (С).

Из домашних птиц названы *гусь, курица*: *Гусь* – с двойным подбородком (пос. Садовый, С); *Курица*; *Коко* – петух, *Цыпа* – маленький (ст-ца Вышестеблиевская, Т); *Цыпа* – одета в желтую шубу (Т). Из диких птиц – **сова:** *Сова* – крючковатый нос, большие глаза (х. Ханьков, С); глазастая (ст-ца Вышестеблиевская, Т); о парне, который ночью гуляет, а днем спит (ст-ца Петровская, С); **филин:** *Филя* – лупоглазый (ст-ца Петровская, С); *Филин* – учитель, который часто засыпает на уроке (Кл). Реже употребляются *Ворона* – раззява (ст-ца Анастасиевская, С); *Дрофа* – долговязая девушка (С); *Коршун* – все видит, зоркий (ст-ца Вышестеблиевская, Т); *Ласточка* – ласковая (ст-ца Вышестеблиевская, Т) и *Ластуня* (С); *Цапля* – высокая (х. Верхний, С).

Показательными реалиями для региона обычно являются эндемичные (по крайней мере, более редкие в других местах) представители фауны: *Желтобрых* – очень много ест, как змей (ст-ца

Вышестеблиевская, Т); *Шаран* – губы, как у рыбы шарана (х. Верхний, С); *Ондатра* – торчащие передние зубы (х. Верхний, С); *Рыба-игла* – тощий, высокий и вредный; *Барабулька* – приземистый, круглый человек (оба – х. Ханьков, С).

Представления молодых кубанцев о некоторых животных отличаются наивностью: прозвище *Сайгон* – от *сайгак* – грызун с белыми зубами (сайгак – копытное животное. – М. Б.); *Хорек* – мальчик с большими щеками. К приметам региолекта относятся украиноязычные онимы: *Кишка* – ластится ко всем, как кошка (Кл); *Цвиркун* – тот, кто играет на сверкающей трубе в духовом оркестре (ср. укр. цвиркун – сверчок, С).

2. Занятия населения

Эти наименования делятся на исконные и отнесенные новые. Первые иллюстрируются прозвищами *Кузнец*, *Кузнечиха* (жена кузнеца), *Лошадник*, *Паяльник*, *Печа* (пекарь), *Колотун* (уст. плотник, ст-ца Марьянская, Кр). Новые занятия отражены в таких прозвищах, как *Радист* – хорошо разбирается в радиоаппаратуре (ст-ца Холмская, А), *Кошелек* – инкассатор, *Пахарь* – тракторист (ст-ца Марьянская, Кр), *Айболит* – врач в школе. К настоящему времени архаизировались *Киношник* – имеющий отношение к кинематографии, *Дятел* – радист. Меняются значения слов *Молочница* – всю жизнь работала на молочной кухне; *Копченый* – рабочий в колбасном цехе. Высоко оценивается мастерство: *Мастер* – что бы ни спросил, этот человек все знает (ст-ца Андреевская, Кл); *Марья-Искусница* – всем дарит вязаные вещи (Кл). В народе осуждается неумение вести домашнее и приусадебное хозяйство: *Хозяйка* – ироническое прозвище женщины, которая совсем не занимается своим домом и огородом (пос. Холмский, А). Семейным промыслом является животноводство: *Поросята* (Шадрины) – мать продает свиней. *Веники* – семейный бизнес (изготовление веников).

Семейные и территориальные прозвища жителей ст-цы Петровской образованы от рода занятий – они сажают на продажу болгарский перец и капусту: *Огородники*, *Перцовчане*, *Перчики*, *Перцовики*, *Капустянки*, *Кабачки*. *Кузуб* – дед продает тыкву. *Торгаши* – глава семейства торгует овощами (оба – Кл) и т. д. Бригады рабочих на полях называют по контингенту приезжих: *Бендэровцы*, *Пшеничники*, *Хохлы*. Прозвища членов бригады в Сад-Гиганте (г. Славянск-на-Кубани), крупнейшем предприятии по выращиванию яблок: *Садгигантовцы*, *Гигантеллы*, *Яблочники*. Характерным для приморского региона является рыболовство: *Судак* – занимается рыбалкой (ПА); *Крючки* (Чепенко) – глава семейства продает крючки на удочки (Кл).

Издавна на Кубани практиковался отъезд мужчин на заработки: *Шабашки* (Труновы) – дед уезжал на заработки, на шабашки (ст-ца Петровская, С).

По данным опроса, проведенного в конце 2007 года журналистами местного радио, был сделан вывод, что самой популярной для Краснодарского края является профессия вино-

дела. Против ожидания такие прозвища единичны: *Виноградари*.

3. Семья

Главой семьи считается мужчина. *Нянька-батя*: маленькая девочка, приходя к суровой бабушке, спрашивает: «Куда пойдём, нянька-батя?» (К). «Бабушку мы всегда называли ласково *Буля*; дедушку за его суровость – *Дед-бородед*» (С). Предпочтение в семье отец традиционно отдает сыну. *Сын-Надя* – из рассказа Н. Кривобоковой: «У отца было две дочери уже, ждал сына из роддома. Пришли приятели: у тебя сын! – Сын Надя! – И пошло – Сын Надя. Да я и юбок не любила, все в штанах, как мальчонка» (К); прозвище *Миллон* от женского имени *Мелания* дано дочери отцом, долго ждавшим рождения сына; *Племешок* – сын родного брата (С).

Фамильярные *тетя*, *дядя* фигурируют в разных контекстах: *Тетушка*, *достань воробышка* – о высокой девушке; *Тетя Галя* – об учительнице; *Дядя Миша* – военрук (распространенная модель номинации учителей).

Семьи с большим количеством детей уходят в прошлое, исключения редки: *Люда Многодетная* – имеет семерых детей (пос. Волна, Т).

Теплые отношения в семье приветствуются, но не часты: *Персики* – семья Полищук, у них на протяжении совместной жизни очень нежные отношения друг к другу (С), *Теща* – всем недоволен (прозвище мужчины). Доброжелательное отношение членов семьи друг к другу изменяют коннотацию общеязыковых моделей прозвищ: *Батон* – презр., о полном человеке – изменяется в *ласк.* – *Батончик* (жена о муже соответствующей комплекции). Наименования даются и по антонимическому принципу: *Винни-Пух* – отец о худенькой семилетней дочке.

4. Главенство

Первенство в коллективе по традиции отдается старшим по возрасту: *Дед* – старший (х. Верхний, С); *Мать* – начальница (Т); *Старая* – староста группы (х. Нешидимовский, С). Из-за жесткого поведения с подчиненными начальство получает прозвище *Хан* (С), *Пиночет* – ученица, которую классный руководитель назвал своей правой рукой, настоящим Пиночетом (ст-ца Холмская, А); *Уездным князем* назван бригадир комплексной бригады (х. Первомайский, А). Шутливо-иронически звучат *НКВД* (ст-ца Петровская, С); *Стратег* (С). Прозвище *Шеф* зачастую получают те, кто «всегда строит из себя начальника» (ПА, х. Нешидимовский, С), «любит командовать» (ст-ца Петровская, С). Конкретизация родового понятия «начальник» выражается в прозвищах: *Клоун* – директор цирка, *Газовая труба* – начальник газификации (С).

5. Национальность

В соответствии с примитивными этническими инвективами, соседям обычно приписываются глупость, странный образ жизни, лень, жадность. Прозвища, реализующие псевдоэтнический принцип, близки к жаргонным: *Гиви* – прозвище Гусева Игоря Владимировича; *Грек* –

с большим носом; *Грузин* (Романов) – похож на грузина; *Еврей* – везучий человек; *Калмышка* – похожа на калмычку (ст-ца Анастасиевская, С); *Китаеза*, *Китаец* – узкий разрез глаз, похожи на китайцев; *Фриц* (Гавриленко) – похож на немца; *Чукча* (Скиба) – похож на чукчу (Т).

Прозвища даются по месту рождения, предыдущего проживания: *Абазя* – приезжий из Абхазии (пос. Степной, С); *Гуцул* – Украины; *Душманка* – Средней Азии (Таджикистана. Оба – пос. Голубая Нива, С); *Казах* – Казахстана (С); *Молдованка* – родом из Молдовы (С).

6. Еда, питье

Прозвища по излюбленному кушанью: *Вареник* – прозвище толстого человека (ст-ца Петровская, С), *Курочка*, *Корейка* (С), *Пельмень* (пос. Целинный, С), *Перчик* – фаршированный перец (пос. Целинный, С), *Хамса*, *Чебурек* (оба – С); напиток: *Кефир*, *Кумыс*.

Галушка: «Молодой конюх злился на коня, который не давался, и говорит: “Чтоб ты подавился!” А рядом бригадир подсказывает “галушкой”. Так и прозвали конюха *галушкой*»; *Камковой*: «Парень был белорусом, однажды в хуторской магазин привезли сахар в кусках и сахарный песок. Сосед его и спрашивает: “Какой сахар привезли в магазин?”, а парень отвечает: “*Камковой*”» (оба – х. Ленинский, А).

Полные люди получают прозвища *Батон*, *Бекон* (С), реже *Чебурек*. Для речи молодежи типичны *Чупа*, *Чипса* (С).

7. Любимые занятия

Пение: *Бабушки-ягодушки*, *Хор им. Пятницкого* – хор старушек (ст-ца Петровская, С); *Соловей* (К);

Слушание музыки: *Рока* – девочка любит слушать рок-музыку; *Торчок* – торчит от музыки; *Кобзон* – любитель ретромузыки (все – С); *Оникс* – юноша увлекался хип-хопом и брейк-дансом, ему нравились песни этой группы (ст-ца Холмская, А);

Игра на музыкальных инструментах: *Гармонисты* (Шевченко) – дед играл на гармонии (ст-ца Петровская, С); *Музыка* – в свое время был музыкантом (х. Нещадимовский, С);

Танцы: *Гопаки* – дед любил плясать гопак (ст-ца Петровская, С);

Драка: *Тайсон* – много дерется (пос. Кеслерово, К); *Ниндзя* (х. Маевский, С);

Езда на машинах: *Мопед* – быстро ездит (ст-ца Анастасиевская, С); *Пассат* – любит машины (С); *Шумахер* (г. Тимашевск);

Сплетни: *Белка* – вездесущая, знает обо всем (ст-ца Анастасиевская, С); *Би-Би-Си* – старая женщина, все про всех знает (с. Киевское, К); *Информационное бюро* – бабушка, которая знает все новости (х. Первомайский, А); *Квартальная* (ст-ца Ольгинская); *Нюшко* – вынюхивает сплетни и разносит их (с. Киевское, К); *Сплетница* (ст-ца Кавказская); *Солоха* – любит сплетничать (ст-ца Петровская); *Сорока* – болтливая, любопытная (х. Ханьков, С), *Хочу все знать* (ст-ца Ольгинская);

Выпивка: *Синяк* – тот, кто «синячит», пьет; *Кум Слыва* – с сизым носом (все – ст-ца Вышестеблиевская, Т); *Пузырек*; *Лелик и Болек* – собутыльники (х. Первомайский, А); *Наташа-Сириус* – если пьет, то до предела. Предел – Сириус (С).

Исследуя специфические для жителей ценности, проявленные в тесном неофициальном общении, региональная ономастика вплотную подходит к проблеме языкового портретирования коллективной личности.

Литература и примечания

1. *Гецова О. Г.* Наименования жителей архангельских деревень // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 247, 249; *Руббо С. В., Шарамко Т. П.* Прозвища города Ярцева и Ярцевского района Смоленской области // Актуальные проблемы изучения ономастической лексики. Смоленск, 1995. С. 27–29; *Смашнева С. В.* Прозвища деревни Шаталово Починковского района Смоленской области // Там же. С. 31–32; *Денисова Т. Т.* Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения прозвищ // Седьмые Поливановские чтения. Ч. 3. Смоленск, 2005. С. 42–45; *Денисова Т. Т.* Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007; *Верховых Л. Н.* Региональные прозвища (на материале с. Красного Новохоперского района Воронежской области) // Край Воронежский. Лингвистика. Вып. 6. Воронеж, 2004. С. 201–207; *Сьянова Е. И.* О прозвищах и кличках людей в воронежских говорах // Русская речь. 2006. № 2. С. 91–96; *Карташева И. Ю.* Прозвища как явления русского устного народного творчества М., 1985; *Блецак Т. Б.* Прозвищные онимы Шпаковского района Ставропольского края: функционирование и семантика // Сельская Россия: прошлое и настоящее (докл. и сообщ. VIII Всерос. науч.-практ. конф.). М., 2001. С. 251–253; *Горюнова И. А.* Прозвища в молодежном сленге г. Ставрополя (на примере учащихся школы) // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного знания: материалы 50-й науч.-метод. конф. преподавателей и студентов «Университетская весна – региону». Ставрополь, 2005. С. 336–340; *Воронцова Ю. Б.* Коллективные прозвища в говорах Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002; *Волкова Н. И.* Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми. Сыктывкар, 2003.

2. *Блягоз З. У., Кириллова А. А.* Социальное функционирование прозвищ // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы VI Всерос. науч. конф. Майкоп, 2008. С. 143–145; *Швецова Н. Л.* Отражение межъязыкового и междиалектного взаимодействия в прозвищах жителей русских сел Одесской области // Мова і культура. Київ, 2007. Вып. 9. Т. VI. С. 188–192; *Королева Е. Е.* Прозвища русских Латгалии (на материале русских говоров и молодежного сленга) // Ономастика в кругу гу-

манитарных наук ... С. 237–240; Федотова Н. М. Прозвища Луганщины: когнитивная прагматика создания текста онима: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2008.

3. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.

4. Беляева М. Ю. Специфика семейных прозвищ жителей Кубани // Социокультурные проблемы Кавказского региона в контексте глобализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Нальчик, 2007. С. 162–165; Она же. Семейные прозвища жителей

Западной Кубани // Русский вопрос: история и современность: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2007. С. 207–209; Словарь прозвищ жителей г. Славянска-на-Кубани и Славянского района Краснодарского края / сост. М. Ю. Беляева, И. В. Буряк. Славянск н/К, 2008.

5. Названия районных центров и районов (Абинский, Крымский, Приморско-Ахтарский, Славянский, Темрюкский, Калининский, Красноармейский и другие районы, ст-ца Полтавская) в тексте сокращены: А, К, ПА, С, Т, Кл, Кр, Пл.

M. YU. BELAEVA. KUBAN NICKNAMES: ETHNOLINGUISTIC ASPECT

The investigation of onomastic vocabulary in ethnolinguistic aspect stipulates value – based person's traits historically formed and developed on a certain territory. Nicknames give the information about life, occupations and national relations of Krasnodar region inhabitants.

Key words: *onomastics, nickname, ethnolinguistics, Kuban.*

Е. Н. АЧИЛОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО: КВАЛИФИКАЦИЯ И СТРУКТУРА

В статье исследуются статус и характерные системообразующие признаки экономического дискурса как социокультурного феномена. Реализация всевозможных его типов осуществляется в коммуникативных ситуациях различных сфер деятельности, включая экономическую и экономико-правовую.

Ключевые слова: *дискурс, экономическая картина мира, терминосфера, прагматика, социокультурная значимость.*

В настоящее время в теории языка дискурс понимается как сложное многофакторное явление, включающее участников коммуникации, ситуацию общения и текст. Данное положение является аксиоматичным. Дискурс – это абстрактное инвариантное описание структурно-семантических признаков, реализуемых в конкретных текстах. По мнению таких исследователей, как В. И. Карасик, Н. Д. Арутюнова, Н. А. Комина, Т. ван Дейк и других, идеалом, к которому следует стремиться в процессе коммуникации, является максимальное соответствие между дискурсом как абстрактной системой правил и дискурсом (или текстом) как конкретным вербальным воплощением данных правил. В рамках теории речевой деятельности различаются два аспекта – создание, или порождение дискурса (обдумывание, планирование, говорение, оформление в письменном виде), и понимание дискурса (слушание, восприятие письменного текста, анализ, интерпретация).

Н. Ф. Алефиренко характеризует дискурс как «смыслопорождающую категорию», как «речемысление», погруженное в жизнь, поэтому его необходимо анализировать комплексно. Исследователь считает, что «для осознания роли дискурсного мышления в образовании знаков вто-

ричной номинации важно рассмотреть <...> взаимодействие с дискурсами всего этнокультурного сообщества, которое конкретно реализуется в речевой деятельности каждого человека – члена данного сообщества» [1].

Дискурс также понимается как характерное использование языка для выражения специфической коммуникативной ситуации, особой событийности. Лингвистический энциклопедический словарь определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими – факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь” <...> Дискурс изучается совместно с “формами жизни”» [2]. По нашим наблюдениям, понятие дискурса эксплицировано на все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи. В свою очередь, данное обстоятельство вызывает активизацию некоторых свойств языка и, таким образом, требует соблюдения особой грамматики и особых правил функционирования лексики, ко-

тору как структурированный языковой материал можно назвать дискурсом.

По признанию теоретиков дискурса, его главной составляющей выступает категория участников общения, так как именно они являются создателями (авторами) текста. Различают личный и институциональный дискурсы. Участники первого проявляют качества своей языковой личности посредством художественного дискурса. Экономический дискурс (как и юридический, политический, военный, педагогический, религиозный, деловой, медицинский, рекламный, спортивный, научный, сценический, массово-информационный, организационный, аргументативный, феминистский, учебный и др.) выступает разновидностью институционального. Реализация разных его типов осуществляется в коммуникативных ситуациях различных сфер деятельности, в том числе в экономической и экономико-правовой (предметная область «Кредитование и кредиты»).

В конце прошлого столетия в научный обиход был введен ряд соответствующих терминов, расширяющих сферу применения термина «дискурс», например, «дискурс на каком-либо языке» (в частности, на английском). Актуальны для исследования мужской / женский, вежливый, аргументативный, художественный, лирический дискурсы и т. п. К настоящему времени уже сложились научные теории о вербальном и невербальном поведении человека, организуемом посредством различных видов дискурса. Как замечает В. И. Карасик, «институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [3].

При изучении экономического дискурса следует учитывать тот фактор, что к началу XXI века семантический объем рассматриваемого термина и его интерпретативные возможности существенно расширились. В некоторых научных исследованиях его определяют как «информационный <...> текст о том или ином событии <...> или явлении <...> “взятый” <...> как посредник между речемыслительной деятельностью автора и реципиента». В этом аспекте «языковая деятельность <...> является собой зафиксированный момент языкотворческого процесса, представленный в виде определенного произведения, созданного в соответствии с нормами письменного языка, обладающего завершенностью и целенаправленностью» [4].

Н. А. Комина, детально рассматривая все стороны функционального дискурса в учебной ситуации, считает, что он является «основной вербальной единицей, отражающей взаимодействие собеседников в рамках определенных целевых параметров» [5].

М. Л. Макаров, объединяя разные дефиниции дискурса, предлагает основные координаты, с помощью которых он определяется: это формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Формальная – подразумевает понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Речь идет о сверхфразовом единстве,

сложном синтаксическом целом, выражаемом как абзац или кортеж реплик в диалоге [6].

Дискурс (*фр.* discours – речь) в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания текста, т. е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения [7]. М. Фуко осмысливал данное понятие в общекультурном широком смысле: «Безусловно, дискурс – событие знака, но то, что он делает, есть нечто большее, нежели просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это нечто большее позволяет ему быть несводимым к языку и речи» [8]. Исследователь считает, что все области человеческого знания являются совокупностями дискурсов.

Установлено, что потенциал изучения языка в процессе речевой деятельности, учет явлений, происходящих при порождении и восприятии текста, различные роли коммуникантов (адресанта и адресата) есть основные проблемы, которыми занимались представители психологического и коммуникативного направлений изучения языка. Участники коммуникации рассматриваются в соответствии со своими статусными, ролевыми и личностными характеристиками, вовлечение которых в сферу лингвистического исследования создает оппозицию *текст – дискурс*. При таком подходе текстом считается независимое, изолированное, обособленное от ситуации законченное речетворческое произведение, а под дискурсом понимается текст, находящийся в ситуации реального общения. М. Бахтин определяет текст как статичное завершенное произведение, рассматриваемое вне ситуации общения, а дискурс – как динамичное, завершенное и обусловленное речевое событие [9].

Есть все основания определить экономический дискурс предметной области «Кредитование и кредиты» как «институциональное общение, которое в отличие от личностно-ориентированного использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т. е. обладает свойственным подязыком» [10].

Ценности экономического дискурса непосредственно связаны с назначением, сущностью и функциями денег и их эквивалентов в форме движимого и недвижимого имущества, акций, облигаций и т. д. Нами выделены следующие составляющие элементы экономического дискурса: 1) цель коммуникации; 2) автор и реципиент(ы); клиенты и агенты; 3) направленность (ориентированность) на определенного получателя информации; 4) хронотоп дискурса; 5) информационный континуум; 6) система ценностей; 7) система стратегий дискурса; 8) информационные и аналитические жанры; 9) тематическое единство; 10) прецедентные тексты; 11) специфика дискурсивных вербальных формул и знаков; 12) система концептов; 13) пресуппозиции.

Дальнейшее исследование структуры и специфических особенностей реализации экономического дискурса позволит представить его как

сложный вербально-семиотический феномен речетворческой деятельности человека в культурном пространстве социума.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции // *Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 4: Жанр и концепт.* Саратов, 2005. С. 7.
2. *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990. С. 136–137.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 279.

4. *Грушевская Т. М.* Политический дискурс в аспекте газетного текста. СПб., 2002. С. 10.
5. *Комина Н. А.* Организационный дискурс в учебной ситуации. М.; Тверь, 2004. С. 51.
6. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003. С. 68.
7. *Усманова А. Р.* Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск, 2000. С. 222.
8. *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996. С. 50.
9. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 154.
10. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000. С. 15.

E. N. ACHILOVA. ECONOMIC DISCOURSE AS VARIETY THE INSTITUTIONAL DISCOURSE: QUALIFICATION AND STRUCTURE

The article is dedicated to the status and typical system forming signs of economic discourse as social cultural phenomenon. The realization of the different discourse types is reached in communicative situation of different activity spheres, including economic and economy-legal ones.

Key words: *discourse, the economic picture of the world, terminosphere, pragmatics, social cultural value.*

Л. Ю. БУЯНОВА, Е. Н. ЕЖОВА

РОССИЙСКАЯ РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТИНА МИРА: ОБЪЕКТНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье рассматриваются актуальные вопросы роли и места рекламы в культурном контексте современной России. Впервые выделяется и описывается российская рекламно-информационная картина мира как новый вербально-семиотический конструкт. Раскрывается необходимость учета национальных и культурно-религиозных традиций в рекламном информировании членов социума.

Ключевые слова: *ментальность, национально-культурные традиции, социальные ценности, рекламно-информационная картина мира, социальный символ.*

Активное исследование феномена рекламы в различных гуманитарных науках свидетельствует, во-первых, о важности когнитивного потенциала этого социально детерминированного фактора современной культуры. Во-вторых, оно указывает на необходимость выяснить, какую роль в общественной жизни России сегодня выполняет реклама. Особое значение имеет исследование рекламного феномена в российских СМИ, так как именно они являются главным каналом передачи рекламного продукта.

По признанию ученых, в настоящее время известно порядка 2000 определений понятия «реклама» [1], что отражает его многоаспектность, многогранность, многомерность и, как следствие, отсутствие у членов социума четкого представления как о самой рекламе, так и о ее существенных свойствах, характеристиках, культурном и социальном потенциале. На наш взгляд, наиболее адекватно коммерческую рекламу определять как «неперсонифицированное обращение, опосредованное средствами массовой информации,

носящее, как правило, оплачиваемый характер и имеющее целью создать положительный образ объекту рекламирования и / или сформировать потребительские мотивы» [2]. В то же время выделяются различные объекты рекламирования: 1) товар, услуга, производитель; 2) социальная проблема, способ ее решения, социальные программы, фонды и т. д.; 3) политика, партия, политический проект, политическая программа, политический деятель и др. В связи с этим интерпретативные границы понятия «реклама» могут быть смещены в ту или иную сторону.

Рекламирование невозможно без информирования, поэтому рекламно-информационная картина мира (РИКМ) выступает тем глобальным социально-культурным образованием, которое формируется на основе интеграции следующих системно организованных крупных рекламных модулей: 1) «Товары и услуги»; 2) «Здоровье»; 3) «Медицинское и спортивное оборудование»; 4) «Семья, дети, имущество»; 5) «Отдых, туризм, путешествия»; 6) «Капитал, деньги»; 7) «Красота,

стройность»; 8) «Парфюмерия, косметика, средства гигиены»; 9) «Автомобили, ювелирные изделия»; 10) «Счастливый брак»; 11) «Политическая реклама»; 12) «Образ жизни»; 13) «Лекарства»; 14) «Ритуальные услуги».

Каждый из этих модулей, в свою очередь, подразделяется на более мелкие рекламные сегменты, отражающие все многообразие рекламных продуктов. Каналами распространения рекламных блоков выступают телевидение, кинематограф, видео, радио, пресса, печать и полиграфия, Интернет, компьютерные сети, почта, сувенирная продукция. Все это говорит о колоссальной роли рекламы в жизни социума, отражает тот факт, что «различные материальные блага кроме очевидных функциональных ценностей формируют систему социальных символов, несущих информацию об их владельцах» [3]. Перечисленными аспектами РИКМ отличается от информационной картины мира (ИКМ), которая, по определению Р. Ф. Абдеева, «особенно наглядно подтверждает последовательное развитие всей материи как преемственное накопление информации, разнообразия. Причем разные формы движения соотносятся друг с другом не только по степени иерархического усложнения, но и по порядку генетического порождения одних форм другими» [4]. Мы считаем, что в настоящее время происходит процесс превращения информационной цивилизации в цивилизацию рекламно-коммерческую, так как не осталось ни одного социального или личностного, бытийного сегмента жизни, не охваченного рекламой.

В журналистике и социологии уже стала аксиомой интерпретация рекламы как социального феномена, и этот статус эксплицирует наличие социальной ответственности рекламодателей и производителей товаров и услуг не только за материальное благополучие потребителей рекламного продукта, но и за их духовное развитие, что, по нашим наблюдениям, полностью отсутствует на сегодняшний день. Прагматическое измерение рекламных продуктов можно вербально определить следующими прагматемами: «купи», «возьми», «прибери», «получи» и другими, но отсутствуют такие необходимые для духовного совершенствования личности и общества вербально-прагматические суггестемы, как «думай», «читай», «работай», «трудись», «помогай», «верь», «надейся» и т. п. Можно сделать вывод о том, что центральным, основным объектом рекламы является человек-потребитель именно как биологическое, со всеми своими физиологическими потребностями, существо, а не как социальное; не как социализированная креативная личность, человек-созидатель в единстве и красоте своего духовного, внутреннего мира, личность, призванная творить на Земле добро.

Анализ сфер бытия рекламируемых на рынке продаж товаров и услуг свидетельствует, что рекламно-информационная картина мира не содержит рекламных фрагментов «Церковь», «Религия», «Искусство», «Литература», «Театр»,

«Духовная жизнь», «Традиции» и других, в основе которых находятся вечные духовные ценности. Нельзя не согласиться с мнением, что «по своему назначению реклама менее всего направлена на следование традиции. Напротив, ее смысл в утверждении новизны, необычности <...> Традиция – средство кристаллизации и транслирования совокупного духовного опыта. Смысл традиции – передача культурной информации, живого духа культуры» [5].

Итак, РИКМ принципиально отличается от многих иных картин мира (в частности, от информационной КМ) тем, что в ее центре позиционируется рекламный образ, который, как «король обыденности», «в силу своей гиперимплицитности и гиперэкспрессивности представляет собой мозаичную структуру, связываемую воедино лишь рекламируемым товаром, а его жизнь ограничена <...> целями и стратегиями рекламодателя <...> Герой рекламного образа – это товар, который сакрализуется, наделяется божественными способностями управлять стихиями и человеком» [6]. Иное положение занимает человек в ИКМ, поскольку она «непременно включает в себя и Человека, место которого – на “границе” между естественной и искусственной природой. Он олицетворяет собой начало интенсификации информационных процессов и ускорения научно-технического и общественного развития» [7]. Сопоставляя рекламный и художественный образы как центры художественной картины мира (ХКМ), исследователи признают: «В художественном образе Героем остается Человек. Можно сказать, что героика художественного образа принципиально отлична от рекламного как по содержанию, так и по оказываемому воздействию на человека <...> Картина мира, формируемая рекламными образами, – это мозаичный мир атомарных смыслов, способный сформировать потребителя, но не Человека» [8].

Реклама как результат и продукт материально-технологического развития общества, занимает значительную социальную «нишу», отражая интересы и цели субъектов рынка во всем его многообразии репрезентаций. И «вопросы духовной или потребительской жизни человека находятся в компетенции одного из двух различных и не взаимоисключающих друг друга миров – мира духовного и мира потребительского, каждый из которых необходим современному человеку» [9]. Мы считаем, что исследование РИКМ в пространстве журналистики поможет выявлению базовых механизмов воздействия на массовое и индивидуальное сознание, покажет те психологические и психофизиологические аспекты мышления, управляющие не только способностью воспринимать рекламный продукт, но и умением сопротивляться массивному агрессивному навязыванию членам социума того или иного потребительского товара (услуги). Необходимо четко разграничить ценности современного российского социума на базовые, отражающие и поддерживающие национально-культурные традиции,

и преподносимые рекламой, опирающейся на западные образцы, разрушающие эти традиции, искажающие духовно-нравственную концептосферу русской культуры, постепенно, исподволь мутируя духовное пространство личности. Общество – это не только работодатели и рекламодатели, но и в первую очередь люди, имеющие Душу, созидающие материальные и духовные ценности.

Именно поэтому в современной российской РИКМ должны найти свое место такие рекламные модули, которые с опорой на вербально-семиотические, фоноинформационные, смысловые особенности русского языка, национально-культурные традиции и морально-нравственные приоритеты, будут представлять и защищать интересы не отдельных корпораций производителей, а всего народа, помогая ему жить по средствам, до-

стойно и радостно, с сознанием сопричастности великой русской культуре.

Литература

1. Анатомия рекламного образа / под общ. ред. А. В. Овруцкого. СПб., 2004. С. 8.
2. Там же.
3. Там же. С. 12.
4. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. С. 187.
5. Гуревич П. С. Психология рекламы. М., 2005. С. 10.
6. Анатомия рекламного образа ... С. 19.
7. Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002. С. 47.
8. Анатомия рекламного образа ... С. 19.
9. Там же. С. 23.

L. YU. BUYANOVA, E. N. EZHOVA. RUSSIAN ADVERTISING INFORMATIONAL PICTURE OF THE WORLD: OBJECT-PRAGMATIC AND SOCIO-CULTURAL DIMENSION

The article is dedicated to the topical questions of advertisement's role and place in the cultural context of modern Russia. Russian advertising informational picture of the world is singled out and described as a new verbal semiotic construct. The article underlines the necessity of taking into account the national and cultural-religious traditions in advertising informing of the members of the society.

Key words: *mentality, national-cultural traditions, social values, advertising informational picture of the world, social symbol.*

Ф. И. ДЖАУБАЕВА

КАВКАЗСКИЙ ТЕКСТ: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРЦЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

Рост этнического самосознания во многом определяется сущностью современных этнокультурных процессов. Автор статьи выявляет истоки русско-кавказских языковых контактов на основе анализа лингвоэтнографического материала произведений кавказского цикла Л. Н. Толстого и раскрывает степень их взаимовлияния.

Ключевые слова: *кавказские повести Л. Н. Толстого, этнолингвистика, лингвоэтнографический комментарий.*

Связи языка и культуры с давних пор привлекают внимание исследователей. Это – одна из центральных тем в европейском языкознании XIX века. Достаточно вспомнить деятельность и высказывания основоположников индоевропейской компаративистики Я. Гримма и Р. Раска, видевших в языке выражение истории народа, их духовной жизни. В дальнейшем взгляд на язык как важнейший элемент культуры развивался лингвистами различных направлений.

Особую остроту и актуальность эта область исследований получила в отечественной науке, поскольку многочисленные народы и этнические группы нашего государства, имеющие свой язык и культуру, спаяны единством общей судьбы.

Язык связан с культурой структурной и функциональной сторонами, которые составляют единое целое. Отвлечение одной от другой условно и допустимо только в научных целях. Стремление к установлению диалектического баланса между внешней и внутренней действительностью языка Г. В. Степанов считал одной из главных тенденций современного этапа развития языковедческой науки [1].

Традиционным методом рассмотрения языка и культуры в их единстве является проведение лингвистического анализа с учетом культурного фона, т. е. изучение включенности языка в культуру и его активной роли в развитии последней. Можно говорить о национальной культуре в связи с языком как структурным образованием. Такие старейшие области линг-

вистики, как грамматическое описание языков и составление словарей, прямо или косвенно имеют выходы в культурную жизнь народов.

История любой культуры – это постоянный процесс развития и смены традиций, и не следует сводить их значение лишь к архаике. Поэтому правомерно при изучении формирования современных этнических культур обратиться к выявлению и исследованию механизма и факторов возникновения и взаимодействия традиций. Важно выяснить, в чем заключаются содержание и сущность современных этнокультурных процессов, что питает повсеместный рост этнического самосознания у народов России. Предметом этнографической науки является не история культуры вообще, а характерные этноспецифические черты образа жизни народов на всем протяжении их существования вплоть до современности. Особое значение приобретает фиксация этнографами еще сохранившихся традиционных компонентов культуры.

В произведениях кавказского цикла Л. Н. Толстого использован богатый фактический материал традиционной культуры кавказских народов (фольклор, народная этика, поведение горцев среди русских, и наоборот, религиозные календарные праздники, описание одежды, жилища, пищи, домашней утвари), связанный с этническим самосознанием, например: «Жена Садо несла низкий круглый столик, на котором были чай, пильгиши, блины в масле, сыр, чурек – тонко раскатанный хлеб – и мед. Девочка несла таз, кумган и полотенце.

Садо и Хаджи-Мурат – оба молчали во все время, пока женщины, тихо двигаясь в своих красных бесподошвенных чувяках, устанавливали принесенное перед гостями. Элар же, устремив свои бараньи глаза на скрещенные ноги, был неподвижен, как статуя, во все то время, пока женщины были в сакле» [2].

Характерной особенностью произведений кавказского цикла Л. Н. Толстого является описание местных реалий, отражающих наряду с другими средствами специфику духовного мира горцев. Примерами использования Л. Н. Толстым речевых единиц, не имеющих эквивалентов в русском языке, являются слова-экзотизмы: «Твоя наша бьет, наша ваша коробчит. Все одна хурдамурда, – сказал лазутчик, видимо, обманывая, засмеялся, оскаливая свои белые зубы, и вскочил в каюк» (с. 232).

Широко применяются речевые обороты:

а) речь русская – устами горцев: «Чечен мирная, – заговорил тот, который был пониже. Это был Бата. – Ружье иок, шашка иок, – говорил он, показывая на себя»; «Кинезь надо. – Кинезь Воронцов крепко надо, большой дело надо, – говорил Бата» (с. 33); «Прощай! прощай, – улыбаясь, по-русски сказал Хаджи-Мурат. – Кунак булур. Крепко кунак твоя. Время – айда пошел, – сказал он, трянув головой как бы тому направлению, куда надо ехать» (с. 110);

б) речь русского солдата на местном наречии: «Право, совсем как российские. Один женатый.

Марушка, говорю, бар? – Бар, говорит. – Баранчук, говорю, бар? – Бар. – Много? – Парочка, говорит. – Так разговорились хорошо. Хорошие ребята» (с. 34).

Данные лингвоэтнографические тексты по своему интерпретируют особенности того мира, который А. Шюц назвал «миром – до нашего рождения» [3]. В художественных текстах Л. Н. Толстого субъектом является человек, интерпретирующий действительность. Иными словами, он не только использует при описании предметов, явлений, понятий их обозначение в языке, но и выражает свое отношение к ним. Важно отметить, что автор приводит свой вариант лингвоэтнографического комментария, соответствующий толкованиям современных словарей. Примером может служить фрагмент из «Набега» с примечанием Л. Н. Толстого: «Офицеры верхами ехали впереди; иные, как говорится на Кавказе, джигитовали (джигит – по-кумыцки значит храбрый; переделанное же на русский лад “джигитовать” соответствует слову “храбриться”. – Прим. Л. Н. Толстого), то есть, ударяя плетью по лошади, заставляли ее сделать прыжка четыре и круто останавливались, оборачивая назад голову; другие занимались песенниками, которые, несмотря на жар и духоту, неутомимо играли одну песню за другою» (с. 13).

Слово «джигит» стало часто употребляться в русском языке с 1830-х годов. В словарях русского языка оно толкуется как «искусный наездник», а в качестве ближайшего источника заимствования упоминаются языки народов Кавказа. Об освоенности слова русским языком говорят и его производные (также известные в XIX веке) «джигитованье» и «джигитовка».

Толкование по БАСу полностью соответствует примечаниям Л. Н. Толстого: «*Джигит*, а, м. Смелый лихой наездник; удалец (у кавказских горцев, казаков и др.) <...> *Джигитский*, -ая, -ое. Свойственный, надлежащий джигиту; удалой, отчаянно смелый; *Джигитовать*, -тую, -туешь, *неперех*. Продельвать сложные упражнения на скачущей лошади. *Джигитовка*, и, жс. Разнообразные сложные упражнения на скачущей лошади <...> *Тюрк.* ciget, cigit – искусный наездник» [4].

Мир воспринимается человеком относительно самого себя. Языковая картина характеризуется специфическими свойствами, т. е. субъектом является не только человек вообще, но и представитель определенной этнокультурной общности, отличающийся своеобразием мировосприятия, обусловленным материальным и духовным образом жизни этноса. Любое произведение искусства несет на себе печать времени создания произведения и периода истории, воспроизведенного в нем, своеобразия страны и примет локального пространства. Жизненный уклад в каждой стране обладает своими особыми, неповторимыми чертами. «Национальная картина мира, отраженная в художественном тексте, крайне сложна и многослойна, и ее нужно рассматривать не только с фи-

дологических, но и с философских, психологических, искусствоведческих и других позиций» [5].

Связи языка этноса и его культуры привлекали внимание лингвистов на протяжении всей истории языкознания, особенно в период становления компаративистики. В современной науке о языке продолжается разработка прежних идей, но с другими подходами. Теперь развитие лингвистической палеонтологии определяется использованием данных ряда дисциплин: лингвистики, этнографии, археологии. Следует отметить комплексный характер изучения этногенеза, истории культуры народов и этнической истории, поскольку роль лингвистики в этих областях возрастает. Особое значение приобретают «этническая ономастика» и «этимологический анализ собственных имен». Иногда это единственные источники для суждений о территории или этнической истории народов. Довольно часто в текстах кавказского цикла Л. Толстого встречаются собственные двойные имена. Для большинства мужских имен характерен элемент *-бек* со значением «властелин», «феодал», «князь». Аналогичные понятия обозначает в тюркских языках слово «хан», входящее в состав многих мужских и женских имен: «Вот дай срок, их праздник будет, пойду к Гирей-хану в гости, бузу [татарское пиво из пшена] пить» (с. 173). По «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, «хан» – азиатский титул. Слово заимствовано из турецкого языка (*хан* – «хан, император») [6].

Проблемы реконструкции материальной и духовной культуры этноса по данным языка наиболее систематично и объемно представлены в капитальном труде Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова [7].

С начала 70-х годов XX столетия успешно развивается направление, основанное Н. И. Толстым и включающее в себя лингвогеографические исследования с привлечением этнографических реальных. Принимаются во внимание только те элементы лексики, которые могут быть сопоставлены с определенными культурно-историческими комплексами. Отражения реального мира в лексическом составе языка входят в компетенцию этносемантики. Л. Толстой был прекрасным знатоком не только «татарского» языка, но и топонимики Кавказа (об этом говорит употребляемая им географическая лексика). Например, слово *балка* по словарю М. Фасмера выявляет следующий этимологический ряд: «высохшее русло реки» (*южн.*, Гоголь), «овраг» (*укр.* балка), «маленькое озеро» (*польск. диал.* *bałka*), «место, где прежде была низина» (*укр.* балище).

Л. Н. Толстой в «Набеге» к описанию местности («Дорога шла серединой глубокой и широкой балки, подле берега небольшой речки, которая в это время *играла*, т. е. была в разливе») дает следующее примечание: «Балка на кавказском наречии значит овраг, ущелье» (с. 12).

У каждого языка своя картина мира с рядом признаков, определяющих ее культурное своеобразие. Данное понятие строится на изучении

представлений человека о мире и восходит к идеям В. фон Гумбольдта и его последователей (Вайсгербера и др.) о внутренней форме языка, о взаимосвязи языка и мышления, существовании «промежуточного мира» между мышлением и реальностью. В то же время современные теории о языковой картине мира развивают учение американской этнолингвистики, гипотезу «лингвистической относительности» Сепира – Уорфа.

В. фон Гумбольдт был первым, кто систематизировал представления о языке как картине мира. «Язык – орган, образующий мысль, следовательно, – полагал ученый, – в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ею накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [8]. По его мнению, разные языки – это не только различные обозначения одной и той же вещи, но и различное ее видение. Восприятие мира основано на мышлении и категориях родного языка. Способ отражения действительности, как считает Л. Вайсгербер, носит идиоэтнический характер и соответствует статичной стороне языка. Согласно гипотезе лингвистической относительности, люди видят мир сквозь призму родного языка. «Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык» [9]. Следовательно, можно говорить о существовании разных языковых картин мира.

Ведущая роль принадлежит той части лексики, которая связана с этническими и культурными особенностями жизни народа (термины родства, наименования животных, растений и т. п.). Исследование подобных понятийных полей открывает большие возможности изучения проблем этносемантики в целом. Особенности смыслового содержания в национальной лингвокультуре свидетельствуют о специфике этнического мышления. В языке данное явление отражено в безэквивалентной лексике, своеобразных коннотациях, смысловых различиях слов и национально-культурных особенностях их внутренней формы и т. п.

Этнолингвистика находится на грани лингвистики и культурологии и формируется у нас на глазах. Она изучает язык фольклора, мифов, ритуала и народного мирозерцания в тесной связи с историей народа и его культурой. Язык фольклора и мифов как отражение важнейших компонентов культурной традиции все чаще становится объектом пристального внимания исследователей и открывает новые перспективы в современной филологической науке. Выявление соотношения с языком фольклора или жанрами устной традиции приобретает большое значение при реконструкции текста, что важно для изучения произведений, несущих особую печать культурных и этнических связей в истории народов России.

В развитии национальных культур язык участвует не только как структурное образование, но

и как функциональное единое целое. В социолингвистическом плане для малых народов важнейшим моментом является сохранение родного языка, поскольку у них существует опасность его потерять. К сожалению, сегодня многие языки уже утратили письменность, низведены до бытового употребления или находятся на грани исчезновения. Без языка поднимать культуру невозможно, с ее развитием тесно связаны такие направления социолингвистической науки, как изучение общественных функций литературных языков народов России, процессов взаимовлияния языков, воздействия социальных факторов, роли русского языка в межнациональном общении, типологии двуязычия, многоязычия.

Итак, кавказский текст – это этнически, культурно, ментально обусловленные фрагменты языковой картины мира горцев, сформировавшиеся в результате всей отражательной деятельности народа на определенный момент истории его развития. Элементы экзотической лексики предстают как некие клишированные единицы индивидуального и общественного сознания, которые в большей или меньшей степени связывают Россию и Кавказ.

Таким образом, язык является главной формой отражения и выражения этнической культуры и служит важнейшим орудием познания духовной культуры нации. Результаты лингвоэтнографического анализа произведений кавказского цикла Л. Н. Толстого позволяют выявить особенности культурных ценностей, специфику духовного

мира горских народов, его отдельных представителей и менталитета этноса в целом.

Литература

1. Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика. М., 1988. С. 33.
2. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 3. М., 1978. Повести и рассказы (1857–1863). С. 28. Далее текст романа приводится по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках после цитаты.
3. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 402.
4. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 3. Г – Е. М.; Л., 1954. С. 765.
5. Джаубаева Ф. И. Язык как зеркало народной культуры // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. № 9: Общественные и гуманитарные науки (филология, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). СПб., 2007. С. 31–36.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 (Т – яшур) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996. С. 221.
7. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 78.
9. Колианский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / отв. ред. А. М. Шахнарович. М., 1990. С. 15.

F. I. DZHUBAEVA. CAUCASIAN TEXT: THE LANGUAGE AND CULTURE OF MOUNTAIN-DWELLER IN L. N. TOLSTOY'S STORIES

Growth of ethnical self-consciousness is mainly determined by the essence of modern ethno cultural processes. The author of the article brings out the source of the Russian-Caucasian linguistic contacts on the basis of linguo-ethnographical analysis of Caucasian series written by L. N. Tolstoy and shows the degree of their interinfluence.

Key words: *Caucasian stories by L. N. Tolstoy, ethnolinguistics, linguoethnographical commentary.*

И. Ю. АПАЛЬКО

ПОЯВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ КРИПТОГРАФИИ В РОССИИ

В статье рассматриваются лингвистические и экстралингвистические предпосылки возникновения специальной лексики криптографии. На Руси криптография сначала развивалась по пути стран Запада (заимствование простых шифров и терминологии). Во второй половине XIX века появились сложные шифры, а вместе с ними – номинирующие их термины.

Ключевые слова: *специальная криптографическая лексика, шифры замены и перестановки, номенклатуры, простой и сложный шифры.*

Происхождение и формирование терминологии исследовалось в трудах таких ученых, как С. В. Гринев, В. П. Даниленко, Л. Ю. Буянова и др. Если экстралингвистическими предпосылками возникновения специальной лексики того или

иного вида деятельности являются общественно-политические, социально-экономические, культурные феномены, то в качестве лингвистических выступают языковые. Так, А. Л. Саркисов полагает, что «когнитивный аспект любой терминологии

представляет особенности развития системы специальных знаний, формировавшихся длительное время под влиянием внутренних и внешних социально-экономических факторов» [1]. По мнению Г. А. Абрамовой, «кроме субстрата конкретного естественного языка» к лингвистическим факторам, определяющим специфику терминологии, можно отнести общезыковые принципы системности, языковой экономики, асимметрии языкового знака и др.». А к экстралингвистическим – «историю и современное состояние» той или иной области исследования, вклад каждой страны в ее развитие, «существование различных теорий, школ, ареальную специфику, интернационализацию знания, тенденцию к интеграции наук и др.» [2].

Появление номинирующей криптографической лексики также было обусловлено рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. «Развитию криптографии способствовал переход от идеографического письма, основанного на использовании иероглифов, к фонетическому» [3]. Последнее ученые считают одной из базовых лингвистических предпосылок появления и функционирования криптографии.

Тайнопись (система шифрованного письма) появилась на Руси в XIII веке. Шифры применялись для сокрытия текстов разного содержания (военных, дипломатических, торгово-финансовых, нелегально-политических, религиозно-еретических). Вначале использовалась греческая азбука, затем (в XVI–XVII веках) – латинская (в чем проявилось западноевропейское влияние). Криптография в России развивалась по моделям западных стран, поскольку первоначально использовались простые шифры замены и перестановки, аналогичные западным [4]. Со временем стали применяться простые одноалфавитные способы замены (*primitive monoalphabetic substitution ciphers*), в которых использовалась древнеславянская азбука (*original Cyrillic letters*). Одной из первых была кириллица, созданная на основе греческого письма в IX веке, реформированная в 1708 году и составившая основу русского алфавита. Ее появление можно рассматривать в качестве лингвистической предпосылки становления российской криптографии [5].

Национальные особенности последней нашли отражение в появлении исконно русской специальной криптографической лексики, в частности, номинаций, характеризовавших исключительно российскую тайнопись. Зашифрованные сообщения назывались «тарабарской грамотой», «цифирью» («цифирной азбукой»). Так, сохранившаяся в дошедших до нас рукописях XII–XIII веков система записи, заключающаяся в простой замене согласных букв (*simple letter substitution*), называлась «тарабарской грамотой» [6]. Согласно словарю С. И. Ожегова, определение «тарабарский» в языке разговорного стиля означает «бессмысленный, непонятный». Такое же значение с оттенком переносного смысла получило выражение «тарабарская грамота». Первоначально же этим словосочетанием называли «вид тайнописи». Сейчас

нечто бессмысленное и непонятное мы называем «тарабарщиной» [7].

Во времена правления Ивана IV Грозного (вторая половина XVI века) с установлением новых торговых связей и расширением внешнеполитической деятельности России увеличились возможности применения тайнописи, а шифровки государственных депеш усложнились. Становление в России криптографии как дела государственной значимости происходило в области дипломатии: образование Посольского приказа (1549) на государственной службе повлекло за собой появление специалистов-тайнописцев. С конца XVI века в донесениях русских послов стали применяться шифры перестановки и замены, сообщения писались литореей (*lat. littera* – буква). Словарь В. И. Даля трактует ее так: «литорея – стар. тарабарская грамота, условная азбука, шифры, тайнопись» [8].

Известны следующие разновидности литореи: простая, построенная на замене согласных букв, и «мудрая», в которой происходит замена не только согласных, но и гласных. Развитие дипломатических отношений, связанное с экономическими и политическими преобразованиями Петра I (XVII–XVIII века), сделало «тарабарскую грамоту» жизненно необходимой. В России было сформировано «цыфирное отделение», а в период Северной войны наблюдалось массовое использование тайнописи: все русские послы при иностранных дворах для переписки с Посольской канцелярией и царем стали применять специальные шифры, получившие название «ключ», «цыфирь» / «цифирь», «азбука» / «цифирная азбука».

«Цифирь», или «цифирная азбука», – система шифрования, используемая в эпоху Петра I. Это шифр простой замены, в котором буквам сообщения соответствовали шифрообозначения (буквы, слоги, слова или другие знаки); использовались также «пустышки» (шифрообозначения, которым не соответствовали никакие знаки открытого текста) [9]. Приведем представленные в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова значения слова *цифирь*: «1) *счет, счисление: арифметика* (стар.); 2) *собира. цифры*» [10]. Следовательно, данное слово имело старинные значения *счет, счисление: арифметика*, а как собирательное понятие означало *цифры*.

Основанные на кириллице шифры просуществовали до 1728 года, а с появлением цифирной палаты в Петербурге как приложения к «цифирным азбукам» в России начинают использоваться (и продолжают действовать до смерти Петра I) коды [11]. В 1730-е годы они стали подразделяться на алфавитные и неалфавитные. Так как в Европе широкое распространение получили шифры «номенклаторы» (*nomenclators*), объединявшие простую замену и код, в царской России XVIII века закодированное открытое сообщение далее шифровалось простой заменой [12]. Во времена правления дочери Петра I Елизаветы русские послы в Англии использовали «неалфавитные коды» *two-part nomenclators* (1754), реализуемые на французском языке, который был главным в дипломатических и придворных кругах Европы.

С ростом внешних и внутренних связей, развитием экономики простые шифры замены и перестановки сменились во второй половине XIX века сложными биграммными, основанными на многозначной замене (например, первый такой русский шифр П. Л. Шиллинга применялся для наиболее значимой дипломатической переписки из-за устойчивости к взлому). Существовали также биграммно-буквенные, биклавные (разновидности шифра многозначной замены с использованием двух ключей). Создание новых шифров обусловило появление соответствующих номинирующих терминов.

Итак, возникновение специальной тайнописной лексики сопровождало развитие криптографии в России, которое, в свою очередь, было вызвано потребностями общества в надежных шифрах для ведения активизировавшейся при Петре I дипломатической переписки с иностранными государствами. Факты применения греческой и латинской азбук, использования шифров, идентичных западным, заимствования терминологии позволяют утверждать, что криптография в России развивалась по моделям этих стран. Со временем составление шифров стало осуществляться на основе кириллицы, явившейся, по нашему мнению, одной из главных лингвистических предпосылок становления российской тайнописи. Корпус русской специальной криптографической лексики был сформирован на базе двух источников («чужого» и «своего»). Первоначально пополнение терминами происходило исключительно за счет

заимствований, впоследствии – и за счет исконной русской лексики.

Литература

1. Саркисов А. Л. Основные тенденции формирования и функционирования специальной лексики бухгалтерского учета: автореф. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. С. 8.
2. Абрамова Г. А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: автореф. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2003. С. 10–11.
3. Алферов А. П., Зубов А. Ю., Кузьмин А. С., Черемушкин А. В. Основы криптографии. М., 2005. С. 8–9.
4. Носов В. А. Краткий исторический очерк развития криптографии. М., 2002.
5. Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 578.
6. Нечаев В. И. Элементы криптографии (Основы теории защиты информации) / под ред. В. А. Садовниченко. М., 1999.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 702.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1998. Т. 2. С. 285.
9. Нечаев В. И. Элементы криптографии ...
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка ... С. 715.
11. Носов В. А. Краткий исторический очерк развития криптографии ...
12. Алферов А. П., Зубов А. Ю., Кузьмин А. С., Черемушкин А. В. Основы криптографии ...

I. YU. APALKO. THE CREATION OF THE SPECIAL VOCABULARY AS THE REFLECTION OF THE DEVELOPMENT OF CRYPTOGRAPHY IN RUSSIA

The article deals with the linguistic and extralinguistic preconditions of the appearance of the special vocabulary of cryptography. Russian cryptography was primarily developed in the same way as in Western countries (borrowing of ciphers and terminology). In the second half of the XIX century the complex ciphers and terms for nomination appeared.

Key words: special vocabulary of cryptography, substitution and transposition ciphers, nomenclators, simple and complex ciphers.

А. А. НЕМЫКА

СИНКРЕТИЗМ В СФЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ: АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ТЕРМИНОГРАФИИ

Статья рассматривает проблемы современного терминоведения с позиций когнитивной лингвистики и анализирует тенденции развития новых подсистем метаязыка.

Ключевые слова: специальная лексика, когнитивная лингвистика, междисциплинарные связи, терминологические словари.

Культурная среда, в которой живет современный человек, представляет собой чрезвычайно сложное явление, формирующее языковую личность и определяющее ее мировоззрение, мышление и поведение. Одним из элементов этой культурной среды, представляющим одновременно

результат развития цивилизации, фиксацию истории общества и одно из средств ее формирования, является язык и, прежде всего, специальная лексика – совокупность лексических единиц (в первую очередь терминов) специальных областей знания, образующая особый пласт лексики, на-

ибо более легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению.

Именно в специальной лексике наиболее системно обнаруживается связь развития языка с историей материальной и духовной культуры народа. Рост научно-технических знаний способствовал тому, что свыше 90% новых слов, появляющихся в современных языках, составляет специальная лексика. Число новых терминов различных наук заметно превышает количество новых общеупотребительных слов языка. Вместе с тем все больше терминов проникает в общеупотребительный язык, а терминологические проблемы оказывают влияние на язык в целом, поэтому изучение положения в области специальной лексики становится все более важным для развития языка.

Продолжается формирование терминосистем многих областей и разделов научного знания, особенно междисциплинарных, как следствие отражения быстро меняющейся социокультурной ситуации. Однако на фоне большого количества публикаций по терминологии и терминографии ощущается недостаток работ, ориентированных на проблематику науковедческого плана, которые бы учитывали общую тенденцию развития терминосистем по пути синтеза, а не дифференциации.

Научная рефлексия комплексной, разноаспектной природы многих лингвистических проблем (прежде всего, проблемы языкового знака и значения) привела к развитию промежуточных, синкретичных научных дисциплин в рамках языкознания. Доказано, что значение обнаруживается не только в естественных языках, но выявляется также в реакциях на любые связанные события. Оно непременно присутствует в системе, усваивающей и перерабатывающей информацию о внешнем мире и самой себе.

Современный анализ проблематики языкового значения усложняется за счет когнитивного, лингвокультурного, семиотического и других параметров. Это коренным образом повлияло на методологию современных исследований, среди которых когнитивная лингвистика и функциональная интерпретация знака выдвинулись на первую позицию. Подобный синтез идей, с одной сторо-

ны, позволяет расширить представление об изучаемом предмете, а с другой – ставит перед исследователем трудную задачу объединения и унификации понятийного аппарата разных наук (что можно наблюдать на примере психолингвистики, социолингвистики, математической лингвистики, топонимики, лингвокультурологии, теории коммуникации и терминоведения).

Кроме того, на современном (лингвокогнитивном) этапе развития языкознания назрела необходимость аналитического обобщения научных данных о специфике интегративных семиотических подсистем в контексте процесса научной коммуникации.

Современное состояние науки о языке и научного дискурса в целом требует как пересмотра самого представления о термине в качестве лексической единицы, так и уточнения потенциально объема и качественного наполнения его дефиниции. А это уже предполагает новые принципы моделирования терминологических универсалий, их отражения в лексикографических источниках.

Так, в новых отраслевых терминологических словарях, составленных специалистами разных областей знания (медиками, психологами, философами, программистами, лингвистами и т. д.), нашли отражение современные тенденции к интеграции и экстраполяции знаний, когда именуемый объект или явление рассматривается в разных аспектах. Заметно увеличился объем словарной статьи в отраслевых словарях, эволюционировал стиль подачи материала, и можно говорить о возникновении нового жанра терминологического словаря – лингво-энциклопедического. Активное развитие информационных технологий, новые требования времени, общее развитие науки определяют необходимость поиска новых форм терминологического представления когнитивной модели действительности.

Очевидно, что научный термин не может быть предметом комплексного изучения с точки зрения только собственно языковых фактов. Учет его понятийных параметров и междисциплинарных связей позволяет говорить о возникновении новых принципов анализа научного дискурса в связи с

<i>В информатике</i>	<i>В лингвистике</i>
Парадигма – универсальный метод принятия эволюционных решений; гносеологическая модель эволюционной деятельности	Парадигма – в грамматике слово, служащее образцом склонения или спряжения
Тезаурус – толковый дескрипторный словарь, в котором значения каждой стандартной технической единицы интегрируются через связи с другими дескрипторами	Тезаурус – особая разновидность словарей общей или специальной лексики, в которых указаны семантические отношения (синонимы, антонимы, гипонимы, гиперонимы и т. п.) между лексическими единицами
Синтаксис – сторона языка программирования, которая описывает структуру программ как набор символов	Синтаксис – 1. Раздел грамматики и семиотики, в состав которого входят вопросы о строении связной речи (знаковых структурах) и который включает в себя две основные части: учение о словосочетании и учение о предложении. 2. Учение о функционировании в речи различных лексико-грамматических классов слов (частей речи)

когнитивным моделированием действительности, т. е. формированием научной картины мира (работы С. А. Гринева, А. Е. Кибрика, Е. С. Кубряковой, Ю. Н. Марчука, Ю. С. Степанова и др.) [1–5].

Для ряда новых авторских словарей характерно большое количество ошибок и неточностей, а также неоправданной вариативности и неоднозначности толкований терминов (особенно – новейших). Это значительно затрудняет не только профессиональное общение специалистов, но и процесс обучения языку специальности. Работа по составлению лингвистических терминологических словарей должна вестись совместно специалистами той или иной области знания и терминологами. Подобная практика позволила бы избежать неточностей в отборе словарных (лексических) единиц и формулировках дефиниций. Сравним дефиниции омонимичных терминов лингвистики и информатики (табл.).

Современная тенденция к научному синтезу требует постоянных усилий по унификации и стандартизации, по крайней мере, базовых понятий

научно-педагогического терминологического аппарата разных сфер и их соотнесения между собой (как внутри одной терминосистемы, так и в аспекте межсистемной парадигматики). В первую очередь в этом заинтересованы представители интегративных научных сфер.

Такой подход позволит уточнить представления о когнитивных составляющих системы единиц научной коммуникации, определить их природу и статус.

Литература

1. Гринева С. А. Введение в терминоведение. М., 1993.
2. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. М., 2003.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова. М., 1996.
4. Марчук Ю. Н. Основы терминографии. М., 1992.
5. Степанов Ю. С. Принципы и методы современной лингвистики. М., 2002.

A. A. NEMYKA. THE SYNCRETISM IN THE SPHERE OF SPECIAL LEXIS: FUNCTIONAL AND TERMINOLOGICAL ASPECTS

The article deals with the problems of modern terminology from positions of cognitive linguistics and analyses the development of new subsystems of the methalanguage.

Key words: special lexis, cognitive linguistics, interdiscipline relations, terminological dictionaries.

И. Н. ЛЕКАРЕВА

ПРОБЛЕМА НЕСТАНДАРТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Статья рассматривает явления нестандартных форм имен собственных и проблему их функционирования.

Ключевые слова: орфоэпия, топонимия, система, норма.

Исторические изменения в морфонологическом строе русского литературного языка и, как следствие, динамика его орфоэпической и орфографической нормы постоянно кодифицируются в различных лингвистических словарях и других справочных изданиях. Однако есть большой пласт лексики, который может быть неадекватно отражен в современных лексикографических источниках. Это лексические единицы, многие из которых восходят либо к иноязычным, либо к диалектным, либо к архаичным формам. Мы придерживаемся точки зрения, что должны быть признаны нормой (хотя они очевидно «выпадают») из актуальных системных связей и парадигм актуальные языковые факты, которые служат историческими памятниками языка народа и его культуры. Эти факты отнюдь не «тормозят» развитие языка (на пути к «светлому глобалистическому будущему»), а занимают свободные ниши, функционируют в особых зонах, которые следу-

ет объявить «заповедными» в силу уже существующей, интуитивно выработанной многовековой конвенции, что влечет за собой «табуирование» всяких трансформаций и инноваций. Речь идет об устойчивых сочетаниях, прецедентных именах и прецедентных выражениях, именах собственных (антропонимах, топонимах и др.), народно-поэтических формулах и т. д.

Так, исторически сложившееся произношение ряда топонимов может отличаться от акцентологической парадигмы русского литературного языка, также их словоизменение может не совпадать с моделями формообразования апеллятивной лексики. Поэтому носители языка не всегда правильно (или не всегда уверенно) акцентируют такие лексические единицы. Выбор произносительного варианта при этом опирается не на собственную узуальную традицию топонима, а на аналогию с известными говорящему лексемами, которые он произвольно ассоциирует с тем или иным топонимом.

мом. Однако нужно помнить, что имена собственные в их правописании и произношении нельзя приравнивать к именам нарицательным, что попытки волевой фрагментарной унификации морфологии топонимов не укладываются в логику развития языка.

Например, в многоязычной топонимии Кубани наблюдаются морфологические явления, которые неоднократно провоцировали спонтанные лингвокультурные конфликты. В названиях кубанских станиц отмечаются три морфологические модели: 1) с ударением на корне – станица *БрИньковская* (от фамилии *Бринк*); 2) с ударением на суффиксе – станица *ВареникОвская*; 3) с ударением на флексии – станица *РоговскАя*. Все эти модели оправданы историческим развитием языка на период зарождения и формирования славянской топонимической системы Кубани. Они равноценны и равноправны и не предполагают дальнейшей кодификации по аналогии с исходными апеллятивами. Они зафиксированы в нормативных словарях [1]. Однако в речи представителей СМИ Краснодарского края вот уже несколько лет можно услышать регулярное нарушение нормативного ударения в ряде названий кубанских станиц. Наибольший общественный резонанс вызвало неправильное ударение на суффиксе в названии станицы КаневскОй (кстати, кодифицированного с ударением на первом слоге флексии еще в академических словарях СССР и России). Без учета историко-языковых факторов, данных нормативных словарей географических названий и только лишь по аналогии с парадигмой ударения в именах нарицательных название этой станицы получило новое ударение. Но для имени собственного ударение служит частью точной идентификации как самого названия, так и называемого объекта: Сёлезнев и Селезнёв, Нóвиков и Новикóв – это разные фамилии и, конечно, за ними «скрываются» разные физические лица. Произвольное обращение с антропонимами и топонимами недопустимо.

Ведь если следовать логике унификации морфологических типов нарицательных существительных и их дериватов, тогда и лермонтовская княгиня *Лиговскáя* должна стать «княгиней *Лиговскóй*» (или «*Лигóвскóй*»), а чеховский *Ивáнов* должен стать *Иванóвым*, город *Тимаши́евск* – *Тимоше́евском* и т. д. В последнем примере произвольное отношение к диакритическим зна-

кам привело к тому, что написание через букву Е (вместо Ё) названия города *Тимаши́евска* повлияло на неправильное его прочтение и превратило *Тимаши́евск* в *Тимаши́евск* (то же произошло и со словом *жёлчь*, при написании *желчь* все чаще ошибочно произносимым как [жэлч:]). В одном из авторских словарей ударений фамилия чемпиона мира по шахматам *А. Алехина* дана в написании через букву ё (*Алёхин*), однако сам великий шахматист именовал себя *Алехиным* (через е, но не через ё) [2]. Ср.: *Алексей Максимович Пёшков*, а не *Пёшков*.

Системный подход в орфоэпии обеспечивает языку нужную стабильность. Естественно, что в фонетике и морфологии русского языка есть немало «асистемных», так называемых традиционных форм, которые, однако, зафиксированы в нормах орфоэпии и орфографии. Проблема орфоэпии топонимов должна быть снята путем фиксации их фонетических и грамматических особенностей в специальных лингвотопонимических справочных изданиях.

В качестве аргумента в защиту вышесказанного приведем пример еще одного «асистемного» явления. Известно, что в названиях стран и регионов мира, образованных при помощи топоформанта *-ия* (от лат. *-ia*, греч. аналог *-ea*) ударение всегда падает на корневую морфему: *Англия*, *Франция*, *Германия*, *Норвегия*, *Дания*, *Греция*, *Испания*, *Чехия*, *Болгария*, *Индия*, *Япония*, *Португалия*, *Кения*, *Тасмания*, *Белоруссия*, *Азия* и др. Однако существуют единичные топонимы, которые «выпадают» из этой морфологической парадигмы. Например, акцентологически обособлено слово *Россия* (хотя есть устаревшие однокоренные названия с ударением на корне *Великорóссия* и *Малорóссия*). Такое же ударение отмечается еще в небольшой группе топонимов: это названия *Византия*, *Финикия*, *Эвенкия*. В данном случае никто не возражает против места падения ударения в имени собственном. Но при этом почему-то забывают, что и другие топонимы имеют право на сохранение закрепленного в узусе традиционного фонетического облика.

Литература

1. Агеенко Ф. Л. Собственные имена в русском языке: словарь ударений. М., 2001.
2. Суперанская А. В. Структура имени собственного: фонология и морфология. М., 1969.

I. N. LEKAREVA. THE PROBLEM OF NONSTANDARD PHENOMENA IN SPHERE OF PROPER NAMES

The article deals with the phenomena of nonstandard forms of proper names and the problem of their functioning.

Key words: *orthoepia, toponymia, system, norm.*

Трибуна молодого ученого

С. В. ИСАЧЕНКО

**БАРДОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ
В СЕРЕДИНЕ 1960-Х – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГОДОВ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

В статье рассматривается история бардовского движения в Краснодарском крае на основе анализа архивных материалов, публикаций в периодической печати, творчества бардов.

Ключевые слова: *самодельная песня, барды, региональные аспекты бардовского движения.*

В конце 1950-х годов, в период хрущевской «оттепели», возникло творческое направление, за которым закрепилось определение авторской песни. Ее родоначальников и последователей называли, как правило, бардами. Бардовское движение охватило не только главные культурные центры СССР, но и регионы, не стал исключением и Краснодарский край.

Реконструкция истории бардовского движения на Кубани потребовала обращения к таким источникам, как сборники песен бардов; фотоматериалы; личная переписка; интервью с основателями бардовского движения в крае – Р. Шамаковым, Е. Варенцовой, Э. Гончаровым, а также Л. Уманцевой, вдовой краснодарского поэта В. Жилина (Шейфермана); документы ГАКК; материалы краевых и всесоюзных периодических изданий.

Бардовское движение на Кубани зародилось позже, чем в Москве и в Ленинграде. Одним из первых контактов кубанской интеллигенции и столичных бардов стало неформальное выступление Б. Окуджавы на квартире краснодарского композитора Евгения Алабина в 1960 году [1]. Родоначальниками бардовского движения в регионе стали Валентин Ушканов, Аркадий Попов, Борис Бондарев. Песни сочинялись для узкого круга любителей, исполнялись в туристских походах и на «четвергах» секции спелеологов, которая действовала в 1965 году при Краснодарском городском клубе туристов. Э. Гончаров вспоминал: «В. Ушканов, по роду своей деятельности инженера-конструктора, часто бывал в командировках в Москве. Из столицы он привозил новые бардовские песни, записанные на магнитофонную пленку. Пленки прослушивались и тиражировались среди друзей» [2]. К спелеологам приходили послушать песни участники других секций, увлеченные горным туризмом. Подпевать не возбранялось. Так песни заучивались. Постепенно спелеосекция стала превращаться в песенный клуб. Заявили о себе новые авторы и исполнители: Алла и Николай Дуваровы, Евгений Шишкин, Владимир Антропов, Людмила Зайцева, Владимир Борботько, Алексей Некрасов [3].

В основном бардовская среда формировалась из представителей интеллигенции – инженеров, геофизиков, технологов, журналистов, препода-

вателей [4], хотя встречались среди них и рабочие «от станка». Всех объединяла любовь к туризму. На вопрос корреспондента газеты «Комсомолец Кубани»: «Почему вы занимаетесь туризмом?» – бард и художник-пейзажист С. Дудко ответил: «Нам это нужно. Наверно, так уж мы устроены. Вместо эстрадных мелодий будем слушать свист ветра в скалах» [5].

Р. Шамаков в интервью 2008 года отметил, что для него и его товарищей бардовская песня стала своего рода «гигиеной души». Э. Гончаров добавил: «Мы хотели петь те песни, которые выражают наше настроение. Таких песен не было, и мы их сочиняли».

Вы в спальном мешке когда-нибудь спали?
Вы слышали, как вечерами парни
Поют о дорогах, о перекатах?
Как будто песней оберегают
Все то, что в жизни с трудом досталось [6].

В этих строках Э. Гончарова, по сути, обозначена основная тематика бардовского творчества.

После выхода в свет постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» от 30 мая 1969 года авторская песня в Краснодарском крае звучала на конкурсах туристской самодеятельности во время так называемых туриад и традиционных туристических слетов [7]. В 1971 году в структуре краевого совета по туризму была создана краевая секция туристской песни с планом работы и годовой сметой расходов, выделены средства на приобретение гитар, магнитофонов, пленки [8]. Во время туристских слетов члены секции проводили краевые вечера, фестивали, конкурсы самодеятельной песни, в которых принимали участие представители туристических клубов Краснодарского края, Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Минска, Куйбышева [9]. В 1974 году краснодарцев во главе с председателем секции Э. Гончаровым пригласили в Киев на фестиваль туристской песни [10]. В 1975 году краснодарский дуэт Аллы и Николая Дуваровых стал лауреатом VIII Грушинского фестиваля [11].

Все мероприятия по развитию самодеятельного туризма на Кубани проводились в тесном контакте с краевыми комсомольскими, профсоюзными, спортивными, общественными орга-

низациями. Краевой фестиваль туристской песни «Кубань-75» состоялся 7–8 июня 1975 года в полевых условиях [12], а следующий фестиваль «Кубань-76» в соответствии с планом массовых мероприятий краевого совета по туризму прошел 9–11 апреля 1976 года [13].

Среди организаторов бардовских слетов велись дискуссии о сути творчества, критериях отбора песни для публичного представления. Так, Э. Гончаров полагал, что «проводя отбор, надо выпускать достойных», что «авторской песне предназначено нести в народ добротную поэзию». Р. Шмаков соглашался с тем, что «лабуды» много, особенно у претендентов из глубинки, но при этом настаивал на менее строгом отборе, руководствуясь необходимостью поддержки авторов, вовлечением их в бардовское движение. В интервью Э. Гончаров назвал позицию своего оппонента «логикой гуманизма» и добавил, что идея Руслана оказалась сильнее.

Авторская песня кубанцев была доступна не только участникам туристских кружков, слетов, походов. Как альтернативный путь ее распространения можно рассматривать лекционно-концертную деятельность бардов в сотрудничестве с обществом «Знание». Р. Шмаков вспоминал, что предварительно руководство общества требовало список и тексты авторских песен. Как свидетельствует отчет краевой секции туристской песни, ее активистами на основе личных фонотек была создана клубная фонотека бардовской песни, которая перманентно пополнялась и систематизировалась. Сборники лучших песен тиражировались и направлялись в секции туристской песни городов края. Распространение магнитофонных записей путем продажи не одобрялось туристским крайсоветом [14].

По данным Р. Шмакова, в 1980 году краевой совет, следуя «рекомендации из Москвы», закрыл секцию самодеятельной туристской песни. Фонотеку опечатали. Активистам предложили перейти в хоровое общество на улице Клубной. Туристский клуб отказался материально поддерживать конкурсы авторской песни на слетах. В октябре 1981 года без посторонней помощи барды организовали слет, на котором присутствовало 168 человек. На следующий год они собрались на второй слет в Оленьем приюте, во время которого Р. Шмаков провел аукцион звукозаписей. Выручка покрыла расходы на нужды по организации акции. Успех мероприятий укрепил бардов в том, что подобные слеты клубов самодеятельной песни нужно проводить ежегодно.

В 1982 году в Краснодаре был организован клуб бардовской песни, названный «Оазисом» по предложению начинающей исполнительницы

М. Мартыновой, увидевшей в нем «островок творчества в пустыне попсы и идеологической зашоренности советской песни». Клуб возглавил Р. Шмаков. В него вошли молодые барды – А. Гончаров-младший, Б. Рубцов, В. Лазаренко, А. Киселев, Е. Варенцова и др. Однако этот клуб просуществовал «до первой неудачи», постигшей бардов на третьем слете КСП в 1983 году. Сроки слета были перенесены на последнюю декаду октября, а местом проведения выбран кемпинг «Межгорье». Осенние дожди помешали полноценному проведению встречи.

Р. Шмаков, В. Лазаренко, А. Киселев, Е. Варенцова ушли из «Оазиса» и организовали в Доме работников просвещения новый клуб бардовской песни «Орион». Спустя шесть месяцев клуб «Оазис» распался окончательно. Молодые авторы из «Ориона» организовали самостоятельные клубы бардовской песни – «Сирена», «Оптимист», «ЭРОН (Энергичные ребята отличного настроения)».

На четвертый слет КСП кубанские барды собрались в 1984 году. Он был посвящен памяти Юрия Визбора. В 1985 году состоялся пятый юбилейный бардовский слет.

Начало «перестройки» ознаменовалось упадком бардовского движения. Его возрождение произошло уже в 1990-е годы.

Итак, к середине 1980-х годов бардовское движение на Кубани имело в своем арсенале опыт проведения фестивалей самодеятельной песни и участия во всесоюзных акциях. В творчестве бардов преобладала в основном туристская тематика. Фестивали бардовской песни стали неотъемлемым элементом музыкальной жизни региона.

Литература и источники

1. Жилин В. М. Краснодарская разноголосица, или Как упоительна жизнь: книга прозы. Туапсе, 2001. С. 96–97.
2. Гончаров Э. Догорает костер. Краснодар, 2000. С. 10.
3. Там же. С. 14.
4. Установлено по списку членов секций Краснодарского городского клуба туристов. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Р-1624. Оп. 2. Д. 72. Л. 45.
5. Комсомолец Кубани. 1971. 13 мая. С. 4.
6. Гончаров Э. Догорает костер ... С. 70.
7. ГАКК. Р-1624. Оп. 1. Д. 492. Л. 1.
8. Гончаров Э. Догорает костер ... С. 15.
9. ГАКК. Р-1624. Оп. 2. Д. 72. Л. 1–2, 44.
10. Гончаров Э. Догорает костер ... С. 21.
11. ГАКК. Р-1624. Оп. 2. Д. 72. Л. 16.
12. Там же. Д. 71. Л. 2–4.
13. Там же. Д. 181. Л. 2.
14. Там же. Д. 72. Л. 11–12, 31.

S. V. ISACHENKO. BARD MOVEMENT ON THE KRASNODAR TERRITORY IN THE MIDDLE OF THE 1960S – MIDDLE OF THE 1980S: MAIN TENDENCIES OF DEVELOPMENT

The article is dedicated to the history of bard movement in Krasnodar region in the basis of archives materials analysis, periodical publications, bards' creative work.

Key words: *amateur song, bards, regional aspects of bard movement.*

Т. П. РЫЛЬСКАЯ

ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Статья посвящена проблеме «визуального поворота» в современном искусстве, которая рассматривается на фоне истории развития визуальной культуры в обществе.

Ключевые слова: визуальный поворот, визуальная культура, современное искусство, кинематография.

Анализ последних тенденций современного искусства показывает, как сильно преобразился наш мир. Появление новых способов выражения в искусстве во многом связано со зрелищностью в широком смысле этого слова. В последние годы в гуманитарной сфере обозначился визуальный поворот, который понимают как «сложное сочетание вербальных и визуальных стратегий, направленное на конструирование (идеологического) “высказывания”» [1], или как «стремление в культурной практике не только рассказать, но и показать, представить в виде образов и населить ими повседневность» [2]. Этот феномен также можно назвать поворотом *действенно-визуальным*, поскольку зрелище часто не просто наблюдаемо, но и привлекает к участию в представлении самого зрителя (перфоманс, хэппенинг и др.). В этом отношении подобные формы становятся близки ритуальным обрядовым действиям, которые предполагали участие всех членов данного общества (по принципу отсутствия тебя как *зрителя*, но присутствия тебя как *со-творца*).

Подобные изменения связаны также и с тем, что современная публика уже не хочет просто наблюдать. Уровень эмоционального давления, которое ежедневно ощущает современный человек (например, в момент просмотра телевизионных передач), все более возрастает. Поэтому неудивительно, что живописное полотно теперь не производит на него столь же сильного впечатления, как это было несколько веков назад. Зритель нуждается в сильных ощущениях; на современном этапе именно погоня за эмоциями способствует тому, что он становится полноправным *участником* визуального действия.

Вне всяких сомнений, подобное отношение к визуальности – результат длительного развития отношений, складывающихся между человеком и изобразительной сферой. Как отмечает С. Даниэль, древнее искусство (на скальная живопись в первую очередь) являло собой, скорее, письменную традицию, нежели художественную, так как служило для передачи определенных посланий. В античности произошел перелом в области «живого изображения»; зрительному восприятию стали придавать большее значение. В это же время появляется и театр. Живопись Средневековья ученый назвал «литературой неграмотных» [3], поскольку «изображение истолковывалось как “посредник на пути от зримого к незримому”» [4]. В эпоху Возрождения акцент делался на само *уме-*

ние видеть, отсюда многочисленные исследования в области оптики. В Новое время появляется проблема *зрителя*. Искусство этой эпохи существует не просто ради искусства, а ради того воздействия, которое оно оказывает на публику.

Подлинная «визуальная революция» произошла в XIX–XX веках с появлением фотографии (1822), а позже – кинематографа (1895–1896). Сегодня существуют и активно развиваются следующие «визуальные жанры»:

– *инсталляция* – пространственная композиция, созданная художником из различных элементов (бытовых предметов, промышленных изделий и материалов, природных объектов, фрагментов текстовой и визуальной информации) [5];

– *перфоманс* – жанр публично создаваемой театральной импровизации, являющей собой синтез театра, музыки, спецэффектов, а также включающий участие публики в экспромтах художника [6];

– *хэппенинг* – театрализованное представление, ориентирующееся на активное зрительское участие, построенное на импровизации, в отличие от перфоманса не имеющее четкого сценария [7] и др.

Примечательно, что все перечисленные визуальные жанры искусства характеризуются категориями, которые Ролан Барт, говоря о фотографии, обозначил как *протяженность* и *движение* [8]. Под протяженностью здесь понимается своего рода перспектива, которая вырисовывается в произведении (временная, зрительная и т. п.); движение в данном случае подразумевает отсутствие любой статики. Форма выступает в качестве объединяющего, скрепляющего фактора.

По мысли Р. Арнхейма, форма – это единственная категория, делающая визуальные сообщения доступными разуму [9], и работа с ней в современном искусстве происходит столь же активно, как и с содержанием произведения. Форма растягивается, делая произведение континуальным, непрерывным, бесконечным; сжимается, давая возможность зрителю лишь кратко воспринять впечатление от него; «рассыпается» или даже разрушается.

Более того, на сегодняшний день само понятие формы в среде искусствоведов наделяется подчас взаимоисключающими характеристиками. Так, если для Ф. Джеймисона визуальность уже сама по себе является формой, поскольку представляет собой «базовый модус существования совре-

менной культуры <...> общий принцип структурирования ее продуктов» [10], то для Ги Дебора «спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства» [11]. В свою очередь, отечественный исследователь С. Даниэль считает, что «форма сама по себе не позволяет судить о значении и назначении произведения. Опора лишь на внешнюю форму <...> чревата серьезными заблуждениями» [12].

Наличие указанных разночтений с очевидностью демонстрирует, что визуальный поворот знаменует собой новые коммуникативные рамки, утверждая ценность не только текстуального, вербального, но и визуального. Тотальный характер визуализации сознания подтверждается формированием особой визуальной культуры в среде зрителей, а также появлением специальной терминологии в гуманитарных науках, в первую очередь в философии, культурологии, искусствознании и др.

Литература

1. *Дашкова Т.* Идеология и кинорепрезентация (любовь и быт в советских фильмах 30–50-х годов) // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. статей / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов, 2007. С. 205–206.
2. *Мещеркина-Рождественская Е.* Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Там же. С. 28.
3. *Даниэль С.* Искусство видеть: О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. СПб., 2006. С. 33.
4. Там же. С. 30.
5. Инсталляция // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D1%8F>
6. Перфоманс // Там же. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81>
7. Хэппенинг // Там же. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D1%8D%D0%BF%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3>
8. *Литичевский Г.* Ролан Барт. Camera Lucida. Реферативный перевод знаменитого эссе о природе фотографии // Мир фотографии. М., 1989. URL: <http://www.photoscope.iatp.by/critic7.html#1>.
9. *Арнхейм Р.* О природе фотографии // Новые очерки по психологии искусства. М., 1994. URL: <http://www.photoscope.iatp.by/critic8.html#1>.
10. *Горных А.* Повествовательная и визуальная форма: критическая историзация по Фредрику Джеймисону // Визуальная антропология ... С. 413.
11. *Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2000. С. 24.
12. *Даниэль С.* Искусство видеть ... С. 20.

T. P. RYLSKAYA. VISUAL TURN AS RECONSIDERATION OF THE MODERN ART

The article is dedicated to problem of «visual tumbling» in modern art which is considered on the basis of the history of the development of the visual culture in society.

Key words: *visual tumbling, visual culture, modern art, movie theater.*

Н. Г. ДОРОГАНОВА

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО УЧИТЕЛЯ

Конкурентоспособность – личностная характеристика, включающая компетентность, мобильность и свидетельствующая о готовности человека к преобразованиям окружающего мира. Уровень конкурентоспособности специалиста определяется качеством профессиональной подготовки.

Ключевые слова: *конкурентоспособность, компетентность, мобильность, рефлексия, качество профессиональной подготовки.*

Глобальные общемировые процессы и стремительно изменившаяся ситуация в России ставят перед человеком задачи, к решению которых его не готовили ни сложившаяся система воспитания, ни весь опыт прежней жизни. Успешная деятельность в данных условиях возможна только при наличии определенных поведенческих навыков, черт личности; важнейшей из них является конкурентоспособность.

Внимание к проблеме развития конкурентоспособности современного человека естественно в

быстро меняющемся социуме. Большинство ученых – философов, социологов, психологов – отмечают, что общество объективно поставлено перед новым рубежом своего исторического развития. «Вполне очевидно, что это требует изменить наш подход к человеку, его отношениям с миром. Мы нуждаемся в ином типе человека, способном жить в непрерывно изменяющемся мире» [1].

Для эффективного функционирования в сложном современном социуме важно не просто адаптироваться к среде, усвоив общественные роли и

правила. Необходимо овладевать научными знаниями, создавать нечто новое, преобразуя себя и окружающий мир. Конкурентоспособность – это личностная характеристика, свидетельствующая о готовности человека к этим преобразованиям при сохранении своей самобытности и свободы, непосредственности и внутренней целостности.

На данном этапе общественного развития требуется специалист, способный быстро ориентироваться в сложных условиях профессиональной и социальной действительности, самостоятельно и ответственно принимать решения, делая выбор в пользу позитивного развития человека (ребенка, подростка, взрослого), открытый новому, умеющий рефлексировать, нацеленный на успех и постоянное самосовершенствование. Эта ситуация требует пересмотра концепции профессиональной подготовки.

Конкуренция становится неотъемлемой частью взаимоотношений субъектов системы образования: родители выбирают тип учреждения для своих детей, лучшего учителя и т. д. Создавшиеся отношения между учебными заведениями разных форм собственности, доступ молодежи ко всем уровням образования способствуют развитию рынка образовательных услуг [2]. В словаре С. И. Ожегова *конкуренция* трактуется как соперничество, борьба за достижение больших выгод и преимуществ [3]. Под «конкурентоспособностью» (термин, производный от слов «конкурентия» и «способность») понимается одна из основных форм организации социального и межличностного взаимодействия, характеризующаяся достижением индивидуальных или групповых целей, интересов в условиях противоборства с добивающимися этих целей, интересов другими индивидами [4].

Исследователи, давая то или иное определение *педагогической подготовке будущих специалистов*, включают в него критерии оценивания, которые, на их взгляд, являются показателями качества. Так, Л. А. Орлов трактует педагогическую подготовку как «процесс и результат освоения системы профессиональных знаний, формирования основных общепедагогических понятий, развития важнейших профессионально-личностных качеств» [5]. Т. А. Стефановская считает ее целостным интегрированным процессом профессионально-личностного развития специалиста, обладающего системой профессионально-педагогических знаний и умений, профессиональной направленностью личности и выделяет интерес к педагогической науке как один из качественных критериев [6]. Эффективность процесса обучения в вузе, по мнению В. А. Якунина, можно оценить с помощью таких критериев, как профессиональная компетентность, профессиональная направленность, учебная активность, умственная самостоятельность, академическая успешность [7].

О. К. Филатов и Д. В. Чернилевский определяют конкурентоспособность как «относитель-

ную и обобщенную характеристику специалиста, выражающую его выгодные отличия от специалиста-конкурента по степени удовлетворения потребности и по затратам на ее удовлетворение» [8]. Наше исследование направлено на изучение этого явления как качества профессиональной подготовки. Актуальность проблемы ее оценивания у конкурентоспособного специалиста оказалась более значимой, чем предполагалось первоначально. Она позволила прояснить представления о роли профессионального отбора, выступающего в качестве исходной стартовой ступени, которая позволяет задавать «тон» последующему ходу профессиональной подготовки. Ее решение дает возможность выявить место профессиональной компетентности как основополагающего параметра качественной характеристики конкурентоспособности, а также уяснить вопрос о природе личностно-профессиональных качеств специалиста и критериях их оценивания. Уровень конкурентоспособности зависит от успешности управления процессом ее формирования в профессиональном образовательном учреждении и вне системы формального образования, от эффективности обучения.

В ходе педагогической практики студент постоянно сталкивается с реальными проблемами школьной жизни и пытается осуществить поставленные задачи. Этот опыт дает большие возможности для развития профессиональной рефлексии, которая предполагает умение обнаруживать и анализировать причины проблемных ситуаций в своей деятельности, а также выбирать оптимальные способы их разрешения. Именно собственная профессиональная деятельность является отправной точкой для осмысленного восприятия новой информации, совершенствования имеющихся навыков, развития компетентности.

В процессе исследования нами выделены объективные и субъективные факторы, обеспечивающие формирование конкурентоспособности студента в ходе педагогической практики:

- ориентация на успешное профессиональное становление специалиста через освоение компетенций на всех уровнях подготовки;
- индивидуализация обучения с ориентацией на максимальное развитие творческих способностей;
- возможность поиска оптимальных способов работы студентов в различных ситуациях профессиональной деятельности;
- большой выбор альтернатив в учебном процессе и педагогической практике;
- интеграция теоретического обучения и собственной профессиональной деятельности студентов;
- свободная и гуманная обстановка в колледже как образец для будущего учителя в его предстоящей профессиональной деятельности;
- механизмы стимулирования мотивации личности будущего учителя к успешной учебной и профессиональной деятельности;

– адаптация студента к реальным условиям современной школы;

– диагностика уровня освоения профессиональных компетенций в различных видах педагогической деятельности;

– научно-методическое обеспечение и психолого-педагогическое сопровождение студента в процессе профессионального становления конкурентоспособности.

Таким образом, в процессе профессиональной подготовки студента в ходе педагогической практики необходимо создавать объективные и субъективные условия, обеспечивающие формирование его конкурентоспособности.

Литература

1. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ. М., 1999. С. 155.

2. Андреев В. И. Конкурентология: учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. Казань, 2004.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1991.

4. Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапацевич. М., 2001.

5. Орлов Л. А. Пути совершенствования психолого-педагогической подготовки будущего учителя. Тула, 1989. С. 43–47.

6. Стефановская Т. А. Вопросы педагогического образования: межвуз. сб. ст. М., 2000. С. 3–11.

7. Якунин В. А. Педагогическая психология. СПб., 1998.

8. Филатов О. К., Чернилевский Д. В. Конкурентоспособность будущего специалиста как показатель качества его подготовки // Специалист. 1997. № 1. С. 29–32.

N. G. DOROGANOVA. THE PECULIARITY OF PROFESSIONAL TRAINING OF A COMPETITIVE TEACHER

Competitiveness is a characteristic of a person which includes competence, mobility and readiness to transform the surrounding world. The professional education level is used to determine the quality of professional readiness.

Key words: *competitiveness, competence, mobility, reflection, quality of the professional readiness.*

Е. Э. БУТАЕВА

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ПОЗИЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены глагольные лексемы stand – стоять, sit – сидеть и lie – лежать, обозначающие особый тип расположения субъекта в пространстве. В литературе по лексической семантике исследуемый класс глаголов известен как глаголы позиции или позиционные глаголы, характеристики структурно-семантической и функциональной грамматики которых являются объектом исследования сопоставительной лексикологии.

Ключевые слова: *грамматикализация, глаголы позиции, функциональная грамматика, стативная и динамическая интерпретация, лексическая семантика.*

В современном языкознании практически ни одно грамматическое описание, какими бы методами оно ни пользовалось, не обходится без обращения к взаимодействию грамматических и лексических факторов, к роли слова в системе грамматических отношений. Сам грамматический строй языка определяется как неоднородная система, организуемая абстрактными грамматическими категориями в их отношении не только друг к другу, но и к определению лексико-семантических множеств и подмножеств. В русской грамматической традиции слову всегда уделялось большое внимание. Единство грамматических и лексических значений слова, которое делает его одной из сложнейших единиц языка, всегда в той или иной степени принималось во внимание русскими грамматистами (А. Х. Востоков, К. С. Аксаков, Г. П. Павский, А. А. Потебня, Г. К. Ульянов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский,

Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и его школа, Ф. Ф. Фортунатов, М. Н. Петерсон).

Наиболее результативными можно считать исследования, осуществляющие структурно-семантическое и вместе с тем функциональное изучение грамматического строя языка, связанное с углубленным вниманием ко всем сторонам избранного объекта (труды В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. В. Бондарко, А. А. Зализняка, Д. Н. Шмелева, Е. В. Падучевой, Ю. С. Маслова, М. М. Гухман, Е. А. Земской, В. В. Лопатина и др.).

Глагольные лексемы *stand – стоять, sit – сидеть и lie – лежать* обозначают особый тип расположения субъекта в пространстве. Прежде всего, они описывают специфическую позу объекта, а в «расширенных» употреблении указывают на такие параметры, как горизонтальная или вертикальная ориентация субъекта, характер точки опоры, степень плотности контакта с ориентиром и

т. п. Данный класс глаголов известен в литературе по лексической семантике как глаголы позиции или позиционные глаголы. В ряде работ В. Г. Гака по сопоставительной лексикологии описывается употребление французских глаголов «положения в пространстве» в сопоставлении с русскими, при этом в качестве одного из семантических компонентов этих глаголов выделяется «позиция» [1].

Сочетание «глаголы позиции» имеет, как нам представляется, преимущество перед более многословными именованными «глаголы пространственного расположения предмета» или «глаголы неподвижного положения в пространстве»; что же касается других терминов, иногда используемых по отношению к данным глаголам (например, «глаголы покоя» или «глаголы состояния»), то они носят общий характер. В англоязычной литературе данная группа глаголов чаще всего именуется *posture verbs* или *postural verbs* (что буквально означает «глаголы позы, расположения») либо просто *posturals*. Реже встречается термин *position(al) verbs*, т. е. собственно «позиционные глаголы», а также *stance verbs* – глаголы покоя, *orientational verbs* – ориентационные глаголы и др. Однако все они обычно применяются для описания более широкого класса лексем, обозначающих местонахождение (в том числе таких, как «находиться», «пребывать», «оставаться» и пр.).

Русские глаголы *сидеть*, *стоять*, *лежать* представляют собой наиболее распространенный (и преобладающий в индоевропейских языках) тип глаголов позиции, при котором глагольный корень передает информацию о способе расположения. Среди глаголов движения данному типу соответствуют такие лексемы способа, как *бежать*, *прыгать*, *катиться* и т. п.

Для глаголов позиции, как и в целом для глаголов, описывающих стативные ситуации, важно противопоставление трех основных аспектуально-каузативных типов [2]:

– нахождение в состоянии, ср. рус. *лежать*, англ. *lie*;

– вхождение в состояние, ср. рус. *ложиться* / *лечь*, англ. *lie down*;

– каузация вхождения в состояние, ср. рус. *класть* / *положить*, англ. *lay (down)*.

Ситуации стояния, сидения и лежания являются хорошо знакомыми и понятными всем людям и в этом смысле могут быть отнесены к так называемым «универсалиям жизненного опыта» (*experiential universals*). Неудивительно, что для описания данных ситуаций во многих языках мира существуют специальные лексические средства. Часто основных глаголов позиции именно три – ср. рус. *стоять*, *сидеть*, *лежать* или англ. *stand*, *sit*, *lie*, однако данная лексическая группа может быть как более богатой (и включать несколько десятков глагольных корней), так и более бедной.

Прежде всего, в конкретно-языковую систему позиционных глаголов могут входить, помимо обозначений трех базовых «поз», и более специфические лексемы. Так, например, в английском языке периферию данной системы занимают та-

кие глаголы, как *squat* – *сидеть на корточках* и *crouch* – *припасть к земле, пригнувшись* (как разновидности сидения), *lean* – *наклониться, приклониться* и *kneel* – *стоять на коленях* (как разновидности стояния), а также *recline* – *лежать или полулежать, откинув голову* (как вариант лежания).

В. Г. Гак выделяет в рамках семантического поля «глаголов положения в пространстве» семантическую категорию «экспрессивных позиционных глаголов», которые «выразительно представляют положение предмета в какой-либо среде», – ср. рус. *возвышаться*, *торчать*, *покоиться*, *тянуться*, *выступать*, *простираться* и пр. [3].

В некоторых языках, где глаголы позиции образуют особый морфосинтаксический класс, к тому же классу наряду с ними могут принадлежать близкие по семантике глаголы расположения субъекта, не относящиеся к собственно позиционным. Использование позиционных глаголов в локативных и бытийных предложениях расширяет их значения. Это характерно для ряда индоевропейских языков, прежде всего, славянских и германских (в которых имеются и отдельные, чисто бытийные, глаголы), а значит, для английского и русского языков.

Основным объектом рассмотрения являются при этом не собственно конкретно-языковые глаголы, а конкретно-языковые лексикализованные и грамматикализованные конструкции с глаголами позиции. Это требует, следовательно, умения идентифицировать при поиске данных «грамматикализованную / лексикализованную конструкцию» [4].

В работах Б. Хайне и Т. Кутевой (функционирование глаголов позиции в качестве нейтральных локативных или бытийных глаголов) впервые делается попытка систематизации периферийных путей грамматикализации глаголов позиции. Под «грамматикализацией» понимается явление, характеризующееся как «процесс, в ходе которого лексические единицы и конструкции в определенных языковых контекстах приобретают грамматические функции и затем продолжают развивать новые грамматические функции». Расширенное локативное использование глаголов позиции и их превращение в бытийные глаголы является промежуточным случаем между чисто лексическим развитием глагольного значения и его грамматикализацией [5]. О грамматикализации, как правило, говорят как о едином процессе; вместе с тем общепризнанным является тот факт, что в действительности она представляет собой «макропроцесс», т. е. совокупность взаимосвязанных «микропроцессов», действующих на нескольких различных уровнях: семантическом, морфосинтаксическом, фонетическом и т. п. (ср. одно из наиболее известных определений грамматикализации как «эволюции, в ходе которой языковые единицы теряют семантическую сложность, прагматическую значимость, синтаксическую свободу и фонетический материал соответственно») [6].

Итак, глаголы позиции принадлежат к числу наиболее частотных источников грамматикализации в языках мира. Их употребление в функции грамматических показателей характеризуется во многих конкретно-языковых описаниях.

Литература

1. Гак В. Г. О семантической организации текста // Лингвистика текста: материалы науч. конф. М., 1974. С. 18–21.

2. Лопатин В. В. Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.

3. Гак В. Г. О семантической организации текста ... С. 12–15.

4. Хайне Б., Кутева Т. Концептуальный переход: лексикон процессов грамматикализации. М., 2001. С. 68–75.

5. Там же. С. 15–21.

6. Там же. С. 12–14.

E. E. BUTAEVA. LEXICO-GRAMMATICAL SEMANTICS OF THE POSITIONAL VERBS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

This article presents verbal lexemes stand, sit, lie, denoting special type of subject position in space. In scientific literature concerning lexical semantics verbs in question are known as the verbs of position or positional verbs, lexical and semantic characteristics of which and their grammaticalization are the object of comparative lexicology investigation.

Key words: grammaticalization, verbs of position, functional grammar, stative and dynamic interpretation, lexical semantics.

А. В. КОБЗАРЬ

ЛИНГВОСОЦИАЛЬНАЯ АСПЕКТНОСТЬ СЕМИОТИКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются актуальные проблемы теории дискурса (на примере юридического, определяемого как социально-прагматическая регулятивная область юридически-правовой картины мира), а также специфика сочетания семиотических, прагматических и социокультурных особенностей языковых реализаций юридически-правовых феноменов.

Ключевые слова: юридический дискурс, юридическая картина мира, структура дискурса.

Юридический дискурс как социально-прагматическая регулятивная область юридически-правовой картины мира характеризуется специфическим сочетанием семиотических, прагматических и социокультурных особенностей языковых реализаций. Юридический дискурс в теории языка интерпретируется как особая модель (форма) использования языка в реальном времени, которая отражает правовой тип социальной активности личности, исторически детерминированный и взаимосвязанный с уровнем цивилизационного и культурного развития социума. Юридическая дискурсивная деятельность имеет специализированный характер, а язык права выступает компонентом определенной социальной деятельности людей. В нем как в коммуникативном событии объективируется специфика юридического профессионального мышления, что обуславливает формирование таких его качеств, как интеракциональность, адресность, адресатность, интенциональность, аргументативность, терминологичность, прагматичность, информативность, интерпретируемость [1].

Важную роль в юридическом дискурсе играет юридическая аргументация, которая при позитивном праве развивается в определенной системе. В связи с этим возникает необходимость обозначить ряд актуальных проблем, связанных с ин-

терпретацией текста. Модификация аргументативной ситуации (исторической, политической, культурной, социальной) приводит к изменению в толковании прежних норм права и меняет убеждающую силу прежних аргументов. На состав и качество аргументации также значительное влияние оказывают аудитория, на которую она рассчитана (т. е. те, кого судьи пытаются убедить в правильности принятого ими решения), и цель, преследуемая аргументирующим (убеждение в правильности избранной позиции по делу, достижение согласия по поводу исхода правового спора или оправдание принятого решения).

Установлено, что основными элементами юридического дискурса считаются топы, т. е. общие места (от *греч.* место). Под топами понимаются способы исследования любой проблемы посредством нахождения всех возможных «за» и «против» из числа правдоподобных или тех, которые могут быть приняты (всеми или наиболее авторитетными в данной области). В результате их обсуждения оцениваются различные точки зрения и принимается обоснованное решение. Важнейшими считаются следующие топы: максима права, текст статута («буква нормы права»), ранее данное толкование, намерение законодателя, цель закона, наилучшие последствия (прагматическая аргу-

ментация, эволюция нормы в процессе социальных изменений, принципы, концепции и доктрины конституционного права, естественное право, социальные ценности, здравый смысл, научные данные, социальные теории, статистика.

Наиболее востребованными и используемыми аргументами в юридическом рассуждении выступают следующие: прагматический, о справедливости, авторитете, несовместимости, обстоятельстве, смысле, причине, транзитивности, прохождении, а также аргументы *ad genus* («по природе вещей»), замещения, соразмерности.

Лингвосоциальная аспектность семиотики юридического дискурса проявляется таким образом, что в нем объективируются общие места (топы) культуры, перечень которых рассматривается как некая ценностная система: право; этика, мораль и нравственность; политика; наука; исторический опыт; религия.

Все эти социальные институты по-особому отражаются и проявляются в юридическом языке, формируя характерные концепты и термины-концепты. Одним из таких специфических вербально-социопрагматических образований, свойственных юридическому дискурсу, выступает исследуемый впервые термин-концепт «экономические преступления», который маркирует такой денотативный сегмент социума, как теневая экономика.

Сегодня феномен теневой экономики недостаточно изучен и описан в научных категориях институционализма. Это явление существует даже в самых развитых странах с наиболее разработанным экономическим законодательством. Однако оно все же больше свойственно странам с переходным типом экономики, и эксперты до сих пор затрудняются однозначно определить его общественную полезность или вредность. Отмеченные экстралингвистические аспекты оказали существенное влияние на развитие языковой сферы феномена теневой экономики, на систему ее доминантных смыслов и концептуальных образований. В теоретическом отношении наиболее важной является интерпретация данного феномена как категории, отражающей систему экономических взаимосвязей, не учитываемых государством.

Термин-концепт «экономические преступления» аккумулирует в своей смысловой и понятийной структуре информацию о том, что экономическая деятельность, которая осуществляется незаконным путем, может относиться к категории экономической преступности, в связи с чем, по мнению Т. В. Сотской, этимологически более точно следует говорить не просто об экономической выгоде, а о незаконном обогащении [2]. В структуру рассматриваемого термина-концепта входит также понятийная область, которую определяют как «особый вид экономических отношений рыночного характера, выраженный в криминальной форме» [3]. Как показывает понятийно-дефиниционный анализ, термин-концепт «экономические преступления» является сложным многослойным лингвосоциальным образованием, включающим

терминоединицы из таких смежных предметных областей, как *рыночная экономика, предпринимательство, бизнес, налоги и налоговое право, криминалистика* и др.

При исследовании данного термина-концепта следует учитывать, что правовое мышление всегда отличалось аргументированностью. Оно не ограничивается строгими рамками только правовой науки и юридической практикой. Юристы чаще других специалистов имеют дело с нормой и реальными межличностными отношениями, а умение соблюдать правила правового дискурса для них оказывается одним из важнейших условий эффективной профессиональной деятельности. Правовому мышлению соответствует правовой язык, являющийся разновидностью литературного. Специфика правового мышления определяет общую стилистическую умеренность правового языка, его стремление к минимальному употреблению неточных выражений и стилистических излишеств.

Юридическая дискурсия в предметной сфере борьбы с экономическими преступлениями является интегративной, объединяющей различные специальные лексемы, термины, концепты, термины-концепты, функционирующие в соответствующих профессионально-деловых и научных областях и тематически связанные с предпринимательством, юриспруденцией, законодательством, бизнесом, финансами, налоговым правом и т. д. Выявлено, что в юридическом дискурсе существует специфическое распределение структурно-понятийных, деривационных, лексических и социокультурных аспектов и функциональных закономерностей, обладающих особыми признаками, актуальными для сфер юридической деятельности, в которых они функционируют. Метаязыковые характеристики официально-делового стиля выступают маркерами систематизации признаков и связей исследуемого дискурсивного феномена, отличительной чертой которого считается жесткая закреплённость преимущественно в рамках письменной речи.

Правовед А. М. Васильев, моделируя систему понятий этой дисциплины с учетом различной степени обобщенности терминов законодательства, выделяет понятийные ряды правовых категорий. Исследователь отмечает, что понятийный ряд соотносен в целом с одной или несколькими категориями более высокого ряда и через определение включенных в него понятий «развертывает», конкретизирует эту категорию. Основными направлениями такой конкретизации являются, по мнению автора, структурное, историческое и функциональное. Важнейшими категориями центрального понятийного ряда выступают такие, как норма права, система права, форма (источник) права, законность, правоотношение, правопорядок. Норма права «конкретизируется в понятиях *гипотеза, диспозиция, санкция правовой нормы*» (это партитивные отношения); понятие *законность* реализуется в таких категориях, как *верховенство закона, единство законности, всеобщность требования*

соблюдать и исполнять закон, равенство всех перед законом, гарантии законности [4].

Как показывают наши наблюдения, все отмеченные понятийные модификации являются концептообразующими, формирующими содержательный объем термина-концепта «экономические преступления», выступающего одной из доминант юридического дискурса в целом.

Литература

1. Колесникова Ю. В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации дей-

ствительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. С. 9.

2. Сотская Т. В. Методологические аспекты формирования институциональной политики государства в постиндустриальном обществе. Краснодар, 2005.

3. Там же. С. 122.

4. Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 2.

A. V. KOBZAR. LINGUA-SOCIAL SEMIOTIC ASPECTS OF JUDICIAL DISCOURSE

The article deals with important problems of discourse theory (on the example of judicial discourse which is determined as a sociopragmatic regular field of judicial-legal picture of the world) as well as combination of semiotic, pragmatic and sociocultural peculiarities of linguistic realization of judicial-legal phenomena.

Key words: *judicial discourse, judicial picture of the world, discourse structure.*

Н. Е. ВОРОНКОВА

ЭВРИТМИЯ: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ДУХОВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В данной статье эвритмия рассматривается как универсальная категория, проявляющая себя в различных сферах жизни общества.

Ключевые слова: *эвритмия, духовность, музыкальное пространство.*

Каждому историческому периоду свойственна своя эвритмическая структура проявления, которая организует любую среду, в том числе и сферу музыкальных процессов. Музыкальная культура аккумулирует в себе историческую соразмерность опыта социально-культурных отношений в эмоционально-звуковой форме и является своеобразным культурологическим срезом нации. Музыкальное пространство в этом смысле есть многовековой опыт общения человечества, опосредованный синхронизацией сознания и результатов музыкальной деятельности, а в конечном итоге – формированием духовной сферы человека. Исторические тенденции развития музыкальной культуры созвучны духовно-нравственной содержательности человеческой деятельности.

Духовное и музыкальное в культуре тесно взаимосвязаны единой ритмикой сосуществования, при этом их соразмерность друг другу можно рассматривать как идеальный вариант. Термином «духовная культура», в которую входит и музыкальная, обозначается процесс развития всех видов духовного производства и одновременно функционирование создаваемых произведений в тесной связи с социальным сознанием [1]. Преобразующая роль здесь всегда принадлежала музыке.

Органическая взаимосвязь духовности и музыки неоднозначно рассматривается современными исследователями, педагогами, психологами.

Различные трактовки свидетельствуют о том, что содержательная часть музыкального искусства обусловлена уровнем духовной культуры социума. При этом средства музыкального способа выражения являются формой проявления духовности. «Если содержательное ядро духовной культуры составляют ценности человеческого духа, то музыка есть интонационный способ существования этих ценностей», – писал Л. Закс [2].

Тема духовности тесно связана с нравственным аспектом проблемы. Идея нравственного воздействия музыкального искусства на душу человека была выдвинута еще Аристотелем. В наши дни, когда человеческое естество захлестнула волна радио, компьютерных технологий, эта мысль звучит особенно актуально. «Сейчас все поры нашей жизни – воспитание молодого поколения, искусство, культура, включая и науку, – насыщены пропитаны бездуховной рассудочной отравой, несущей искаженное понимание человека и мира», – утверждает академик А. Вейник [3].

Духовно-нравственные и эстетические реалии русской музыкальной культуры исторически вызывают сегодня к христианской сущности православного вероисповедания как основе жизни и творчества. В истории культурологического и музыкально-эстетического знания данная взаимосвязь несла в себе косвенный подтекст и различный эвритмический смысл. До недавнего времени, как свидетельствует В. В. Медушевский, само

понятие культуры в широком смысле трактовалось вне связи с вероисповеданием, что исказило ее первоначальный смысл. На сегодняшний день, даже «будучи производным от веры, тщится оно превзойти производящее», – отмечает ученый [4].

Эвритмия пронизывает все сферы деятельности человека, являясь основой основ его гармонии с мирозданием. Как свидетельствует научное знание (в частности, открытия последних лет в области квантовой механики), расщепление атома явилось последним этапом познания материального мира. Сегодня ученые открыли свойство нематериального мира – волновую функцию. Следовательно, «ритм как явление, ритмичность процессов охватывает весь Космос, начиная от атома до высших проявлений человеческого духа» [5].

Поскольку сущность и структура духовной организации эвритмии обращена к культурологии, вполне уместно, на наш взгляд, использование термина «ритмокультура», который в широком смысле включает в себя не только структуру жизненных проявлений, но и определенный вид деятельности по приобретению и углублению навыков познания и самореализации в различных видах творческой и профессиональной активности. В процессе усвоения личностью ритмокультурных ориентиров формируются ее ценностные ориентации.

Специфика ритмокультурной содержательности личности зависит от ее индивидуальных потребностей и уровня духовного развития. Однако ритмокультурный остов предпочтителен и наиболее результативен, по нашему мнению, лишь в том случае, когда человек непосредственно овладевает духовной стороной процесса. Особую актуальность приобретает гармония, следование механизму освоения ритмокультурного воспроизводства и потребления духовно-нравственных ценностей, их внутреннего соотношения и соответствия. Приоритет потребительской стороны искажает сам процесс и требует квалифицированной корректировки на уровне духовно-личностного развития.

В музыкальном поле ритмокультуры осуществляются накопление, хранение и систематизация музыкального опыта поколений. В этой связи ритмокультурная функция обеспечивает процесс культурологической преемственности бытия. В рамках культурологического пространства посредством ритмокультуры происходит систематизация культурологического знания. Социоритмика влияет на процессы передачи культурного опыта из поколения в поколение. Социальное пространство взаимодействует с индивидуальными био- и социальными особенностями индивида по законам ритмосоциальных связей, характерных для данной эпохи.

Социальная ритмика тесно взаимодействует с ритмикой организации культуры наций и народов. Русский менталитет на сегодняшний день хранит в себе ритмику той гармонии, которая своей структурной организацией духовной жиз-

ни, православным вероисповедческим настроем к жизни (жизнелюбием, любовью к ближнему, смирением) организует порядок объединяющего начала в социальном устройстве страны. Данная особенность есть стремление к всеобщему миру и гармонии человечества, всех стран и народов. Миролюбие русского человека в значительной мере освящено евангельскими истинами противопоставления злу: «не убий», «не лжесвидетельствуй», «не укради».

Ритмика культурологического наследия России (в том числе и музыкального), уходящая своими корнями в христианское вероучение, доминирует во всей сфере жизненных проявлений народа. Соборность и православное вероисповедание, претерпевшие в своем развитии различные периоды активности добра и зла, стремление к внутреннему совершенствованию, покаяние перед Богом позволяют русскому человеку осознать путь духовного спасения («узкие врата»). Сообразно вероисповеданию, русский менталитет характеризуется единой социальной ритмикой, гармонией воссоединения, любовью к ближнему, самопожертвованием на благо Отчизны.

Говоря о ритме культурной жизни, мы имеем в виду не только ее вехи, но и их динамическую насыщенность, акценты, импульсивность, скачкообразность или хронологическую пластику развития, кульминацию определенных этапов роста или спада, наибольшую выразительность проявления или моменты застоя. Именно этот смысл в понятие ритма и ритмики вкладывался всеми, кто обращался к данной культурологической или социальной проблеме. Так, в научной организации труда на производстве ученые выявили определенную зависимость между ритмами производственных процессов и индивидуальными ритмами обучаемых. В музыкальном воспитании и образовании далькросисты связывали развитие чувства ритма с осознанием глубокого смысла, ритм осваивался в ощущении его темповой, динамической, штриховой, интонационной красках и в целом как форма музыкального процесса. Именно это мы имеем в виду, когда говорим обо всех других сферах ритмокультуры бытия и ее культурологического среза.

Ритмика не только организует сущность явлений и процессов, но и позволяет сохранить непрерывность движения вечности, традиции, «предания» социальной памяти.

Литература

1. Ямпольский И. М. Избранные исследования и статьи. М., 1985. С. 10–11.
2. Закс Л. Музыка в контекстах духовной культуры // Критика и музыковедение. Вып. 3. Л., 1987. С. 47.
3. Вейник А. Почему я верю в Бога. Минск, 2004. С. 47.
4. Медушевский В. В. Внемлите ангельскому пению. Минск, 2000. С. 9.
5. Алякринский Б. С., Степанова С. И. По закону ритма. М., 1985. С. 16.

N. E. VORONKOVA. EURHYTHMY: NATURE AND STRUCTURE OF THE SPIRITUAL ORGANIZATION OF CULTURAL SPACE

The article is dedicated to eurhythmics which is considered as universal category in various spheres of social life.

Key words: eurhythmics, spirituality, musical space.

Е. В. АЛИКИНА

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСА К МУЗЫКЕ И ЕЕ ИСПОЛНЕНИЮ
В ЛЮБИТЕЛЬСКОМ ХОРОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ НЕМУЗЫКАЛЬНОГО ВУЗА**

Статья посвящена проблеме формирования устойчивого интереса к музыкальной деятельности у студенческой молодежи в процессе репетиций хора с учетом закономерностей музыкальной и музыкально-исполнительской выразительности.

Ключевые слова: музыкально-эстетическое воспитание, любительский хоровой коллектив, хоровое исполнение, закономерности музыкальной выразительности.

В современных условиях, когда объем необходимых для человека знаний резко и быстро возрастает, в школьном и, тем более, в вузовском образовании уже невозможно делать ставку на усвоение определенной суммы сведений. Сегодня перед школой и вузом стоит задача активизации познавательной деятельности учащихся, способствующей формированию таких качеств личности, как умение решать творческие задачи, самостоятельно критически мыслить, вырабатывать и защищать свою точку зрения, непрерывно пополнять и обновлять знания, применять их для творческого преобразования действительности. И здесь немалую роль может сыграть эстетическое воспитание, имеющее наибольший интеграционный потенциал. Именно оно готовит человека к активному и максимально полному эмоционально-чувственному и интеллектуальному включению в реальную жизнь современного социума, обеспечивая взаимодействие психических процессов, инициирующих саморазвитие и самореализацию личности, обогащение ее духовного мира, активизацию образного мышления.

Это относится и к музыкальному воспитанию, и к музыкальному обучению. До сегодняшнего дня и в школе, и в вузе доминировала практика передачи знаний как некой суммы рецептов, которые учащимся следует заучить. Кроме того, технология, техническое совершенство часто становятся самоцелью, преобладая над художественно-содержательной стороной обучения и воспитания.

Причина данной ситуации состоит в том, что методика целостного анализа музыкального произведения, охватывающая все элементы музыкальной речи в их взаимодействии и неразрывной связи с образным содержанием сочинения, начала разрабатываться только в 30-е годы XX века, когда утвердилась методология комплексного анализа. Поэтому многие педагоги-исполнители, сформировавшиеся задолго до того, как непосредственные связи между образно-эмоциональным строем музыки и художественными средствами были теоретически изучены и освоены, просто не могли использовать эти достижения музыкознания в своей исполнительской и педагогической практике.

Педагоги и дирижеры-хормейстеры, работающие руководителями хоровых коллективов, должны владеть умениями и навыками, которые дают возможность «подходить к раскрытию содержания произведения главным образом через содержательную сторону самой музыкальной формы и музыкальных средств» [1]. Поскольку, в отличие от музыкантов-исполнителей инструментальных жанров, они имеют отношение к музыкальным произведениям с поэтическим текстом, им необходимо уметь анализировать музыку и поэтический текст в их единстве.

Между тем сравнительный, или сопоставительный, анализ музыки и поэтического текста в их соподчиненности является одним из побуждающих и движущих сил самостоятельного мышления исполнителя, поскольку именно на его основе решается вопрос о художественном замысле и образной драматургии вокально-хорового произведения.

Музыкальное сознание общества отражает уровень и меру существования музыки в объективной действительности, уровень духовной культуры общества. Поэтому подчеркнем, что уровень эффективности музыкально-эстетического воспитания общества зависит не от количества «потребляемой» музыки, а от ее качества, от идеологии, стратегии и тактики музыкального воспитания.

Характерная примета нашего времени – перенасыщенность разнообразной звуковой информацией. Ее обилие, порой назойливое, влияет на общественное музыкальное сознание чаще в негативном, чем в позитивном плане.

Другая особенность нынешнего музыкального быта – стилистическая пестрота звуковых потоков, обрушивающихся сегодня на современного слушателя и, хотим мы того или нет, формирующих его музыкальное сознание, вкусы, пристрастия.

тия. Напротив, музыка классической традиции не имеет места в повседневной жизни, она почти не звучит по радио, ее нет на телеэкране, который стал центром быта современного общества. Приобщение к классической музыке очень важно для становления морального облика молодого человека. Поэтому важнейшая задача сегодня – воспитание у молодого поколения вкуса и тяги к подлинному искусству. В своем исследовании, являющемся обобщением многолетней практики, мы предприняли попытку теоретически обосновать один из возможных эффективных путей ее решения.

Современный университет (как гуманитарный, так и технический) – это комплекс учебной, научно-исследовательской и воспитательной работы. Но если первые две функции вписываются в структуру университетских дисциплин, то последняя в большей мере принадлежит к эстетическому развитию учащейся молодежи, традиционно осуществлявшемуся студенческими клубными учреждениями, в недрах которых до сих пор кое-где существуют художественные любительские коллективы (хоровые, танцевальные, театральные и др.). Сейчас, в период утраты этических и эстетических критериев и ориентиров, как никогда, велика роль и миссия художественных любительских коллективов. Традиционно они носят название *художественной самодеятельности*, хотя оно не совсем точно отражает суть явления, ибо неверно понимать под ним только *самостоятельную деятельность*. Во-первых, любительские кружки, как правило, создаются при каких-то организациях или учреждениях, а их работа контролируется администрацией. Во-вторых, участники коллективов занимаются обычно под руководством специалистов-профессионалов, отвечающих как за учебно-педагогический процесс в целом, так и за репертуар и художественно-эстетический уровень создаваемых с их помощью произведений [2].

Следовательно, художественная самодеятельность представляет собой явление, сочетающее в себе массовое *просветительство* любителей под руководством профессионалов и *искусство*. Профессионалов и любителей не следует ни противопоставлять, ни приравнивать друг к другу. Любители являются творческим резервом профессионального искусства, а мастерство профессионалов – эталон, с которым они сверяют свои достижения.

По социальному статусу участники самодеятельности – это любители, поскольку они имеют другую основную профессию. Но, относясь к художественной деятельности, как к своей второй, дополнительной профессии, постоянно пополняя знания и совершенствуя мастерство, они могут достичь в искусстве подлинного профессионализма.

Участие студенческой молодежи в исполнительской деятельности хорового коллектива вуза создает предпосылки активного приобщения ее к искусству и культуре, росту музыкального сознания и восприимчивости, воспитывает потребность слушания музыкальной классики. Однако руководитель хора достигнет этой цели, если осознает, что его задача не только и не столько доставить удовольствие слушателям, сколько быть могучим орудием музыкального просвещения, музыкального образования студентов – участников возглавляемого им коллектива [3].

В контексте нашей работы, представляющей собой исследование процесса не столько обучения, сколько воспитания, следует подчеркнуть, что мы имеем дело с взрослыми людьми, как правило, сознательно пришедшими в хоровой коллектив и, следовательно, испытывающими потребность в музыкальной деятельности.

Основой такого общения является обоюдный интерес, совместная работа дирижера и участников хора по осознанию выразительного, образительного и формообразующего действия художественных средств и проверки эффективности их применения, которая должна стать предпосылкой создания творческой атмосферы на репетиции и в конкретных выступлениях.

По нашему мнению, исследование мотивации, форм и методов активизации интереса к музыке и ее исполнению у участников хорового коллектива представляет собой важную и актуальную проблему, решение которой будет способствовать не только повышению уровня музыкально-хоровой культуры общества, но и совершенствованию его музыкального сознания.

Литература

1. Мазель Л. А. Строение музыкальных произведений. М., 1960. С. 4.
2. Каган М. С. Музыка в мире искусств. СПб., 1996. С. 205–206.
3. Асафьев Б. О хоровом искусстве. Л., 1980. С. 150–151.

E. V. ALIKINA. THE FORMATION OF INTEREST FOR MUSIC AND ITS PERFORMANCE IN AMATEUR CHORAL COLLECTIVE OF NON-MUSICAL HIGH SCHOOL

The article is dedicated to the problem of formation of the steady interest to music activities among the students in the process of choir rehearsal with the regularities of musical expressiveness and expressiveness of musical performance.

Key words: *musical-aesthetic education, amateur choir collective, choral performance, regularities of musical expressiveness.*

С. А. КУПРИЯНОВА

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

Автор статьи в систематической форме раскрывает основные этапы и процедуры, характеризующие логику педагогического проектирования, а также представляет обобщенную структуру этого процесса.

Ключевые слова: педагогическое проектирование, модель проектирования, принципы проектирования, структура и логика проектирования, стратегическая задача педагогического проектирования.

На современном этапе наука характеризуется появлением новой образовательной парадигмы. 2004–2015 годы объявлены ООН *декадой образования для устойчивого развития*. Основную задачу ученые видят в необходимости подготовки более эффективных управленцев, специалистов всех профилей. В области профессиональной подготовки будущих учителей права ключевая проблема состоит в неадекватности существующей системы профессионального правового образования современным и будущим потребностям экономики и общества. Высшая школа находится в ситуации разрыва между существующей практикой подготовки педагогических кадров и теми внешними вызовами, которые предъявляются к системе профессионального педагогического образования.

С целью разрешения данной проблемы осуществляется постепенное внедрение стандартов нового поколения, обеспечивающих баланс фундаментальности педагогико-правового образования и эффективного использования его результатов для инновационного развития; расширяются возможности формирования индивидуальных образовательных программ на основе широкого спектра востребованных образовательных модулей.

Научно-педагогическое сообщество подошло к вопросу повышения результативности образования. Но эффективным может быть только то, что понятно, хорошо описано, недвусмысленно истолковано, чего нельзя сказать о термине *качество образования*.

В словаре понятий и терминов по законодательству РФ «качество образования выпускников» трактуется как определенный уровень знаний и умений, умственного, физического и нравственного развития, которого достигли выпускники образовательного учреждения в соответствии с планируемыми целями обучения и воспитания [1].

Каждое образовательное учреждение, включая субъектов педагогического взаимодействия, призвано решать следующие задачи:

– моделирование на основе анализа существующих достижений прогноза перспективных требований, желаемого, достойного уровня качества образования, что фактически означает не что иное, как построение проектной модели образовательного процесса;

– оперативное или даже опережающее реагирование на отклонения реального от требуемого качества образования;

– осуществление смены требований к результатам образования и моделям выпускников, перехода их в новое качество;

– диагностирование имеющегося уровня качества образования с целью проектирования индивидуальных образовательных программ.

Можно предположить, что качество образования есть мера достижения целей, которые заданы операционально и спрогнозированы в зоне потенциального развития обучающегося. Оценка результатов образования обязательно должна включать в себя информацию о том, какой ценой они были получены [2]. Поэтому для достижения качества педагогико-правового образования необходимо иметь в виду следующие установки:

– правильно проектировать те качества (свойства) подготовки учителя права, которые предполагается получить «на выходе» образовательного процесса;

– обеспечивать и поддерживать достижение требуемого уровня качества педагогического и правового образования, вовремя компенсировав нежелательные отклонения от него;

– повышать качество такого образования, приводя его в соответствие с растущими требованиями внешних заказчиков, что возможно только через инновационный процесс;

– выявлять и оценивать реальное качество образования, его соответствие ГОС.

Образовательный процесс, как известно, многосторонен, управление им связано с большими сложностями. Его результаты также разнообразны, диалектически взаимосвязаны, однако весьма не просто интегрируются, что приводит к большим трудностям в их оценке. Они проявляются только спустя несколько лет и поэтому не могут быть точно зафиксированы непосредственно в ходе образовательного процесса. Результаты зависят от огромного числа не только управляемых, но и случайных факторов. Как правило, невозможно установить, в итоге каких именно педагогических и управленческих действий, какого компонента образовательного процесса возник тот или иной положительный или отрицательный итог. Отсюда большие трудности в установлении

механизмов управляемости результирующих параметров.

Перечислим показатели, по которым осуществляется оценивание результатов образования, проектируемых с определенной степенью точности:

- сформированность общих и специальных профессиональных знаний, умений, навыков и способов когнитивной деятельности;

- уровень интеллектуальной, эмоциональной, волевой, мотивационной, нравственной, эстетической, физической развитости личности, ее познавательных и других интересов и потребностей.

К показателям личностного развития относятся:

- степень креативности, умение самоопределяться, быть субъектом собственного образования и развития;

- профессиональная компетентность субъекта педагогической деятельности;

- общественный авторитет вуза или школы в своем городе, регионе;

- индивидуальные особенности обучающегося, его темперамент, характер восприятия им учебного материала, тип памяти и т. п.

Нельзя допускать чрезмерной, изнуряющей интеллектуальной, эмоциональной, нервной нагрузки при освоении учебного материала; необходимо обеспечить такой подход к образовательному процессу, который гарантировал бы поддержание только благоприятного морально-психологического климата в коллективе.

Результаты образования можно условно разделить на следующие группы:

- доступные для количественных измерений, в абсолютных значениях, процентах или в каких-то иных, но обязательно измеряемых параметрах;

- определяемые только квалитетически, т. е. описательно или в виде балльной шкалы, где любому баллу соответствует определенный уровень проявления качества, который должен быть настолько подробно описан, чтобы им можно было корректно пользоваться. Вместо баллов может быть использована уровневая шкала с самым разнообразным набором качественно описанных уровней (высокий, средний, низкий, достаточный, необходимый, оптимальный, допустимый, недопустимый и т. д.);

- неявные, внешне не обнаруживаемые, относящиеся к внутренним, глубинным переживаниям личности (например, внутреннее преодоление самого себя, чувство исполненного долга и др.) [3].

Иначе говоря, первые две группы результатов образования можно объединить их рациональной

составляющей, тогда как третья группа отражает иррациональную, при которой управляемость результирующих параметров ничтожна. Эти результаты невозможно точно спрогнозировать, можно только создавать условия, чтобы они возникали (в случае положительного эффекта), или наоборот – устранять предполагаемые ситуации, из-за которых возможно появление отрицательных последствий [4].

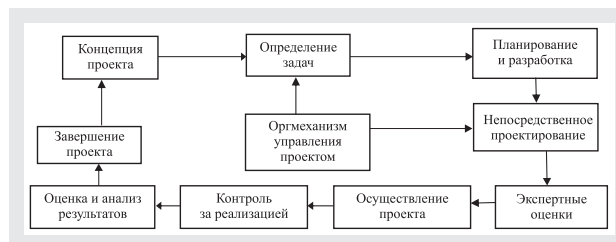
Обдумывая логику диагностирования, нужно проследить, чтобы задачи были ориентированы на результат, хотя бы и промежуточный по отношению к цели всего исследования.

В зависимости от специфики изучаемой проблемы и возможных отступлений должна осуществляться дальнейшая детализация логики проектирования.

С учетом вышесказанного нами разработан алгоритм, который предполагает, что если педагог знает конечную цель обучения и желает подвести к ней ученика, то он должен наполнить конкретным содержанием предложенные им этапы проектирования.

При реализации спроектированной модели обучения мы использовали метод «сложения», т. е. определяли начальный уровень, освоенный учащимся (тогда как обычно применяется метод «вычитания», иными словами, фиксируется то, что студент не выполнил). Кроме того, нами отмечены новые границы возможного освоения предмета.

В заключение представим *обобщенную структуру процесса педагогического проектирования*.

Литература

1. Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. М., 2004.
2. Каган В. И., Сычеников Н. А. Оптимизация процесса обучения в высшей школе. М., 1987.
3. Качество знаний учащихся и пути его совершенствования / под ред. М. Н. Скаткина. М., 1978.
4. Концепция управления качеством образования: моногр. / под ред. Е. К. Афиногенова. 2005; Шишов С. Е., Кальней В. А. Мониторинг качества образования в школе. М., 1999.

S. A. KUPRIJANOVA. PEDAGOGICAL DESIGNING AS A COMPONENT OF QUALITY OF PROFESSIONAL TRAINING OF THE FUTURE TEACHER

The author of this article determines in systematic forms the major stages and procedures characterizing the logic of pedagogical projecting and gives the general structure of the process of pedagogical designing.

Key words: pedagogical projecting, model of designing, principles of designing, structure and logic of designing, a strategic task of pedagogical designing.

Л. Н. КУРЬЯН

НОМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

На материале языка произведений А. И. Солженицына автор рассматривает номинацию человека как важнейший универсальный когнитивно-информационный процесс, который характеризуется существенными признаками – антропоцентричностью и двуплановостью референции.

Ключевые слова: номинация, антропоцентричность, языковая личность автора, художественный текст, окказионализация, социальная прагматика слова.

Номинация как важнейший универсальный когнитивно-информационный процесс характеризуется такими существенными признаками, как антропоцентричность и двуплановость референции. Выступая фактором образования семиотических единиц с номинативной функцией, этот процесс членит окружающий мир на специфические с когнитивной точки зрения фрагменты, в которых отражается познавательный опыт человека. Применительно к глобальности номинации как процесса необходимо отметить суждение В. В. Морковкина о том, что «главная функция языка по отношению к мышлению заключается в дискретизации информационного континуума, т. е. в представлении его в виде совокупности информационных сгущений разного объема и содержания» [1].

В. Н. Телия определяет *номинацию*, во-первых, как «образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Этим термином обозначают и результат процесса номинации – значимую языковую единицу». Во-вторых, номинация – «совокупность проблем, охватывающих изучение динамического аспекта актов наименования в форме предложения и образующих его частей, рассматриваемых в теории референции» [2]. Это определение, как и ряд других, свидетельствует о том, что проблема номинации является одной из наиболее актуальных и широких по объекту изучения в современной лингвистике.

Субъектом номинации всегда выступает особая языковая личность, а в номинативных единицах как результате этого процесса отражается совокупность ее представлений не только об объекте номинации, но и о целостной картине мира. Особую этико-эстетическую функцию выполняет номинация в художественном тексте, когда ее субъектом является языковая личность – автор текста, создающий виртуальный мир, пропущенный через призму собственных знаний и опыта.

Как отмечает Е. С. Кривецкая, «художественный текст специфичен тем, что он обязатель-

но субъективно организован, личностно маркирован, и поэтому языковая картина мира в нем неизбежно трансформируется <...> Языковая личность автора художественного текста выступает <...> в роли регулятора динамического равновесия традиционной формы и нового содержания как свободный в своем выборе регулятор этих отношений творец номинационного пространства» [3].

По нашим наблюдениям, осуществление номинации в пространстве художественного текста напрямую связано с процессом семантической и прагматической окказионализации. Это определяется тем, что языковая личность автора текста фиксирует и передает особое видение существенных свойств внешности или черт характера героев посредством специфических знаков, в которых заключаются «новые способы выражения денотативной связи, адекватные той необычной, нестандартной грани, стороне обозначаемого, которая и определяет соответствующую внутреннюю форму номинации» [4].

Например, в языке творчества А. И. Солженицына номинация человека выступает важнейшим фактором отражения социально-культурных, идейно-политических, идеологических и когнитивно-прагматических аспектов авторской языковой картины мира. Тематический анализ наименований человека, функционирующих в текстах писателя, свидетельствует о многообразии социальных и культурно-интеллектуальных типов персонажей, о яркой выраженности авторской позиции и об отношении Солженицына к каждому из персонажей. Кроме того, он демонстрирует явную дифференциацию героев по возрастным, гендерным, национальным, профессиональным, эмоциональным, поведенческим, речевым, внешним, личностным и т. п. особенностям, например: «обтрепыш», «недобитыши», «повторники», «дармоеды», «серые зэки», «чертеньш», «электросварщик», «жердь кривая», «горюня», «первый секретарь обкома», «баптист», «худой да долгий сержант черноокий», «дежурняк», «длинный латыш», «бригадники», «начкар», «помначкар», «неумелец», «сапожник-дезертир», «ненасытный старик» и др.

Все виды вторичной номинации базируются на ассоциативном характере человеческого мышления, что обуславливает широкие возможности языкового развития в целом. Значительный номинационный потенциал обнаруживается в индивидуально-авторском языковом творчестве, в котором «вполне сознательно модифицируются или вообще отвергаются стандартные, привычные способы организации текстового пространства, каноны его архитектуры» [5].

Итак, номинация человека неразрывно связана с осмыслением, интерпретацией и оценкой объекта, которому дается имя. В самом выборе (отборе) номинативных средств проявляется авторская языковая личность. Как считает Л. Ю. Буянова, язык творчества / творения того или иного автора-личности, представляя собой уникальный феномен психолого-коммуникативного эмоционально-чувственного состояния, в определенной степени эксплицирует и самого автора, и образ его мыслей, и этапы его внутренней эволюции. Посредством реконструкции психолого-социального портрета автора воссоздается и жизненный контекст его бытия: имплицитно выраженные

жизненная позиция, ценности, ориентации, кредо – словом, все то, что, реализуясь во множестве моделей поведенческих и речевых реакций персонажей, приобретает наглядность, модифицируясь в жизнь языка и язык жизни [6].

Литература

1. Морковкин В. В. Язык, мышление и сознание // Русский язык: энциклопедия. М., 1997. С. 436.
2. Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 336–337.
3. Кривецкая Е. С. Окказиональная фразеологическая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. С. 13.
4. Там же. С. 11.
5. Буров А. А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. Пятигорск, 2003. С. 67.
6. Буянова Л. Ю. Языковая личность как текст: жизнь языка и язык жизни // Языковая личность: экспликация, восприятие и воздействие языка и речи. Краснодар, 1999. С. 70–72.

L. N. KURYAN. NOMINATION OF THE PERSON AS THE MECHANISM OF FORMING OF THE AUTHOR'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The author of this article on material of the language of A. I. Solzhenitsyn's works investigates the nomination of the person as the major unique cognitive-informative process which is characterised by essential features – anthropocentric and double smoothness of references.

Key words: nomination, anthropocentric, language personality of the author, artistic text, occasionalisation, social pragmatics of the word.

С. М. МАКАРОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА В КЛАССЕ ЦИФРОВОГО СИНТЕЗАТОРА

Автор анализирует исполнительские художественно-выразительные возможности синтезатора как современного средства музыкально-эстетического развития детей.

Ключевые слова: исполнительские возможности синтезатора, конструкционные различия синтезаторов, начальное обучение в классе синтезатора.

Без исполнителя невозможно представить процесс живого звучания музыки, наполнение эмоциональной силой каждого штриха, скрывающегося в музыкальном шедевре.

Специфика любого инструмента ставит перед исполнителем свои задачи, и синтезатор не исключение. Музыкальный инструмент, так или иначе, отражает свое время и эпоху. Творчество многих композиторов XX столетия в разной степени соприкасалось с электроакустической музыкой. Менялась роль исполнителя, авторы зачастую от него просто отказывались и записывали свои опусы с помощью магнитофонной ленты и генераторов. Роль интерпретатора в звене

композитор – исполнитель – слушатель должна быть переосмыслена. Этот процесс предполагает две противоположные тенденции, отраженные в системе обучения по классу синтезатора. Он уникален тем, что дает возможность познать безграничный потенциал звука. Без преувеличения можно сказать, что в руках исполнителя находится целый оркестр, и вопрос о грамотном управлении им – первое, с чем сталкиваются в методике обучения. Универсальное определение синтезатора как инструмента-оркестра вполне оправданно. Он способен воспроизвести довольно большое количество музыкальных звуков, шумов, но его собственный голос – это звуки, полученные

синтезированным путем с помощью различных эффектов [1].

На сегодняшний день синтезатор можно уверенно определить как самостоятельный инструмент с собственными возможностями. Одна из проблем исполнительства – размер и объем клавиатуры. Существуют синтезаторы, где клавиши максимально приближены по размеру и туше к фортепианному, хотя лишены такой же глубины погружения.

Вопрос о туше всегда был острым, поскольку синтезатор считался производным прикладного назначения и часто сравнивался с его предшественником – фортепиано. Основные возможности синтезатора заключены, конечно, не в клавиатуре, а в цифровых ресурсах. И здесь каждая модель инструмента своеобразна.

Любой синтезатор имеет уникальную по силе клавиатуру, подобрать две одинаковые так же невозможно, как и оттенки тембра или насыщенность звука. Школа электронных инструментов (в частности, синтезатора) находится еще в процессе становления и формирования.

Поскольку все учащиеся не могут иметь в распоряжении одинаковую модель синтезатора, существует много трактовок одной пьесы. Каждый раз она звучит по-новому, даже на одной модели инструмента произведение может исполняться в разных вариантах [2].

В классе синтезатора ученик впервые соприкасается с понятиями *сопровождение, ак-*

компанемент, ансамбль разных инструментов. Звучание музыки, которое можно было услышать только на концерте, сосредоточено в одном инструменте.

Составление аранжировки для синтезатора зависит не только от навыков и знаний, но еще и от богатства опыта слуховых ощущений. Во многом именно модель синтезатора подсказывает методологическое направление. В обычной методике возникает опасность сводить обучение к освоению полного аккорда, в то время как универсальный режим для аккордов в левой руке – логичный выход к их плавному освоению. Поэтому есть основание считать данные режимы игры в обучении условными [3].

Таким образом, в связи с существованием различных моделей электронного инструмента вопрос о звукоизвлечении в классе клавишного синтезатора является одним из самых актуальных. Сегодня существуют разнообразные методики трактовки, многообразные подходы к освоению синтезатора. Все это формирует четкое направление в музыкальной педагогике, призванное раскрыть цифровые возможности инструмента.

Литература

1. Соловьева Л. А. Синтезатор: Техника автоаккомпанемента. М., 2000.
2. Харькин В. Н. Педагогическая импровизация: теория и методика. М., 1992. С. 159.
3. Соловьева Л. А. Синтезатор ...

S. M. MAKAROVA. SOME ASPECTS OF PERFORMANCE IN THE CLASS OF DIGITAL SYNTHESIZER

The author analyses performance artistic expressive potential of synthesizer as modern means of children's musical-aesthetic education.

Key words: *performance potential of synthesizer, difference in constructions, the first stage of training in the class of synthesizer.*

Э. В. НАЧКЕБИЯ

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена постановке проблемы ментальности как лингвистической категории. Анализ определений и корреляций фундаментальных лингвистических понятий и терминов показывает генетическое единство и функциональный изоморфизм мыслительно-ментальных и языковых феноменов.

Ключевые слова: *концепт, культура, язык, лингвистическая категория, менталитет, ментальность, семантика.*

В конце XX века в теории языка активизировались исследования проблемы ментальности и менталитета как необходимых составных частей национального самосознания, отраженного в языке и тексте. Термин *ментальность* прочно занял одно из центральных мест в понятийной системе лингвистического аппарата изучения

различных языковых феноменов. Проблема ментальности наиболее плодотворно разрабатывается при изучении процессов языковой концептуализации и системы концептов русского и иных языков [1].

По определению В. А. Масловой, «ментальность – это *миросозерцание* (курсив наш. – Э. Н.)

в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Единицей ментальности признается концепт данной культуры (см. «Словарь концептов русской культуры» Ю. С. Степанова)» [2]. Аналогично звучит данное определение у В. В. Колесова: «Ментальность есть *мировосприятие* в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [3]. А. Я. Гуревич считает, что ментальность представляет собой *способ видения мира*, что это тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, внутренних привычек и приемов сознания. «Итак, ментальность – тот незримый *минимум* (курсив наш. – Э. Н.) духовного единения людей, без которого невозможна организация любого общества. Ментальность народа актуализируется в наиболее важных культурных концептах языка» [4].

В. В. Колесов, раскрывая истоки своего творчества, отмечал: «Так и писалась книга – как желание понять и объяснить коренные свойства русской духовности и просвещения, которые на новый лад называют теперь ментальностью и цивилизацией» [5]. В своей работе ученый постоянно соотносит понятия ментальности и духовности, отмечая их неразрывность: «Многие черты характера, **духовности – ментальности** (выделено нами. – Э. Н.), описанные здесь как русские, в разной степени интенсивности встречаются и у других народов» [6]. Нельзя не согласиться с выводом исследователя о том, что «изучение ментальности на материале языка затруднительно до сих пор. Причин много, мешает, в том числе, теоретическая неразработанность проблемы, устойчивое неприятие таких исследований со стороны позитивистски настроенной науки» [7].

Особенностям проявления взаимосвязи языка и ментальности посвящено исследование (психологический практикум) А. А. Мельниковой, которая отмечает, что, «потерпев неудачу в попытках определить национальный характер, культурологи и антропологи для обозначения психологических особенностей этнических общностей начинают все шире использовать понятие “ментальность”; пользуются данным определением и философы» [8]. Есть все основания считать, что термин «ментальность» в его современной трактовке появился гораздо позднее, чем начались серьезные исследования самого феномена. Долгое время лексема *ментальность* ассоциировалась как синонимичная таким стоящим в одном ряду понятиями, как *национальный характер, этническая психика, дух народа*. Об особенностях этнического мировосприятия и миропонимания разных народов писали Геродот, Тацит, Плиний, Ксенофонт и другие античные и средневековые мыслители.

Считается, что впервые понятие «ментальность» было предложено историками французской школы М. Блоком и Л. Февром, которые были

основателями журнала «Анналы экономической и социальной истории» (Париж, 1929). Под этим термином ученые подразумевали способ видения мира и уровень сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций. Их концепция получила широкое распространение в 1930-е годы, но периодом бурного развития этого направления считаются 1960-е. В то же время следует отметить, что понятие «менталитет» употреблялось и ранее 1929 года, но в начале века в профессиональной и обыденной речи этим словом обозначались преимущественно коллективные системы мироощущения и поведения, «формы духа».

Семантические коллизии данного термина / понятия раскрываются в лексикографических интерпретациях. Так, «Философский энциклопедический словарь» определяет ментальность следующим образом: «Ментальность (от позднелат. *mentalis* – умственный) – образ мышления, *общая духовная настроенность* человека, группы людей (курсив наш. – Э. Н.)» [9]. Интересно, что в «Словаре иностранных слов» [10] данное слово вообще отсутствует. Это косвенно свидетельствует о его неактуальности для русского обыденного сознания широких масс и невостребованности в период издания книги. Нет этого слова и в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [11], и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [12].

В «Новом словаре иностранных слов» в соответствующей словарной статье расположены сразу две лексемы: «Менталитет, ментальность [от позднелат. *mentalis* – умственный]: 1) *образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих* отдельному человеку или общественной группе; 2) *психология нации*» [13]. Как видно из данного определения, оба эти понятия рассматриваются составителями словаря как эквивалентные, тождественные, что не характерно для русской философско-лингвистической традиции, четко разделяющей эти два понятия.

Анализ множества источников по данной проблеме показывает, что ментальность часто приравнивается к традиционному сознанию, системе мировоззрения, основанной на этнической картине мира. По мнению ученых, она транслируется из поколения в поколение в процессе социализации и содержит представления о морально-этических и иных приоритетах, ценностях, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах. Большинство исследователей считают ментальность групповым феноменом, являющимся результатом неосознаваемого процесса унификации способов мировосприятия, мироощущения, миропонимания и выражающимся в идентичном поведении. Ментальность – это латентная, глубинная, неотрафелированная область общественного сознания.

Указывая на связь понятий духовности и ментальности, специфику их восприятия и понимания в русской культуре, В. В. Колесов отмечает: «О духовности тоже написано много. Это традиционная тема русской философии, которая (ус-

тами Николая Бердяева) призывала развивать присущую русскому характеру душевность до высших степеней ее проявления – до духовности. Современные разговоры о менталитете – это попытка рационализмом ментальности заменить духовность. *Духовность онтологична*, она существует в русском характере, воспитанная веками, тогда как менталитет предстает в качестве саморефлексии о духовности; *ментальность гносеологична*. А русское философское мирозерцание именно онтологично. Оно признает реальность как вещного мира, так и вечной идеи. *Целостность цельного*, понятого как *целое*, есть основная установка русской ментальности, не допускающая разложения сущностей на дробные доли анализа. Целое не является суммой аналитически явленных своих частей, как полагает *ratio*.

Контуры духовности столь же реальны, как и границы ментальности, но *не для всех* они одинаковы и равноценны» [14].

В современной филологической парадигме научного знания стало уже традицией рассматривать языковые единицы разных ярусов системы в «ментальном» ключе, интерпретируя их как *ментальные или ментально-когнитивные средства* создания русской языковой картины мира [15]. Такой принцип анализа языковых сущностей и факты языка позволяют выдвинуть предположение о том, что ментальность целесообразно интерпретировать и как *языковую категорию*, а не только философскую или психологическую.

На наш взгляд, для такого статусирования ментальности есть все необходимые основания. Как известно, языковая категория – это «в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – *некоторый признак (параметр)* (курсив наш. – Э. Н.), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [16]. Аристотель, к учению которого восходит данное понятие, выделил 10 категорий: *сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и претерпевание*. Впоследствии установление этих категорий повлияло на разработку учения о частях речи и их инвентаризацию. Есть все причины считать ментальность *понятийной* языковой категорией, так как она репрезентирует замкнутую систему значений универсального семантического признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения. В связи с этим есть основание относить ментальность к типу так называемых *скрытых категорий* языка, так как она объективирует семантические признаки языковых единиц, не имеющие эксплицитного морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания.

В истории науки рассмотрение *категории* как мыслительно-логического феномена было связано с изучением *понятия* как особой мыслитель-

но-ментальной и логико-когнитивной единицы. «Понятие» как «ментальный конструкт (единица мысли), служащий для классификации индивидуальных объектов внутреннего и внешнего мира посредством более или менее случайной абстракции, признаки (характеристики) которого в большей или меньшей степени отражают свойства индивидуальных объектов» [17], обнаруживает свою субстанциональность через референцию к другому понятию(-ям). По мнению ученых, «отдельные концепты и системы понятий – когнитивный инструментальный познания – инициируют рефлексию экстралингвистических контекстов (фрагментов действительности, естественного мира), являющихся объектами познавательной деятельности различных наук, с последующим проецированием, закреплением полученных результатов, когнитивных эффектов в научных теориях» [18].

«Понятие – мысль о наиболее общих, существенных признаках предмета или явления, результат рационального отражения основных, существенных признаков предмета <...> это результат целенаправленного осмысления предмета или явления, преследующего цель отграничить предмет от сходных либо исчислить существенные признаки предмета для его изготовления» [19].

В философском понимании категория – это «общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения предмета, явлений объективного мира (материя, время, пространство, движение, причинность, качество, количество и т. д.)» [20]. Языковые категории отличаются от философских и таким важнейшим параметром, как наличие ряда противопоставленных друг другу грамматических значений.

Исследуя ментальность как языковую категорию, необходимо учитывать сложные корреляции между такими явлениями языка, как *значение, смысл, понятие, концепт, категория*. Традиционным для отечественного языкознания можно считать разграничение мыслительного и языкового содержания. Как известно, первым на это обратил внимание А. А. Потебня, который выделял два вида значения – «ближайшее» (языковое, системное) и «дальнейшее» (личное), находящиеся в формально-содержательных отношениях: «Значение слов в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутренней их формой в отличие от внешней звуковой, иначе – способом представления внеязычного содержания» [21]. Форма и содержание, в понимании А. А. Потебни, выступают как относительные понятия, так как содержание может быть формой по отношению к другому содержанию: «Значение слова имеет свою звуковую форму, но это значение, предполагающее звук, само становится формой нового значения» [22]. Иными словами, значение может рассматриваться в двойственном аспекте: как выражаемый в материальной форме знака (языковой единицы) коррелят явлений внеязыковой действительности, отражаемой в сознании говорящего, и как явле-

ние доязыковое, т. е. то, что является предметом рече-мыслительного отражения.

И. А. Бодуэн де Куртенэ понимал под *содержанием* языковых единиц, прежде всего, их психологическую сторону. Он выделял в языковых представлениях значения (его морфологической стороне) отражение внеязыковых семасиологических репрезентаций, которые являют собой «само психическое содержание, представления, связанные с языком и движущиеся в его формах, но имеющие независимое бытие» [23]. Внеязыковые представления, так или иначе, находят свое отражение в языковом мышлении. Содержанием языкового мышления, таким образом, являются «внутренние», языковые понятия, коррелирующие с понятиями «внешними», т. е. мыслительными.

С. Д. Кацнельсон, отождествляя природу *понятия и значения* в общих чертах, утверждает: «Значения слов, как и понятия, покоятся на специфической форме отражения действительности – обобщении и абстракции. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, т. е. отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений» [24]. Исследователь вычленяет в качестве базовых единиц семантической системы языка «лексические значения (семемы), по своему объективному содержанию совпадающие (точнее, стремящиеся совпасть) с формальными понятиями» [25].

Ю. С. Степанов, характеризуя специфику значения, отмечает: «Значение слова <...> – высшая ступень отражения действительности в сознании человека, та же ступень, что и понятие. Значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей» [26].

М. В. Никитин считает, что, «говоря о понятиях и значениях, мы, по существу, имеем дело с одним и тем же предметом – концептуальным уровнем абстрагирующих обобщающих единиц сознания, но рассматриваем эти единицы в разных направлениях и с разными целями: в одном случае нас интересует, что они выражают, а в другом – как их выражают» [27].

Особую роль в развитии учения о категориях языка и мышления также сыграли исследования С. Д. Кацнельсона. Показывая взаимоопределяющую связь мыслительного, умственного и языкового и влияние друг на друга языка и мышления, ученый констатировал: «Категории – это отражение форм объективной связи, объективных типов всеобщей связи, открываемых сознанием в действительности, форм “объективной логики”, скрытой в вещах окружающего мира, природы и общества. Это вместе с тем ступеньки выделения человека из природы, ступеньки вычленения субъекта и объекта» [28]. Иными словами, «носителем» языковой категории ментальности является человек, познающий окружающий мир и преломляющий национально-специфическое его восприятие сквозь призму языка.

Ментальность (ментальные смыслы, образы, оценки, ассоциации) репрезентируется с помощью слова, фразеологизма, фразы, текста, концепта, концептосферы. Выразительный и репрезентативный потенциал слова, в оценке А. Ф. Лосева, звучит следующим образом: «Слово может выражать не только понятие, но и любые образы, представления, любые чувства и эмоции и любую внесубъективную предметность. Кроме того, если значение приравнивается к понятию, то язык оказывается излишним, т. е. он попросту превращается в абстрактное мышление понятиями. Однако кроме специальных научных дисциплин, где понятия играют главную роль, чистые логические понятия в чистом виде редко употребляются нами, если иметь в виду реальное общение людей между собой» [29].

И. А. Стернин и Г. В. Быкова выделяют три типа *мыслительных образов* (концептов), обнаруживающихся в лексических единицах разных типов: представления, гештальты и понятия. Термин «концепт», в понимании ученых, используется «для обозначения мыслительного образа, называемого той или иной лексической единицей». «Одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях реализовать либо гештальт, либо понятие, либо представление, поскольку все эти концепты представляют собой разные уровни мыслительной абстракции, а коммуникативные потребности могут потребовать разной степени конкретизации мысли» [30].

Итак, как показывает анализ определений и корреляции фундаментальных лингвистических понятий и терминов «значение», «смысл», «понятие», «категория», «язык», почти все исследователи признают генетическое единство, взаимосвязь и функциональный изоморфизм мыслительно-ментальных и языковых феноменов, так как отделить мыслительное, понятийное, категориальное от «чисто языкового» не представляется возможным. Ментальность представляет собой этноспецифический способ актуализации культурно-исторического опыта через национальный язык посредством языковых единиц разных уровней, поэтому ее можно интерпретировать как этнокультурный семантический компонент (ментальный маркер), отличающий и дифференцирующий системы языкового мировосприятия разных этносов.

Литература

1. Буянова Л. Ю. О концепте «Душа» в лингвистической традиции // Филология – Philologica. Краснодар, 1998. № 13. С. 12–15; Она же. Концепт «Душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации // Textus: Этика и социология текста: сб. ст. науч.-метод. семинара. Вып. 10. СПб.; Ставрополь, 2004. С. 265–270; Буянова Л. Ю., Аль Каттан О. Н. Ментально-языковые константы как фактор сохранения русской культуры и языка // Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы: материалы междунар. конф. Волгоград, 2007. С. 107–109.

2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М., 2001. С. 49.
3. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007. С. 11.
4. Гуревич А. Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 49.
5. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте ... С. 5.
6. Там же. С. 6.
7. Там же. С. 38.
8. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб., 2003. С. 16.
9. Философский энциклопедический словарь. М., 2002. С. 396.
10. Словарь иностранных слов. М., 1990.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб., 1996.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Ушакова. М., 1996.
13. Новый словарь иностранных слов. Минск, 2005. С. 567.
14. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте ... С. 19.
15. Буянова Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. Краснодар, 2004.
16. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 215.
17. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 1989. С. 140.
18. Буянова Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русский фразеологизм ... С. 24.
19. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: Формирование и функционирование. М., 1998. С. 42–64.
20. Словарь иностранных слов ... С. 226.
21. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990. С. 82.
22. Потемкина А. А. Мысль и язык. М., 1999. С. 160.
23. Зубкова Л. Г. Язык и форма: Теория и история языкознания. М., 1999. С. 71.
24. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965. С. 9.
25. Там же. С. 107.
26. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 13.
27. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1998. С. 46.
28. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001. С. 490.
29. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
30. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны ... С. 56–58.

E. V. NACHKEBIYA. MENTALITY AS A LANGUAGE CATEGORY: FORMULATION OF THE PROBLEM

The article is dedicated to the formulation of the problem of mentality as a linguistic category. The analysis of definitions and correlation of fundamental linguistics notions and terms shows genetic unity and functional isomorphism of mental and linguistic phenomena.

Key words: concept, culture, language, linguistic category, the world vision, mentality, semantics.

А. Н. ПОНКРАТОВА

ПАНСЛАВИЗМ И Ф. ТЮТЧЕВ

Автор анализирует проблему становления и распространения панславизма в России конца XIX века в связи с жизнью и творчеством Ф. И. Тютчева.

Ключевые слова: панславизм, Ф. И. Тютчев, православие, объединение славян.

Ф. И. Тютчев занимает особое место в судьбе России. Отдельные грани его личности практически неизвестны. Большой вклад в освоение произведений русского поэта внес Валерианович Кожин, автор наиболее полного повествования о его жизни и творчестве.

Изучение литературного наследия поэта определяется потребностью понять взаимосвязь философских воззрений Тютчева с русской жизнью, рассмотреть становление его творческой личности в культурном контексте середины – конца XIX века. Ф. Тютчев представлял поколение поздних панславистов, наследников Ивана Сергеевича и Константина Сергеевича Аксаковых, Ивана Васильевича и Петра Васильевича Киреевских,

Александра Степановича Хомякова и др. Конец 1840-х – начало 1850-х годов – время бурной политической и поэтической активности Тютчева. Если ранее он питал определенные иллюзии относительно николаевского режима, то после севастьяпольской катастрофы и смерти Николая I он произносит самые суровые слова в его адрес.

С осени 1865 года поэт с головой окунается в политику, стремится формировать общественное мнение по внешнеполитическим вопросам, воздействовать на Горчакова, царя, пропагандирует свои идеи через влиятельные правые газеты. Поглощенность поэта подобной деятельностью отражена в его лирике. Большинство стихотворений этого периода – зарифмованные фельетоны.

Панславизм как идеология сложился в связи с поражением России в Крымской войне (1853–1856) и под влиянием подавления Польского восстания (1863–1864). «В конце николаевской эпохи оказались подорванными основы славянофильства – надежда на возрождение патриархально-общинного строя. Реформа 1861 года окончательно убила целостность теории. Позднее славянофильство представляет собой дробление системы», превратившись в различные направления, в том числе «политический панславизм» (И. Аксаков, Ю. Самарин) [1].

Идеология панславизма не имела стройного и законченного вида, отдельные ее выразители выставляли на передний план различные стороны и нередко противоречили друг другу в своих политических проектах. Как политическое движение панславизм носил верхушечный характер и захватывал только часть бюрократического слоя (граф Н. П. Игнатъев, князь В. А. Черкасский, Н. Я. Данилевский и др.), военных кругов (генералы М. Г. Черняев, М. Д. Скобелев, Р. А. Фадеев) и интеллигенции (писатель И. С. Аксаков, ученые-слависты В. И. Ламанский, О. Ф. Миллер).

Наибольшее политическое влияние панславизм имел в 60–70-е годы XIX века, особенно в период русско-турецкой войны (1877–1878), когда он побуждал правительство к более активным внешнеполитическим действиям. Панславизм стал попыткой сделать опорой русского бытия национальный фактор. Согласно этому мировоззрению, историческая миссия России состоит в том, чтобы объединить единокровных братьев-славян, образовать могучий культурный, хозяйственный, политический и военный славянский союз во главе с Русью для того, чтобы устоять перед натиском враждебного Запада.

Славянофильство и панславизм нередко смешивают. Второе понятие – лишь политическая проекция первого. Утверждая народный характер славянской общности, Тютчев, по сути, отри-

цал националистическую и агрессивную стороны панславизма. Его «истинный панславизм» означал объединение сил славянских народов с целью их защиты от культурного и политического поглощения как Западом, так и мусульманским миром, от угрозы австрийской экспансии и османизации славян в Турции. При этом в основании панславизма, по мнению поэта, находился не столько национально-политический, сколько духовно-религиозный принцип, православная традиция. Целью объединения славян, подчеркивал поэт, было утверждение и укрепление духовного начала, единства нравственности и просвещения.

Поразительна способность Тютчева к предвидению. Он сформулировал отличительные черты цивилизационных начал Запада и России, выявил их ментальные особенности. Удивляет его проницательность в оценке позиции европейских стран, которую они занимают по отношению к нашей стране (например, сегодня мы наблюдаем, как Запад стремится во всем ограничить Россию, проводя политику «двойных стандартов»).

Давно на почве европейской...
Двойная правда создалась:
Для них – закон и равноправность,
Для нас – насилие и обман [2].

Известны многочисленные упреки, раздававшиеся в адрес России из уст европейских политиков и публицистов. Ей приписывалось желание покорить славян, превратить их в рабских подданных самодержавной империи. Ф. И. Тютчев отвергал подобные обвинения. Россия, утверждал он, несет духовное возрождение славянским народам.

Литература

1. Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана. М., 2003. С. 73.
2. Тютчев Ф. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 188–189.

A. N. PONKRATOVA. PANSLAVISM AND F. TYUTCHEV

The author analyzes the problem of formation and extension of Pan Slavism in Russia at the end of the XIX century, due to F. I. Tyutchev's life and creative work.

Key words: Pan Slavism, F. I. Tyutchev, orthodoxy, unit of the Slavyans.

А. М. САБИРОВА

ЭТНИЧНОСТЬ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Нивелирование этничности в культуре, связанное с процессами глобализации и отголосками национальной политики бывшего СССР, привело к всплеску этнического самосознания, а вместе с тем и к этническому парадоксу. Преодоление последнего во многом связывается с актуализацией традиционной культуры в повседневном быту.

Ключевые слова: этничность, этос культуры, традиционность, этнический парадокс, проектная культура.

Народная культура – сложное явление, которое изучается различными науками гуманитарного на-

правления. Многоплановость ее изучения позволяет глубже познать этот древнейший феномен куль-

туры, сформировать наиболее полное и целостное представление о нем. Как отмечал Л. Н. Гумилев, «узкая специализация полезна лишь как средство накопления знаний: дифференциация дисциплин была этапом необходимым и неизбежным, который станет губительным, если затянется надолго. Накопление сведений без систематизации их на предмет широкого обобщения – занятие довольно бессмысленное» [1]. На наш взгляд, такое междисциплинарное обобщение возможно в рамках культурологического подхода. Мы не вполне разделяем позицию Н. Г. Михайловой, которая считает, что «каждая научная дисциплина стремится сформировать свой предмет или круг интересов в данной области, и попытки совмещения и сведения этих позиций в некое целое методологически малопродуктивны» [2].

Нам представляется целесообразным выявление в народной культуре наиболее существенных, фундаментальных черт, являющихся вневременными, применимых к народной культуре любой эпохи и учитывающихся при ее изучении самыми различными дисциплинами. Такими чертами являются, по нашему мнению, традиционность, полисоциальность, включенность в нее материальных и духовных сфер жизнедеятельности людей и этничность. Последнюю характеристику мы рассмотрим в рамках данной статьи.

Этничность – важная составляющая народной культуры, именно она определяет принадлежность культуры тому или иному народу. «Этничность в качестве субстрата национальной общности, прежде всего, определяет наиболее существенные черты нации: психологию и характер народа, этос культуры и культурную традицию, основы идентичности и самосознания» [3].

Проблема этничности культуры как ее смыслового центра, интегратора внутрикультурных элементов привлекала внимание многих исследователей. Р. Бенедикт в своем труде «Модели культуры» обосновала концепцию этоса культуры, согласно которой каждая культура имеет свою уникальную конфигурацию, обусловленную этосом. Именно он определяет общность структурных элементов культуры, их родственность и уникальное отличие от структурных элементов других культур [4].

П. А. Сорокин также выделяет в любом культурном пространстве некую целостность, которая интегрирует всю совокупность свойств и компонентов культуры, придавая им смысл и значение. Это смысловое основание является причиной саморегуляции, самовоспроизводства культуры, ее сбалансированного единства, той осью, «вокруг которой концентрируются все основные свойства и которая объясняет, почему эти свойства являются именно такими и почему они существуют и функционируют так, а не иначе» [5].

Логико-смысловой центр культуры, представляющий собой совокупность культурных архетипов, определяет глубинные установки этноса, практически не поддающиеся изменению и способствующие его выживанию и сохранению. Это своеобразный генетический код культуры этноса,

в котором проявляется богатство и своеобразие языка, специфика склада мышления, психологические особенности, характер и темперамент народа. «Внешним воздействием – культурной экспансией – можно многое изменить в культуре, ее формах, образцах, жанрах, характере их восприятия, но не ядро, ее этос с традициями и логико-смысловыми свойствами» [6]. Именно «центральная зона», логико-смысловой центр и являются основой культуры народа, благодаря которой у индивида происходит становление этнического самосознания, появляется способность выделять себя из других этнических общностей (*свой – чужой*), вырабатывается определенный этностереотип поведения, складывается трепетное отношение к истории своего народа, ее философским концепциям, ценностям и верованиям.

Этничность сложно выделить в качестве самостоятельного компонента культуры: она растворена во всей культурной практике народа, пронизывает всю ткань культурного текста, проявляет себя как в мельчайших деталях, так и в общей конструкции артефакта народной культуры. Например, русскую лирическую народную песню легко можно определить по широте, характерным мелодическим оборотам, ладотональным, метроритмическим характеристикам, многоголосию, особенностям распевания текста и др.

Традиционность и этничность – настолько важные свойства народной культуры, настолько существенны для ее понимания, что нередко термин «народная» заменяется определениями «традиционная» и «этническая». Так, Н. И. Бондарь, отождествляя понятие народной культуры с традиционной и этнической, пишет: «Наиболее корректным в данном случае следует считать понятие “традиционная народная культура” или, что проще и точнее, “этническая культура”» [7]. Н. Г. Михайлова вообще объединяет эти составляющие народной культуры, обозначая данный феномен как «традиционную этнокультуру» [8].

Формирование этничности как выражение «духа народа» связано с различными концептуальными интерпретациями, усматривающими сущность этногенеза и становление этничности с различными основаниями. В этом плане можно выделить немецкую школу «психологии народов», французскую школу «коллективной психологии», пассионарную теорию этногенеза Л. Н. Гумилева, интегральную концепцию П. А. Сорокина, социальную теорию Э. Фромма и др.

Представители немецкой школы «психологии народов» М. Лацарус, Г. Штейнталь, В. Вундт, опираясь в своих воззрениях на великих предшественников И. Лейбница, И. Канта, Г. Гегеля, связывают становление психологических особенностей того или иного народа с его исторической судьбой. Именно история народа накладывает отпечаток на «народный дух», который выражает себя через продукты коллективной деятельности – язык, мифологию, искусство, нравы, обычаи и т. д.

Французская школа «коллективной психологии» является в какой-то степени продолжением учения их знаменитого предшественника

Э. Дюркгейма о «коллективном бессознательном». Наиболее ярким представителем этого направления считается Г. Лебон, который в своей трактовке национального характера опирается на особенности «психологического склада» народа. По его мнению, «психологический склад» есть продукт длительной переработки идей, которые затем переходят в разряд бессознательного. Он обладает почти столь же устойчивыми свойствами, как и анатомические признаки видов. «Каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования и искусства» [9]. «Душа нации» изначально задана народу, и в своих проявлениях он опирается на бессознательное, сформированное его предками.

Теория этногенеза Л. Н. Гумилева построена на природно-биологической основе формирования этнического характера. Возникновение этноса и становление его особенностей (этничности) связано с тем, что народы, являясь частью биосферы, возникают под воздействием «пассионарных импульсов» в определенных географических и климатических условиях. «Мы – порождение земной биосферы в той же степени, в какой и носители социального прогресса», – утверждал ученый [10]. Устойчивой характеристикой этничности является стереотип поведения, который усваивается потомками путем подражания поведенческим стереотипам старших и выработки ощущений *своей – чужой*.

Каждая из приведенных теорий по-своему интерпретирует природу этничности и акцентирует внимание на определенном аспекте, в то время как формирование этнического сознания у народа есть сложнейший процесс, в котором участвует множество факторов. Особая роль в нем принадлежит истории народа, его культуре, условиям жизни этноса (природной среде, ландшафту), видам и способам хозяйствования, обусловленным этой средой, генетическим и расовым особенностям, психологическому складу и темпериamentу народа, взаимодействию с другими этносами и т. д.

Нельзя представлять этничность как нечто застывшее и неизменное в народной культуре: в определенных исторических условиях она способна развиваться, интегрировать, вбирать в себя иную культурный опыт и порождать новые этнические образования. К примеру, в результате взаимодействия культур русского и украинского народов сложилась субкультура кубанского казачества. На ее формирование также оказали влияние этнические особенности северокавказских и, отчасти, тюркских народов. Оставим в стороне дискуссионные вопросы о социально-исторической первооснове казачества, его нынешнем социальном статусе и другие, которые являются темой отдельных исследований. Нас интересует интегративный характер данной этничности.

Трансформация, изменение (усиление или ослабление) этничности приобретают в современных условиях своеобразные формы. Культурная политика первых лет существования советского

государства, направленная на создание единой общности – советского народа, способствовала ослаблению этничности народов, проживающих на территории бывшего СССР. Многие элементы народной культуры, которые не вписывались в образ жизни советского народа (некоторые праздники, обряды, национальный костюм, национальное искусство, менталитет и др.), либо изживались, либо приспосабливались к новым условиям. Такая целенаправленная политика нивелирования этнического начала у народов СССР впоследствии была смягчена. Более того, в 1960–1980-е годы предпринимались меры по сохранению народных традиций, вызвавшие фольклористический бум в нашей стране. Однако естественное проявление этничности через различные формы и виды народной культуры было во многом ослаблено и даже утрачено. В этом процессе существенную роль сыграла и глобализация культуры, охватившая мир во второй половине XX века. Всплеск этнического самосознания привел к возникновению так называемого «этнического парадокса», когда при усиливающейся этнической идентификации традиционная бытовая культура практически исчезла, а повседневная культура носила массовый, универсальный характер [11]. Возникла своеобразная ситуация, разводившая ментальность и бытовую практику народов. Она была обусловлена как многолетним «выдавливанием» национального из жизни советских людей, так и глобальными процессами в культуре.

Этничность, проявляющаяся в менталитете, образе жизни людей, самовыражении народа через искусство, мифологию, религию и т. д., может порой становиться своеобразным катализатором национальных движений, имеющих самые разные оттенки – от сугубо положительных национально-освободительных движений до агрессивных, разрушительных форм национализма. «В последнее время много говорят об этнической и национальной самости населяющих Россию народов, – отмечает Н. А. Хренов. – Несмотря на общий вектор глобализационных процессов, которые, казалось бы, направлены на объединение разнообразных общностей, в реальности развертывается яростное отстаивание суверенитетов. Из этого корня происходит национализм, и даже преступность приобретает этническую и национальную окраску. Отчасти это объясняется последствиями советской имперской политики. Однако тут свою негативную роль играет и глобализация, развертывающаяся сегодня исключительно в формах американизации <...> Но ведь своеобразие настоящего момента в истории заключается в поиске механизмов идентичности такого рода, которая формировалась бы на цивилизационном уровне <...> Несмотря на несходство населяющих Россию этносов, нужно искать то цивилизационное ядро, которое их связывает <...> И в этих поисках значение традиционной культуры и ее многовековой истории просто невозможно переоценить» [12].

Многие исследователи, связывая разрушение позитивного, созидającego начала этничности с забвением традиционной культуры, рассматри-

вают различные варианты ее сохранения и восстановления. К примеру, Н. Г. Михайлова предлагает сосредоточить внимание на воссоздании традиции в рамках проектной культуры, выделив основные направления: сохранение аутентичной культуры в максимально подлинном виде (консервация) и ее развитие в новых современных формах – фольклоризме [13].

Необходимость поддержки традиционных культур сегодня осознана и на государственном уровне. Полагаем, что общими усилиями ученых, практиков и государственных органов в рамках проектной культуры и в стихийном творчестве масс удастся сохранить те общечеловеческие ценности, которые подпитывают этничность традиционных культур.

Литература

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2007. С. 32.
2. Народная культура в современных условиях: учеб. пособие. М., 2000. С. 9.
3. Мнацаканян М. О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М., 2004. С. 93.

4. Benedict R. Patterns of culture. Boston; N. Y., 1934. P. 70–72.

5. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М., 1999. С. 3.

6. Мнацаканян М. О. Нации и национализм ... С. 180.

7. Бондарь Н. И. Традиционная культура: понятие, явление, современное состояние // Сбережение народа: традиционная народная культура: материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2007. С. 4.

8. Народная культура в современных условиях ... С. 179–191.

9. Лебон Г. Психология народов и масс // Западноевропейская социология XIX – начала XX в. М., 1992. С. 97–98.

10. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 216.

11. Этносоциальные проблемы города. М., 1986. С. 261.

12. Хренов Н. А. Традиционная культура и цивилизационная идентичность // Традиционная культура. 2007. № 2. С. 12.

13. Михайлова Н. Г. Вторая жизнь традиционной народной культуры в новое время // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 28.

A. M. SABIROVA. ETHNICITY IN THE FOLK CULTURE

Leveling of ethnic in culture connected with the processes of globalization and echo of national policy of former USSR has resulted in splash of ethnic self-consciousness and at the same time in ethnic paradox. Its overcoming is connected with renewal of traditional culture in every-day life.

Key words: ethnicity, culture ethnos, conventionality, ethnic paradox, project culture.

М. М. ХУЧБАРОВ

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ФЛЕЙТЫ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ДЕТСКИХ ШКОЛ ИСКУССТВ

В статье раскрываются основные направления научно-исследовательской, методико-формирующей, экспериментально-практической педагогической деятельности, разработка которых позволяет сформировать теоретико-методические основы профессиональной подготовки современного флейтиста.

Ключевые слова: учреждения начального профессионального музыкального образования, флейта, обучение игре на флейте.

Музыкально-педагогический аспект является важной составляющей массового и профессионального эстетического образования музыкантов. Отечественные методические школы, воспитавшие не одно поколение выдающихся музыкантов, пользуются авторитетом как в России, так и за рубежом.

Традиционно популярны музыкальные инструменты симфонического, духового и народного оркестров, среди которых важное место занимает флейта. Она имеет многовековую историю технического совершенствования: от простых народных свирелей этот инструмент продвинулся в своем развитии к нынешнему высокотехническому музыкальному состоянию. У современной флей-

ты мягкий, красивый, завораживающий звук и широкий диапазон звучания. В силу длительного пути развития она значительно пополнила свой арсенал технических возможностей и применяется практически во всех оркестрах и различных ансамблевых группах.

В первой половине XIX века в музыкальной практике широкое распространение получила флейта системы Бёма, которая и в наше время остается основным музыкальным инструментом этого семейства [1].

Детские музыкальные школы (ДМШ) и школы искусств (ДШИ) являются главным звеном начального профессионального художественного образования. За последние десятилетия ис-

полнительская техника и мастерство музыкантов различных специальностей – пианистов, скрипачей и других – получили значительное развитие, а это, естественно, вызвало и повышение начальных требований к ученикам музыкальной школы. То, что прежде было технически доступно лишь отдельным одаренным учащимся, теперь должно входить в комплекс обязательных для значительной части учащихся умений и приемов игры.

Следует отметить также и значительные изменения в программах общеобразовательных школ, ДМШ и ДШИ: они перегружены информацией, а учебное расписание – предметными часами. Требования педагогов постоянно возрастают. При этом методисты отмечают негативные стороны непрерывного информационного потока, идущего с экранов телевизоров и компьютеров.

В этих условиях ДМШ и ДШИ должны находить возможность плановой подготовки учащихся и четко осуществлять профессиональную работу в каждом специальном классе, готовить детей к творческой деятельности, развивать их интерес, совершенствовать знания, умения и навыки, а музыкальное образование в целом не должно потерять сущности начальной *профессиональной* подготовки.

Современные требования и задачи, стоящие перед учебными заведениями первой ступени, вызывают необходимость выработки новой интенсивной технологии обучения, основанной на знании и учете индивидуальных особенностей ученика, определяющих его уникальный стиль обучения и, что очень важно, предполагающих постоянную заботу о сохранении здоровья учащихся [2].

Противоречие между необходимостью такой технологии и существующей организацией образовательного процесса в музыкально-педагогической практике ДШИ (в частности, в классе флейты) и является смысловым ядром проблемы, которую мы рассматриваем.

Цель исследования – разработка эффективных исполнительских приемов обучения игре на флейте в начальном музыкальном звене, методов формирования профессионального мастерства, необходимых знаний, умений и навыков для творческой работы флейтиста-музыканта.

В процессе исследования мы пришли к выводу, что обучение и воспитание в классе флейты может быть успешным, если выполняется ряд условий. Необходим комплексный подход к развитию начинающего музыканта, формированию его познавательных наклонностей, сочетаемый с параллельным изучением исполнительских достижений флейтистов-профессионалов различных творческих эпох. Разработка методики обучения игре на этом инструменте осуществлялась нами *с позиций психолого-физиологического подхода* к

организации художественно-творческой деятельности музыканта на начальном этапе его обучения. При этом учитывались индивидуальные психофизиологические личностные и характерные возрастные особенности.

Наше исследование велось на основе анализа специальной литературы. Однако мы можем констатировать, что на данном этапе отсутствуют научные рекомендации комплексного решения методологических задач. Осуществление методики формирования сочного, красивого звука, преодоление технических аппликатурных трудностей, выработка стакато, решение других вопросов обучения и развития всех профессионально значимых качеств флейтиста возможно только при комплексном подходе к обучению. Этот подход должен составлять смысл и содержание теоретико-методологической базы при разработке интенсивной технологии начального обучения в классе флейты.

В процессе исследовательской работы мы систематизировали профессионально значимые качества, позволившие оптимизировать усилия педагога по разработке индивидуальной стратегии обучения и воспитания флейтиста с учетом основных критериев профессионального совершенствования начинающего музыканта. Нами создана опытно-экспериментальная методика обучения на первой ступени в детских школах искусств [3].

Имея большой опыт педагогической работы в начальных (ДМШ, ДШИ) и средних учебных заведениях, внедряя различные приемы обучения и воспитания учащихся в классе флейты, мы приступили к разработке наиболее эффективной методики ускоренного освоения приемов игры на флейте – инструменте, который привлекает интерес детей, юношества и взрослых. Мы разработали систему единого обучения как любителей музыки, так и тех, кто стремится стать профессионалом в музыкальном искусстве. Мы не разделяем методическую позицию, базирующуюся на том, что обучение игре на музыкальных инструментах любителей и профессионалов должно быть разным. В любом учебном заведении следует подходить к обучению детей профессионально. Система российского музыкального образования отличается от аналогичной зарубежной практики и должна превосходить ее и в этом вопросе.

Литература

1. Качмарчик В. П. Немецкое флейтовое искусство XVII–XIX вв.: моногр. Донецк, 2008.
2. Платонов Н. И. Школа игры на флейте. М., 1999.
3. Шелудякова Ю. В. Национальные стили и исполнительские традиции флейтовой музыки эпохи барокко: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2008.

M. M. HUCHBAROV. EDUCATIONAL FUNCTIONS OF FLUTE FOR TRAINING IN THE CHILDREN SCHOOLS OF ARTS

The article is dedicated to the major directions of scientific, methodic, experimental pedagogic activity development of which allows to form theoretical-methodical grounds of professional training of the modern flutist.

Key words: primary profession musical educational institutions, flute, flute playing training.

И. Р. ТЕУВЕЖЕВА

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В АДЫГЕЕ (1920–1930-е годы)

В статье рассматриваются новые аспекты изучения региональной научной историографии на основе конкретного исторического материала о деятельности культурно-просветительных учреждений первых десятилетий советской власти в Адыгее.

Ключевые слова: историография культуры Адыгеи, культурно-массовая работа, культурно-просветительные учреждения.

Детальное изучение развития исторической науки в Адыгее имеет научное и практическое значение, так как позволяет выявить новые грани закономерностей развития социальных отношений и событий последних десятилетий в регионе. Сделаны определенные шаги в направлении более объективного и правдивого освещения описанных ранее фактов.

Сложные и противоречивые социальные процессы являются объектом исторического исследования. В современном российском обществе наблюдается ярко выраженный интерес к культурно-историческим ценностям, их истокам и перспективам. В последние годы пересмотрены традиционные для советской исторической науки выводы. Отмечены ошибки в теории и практике. Материалы фондов Национального архива Республики Адыгея и отдельные литературные источники дают некоторое представление об основных направлениях, характере, методах, динамике развития исторической науки в регионе в 1920–1930-е годы.

Сегодня адыгские ученые склонны разделять изучение источников на три этапа: советский, постсоветский и современный. При этом объективность освещения исторического материала определяется политической ситуацией в стране и степенью доступности документов [1].

В рамках каждого периода, соответственно сложившейся в историографии традиции, источники подразделяются по территориальному признаку на общероссийские, региональные и местные. Рассматривая ряд исследований, опубликованных на территории Адыгеи, мы пришли к выводу, что вопросы руководства культурно-просветительной работой в большей степени изучались в статьях, раскрывающих историю культурного строительства (публикации о развитии периодической печати, ликвидации неграмотности взрослого населения Адыгеи и т. д.). Специальных работ по указанной тематике опубликовано не было, за исключением тех, которые входили в юбилейные периодические издания. В 1927 году вышла в свет первая концептуальная книга Ш. Хакурате [2]. В ней собран материал, отражающий состояние адыгейского аула после революционного периода: его социальная струк-

тура, школьное строительство, культурно-массовая работа, развитие быта.

Известные в Адыгее и за ее пределами ученые С. Х. Сиухов и Б. М. Городецкий явились главными исполнителями значительного для своего времени научного труда, изданного в начале 1926 года в серии «Республики и области СССР. Северный Кавказ» [3]. Историю и культуру адыгов до революции и после нее раскрыл в своей монографии (1927) известный кавказовед Н. А. Дубровин [4].

В конце того же 1927 года Я. Н. Раенко-Туранским к 10-летию юбилею Октября была опубликована еще одна работа монографического плана по истории [5]. Автор труда, деятель местного бюро комиссии по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б), постарался в своей работе более подробно и детально осветить события, которые происходили в период Гражданской войны и советского строительства в Адыгее, стремясь строго придерживаться позиции и рамок существовавшей марксистской идеологии.

Оценивая литературу 1920-х годов, следует отметить ее агитационно-пропагандистский характер: научные обобщения соседствовали в ней с личными впечатлениями авторов. Следовательно, данные научные труды можно квалифицировать как работы, находившиеся на стыке исторического источника и научного анализа материалов.

Исследование событий 1920–1930-х годов имело продолжение и в более поздний период, цели и значение которого оставались прежними. Заслуживает внимания книга А. В. Бурнышева «Культура, рожденная Октябрем» [6], которая стала первым серьезным научным анализом культурного строительства в Адыгее. А. О. Хоретлевым совместно с работниками Адыгейского областного архива был подготовлен сборник документов о культурном строительстве в Адыгее [7].

Заметной вехой в изучении культуры и этнографии адыгов является коллективное издание в Москве Адыгейским научно-исследовательским институтом и Институтом этнографии АН СССР монографической работы, показавшей изменения, которые происходили в жизни сельского населения за годы первых пятилеток [8]. Однако ос-

новными составляющими в спектре всех исследований являются такие работы, как «Очерки истории Адыгеи» [9], «Ученые записки» [10]. Это коллективные издания, где адыгские исследователи-историки в своих статьях и очерках пытались охватить все стороны материальной и духовной культуры в динамике ее развития, подробно осветить различные аспекты этносоциальной и политической истории Адыгеи.

Следует отметить работы, посвященные осмыслению региональной литературы. Важными являются монографии Л. С. Фрид (об истории развития политико-просветительной работы в РСФСР в 1917–1929 годах) [11], Е. Н. Кушевой (о связях народов Северного Кавказа с Россией) [12] и З. М. Налоева (об истории культуры адыгов) [13]. Большой вклад в изучение этноса адыгов был внесен ученым Е. С. Зевакиным, посвятившим свой монографический труд истории адыгской культуры [14]. В сотрудничестве с адыгскими коллегами он подготовил к публикации очередные историко-этнографические очерки в книге, изданной к 25-летию Адыгейской автономной области [15]. Впоследствии в 1957 году в Майкопе была выпущена еще одна коллективная монография Н. А. Аутлева, Е. С. Зевакина и А. О. Хоретлева [16].

Среди ключевых проблем истории адыгов XX века продолжает оставаться изучение преобразований 1920–1930-х годов, неоднозначно трактуемых в науке, анализ национально-государственного строительства, мобильности и становления современной общественной структуры. Следует учитывать, что со сменой социально-экономического и политического курса меняются методологические и политические концепции ученых, планы и задачи дальнейшего исторического исследования. В настоящее время в развитии исторической науки в Адыгее наметился новый этап, работы историков обусловлены, прежде всего, переменами в общественно-политической жизни страны. Перед учеными стоит задача более глубокого и всестороннего освещения таких проблем, как русско-адыгские отношения XVI столетия, борьба адыгов за независимость в XIX веке и др. К сожалению, есть еще «белые пятна» в изучении Кавказской войны.

Естественно, что новый уровень теоретического постижения требует особых источников и, как следствие, совершенствования методов их

аналитического освоения. Развитие историографии помимо других возможных концептуальных измерений можно представить в виде смены исследовательских парадигм, выдвинувших на первый план тот или иной способ пространственного моделирования истории. Перед учеными стоят задачи переосмысления прошлого Адыгеи. Выработка новой концепции истории адыгов должна сказаться в освобождении от каких бы то ни было псевдонаучных и сиюминутных политических конъюнктур.

Литература

1. *Hanco Ф. А.* Из истории деятельности областной партийной организации по руководству народным образованием в Адыгее (1922–1940) // Ученые записки. Т. 2. Майкоп, 1974. С. 18.
2. *Хакурате Ш. Х.* Адыгее за 10 лет. Майкоп, 1927.
3. *Сюхов С. Х., Городецкий Б. М.* Адыгее: историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Майкоп, 1926.
4. *Дубровин Н. А.* Черкесы (адыге). Майкоп, 1927.
5. *Раенко-Туранский Я. Н.* Адыгее до и после Октября. Майкоп, 1927.
6. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 63.
7. *Хоретлев А. О.* Культурное строительство в Адыгее (1922–1937 гг.): сб. архивных материалов. Майкоп, 1958.
8. *Культура и быт колхозного крестьянства.* Майкоп, 1957.
9. *Очерки истории Адыгеи: в 2 т.* Майкоп, 1976–1981.
10. *Ученые записки: в 13 т.* Майкоп, 1951–1989.
11. *Фрид Л. С.* Очерки по истории развития политико-просветительной работы в РСФСР (1917–1929 гг.). Нальчик, 1974.
12. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связь с Россией. Нальчик, 1980.
13. *Налоев З. М.* Из истории культуры адыгов. Майкоп, 1981.
14. *Зевакин Е. С.* Очерки истории адыгской культуры. Майкоп, 1949.
15. *Зевакин Е. С.* Адыгейская автономная область. Майкоп, 1951.
16. *Аутлев Н. А., Зевакин Е. С., Хоретлев А. О.* Адыги: историко-этнографический очерк. Майкоп, 1957.

I. R. TEUVEZHEVA. HISTORIOGRAPHY OF ACTIVITY OF CULTURAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN ADYGHEYA IN THE 1920S AND 1930S

The article is dedicated to new aspects of study of regional scientific historiography on the basis of a certain historical material concerning the activity of cultural institutions of the first decades of the Soviet power in Adygeya scientific historiography.

Key words: *historiography of Adygh culture, cultural-mass work, cultural institutions.*

К. А. ОГНЕВА

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются паралингвистические компоненты газетных текстов, подтверждается их важная роль в оптимизации речевого воздействия на коммуникантов и в повышении прагматической интенсивности современных печатных СМИ.

Ключевые слова: паралингвистические компоненты, невербальные средства, газетный текст, прагматическое воздействие.

Роль газет в жизни современных людей, в формировании общественного сознания поистине огромна. Газета – это не только важнейший источник актуальной информации, но и массовое средство пропаганды в современном обществе. «Сочетание расчета на разум и чувства, на “язык мыслей” и “язык эмоций” отражает идейно-социальные функции газеты и причудливо переплетается с соотношением новостей и мнений, убеждающее и организующее внушая читателям существенное и важное» [1].

В основе современных исследований языка газеты лежит теория В. Г. Костомарова, по которой общим признаком газетных текстов признается конфликт экспрессии и стандарта. «Описывая газетный текст, нельзя не отметить его экспрессивный и оценочный характер, его информационную и оценочную функцию, которая создается особой языковой тканью, особым сочетанием стандарта и экспрессии, особым соотношением эксплицитной и имплицитной информации. При этом определяющую роль играет прагматическая ориентация газетного текста, которая рассматривается как передача информации с запрограммированной установкой на ее социальную оценку в заданном направлении» [2]. Специфичные для газеты прагматические установки (акцентирование читательского внимания на конкретной мысли за счет ее графического выделения; создание ощущения объективности повествования; вовлечение автором читателя в свои рассуждения и пр.) реализуются не только благодаря вербальным средствам, но и за счет использования различных паралингвистических средств. «Готовность извлечь из информации определенный смысл и вынести те или иные суждения зависит также от формы построения материала» [3].

Отметим, что исследуемая нами проблема связана с пониманием текста – «творческим интеллектуальным процессом, успешность которого зависит не только от воспринимающего текст, но и от автора, который должен запрограммировать возможность того или иного понимания», что достигается «на основе осмысления заданного автором, за счет отбора и соответствующего распре-

деления слов» [4]. В аспекте исследования текстов печатных СМИ под автором следует понимать как конкретного журналиста, написавшего статью, так и само издание с собственной идеологией, стандартами и задачами.

Итак, восприятие содержания газеты во многом определяется оформлением газетной полосы. Как отмечает В. Г. Костомаров, «газета – не произвольное собрание текстов; взаимообусловленность их больше, чем в любом сборнике, хрестоматии, коллективной монографии, журнале» [5]. Говоря о форме передачи информации, ученый подчеркивает ее содержательность и воздействующую роль. В процессе коммуникации именно форма служит «для обеспечения оптимальной передачи мнений и новостей в их диалектическом единстве» [6].

Паралингвистика (от *греч.* *para* – около и лингвистика) – 1) раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные в языковое сообщение и передающие вместе с вербальными средствами смысловую информацию; 2) совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации [7]. Паралингвистические средства – это средства, которые участвуют в организации текста вербального языка и формируют коммуникативно-прагматический аспект текста. Их нельзя считать автономной и замкнутой семиотической системой. Поэтому список этих средств не является жестко фиксированным и может пополняться и варьироваться в зависимости от характера конкретного текста.

Различают следующие виды паралингвистических средств: фонационные – тембр речи, ее темп, громкость; кинетические – жесты, мимику; графические – тип выполнения букв и пунктуационных знаков, их нестандартную расстановку, заменители букв (символы типа &, № и т. п.), графическую сегментацию текста, его расположение на бумаге, иконические знаки (рисунки, фотографии, таблицы, схемы, графики и пр.), необычное написание. Именно графические паралингвистические компоненты газетных текстов являются объектом нашего внимания в рамках данной статьи.

При включении в текстуальное пространство графических паралингвистических феноменов происходит активизация визуального канала восприятия семиотически осложненного текста, за счет чего происходит оптимизация речевого воздействия на массового коммуниканта (в нашем случае – на читательскую аудиторию), а паралингвистические средства выступают как «прагматические катализаторы». Это особенно актуально сегодня, когда эффективное и целеустремленное воздействие на массовую аудиторию все чаще становится одной из основных задач автора газетной статьи.

Средствами воплощения оформительского замысла, способствующего увеличению прагматической интенсивности газетного текста, служат умелое использование гарнитур, кегля и начертания шрифтов, шрифтовое и композиционное выделение заголовков и подзаголовков на полосе, выразительное иллюстрирование материалов. К **паралингвистическим компонентам газетных текстов** относятся: графическое выделение заголовочного комплекса (заголовка, подзаголовка, зачина статьи); использование иллюстративного материала (фотографий, рисунков, коллажей, схем, графиков) и, если требуется, подписей к ним; «врезки» в основной текст статьи.

Требование броскости, экспрессивности, привлекательности предьявляется, прежде всего, к заголовочной части. **Заголовок** выполняет контактоустанавливающую функцию и притягивает взгляды читателей. Именно заголовок становится своеобразным «капканом внимания». Будучи информативно и прагматически ориентированным, современный заголовок становится оценочным, емким, зачастую представляет собой смешение стилей и жанров, и поэтому исследование лексического наполнения заголовков газетных текстов – предмет многочисленных научных работ.

Заголовки заранее настраивают читателей на определенное восприятие газетного материала. По этой причине шрифты для набора заголовков должны быть удобочитаемыми, единообразными и в несколько раз превышать размеры шрифта основного набора.

Информационно-целевой блок заголовка включает не только собственно название газетной статьи, но также подзаголовок и зачин. **Подзаголовок** имеет коммуникативную целеустановку на внесение ясности о содержании материала, потому что по заглавию газетной статьи (особенно если оно парадоксально по форме) зачастую невозможно предугадать, о чем она. Например, к материалу «Вверх по течению черной реки» приводится подзаголовок «Вырастут или упадут цены на нефть?» (Российская газета. 17.12.2008), что отражает содержание данной статьи.

Зачин играет исключительную роль в текстах печатных СМИ. «В зачине нередко дается вся композиция, делающая новость информацией, событие – репортажем» [8]. Композиционно зачин представляет собой одно-два предложения, апел-

лирующих к месту, времени или к самому событию, о котором рассказывает журналист: «Вчера российский фондовый рынок, похоже, определился с направлением. Влияние негативных внешних факторов возобладало» (Российская газета. 14.01.2009). Как правило, зачин отделен от основного текста либо увеличенным междустрочным интервалом, либо разделительными линейками, либо более крупным шрифтом полужирного или курсивного начертания или шрифтом, отличным от основного набора.

Иллюстрация – это интенциональный паралингвистический компонент, поясняющий и дополняющий основной текст. С одной стороны, иллюстрация к газетной статье способствует достижению однозначности коммуникации, служит подтверждением речевого сообщения, а с другой – «как бы компенсирует избыточность языковых единиц в процессах когниции и коммуникации. Зрительный образ вбирает, синтезирует и организует вокруг себя ощущения, вызванные словесным описанием» [9]. Иллюстрация (фотография, схема, график, рисунок) в отличие от слова принимается, как правило, в качестве некоей объективной данности и не соотносится в сознании адресата с той или иной установкой создателя текста. Тем не менее нельзя отрицать, что иллюстрация обладает мощным воздействующим потенциалом, оказывает прагматическое воздействие на получателя информации.

Еще одним «прагматическим катализатором» следует считать паралингвистический компонент газетной статьи, представляющий собой отделение различными графическими средствами от основного набора текста той мысли автора, которую он считает наиболее важной в канве всего повествования. Композиционно она располагается посреди текста в виде своеобразного «окна», поэтому на журналистском жаргоне ее именуют «форточкой» или «врезкой». Например, в статье «Автономные театры» (Российская газета. 12.02.2009), рассказывающей о новых управленческих механизмах, которые придатся осваивать сегодня учреждениям культуры, в качестве врезки выделена следующая мысль: «Министерство культуры РФ взяло курс на максимальную помощь и содействие учреждениям культуры». Тем самым автор подчеркивает первостепенное значение именно этой идеи.

«Человек способен удерживать в фокусе внимания определенный объем информации» [10]. Ввиду того, что врезка находится будто бы в изоляции, внимание читателей, несомненно, будет приковано к ней, что повлияет на окончательные суждения читательской аудитории. А «реакция читателя для журналиста – это конечная цель коммуникации, и она должна быть такой и только такой, какой он ее себе представляет, она сознательно запрограммирована» [11].

Итак, все перечисленные паралингвистические компоненты газетного текста делают его либо прагматически ориентированным. Указанные

компоненты характеризуются взаимосвязанностью, интегрированностью в единое текстуальное пространство и служат реализации основных целей современного газетного текста – информационной и воздействующей.

Литература

1. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1970. С. 42.
2. Покровская Е. В. Понимание современного газетного текста и его языковые характеристики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 15.
3. Там же. С. 17.
4. Там же. С. 12.

5. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе ... С. 248.

6. Там же. С. 61.

7. Николаева Т. М. Паралингвистика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 367.

8. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе ... С. 98.

9. Григоренко И. Н. Искусствоведческий текст в системе когнитивно-прагматической типологии текстов: моногр. Краснодар, 2006. С. 126.

10. Там же. С. 7.

11. Покровская Е. В. Понимание современного газетного текста ... С. 15.

K. A. OGNEVA. PARALINGUISTIC COMPONENTS OF NEWSPAPER TEXTS AND THEIR ROLE FOR PERCEPTION OF TEXT INFORMATION

This article deals with paralinguistic components of newspaper texts. The author of this article proves the important role of paralinguistic components in the optimization of speech influence on the audience and in increase of pragmatic intensity of modern printed mass media texts.

Key words: *paralinguistic components, nonverbal measures, newspaper text, pragmatic influence.*

Т. А. ТИМОШЕВСКАЯ

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВЕРА» СРЕДСТВАМИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В данной статье рассматривается концепт «вера», определяются специфика вербализации, роль и значение анализируемого концепта в русскоязычной и англоязычной культурах.

Ключевые слова: *концепт, этнокультурная специфика, вербализация, язык, культура.*

Проблема выявления роли и назначения понятия «вера», как и определения способов его вербализации, всегда занимала важное место в сознании человека. Рассматриваемый нами концепт играет исключительно важную роль в русскоязычной и англоязычной культурах. Как известно, феномену веры посвящены фундаментальные исследования в области философии, психологии, истории, особенно актуальные на современном этапе развития науки и общества. Однако в лингвистической литературе данный вопрос еще недостаточно изучен, хотя вера получает множественное и вариативное языковое обозначение.

В настоящее время многие исследователи уделяют большое внимание анализу лингвоспецифичных концептов, несущих на себе отпечаток культуры, отражающих образ мышления разных народов. Но, несмотря на активное употребление и достаточно широкое применение, понятие «языковой концепт» не получило общепринятой трактовки. Так, Ю. Е. Прохоров отмечает, что «частотность использования слова “концепт” может соперничать только, пожалуй, с количеством разных его интерпретаций <...> при этом данного слова практически нет в языке: оно (в отличие от слова “концептуальный” или слова “концептуализм”, относимых к философско-литературоведческой тер-

минологической сфере) не представлено в последних словарях русского языка: ни в “Новом словаре русского языка”, ни в “Толковом словаре русского языка конца XX века”, ни в “Русском семантическом словаре”» [1]. Однако различное толкование и понимание данного термина можно найти у С. А. Аскольдова, А. Вежбицкой, В. И. Карасика, Е. С. Кубряковой, Д. С. Лихачева, В. А. Масловой, Г. Г. Слышкина, Ю. С. Степанова и др.

Классическим является следующее определение концепта, предложенное С. А. Аскольдовым: концепт – «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2]. Под концептом мы вслед за Ю. С. Степановым понимаем определенную лингвокультурную константу, «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее <...> Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [3].

Концепт как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» имеет немаловажное значение при исследовании языка и культуры нации,

ведь данные понятия существуют в тесной взаимосвязи и влияют друг на друга. Поэтому важно рассмотреть то, как концепты вербализуются в разных языках, определить специфические особенности видения мира разных народов. Язык – это не только универсальная система знаков, описывающая любые явления жизни и выражающая все то, что составляет неотъемлемую часть реального мира, но и феномен культуры. Благодаря языку культурные ценности передаются от одного человека к другому, из поколения в поколение. Так как язык – это средство передачи информации, то при межнациональном общении происходит принятие либо неприятие ментальности другой нации, знакомство с культурой через язык.

Таким образом, рассматривая концепт «вера», мы получаем информацию и о культурной специфике этого явления, и о менталитете народа.

Сопоставительное исследование концепта «вера» интересно тем, что в настоящее время англо-американские культурные стереотипы, центром которых становится система ценностей США, агрессивно экспортируются во все страны мира, в том числе и в Россию. И этот процесс внедрения чужой культуры происходит посредством политических, экономических, культурных и языковых интервенций. В связи с этим обостряется проблема национального самосознания, самоопределения русского человека, которая может быть решена и на уровне лингвистики путем выявления национальных лингвокультурных концептов.

Обратимся к словарному толкованию русского слова «вера». Так, например, словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает слову следующее определение: «1. Убежденность, глубокая уверенность в ком- или чем-нибудь. 2. Убежденность в существовании Бога, высших божественных сил. 3. То же, что и вероисповедание» [4].

«Толковый словарь русского языка» приводит такую семантизацию лексемы вера: «Когда у вас есть вера во что-либо, значит, вы убеждены, что какая-то вещь соответствует или будет соответствовать вашим представлениям о ней, хотя в жизни вы можете не видеть подтверждения этому или не иметь фактических доказательств этого» [5].

В английском языке наиболее четко различаются «теоретическая вера в то, что нечто есть (belief)», и «религиозная вера (faith)» [6], что является отличием от русского языка, в котором таких лексических разграничений не обнаружено.

Faith – 1. Firm belief; trust; complete confidence (доверие; полное доверие кому-, чему-либо). 2. Word of honour; promise (слово чести, обещание). 3. Belief and trust in God (вера в Бога и доверие Богу). 4. A system of religious belief; religion (религия, вероисповедание).

Belief – 1. The feeling that something is true or that something really exists (чувство, что нечто является истиной или реально существует). 2. A feeling that someone or something is good or can be depended on; trust or confidence (сознание того, что кто-либо или что-либо является надежным или на него можно положиться). 3. An idea which is considered true, often one which is part of a system of ideas (идея, кото-

рая считается истинной, обычно представляющая часть какой-либо системы идей) [7].

Дефиниционный анализ данных словарных статей позволяет сделать вывод, что и в русском, и в английском словарях значения, связанные с религией, ставятся не на первое место, хотя, в недавнюю историческую эпоху, именно они были доминирующими. Аналогично русская поговорка «Фома неверующий», которая возникла как библеизм, в настоящее время используется по отношению к любому неверчивому и упрямому человеку.

Специфическое отношение к религиозной вере можно увидеть у англо-американцев. На денежной купюре США – долларе – написано: «In God we trust» (Мы верим в Бога). Здесь можно выявить следующий смысл: Бог воспринимается как нечто прагматическое, непосредственно связанное с материальными благами.

В русском языке часто встречается устойчивое выражение «служить верой и правдой». Семантика этого фразеологизма такова: быть верным, преданным какому-либо делу, кому-либо. В английском языке данному фразеологизму соответствуют четыре выражения:

1. Serve someone faithfully (loyally) – служить кому-либо верно, честно (преданно).

2. Serve someone with fidelity – служить кому-либо с верностью, преданностью, лояльностью.

3. Serve someone in faith and truth – служить кому-либо верой и правдой.

4. Perform faithful service – выполнять работу, тем самым заслужить доверие [8].

Очевидно, что и у англичан, и у русских фразеологизм «служить верой и правдой» вызывает сходные ассоциации, которые обладают положительной коннотацией – верность, самоотдача, преданность, честность.

В то же время отрицательная оценка в обеих сопоставляемых лингвокультурах дается людям, пытающимся завоевать чье-либо доверие с корыстной целью. Данное явление получило отражение во фразеологии: русскому выражению «втираться в доверие к кому-либо» в английском языке соответствуют также устойчивые выражения: «worm oneself (one's way) into someone's confidence» – вкрасься в доверие к кому-либо; «ingratiate oneself with someone» – втереться к кому-либо в доверие [9]. Рассматриваемые фразеологизмы в обоих языках обладают отрицательной коннотацией, выражают негативное отношение к тому, кто старается любыми средствами приобрести чье-либо доверие, добиться расположения.

Таким образом, в русском и в английском языках эквивалентные фразеологические единицы, репрезентирующие концепт «вера», в общем совпадают своей образностью и прагматикой. Такие нравственные качества, как верность, преданность, обладают положительной коннотацией, а неискренность вызывает осуждение.

В то же время концептуальный анализ лингвокультур позволяет выявить специфические черты каждой нации, отличие и своеобразие ментальности разных народов. В английском языке это

своеобразии отражено в четком разграничении на лексическом уровне рациональной и религиозной веры, а также в наличии большего количества специализированных значений у соответствующих базовых лексем.

Литература

1. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М., 2008. С. 13.
2. Там же. С. 18.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40–41.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 74.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003. С. 101.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 2006. С. 64–65.
7. Словарь современного английского языка: в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 364, 83.
8. Квеселевич Д. И. Современный русско-английский фразеологический словарь. М., 2005. С. 46.
9. Там же. С. 133.

T. A. TYMOSHEVSKAYA. THE SPECIFIC OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT «FAITH» / «BELIEF» BY MEANS OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGE

The article deals with the concept «Faith» / «Belief» in the Russian and English Cultures. The specific of verbalization and the role and meaning of the concept are discussed.

Key words: concept, ethnical and cultural specific, verbalization, language, culture.

Е. С. АБЕЗГАУЗ

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается лингвострановедческая лексика, анализируются понятия «лингвострановедение» и «лингвокультурология», предлагаются новые аспекты изучения проблемы.

Ключевые слова: язык и культура, культурный компонент значения слова, константы культуры.

Одно из основных направлений современного этапа изучения и преподавания языков – лингвокультурологическое, т. е. основанное на культурообразующей концепции обучения. В качестве цели последнего ставится межкультурная компетенция, или межкультурный диалог людей, принадлежащих к разным национальным культурам. Отражение в языке национально-специфических знаний, которые в той или иной степени могут быть непонятны для представителей других культур, делает актуальной проблему выявления лингвострановедческих особенностей лексики того или иного языка [1]. Лингвострановедческая лексика – это слова и словосочетания, в которых запечатлены характерные явления общественной жизни и культуры, условия жизни народа – носителя языка, его история, культура, национальные традиции, особенности быта, география страны и др. Главная установка лингвострановедческих словарей состоит в выявлении и описании корпуса лексических и фразеологических единиц, обозначающих культурно маркированные реалии, которые являются собственно национальными.

Понятия «лингвострановедение» и «лингвокультурология» близки, но не тождественны. В традиционном понимании лингвострановедение – это «аспект в практическом курсе иностранного языка и теоретическом курсе методики его пре-

подавания», «методическая дисциплина, реализующая практику отбора и презентации в учебном процессе сведений о национально-культурной специфике речевого общения языковой личности с целью обеспечения коммуникативной компетенции иностранцев, изучающих русский язык» [2]. Объектом лингвокультурологии является исследование взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе их функционирования, а предметом – созданная человеком материальная и духовная культура, т. е. все то, что составляет «языковую картину мира».

Однако с учетом того, что культура – понятие комплексное и историческое, в каждый период истории страны и народа существует проблема идентификации национального и транснационального компонентов культуры. Понятие культурно-исторического компонента значения ввел Н. Г. Комлев, высказав мысль, что в семантике слова содержится некий компонент, фиксирующий именно данный социальный фон, в котором слово существует [3].

Россия – место встречи разных народов, языков, культур. Кроме того, исследователи закономерно обращают внимание на то, что, несмотря на очевидную онтологическую общность, в современной России существует не одна культура, а множество в чем-то пересекающихся, а в чем-то

параллельных духовных сфер. Из них можно назвать, по крайней мере, три наиболее социально значимых культурных субстрата: это культура до-советского периода, советская культура и современная, пока формирующаяся (и оттого – эклектическая) культура новой России. Элементы этих культур и составляют в большей или меньшей степени базу культурной компетенции разных социальных групп россиян.

Так, менталитет русского человека до европеизации России, которая началась с середины XVII века, безусловно, отличался от менталитета последующих поколений россиян. Это особенно проявилось в период реформ Петра I. Октябрь 1917 года тоже внес свои коррективы в сознание и рефлексию русского человека. Но все эти этапы формирования русского менталитета не затрагивали базовых позиций национального сознания и самосознания. Поэтому всегда в переломные эпохи остро встает вопрос об определении онтологических констант бытия нации. Традиции и современность связаны этими константами, которые получают отражение в языковых концептах [4].

Ярлыки национальной культуры, в том числе слова-дескрипторы, в принципе могут быть выявлены и представлены в виде *персониферы* (мифические, легендарные, реальные личности, связанные с фольклором, хрестоматийными художественными текстами, ключевыми событиями истории); *фактосферы* (факты истории России и мира, соприкасающегося с ней) и *текстосферы* (в широком смысле) русской культуры (базовые тексты, в том числе религиозные, народные, авторские; обряды, фильмы и т. д.). Все три сферы составляют культурный дискурс нации. Наличие констант культуры обеспечивает единство культурного пространства, а их изучение – необходимое условие инкультурации личности (идет ли речь о своей культуре или – о чужой) [5].

Общее, объединяющее начало русской культуры должно быть представлено в учебной лингвокультурной модели русского языка как иностранного. Еще одно важное условие обучения русско-

му языку – это понимание языка не только в связи с определенным государством, но и с определенной частью страны, районом и т. д.

Мы предлагаем расширить понятие «лингвострановедение» и более четко выделить в нем исторический и современный аспекты, а также добавить к традиционному «внешнему» (ориентированному на иностранных учащихся) лингвострановедению «внутреннее» (предназначенное для изучающих лингвокультуру как родную). По аналогии с существующими учебными курсами по регионоведению, в краеведении может быть разработана лингвострановедческая проблематика для современного носителя русского языка, учитывающая преобладание лингвокультуры и самые актуальные реалии, концепты и тексты. Также назрела необходимость создания лингвострановедческих словарей коннотированной лексики русского языка, презентующих национально маркированную семантику лексических единиц, особенно в переносном употреблении, а также единиц, сопровождающихся в толковых словарях различными стилистическими пометами, поскольку данные параметры, как правило, обусловлены лингвострановедческой спецификой.

Литература

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 2006.
2. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999. С. 139.
3. *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 2006. С. 102.
4. *Абрамов В. П.* Лингвокультурные и географические особенности обучения русскому языку как иностранному // Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц. Краснодар, 2005. С. 3; *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
5. *Абрамов В. П.* Лингвокультурные и географические особенности обучения русскому языку как иностранному ... С. 4–5.

E. S. ABEZGAUZ. LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF WORDS IN MODERN DISCOURSE

The article deals with aspects of linguistic and cultural studies of word. Methods and ways of linguistic and cultural studies of modern Russian discourse are discussed.

Key words: language and culture, cultural component of word meaning, cultural constants.

Д. С. ИЩЕНКО

КОЛОРИСТИЧЕСКИЕ И АССОЦИАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕКСТОФОНЕМЫ <А> В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ В. БРЮСОВА

В статье рассматривается основной принцип построения поэтических текстов В. Брюсова – лейтмотивная инструментовка. Комплексный анализ текста позволяет выявить общие тенденции употребления текстотонемы <a> и ее колористические и ассоциативные смыслы.

Ключевые слова: фонетическое значение, текстотонема, лейтмотивная инструментовка, интерпретация, семантика.

Настоящая поэзия стужает реальность, отчего та начинает жить по своим законам, отменяющим пространство и время, структуру и иерархию. Информационная среда уплотняется до состояния сверхпроводимости, при котором все соединяется со всем. «В таком состоянии, – как отмечает А. А. Генис, – нет ничего случайного. Тут не может быть ошибки. Бессмысленно спрашивать, правильно ли выбрано слово. Если оно сказано, значит – верно» [1]. А если верно и сказано, значит, сказано для чего-то.

Языковая форма поэтических текстов неоднородна, языковое пространство поэтического текста составляют уровни и единицы данной формы. При этом единицы каждого из уровней языка, в том числе и фонетического, претерпевают в тексте трансформацию, прежде всего, семантического характера, т. е. данные единицы в статусе текстовых способны выражать те или иные текстовые смыслы. Соответственно, значение звуков важно для уточнения или расширения смыслового наполнения текста и непосредственно связано с проблемами интерпретации [2].

«Творчески мыслящий и чувствующий художник <...> знает, что звуки светят, а краски поют, и запахи влюбляются», – отмечал К. Бальмонт [3]. Как светят и о чем поют звуки и краски в стихотворениях В. Я. Брюсова, можно узнать, обратившись к первым сборникам поэта «Юношеское» и «Шедевры», где в результате «действия тесноты ряда» (термин Ю. Тынянова [4]. – Д. И.) звуков можно проследить взаимодействие, на первый взгляд, казалось бы, тематически несвязанных стихотворений, но близких по своему звучанию.

Так, смысл стихотворения «Мечты, как ленты, словами» (1895) остается затемнен, неясно, каких «звуков и границ» ищет лирический герой. Вскрывает смысл стихотворение «В будущем» (1895), где через «дуновенье прекрасной души» герой «уловил созвучные звуки»: «И меж гранями вечной разлуки / Мы душою слилися на миг». Эти поэтические тексты самопроизвольно притягиваются друг к другу за счет дополнительных смыслов, которые декодируются звуками и цветами. Стихотворение «Мечты, как лентами, словами» оканчивается фразой «мерцанье вспыхнувших зарниц», в которой заключается парадигма слов,

выражающих семантику цвета. Преобладающие цвета – красный и желтый. В стихотворении «В будущем» появляется азалия, растение преимущественно с красными и желтыми цветами: «Я лежал в аромате азалий, / Я дремал в музыкальной тиши, / И скользнуло дыханье печали, / Дуновенье прекрасной души» (курсив здесь и далее наш. – Д. И.).

Цветофоносемантический анализ этих строк показал, что цветовая гамма фонетических значений, которые реализуются в тексте, полностью совпадает с цветовой гаммой, выражаемой лексически. На фонетическом уровне преобладают звуки, реализующие фонему <a> ([a], [ʌ]), по классификации А. П. Журавлева, красные [5]. Показательно, что большая часть звуков [a] стоит в сильной позиции, а частотность данного звука в приведенных строках практически в 5 раз превышает норму [6]. Это усиливает действие красного цвета, а также придает стихам некоторую настойчивость и убедительность.

Обращаясь к другим стихотворениям сборника «Juvenilia» («Юношеское») и проводя сравнительный анализ лексической и фонетической сторон текста, можно выявить некоторые закономерности. В результате соотнесения лексического тезауруса с фоникой текста можно наблюдать любопытное явление: в стихотворениях, насыщенных звуками [a] и [ʌ], непременно присутствует мотив лжи и обмана. При этом в отдельных стихотворениях ранних лет автор указывает на ложь прямо: «И все мне казалось обманным, банальным», «оба с тобою мы лгали», «мелькают призраки над нами и недосказанные сны». В других стихотворениях появляется возможность через фонетическое, ставшее лейтмотивным, значение звука [a] судить о неправдивости повествования: «жить, умереть, это счастье храня, светлой любви уверень», – или сомнения в истинности и искренности любви и счастья. Стихотворение «Мрачной повеликой...» (1893), заканчивающееся строками «А мечты все те же в блеске молодом манят под крестом земляничкой свежей», также наталкивает на мысли о том, что манят *напрасно*, что исход будет тот же, печальный. И, действительно, уже через пару стихотворений лирический герой вопрошает: «Мечты о померкшем, мечты о былом, к

чему вы душой овладели, к чему вы трепещете в сердце моем на брачной веселой постели?»

Таким образом, возникает предположение, что в поэзии Брюсова определенные звуки становятся маркерами определенных чувств, событий, т. е. семантическое поле звуков не меняется от стихотворения к стихотворению, подлаживаясь или подстраиваясь тем самым под него, а строго определено, и уже по присутствию звука можно судить о содержании.

Однако в данном анализе кроме фонетического значения были учтены цветофоносемантические явления, которые раскрываются в зависимости от специфики сложных характеристик собственного процесса восприятия и отображения «поэтической» фоносемантики: фоносемантический идеал автора, фоносемантический идеал читателя, лексическая семантика цвета, лексические эмоциональные / эмотивные смыслы, цветофоносемантика [7]. Необходимо выявить закономерности взаимодействия ассоциативной семантики звуков с цветом в поэзии данного автора, а непосредственно соотносительность семантики звука [а] – с красным цветом.

Эти наблюдения позволяют обратиться к более позднему сборнику Брюсова «Семь цветов радуги» (1912–1915), где один из циклов назван «Красный». Сам цикл также неоднороден и включает три раздела: «Под улыбкой солнца», «В буйной слепоте», «Там у входа», причем ни один из них нельзя охарактеризовать интенсивностью звука [а]. Проведя весьма грубую аналогию: [а] – красный, [а] – ложь, можно предположить, что красный цвет в поэтике В. Брюсова семантически сближается с обманом. И именно его мы читаем в первом названии: «Под улыбкой солнца». Серебряный век (в отличие от пушкинского «золотого») проходил под знаком луны, а сами поэты-символисты, к которым относился Брюсов, называли себя «дети ночи». Такое откровение, явно провокационное, может свидетельствовать о подвохе, лжи, обмане, и он не замедлил себя ждать: «с мечтой неверной о любви» («В том же парке», 1912). Появляется первая лексема, казалось бы, подтверждающая предположение.

Обращение к фонике стихотворения позволяет разделить его на две неравные части. В 1-х двух катренах, повествующих о воспоминаниях, преобладает звук [а], частотность употребления которого в несколько раз превышает допустимую норму; в центральных и последних катренах – звук [у]. При этом нельзя не отметить, что несколько строк заметно выбиваются из общего фона: «И мил мне чей-то взор манящий, / И алость чьих-то близких губ», «И этот день туманно-серый / Векам покорно передам». Казалось бы, герой пришел в старый парк, переживает прежние минуты, воспоминания... и понимает, что он такой же, как и прежде. И этот день, как и все другие, он также оставит в прошлом. Но, вчитавшись в последние строки «Он был, он есть – без перемены, / Он будет жить в стихе моем», понимаешь, что герой не расстанется с этим днем. Именно в этот день пришло осознание, что «праздновал» он зря, и пусть

он «полон прежней веры к безвестным далям и мечтам», но присутствие звука [а] позволяет судить о том, что он видит, мечты вновь приведут его к обману.

Цикл «В буйной слепоте» начинается с эпиграфа Ф. Тютчева: «Как в буйной слепоте страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей». И вот новая семантика красного – страсть, чувство.

Вновь обращаясь к заповедям символистов, нельзя не отметить, что любовь у них – чувство неземное, нематериальное, святое, а страсть – материальна. Показательно, что в большинстве случаев и в более ранних поэтических текстах появление звука [а] у Брюсова становится неким маркером земного мира, слишком материального, слишком осязаемого для тонкой человеческой души (потому и стена «эмалевая» в стихотворении «Творчество», и мечты «словами» оплетены, и под «лучами юной грезы не цветут созвучий розы»). Страсть – принадлежность земного мира, неверного, и она обманет. Но если любовь истинна, а страсть обманна, почему лирический герой «с мечтой неверной о любви»? В данном случае лексема «неверной» является маркером не «ложной», а «робкой», «пугливой», «опасливой» мечты, тем самым лексический уровень уточняется звуковым.

В разделе «Там у входа» в стихотворении «Умершим мир!» (1914) Брюсов вновь воспевает любовь, нематериальную, чистую, искреннюю. Но у поэта уже нет страха перед ней. Понимая, что любовь повлечет страсть, он отвечает: «...они сгорели, / Им поцелуй спалил уста». Они потеряли свою материальную оболочку и вознеслись ввысь, в их истинный мир, а потому «глаза пусть ищут милых глаз», пусть ищут страсть и, сгорев в ней от лжи, боли и страдания, вознесутся в истинный мир. Это знание, что «за жизнью серой в жизни новой встретимся мы вновь...» и «будем мы, без пламени в крови / Снова жить всей сладостью печали / И, прошедшей через смерть, любви!» («Это – не надежда и не вера», 1914).

Таким образом, соотношение цветовой и звуковой семантики, колористические и ассоциативные значения отдельных текстофонем позволяют прийти к пониманию смысла произведения, составить полноценную картину художественного мира поэта.

Литература

1. Генис А. А. Довлатов и окрестности. М., 1999. С. 142.
2. Palmer F. R. Semantics // A New outline. Cambridge; London; New York; Melbourne. P. 99.
3. Бальмонт К. Д. Светозвук и световая симфония Скрябина. М., 1917. С. 101.
4. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965. С. 121.
5. Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1981. С. 120.
6. Там же. С. 158.
7. Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста: учеб. для вузов. М., 2004. С. 286.

**D. S. ISHENKO. THE COLORIST ASSOCIATIVE MEANINGS
OF THE TEXT-PHONEME <A> V. BRUSOV'S POETRY DISCOURSE**

The article is dedicated to the key principle of construction of a poetical sentence of V. Brusov – the sense instrumentation. Complex analysis of the text allows to discover basic trends of use of the text-phoneme <a> and its colorist associative meanings.

Key words: *phonetic meaning, text-phoneme, sense instrumentation, interpretation, semantics.*

Е. В. КОРОТЯ

ИДЕИ АЛЕКСАНДРА БЕНУА О ТЕОРИИ И ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена представлениям знаменитого художника, художественного критика и историка искусства Александра Бенуа о теории и истории русской культуры. Автор анализирует его взгляды на формирование русской живописи и архитектуры в период с начала XVIII до начала XX века. Акцент сделан на его представлениях о единстве развития отечественной и западноевропейской культур.

Ключевые слова: *теория и история русской культуры, история русского искусства, русское искусство, русская живопись, русская архитектура, А. Н. Бенуа, «Мир искусства», русская национальная культура, самобытность культуры, диалог культур.*

Деятельность Александра Николаевича Бенуа (1870–1960) в качестве художника, историка искусства, художественного критика, организатора объединения «Мир искусства», руководителя постановочной части Русских сезонов способствовала как развитию отечественной культуры, так и взаимопроникновению и взаимообогащению русской и западной культурных традиций.

Важную роль в становлении истории русской культуры сыграли работы А. Н. Бенуа, посвященные отечественному искусству XVIII – начала XX века. Его «История русской живописи в XIX веке» – одно из ценнейших наследий Серебряного века. Кроме того, весомый вклад в становление истории культуры внесли так называемые «художественные письма» Александра Бенуа. Это особый жанр в его творческом наследии – критические и исследовательские эссе, каждое из которых писалось по поводу какого-либо события или вопроса современной культуры, ее теоретического или исторического осмысления.

Александр Бенуа воспитывался в прозападнической культурной среде Петербурга, однако с раннего возраста он испытывал интерес к русской культуре. Восполняя недостатки обучения в гимназии и в университете, он вместе со своими товарищами организовал кружок самообразования (впоследствии вылившийся в художественное объединение «Мир искусства»), в котором, помимо всего прочего, они занимались и изучением русской культуры. Вскоре наступил момент, когда Бенуа и его товарищам стало тесно в рамках кружка. Их идеям требовался выход на широкую публику. Александр воспользовался удачной возможностью высказать свои соображения по поводу истории русского искусства и написал письмо Рихарду Мутеру, автору вышедшей в 1893 году «Истории живописи XIX века», с предложением провести для него изыскания в области истории

русской живописи. Тот согласился, и следующее издание книги 1894 года вышло в соавторстве с А. Н. Бенуа. Для последнего это было несомненной удачей и прекрасным началом дальнейшей деятельности в сфере профессионализации знаний о теории и истории отечественного искусства и культуры.

Из всей группы мирискусников именно А. Н. Бенуа стал тем профессионалом, который осмелился первым заявить о своих идеях публично. Мощь и сила именно его исследовательской мысли и писательского таланта смогли создать такой труд. Безусловно, он был самым художественно образованным участником группы. Не случайно именно к нему обращались друзья и единомышленники в случае возникновения каких-либо спорных вопросов в области искусства, да и культуры в целом. Об этом, в частности, пишет в своих мемуарах А. П. Остроумова-Лебедева: «Все к нему прислушивались, ценили его мнение, и это делалось как-то само собой. Его всегда выдвигали арбитром, когда возникали разные сомнения и споры» [1].

По инициативе А. Н. Бенуа, изучение русской культуры, пересмотр и осмысление ее основных положений и проблем, вовлечение в исследовательский круг новых ранее не тронутых материалов стало одной из миссий объединения «Мир искусства». Именно он стал инициатором и вдохновителем этой работы, которая, безусловно, была делом не одного человека. Его труды по истории русского искусства можно считать результатом коллективных интеллектуальных усилий и теоретических поисков, в некотором смысле плодом деятельности всего объединения.

Уже в первом, совместном с Р. Мутером, произведении об искусстве «История живописи XIX века» Александр Бенуа определил свою позицию по отношению к русской культуре. В даль-

нейшем в трудах «История русской живописи в XIX веке» (1902), «Русская школа живописи» (1904–1906), а также в художественных письмах он развил и укрепил свои идеи.

До Александра Бенуа вопросы теории и истории искусства никогда еще не излагались с такой полнотой и систематичностью. Он подошел к исследованию с полной серьезностью. Его характеристики тонки и оригинальны, а порой и уничтожительны. При этом у его историко-культурных произведений есть весьма ощутимые недостатки, главные из которых – программность работы и бессистемность. Программность состояла в том, что работа Бенуа по истории русской живописи была одновременно и научным исследованием, и публицистическим трактатом, направленным против передвижничества и академизма. Публицистичность провоцировала и подчеркивала декларативность его суждений, а бессистемность подразумевала не отображение исторического процесса развития искусства, а описание творчества или произведений отдельных художников.

Однако такие особенности подачи материала были свойственны не только Александру Бенуа, но и любому исследователю, на чью долю выпадала задача впервые создавать подобного рода исторический труд. Для данного сюжета более важно другое – у А. Н. Бенуа уже в момент написания историко-культурных сочинений первого десятилетия XX века уже была своя концепция развития русской культуры в целом и русского искусства в частности.

Как и многие русские мыслители, воспитанные в лучших традициях культуры XIX века, от В. Г. Белинского до Н. А. Бердяева, Александр Бенуа считал вершиной развития русской культуры, средоточием ее философских идей литературу, а недостижимым венцом – творчество А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и Н. В. Гоголя. Русскую музыку, особенно П. И. Чайковского, критик высоко ценил. Русский театр, по его мнению, превосходил европейские. По мнению современников, на фоне этих высоких стандартов русская живопись стояла на уровень ниже, чем литература, музыка или даже архитектура. И это представлялось исследователю удивительным и несправедливым.

Причины такого несоответствия А. Н. Бенуа старался найти в природно-географических, социально-исторических и личностных факторах. Так, характеризуя социально-исторические факторы, он указывал на «вековое рабство низших сословий, бестолковое воспитание высших или застылость религиозных воззрений» [2]. Рассмотрев весь комплекс обстоятельств, он заключил, что дело не в них, а в сложности взаимоотношений между обществом и искусством. Ее порождали исторически сложившиеся особенности взаимодействия русской культуры с европейской.

Александр Бенуа полагал, что Петр I, внедряя западную культуру, придавал значение лишь ее внешней, чисто декоративной задаче. Результатом этого внедрения стал разрыв, образовавшийся между русским народом и новой культурой. При

этом сама суть европейской культуры оставалась загадкой для русского общества, она не была принята и понята, да ее никто и не объяснял. «Между русским обществом и русским искусством царит то же недоразумение, как 200 лет тому назад, когда вместе с кафтанами и париками к нам завезли голландские и немецкие картины, итальянские статуи», – писал А. Н. Бенуа [3].

Конкретных виновных Александр Бенуа не искал. Так сложились исторические обстоятельства: общество не могло вдруг полюбить новую культуру, а внедрявшие и проповедовавшие ее сами этого явления не понимали. Иными словами, получилось так, что новую культуру привили, но не сумели привить самого главного ее компонента – художественного вкуса. При этом особенно пострадали именно живопись, скульптура и художественная промышленность. «Искусство же, – писал А. Н. Бенуа, – было как-то выслано в переднюю, где и стало томиться напоказ другим, никому, собственно, ненужное» [4]. Оно стало служить лишь внешним выражением состоятельности, богатства и знатности хозяев, перестав доставлять эстетическое наслаждение своим владельцам.

В представлении Александра Бенуа, место, которое в развитии искусства должно было занимать общество как основной его заказчик и вдохновитель, заняли казенщина, регламентация, навязывание, пришедшие в культуру с Академией художеств, высшим художественным учреждением России. К концу XIX века последняя уже не могла вполне удовлетворять духовные запросы общества, в ней стали преобладать консервативные тенденции. Однако она продолжала оказывать влияние на художественный мир России. О сложившейся ситуации А. Н. Бенуа писал следующее: «Теперь не учат людей, как справляться с техническими трудностями, но ученику стараются внушить, что следует считать прекрасным и что поэтому следует делать» [5]. Таким образом, отнюдь не общество, не люди решали, что хорошо в искусстве, а что нет, что прекрасно, а что уродливо. Это стала определять Академия художеств. Именно поэтому он сам не захотел учиться живописи в ее стенах, предпочитая самообразование.

Другой причиной отставания русской живописи А. Н. Бенуа называл «реально-обличительное направление» [6], возникшее в период правления Николая I. Этим термином он старался подчеркнуть утилитарное предназначение искусства натуральной школы (позже она получила название физиологической). Из-за утилитарности искусство утратило свою функцию принести эстетическое удовольствие и стало, по выражению А. Н. Бенуа, «руководством для начинающих изучать жизнь. Его назначение сводилось к тому, чтоб приготовить к чтению источников и от времени до времени служить для справок» [7]. О красоте и наслаждении красотой, которое всегда проповедовал Александр Бенуа, в таком искусстве не могло быть и речи.

Следующим важным этапом в истории русского искусства, согласно Александру Бенуа, с

1850-х годов становятся реализм и его выразители – товарищество передвижников, возникшее как оппозиция Академии художеств. «Реалисты-передвижники завоевали для искусства жизнь, правду, искренность», – писал критик [8]. Он считал их основной ошибкой литературное отношение к искусству, главенство идеи над содержанием. Передвижничество, по его мнению, добилося того, что не смогла сделать Академия художеств за все годы своего существования, – оно восстановило порванную связь между обществом и искусством. Но Александр Бенуа считал, что постепенно само передвижничество встало на место академизма и начало навязывать обществу свои каноны. Передвижники вошли в Академию, перестали быть выразителями новых тенденций в искусстве. С их проявившимся консерватизмом он и призывал бороться.

А. Н. Бенуа хорошо понимал и признавал общественную значимость деятельности передвижников, но для него их творчество было лишено абсолютной ценности. Оно исторично, а следовательно, политично в отличие от вечной нетленности настоящих художественных ценностей.

По мнению Александра Бенуа, современный ему этап развития культуры, т. е. конец XIX – начало XX века, – это период исканий, борьбы течений. Время передвижников уже прошло, они внесли свой вклад в развитие искусства, но их дальнейшее господство ни к чему хорошему не приведет. Культуре необходимо нечто новое, и это новое он видел, в частности, в художественном объединении «Мир искусства». Важнейшим достижением мирискусников Александр Бенуа считал отсутствие ограничений в творчестве, которые могли бы существовать, будь «Мир искусства» объединением с четким художественным направлением. Он неоднократно подчеркивал, что их объединение – это союз людей, стремящихся к свободе в искусстве.

Со временем А. Н. Бенуа несколько пересмотрел свои взгляды. Этап пересмотра приходился на период первой русской революции. Он уже не считал, что каждый художник вправе сам определять для себя задачи творческой деятельности. В этот период Александр Бенуа стал говорить о том, что цель искусства уже определена – «оно должно пропитывать и “иллюстрировать” грандиозную жизнь самого государства, сообщать ему красоту, размах и блеск» [9]. Для осуществления такой задачи, по его мнению, художники не должны быть заняты каждый своим творчеством, необходима школа. «Индивидуализм как протест прекрасен, но как выдержанная жизненная и эстетическая система не годится и даже страшен. В частности, в искусстве индивидуализм ведет к полному одичанию формы, к беспомощности в работе, к бедности и нелепости в замысле», – писал он в труде «Русская школа живописи» в 1904–1906 годах [10].

А. Н. Бенуа указывал на то, что необходима не старая, уже отжившая свое школа, а совершенно обновленная: «Нам представляется желательным, чтоб следующий фазис, в который сложится рус-

ское искусство, был именно фазисом возобновления школы, т. е. общей работы для общей цели. Искусство должно оставаться самоцельным, оно должно, во-первых, искать своего Бога, который есть лишь особое откровение “Всеобщего Бога”» [11]. Таким образом, школа для А. Н. Бенуа не несла в себе никаких ограничений и оговорок в плане художественной реализации идей отдельных художников. Скорее, она должна стать объединением, подобным «Миру искусства».

Выше нами были проанализированы в основном мысли А. Н. Бенуа о функциях, предназначении и истории живописи. Он много размышлял также и о судьбе архитектуры. Его пугало, что архитектура перестала служить удовлетворению всеобщего эстетического вкуса и превратилась в индустрию. «Формула “чего изволите” сделалась краеугольным камнем современной архитектурной психологии», – писал он в одном из художественных писем в 1910 году [12]. Архитектор перестал создавать нечто согласно своему вкусу и своим культурным ценностям, а просто стал выполнять заказ, из творца превратившись в обыкновенного исполнителя.

А. Н. Бенуа считал абсолютно неестественным увлечение культуры модерна смешением архитектурных стилей разных эпох, а также возрождением «русского стиля», начавшееся, по его мнению, еще с эпохи Николая I. Он называл такие попытки совершенно дилетантскими, а виновными в этом находил в целом «все русское общество, пожелавшее иметь такое продажное искусство» [13] и, в частности, Академию художеств, не желавшую протестовать против всех этих архитектурных излишеств.

Выход из сложившейся ситуации Александр Бенуа видел в изменении общего подхода к архитектурному строительству. Он писал по этому поводу: «Нужно проститься раз и навсегда с формами прошлого <...> и в то же время вспомнить о лучшем завете прошлого – о простоте <...> Необходимо снова найти тайну простоты, широкое, цельное понимание красоты, без фокусов и жеманства. Здесь и Новгород, и современный передовой Запад, и Палладий могут дать отличные советы общего характера» [14]. Таким образом, А. Н. Бенуа призывал объединить все лучшее, что было накоплено вековой архитектурной традицией (как западной, так и отечественной) для создания простых и одновременно прекрасных классических архитектурных форм. Он раздвигал понятие классики за счет присоединения к ней православного храмового зодчества допетровской Руси.

Важнейшей идеей теоретических представлений Александра Бенуа о развитии русской культуры была мысль о единстве художественной культуры Европы и России. Наивысшим достижением не только его самого, но и всех мирискусников следует считать тот факт, что они повернули русскую культуру лицом к Европе, а Европу – лицом к русской культуре. Их западничество, которое они активно пропагандировали и в котором их столь же активно обвиняли и современники,

и более поздние исследователи, особенно в советское время, правильнее было бы назвать европейскостью. Русская культура, по мнению мирискусников, должна была наконец сбросить статус провинциальной по отношению к западноевропейской и занять достойное место во всемирном наследии.

Мирискусники во главе с Александром Бенуа активно занимались реализацией этой идеи, наивысшей точкой выражения которой стали Русские сезоны в Париже и в Лондоне в 1907–1914 годах. Они произвели истинный фурор. А. Н. Бенуа писал в своем критическом эссе в июне 1909 года после грандиозного успеха балетов: «Варвары еще раз покорили Рим» <...> Не Бородин, и не Римский, и не Шаляпин, и не Головин, и не Рерих, и не Дягилев были триумфаторами в Париже, а вся русская культура, вся особенность русского искусства, его убежденность, свежесть и непосредственность, его дикая сила <...> Мы оказались тем ингредиентом в общую культуру, без которой последней грозило “свернуться”, “скинуть”» [15].

Европеизация, западничество мирискусников являлись «обоюдонаправленными» [16], так как для них было совершенно необходимо не только сближение российской культуры с западной, но и наоборот. Взаимообмен, взаимопроникновение – вот что действительно их волновало. Идеи взаимообмена двух культур, убежденность в европейской природе русской культуры, в необходимости включения богатств русской культуры в общеевропейское наследие принадлежали А. Н. Бенуа, красной нитью проходили через всю его научную, критическую и художественную деятельность.

Таким образом, деятельность Александра Бенуа в качестве теоретика и историка культуры сложно переоценить. Он был первым, кто взялся за это трудное дело – осмыслить системно и описать как целое историю русского искусства. Именно благодаря его работам были откры-

ты многие истинные таланты как его современников, так и предшественников. Он выступал за национальное своеобразие русской культуры, но против ее самобытной замкнутости, против «самобытности» в узком понимании этого слова. Россия для него была частью Европы, следовательно, русская самобытность должна вписываться в европейские рамки и быть такой же частью европейского культурного наследия, как самобытность немцев, французов или любого другого европейского народа. А. Н. Бенуа четко сформулировал мысль, согласно которой самоценность национальной русской культуры зависит от культурного диалога между Россией и Западом.

Литература

1. *Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. М., 1974. С. 170.
2. *Бенуа А. Н.* Русская школа живописи. М., 1997. С. 17.
3. *Бенуа А. Н.* История русской живописи в XIX веке. М., 1995. С. 19.
4. Там же. С. 20.
5. *Бенуа А. Н.* Русская школа живописи ... С. 33.
6. *Бенуа А. Н.* История русской живописи в XIX веке ... С. 223.
7. Там же. С. 221.
8. Там же. С. 228.
9. Цит. по: *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России 1900–1910-х годов. М., 1988. С. 41.
10. *Бенуа А. Н.* Русская школа живописи ... С. 101.
11. Там же. С. 102.
12. *Бенуа А. Н.* Художественные письма. 1908–1917. Т. 1. СПб., 2006. С. 447.
13. Там же. С. 448.
14. Там же. С. 450.
15. Там же. С. 147.
16. *Стернин Г. Ю.* Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX века. М., 1984. С. 107.

E. V. KOROTYA. ALEXANDER BENUA'S IDEAS ON THE RUSSIAN CULTURE'S THEORY AND HISTORY

The article is dedicated to the ideas about the Russian culture's theory and history of the famous painter, art critic and fine arts historian Alexander Benua. It deals with his views on the development of the Russian art and architecture in the period from the XVIIIth century till the beginning of the XXth century. Benua's views about the unity of Russian and West European culture are stressed by the author especially.

Key words: *the Russian culture's theory and history, the history of Russian art, the Russian art, the Russian painting, the Russian architecture, Alexander Benua, the «World of Art», the Russian national culture, the originality of culture, the dialogue of cultures.*

Библиография

Д. В. СЕНЬ

ЕКАТЕРИНОДАР: ВЗГЛЯД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКА

Бондарь В. В. Город Екатеринодар в пространстве и времени. Опыты исторической урбанистики: монографический сборник. Краснодар: издатель Игорь Платонов, 2006. 128 с.

Монографический сборник трудов краснодарского историка В. В. Бондаря следует оценивать, как считает рецензент, с позиций анализа нынешнего состояния и стратегических перспектив развития исторической науки в регионе.

Ключевые слова: город Екатеринодар, Кубань, историческая урбанистика.

Вначале – о самом «жанре» книги, которой не так давно порадовал специалистов и массовую читательскую аудиторию В. В. Бондарь, известный исследователь региональной культуры, историк-урбанист [1].

Подчеркну, что как рецензент я не ставлю перед собой цель выявить вклад автора в решение таких проблем, как определение даты возникновения г. Екатеринодара, его пространственной организации в разное время и пр., а вижу свою задачу в другом – рассмотреть в общих чертах роль и место этого труда в системе социогуманитарного знания Кубани на современном этапе.

В монографическом сборнике представлены статьи, уже опубликованные В. В. Бондарем, но зачастую недоступные из-за мизерного тиража изданий. Но речь даже не об этом. Сам принцип такого переиздания научных работ достаточно нов для научного сообщества Краснодарского края (исключение составляют труды В. Б. Виноградова и «юбилейные» сборники В. Н. Ратушняка) и заслуживает самого пристального внимания ученых. Не секрет, что один из «количественных способов» распространения мнения того или иного автора – ссылки на свои работы при подготовке очередной публикации – подчас вызывает незаслуженные упреки коллег. При этом зачастую забывается о том, что, например, наукометрия рассматривает самоцитирование как индикатор быстрорастущих направлений научного поиска [2]. Думается, что книга В. В. Бондаря также может стать предметом историографического исследования благодарных измерений различных, в том числе количественных, аспектов изучения истории науки, а не одних лишь узконаправленных случаев из истории екатеринодарской жизни.

Подчеркну очевидный символизм названия книги – «Город Екатеринодар в пространстве и времени». Можно только приветствовать решение автора отказаться от подчеркивания «казачьей» специфики городской истории, что, вероятно, лишней раз свидетельствует о перспективности ситуационного подхода по сравнению, например, с региональным [3].

Кризис регионального подхода, на наш взгляд, очевиден: в рамках его парадигмы (например, «воображаемых» интеллектуалами границ изучаемого пространства) невозможно объяснить мультикультурализм местной истории. Между тем, как справедливо пишет А. И. Миллер, ситуационный подход предполагает отказ от концентрации на каком-то одном акторе исторического процесса, да и сам фокус исследовательского внимания смещается с акторов как таковых (неважно – казаков, иногородних и т. д.) на изучение их взаимодействия и выявление логики их поведения и реакций на поведение других акторов.

Историк Е. В. Анисимов отмечал, что неслучайно назвал одну из своих книг «Борьба за наследие Петра. 1725–1740», сознательно отказавшись от именованного основателя империи Петром *Первым*, дабы попытаться максимально освободиться от воздействия этой личности как своеобразного «исторического магнита», по-прежнему влияющего на наше «непредсказуемое прошлое» [4]. Очевидно, что аналогичным «магнитом» для кубанского региона выступает казачество, которое, к сожалению, объявлено, по сути, *ab ovo* региональной истории. Концентрация внимания ученых на этом коллективном акторе местной истории привела к существенным пробелам в историческом знании региона по таким проблемам, как дискурс империй, воображаемая география, ментальные карты, практики конструирования идентичностей и другие темы так называемой *повседневной* жизни передовой научной мысли.

Напротив, в научном сообществе Кубани наблюдается явный откат на позиции едва ли не «полковой историографии», «любительской истории», «возрождения» позитивистского нарратива историописания, характерного для местных историографов XIX – начала XX века. Конечно, сама по себе такая позиция заслуживает всяческого уважения, но, по сути, она свидетельствует о низкой саморефлексии со стороны части ученого сообщества Кубани как участников интеллектуального пространства России и мира. Более того, в научных трудах местных историков встречаются

ся такие номинации, как «кубанская историография», а на страницах диссертационных работ – перенесение именно местной природы слоганов-«новоделов» («российскость», «имперскость») из области философии истории (по определению) в раздел методологии.

Думается, что новый труд В. В. Бондаря следует оценивать именно с позиций анализа нынешнего состояния и стратегических перспектив развития исторической науки на территории Краснодарского края. Перед нами – достойный образец научного произведения современного российского ученого. Гражданская позиция автора (например, по вопросу сохранения историко-культурного облика Краснодара) определяется не выражением эмоционального сожаления по поводу стирания с лица земли казачьей столицы – «нашего» Парижа, а вдумчивым анализом традиций и новаций градостроения, состояния и перспектив развития законодательной базы при разработке соответствующих охранно-спасательных мер.

Как профессиональный историк, позволю себе высказать ряд замечаний, которые могут стимулировать ученого на поиск новых, более совершенных форм и методов демонстрации результатов своей научной деятельности.

Во-первых, неудачной (адекватно замыслу книги и масштабы охваченных в ней проблем) выглядит такая формулировка, как «вместо предисловия» (с. 5). Вероятно, «классическое» предисловие позволило бы автору более четко определить новизну именно такого издания, указать на новые работы других специалистов по истории Екатеринодара – Краснодара, не вошедшие в содержание его совместного с Б. Е. Фроловым историографического обзора (с. 114–117), в частности, на исследование Н. В. Макаровской.

Во-вторых, можно полагать, что, сделав столь значительный исследовательский задел, автор мог бы подготовить в рамках реализации данного проекта некий обзорный материал, посвященный перспективам темы и новым методологическим подходам. Например, зримо упущенной представляется возможность использовать накопленный им объем знания при изучении дискурсивных практик империи по освоению ей своих окраин (учитывая, конечно, специфику авторского интереса).

Но в том-то и дело, что урбанизацию пространства можно и нужно рассматривать как форму имперского утверждения на своей западно-кавказской окраине наряду с такими «символическими» практиками, как топонимическая политика, возведение памятников и пр. [5].

В-третьих, для удобства восприятия текста читателем можно было бы составить общий список указаний на то, где материал опубликован впервые (см. такой опыт в издании Б. А. Успенского [6]), а не отсылать его к «подвальным» ссылкам.

Безусловно, вышеотмеченные спорные положения, выносимые автором на суд широкой читательской аудитории, как и другие замечания рецензента, никоим образом не снижают общего впечатления от книги, а только подчеркивают всю сложность проблемы, успешно разрабатываемой ее автором в течение долгих лет, – написание «тотальной истории» г. Екатеринодара – Краснодара.

Литература

1. Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар, 2000; Казачинский В. П., Бондарь В. В. Архитектура и градостроительство Кубани XIX–XX вв. Ч. 1–3. Краснодар, 2001–2003.
2. Хайтун С. Д. Наукометрия. Состояние и перспективы. М., 1983. С. 119.
3. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 14–32.
4. Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 2002. С. 4.
5. Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей / под ред. А. И. Миллера. М., 2004; Сень Д. В. Черноморья versus Кубань: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические аспекты изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII – начала XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. Дикаревские чтения (12). Краснодар, 2006. С. 379–395.
6. Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 7–8.

D. V. SEN. EKATERINODAR: PROFESSIONAL HISTORIAN'S OPINION

V. V. Bondar. City of Ekaterinodar in space and time. Experience of historic urbanism: monographical collection. Krasnodar, Editor Igor Platonov, 2006. 128 p. Volume. 1000.

Monographic collection of Krasnodar historian V. V. Bondar's works should be estimated, from the reviewer's point of view, from the position of analysis of the present condition and strategic perspectives of the historic science development in the region.

Key words: city of Ekaterinodar, Kuban, historic urbanism.

Л. С. ФИНОГИНА

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КУБАНИ НА СТРАНИЦАХ «СТАВРОПОЛЬСКИХ (КАВКАЗСКИХ) ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Кубань в «Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостях»:

библиограф. указ. / сост. С. А. Слуцкая;

науч. ред А. И. Слуцкий. Краснодар: Традиция, 2009. 174 с.

В рецензируемом издании зарегистрировано 1217 публикаций, напечатанных в газете «Ставропольские епархиальные ведомости» и посвященных православной жизни Кубани XIX века. Справочный аппарат пособия включает алфавитный указатель авторов, именной указатель, географический указатель, указатель церквей, указатель благочиннических округов.

Ключевые слова: библиография, Кубань, XIX век, церковная жизнь.

История православной церкви на Кубани начала активно изучаться с 90-х годов XX века. Новый взгляд на многие исторические события и факты складывался на фоне возрождения духовных традиций в обществе. С этого времени издавались и репринтно переиздавались дореволюционные труды, рассказывающие, в том числе, о религиозной жизни черноморцев, публиковались материалы конференций, выходили монографии, сборники, отдельные издания, защищались диссертации.

Особое место среди этих изданий занял сборник «Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.)», в котором впервые был представлен большой комплекс уникальных архивных документов, отражающих в исторической ретроспекции основные направления деятельности Русской Православной Церкви в регионе.

Дальнейшее развитие этих исследований сегодня осложняется отсутствием библиографических указателей, учитывающих исторические и источниковедческие публикации по данной тематике. Указатель С. А. Слуцкой «Кубань в «Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостях»», вышедший в краснодарском издательстве «Традиция», отчасти восполняет этот пробел.

С 1843 года и вплоть до 1916-го религиозная жизнь Кубани проходила под управлением Ставропольской кафедры. Сначала это была Кавказская епархия, в 1885 году ее переименовали в Ставропольскую. На страницах официального органа епархиальной власти «Ставропольские епархиальные ведомости» обязательно отражение находила и церковная жизнь Кубанской области. Наиболее подробно освещались следующие основные темы: духовенство; церкви и монастыри; церковно-школьное и духовно-училищное образование; миссионерская деятельность; епархиальная жизнь.

Составителем проделана кропотливая работа по выявлению и отражению в указателе материалов, раскрывающих гражданскую и церковную историю Кубани. Библиографическое опи-

сание осуществлялось *de visu*. В указателе учтены 1217 публикаций, посвященных Кубани. Библиографические записи сгруппированы в 56 разделов, которые расположены по алфавитно-предметному принципу. Связь между предметными рубриками раскрывается с помощью системы отсылок. Внутри каждой рубрики записи даны в хронологическом порядке. Исключение составляют разделы «Некрологи» (в алфавите лиц) и «Церкви» (по алфавиту станиц, к которым эти церкви приписаны). В разделах, где собраны разрядные списки учащихся духовно-учебных заведений, личные составы служащих, журналы духовно-училищных и общепархиальных съездов духовенства, однородные документы разных лет объединены в группы и имеют один регистрационный номер.

Отдельные библиографические записи составитель сопровождает аннотацией, которая поясняет, о каком событии (или человеке) идет речь, где или когда это происходило и т. д.

Справочный аппарат издания (алфавитный указатель авторов, именной указатель, географический указатель, указатель церквей, указатель благочиннических округов) позволяет осуществлять многоаспектный поиск необходимых сведений.

В рецензируемом указателе учтены материалы, касающиеся территории Кубани в дореволюционных границах, поэтому в него попали населенные пункты, не входящие в настоящее время в состав Краснодарского края. Такие города и станицы составитель отметил в географическом указателе особо (звездочкой). Это дает возможность использовать указатель, например, исследователям истории Ставропольского края, Республики Адыгея, Республики Карачаево-Черкесия, так как многие населенные пункты, отраженные в нем, сейчас входят в состав этих административно-территориальных образований.

Удачным, на наш взгляд, является выделение именного указателя, который является самым обширным и к тому же комментированным. Здесь составитель не просто указывает фамилию и имя упоминаемого лица, но и его сан (архиепис-

коп, священник, диакон), или род занятий (член Государственной Думы, купец, преподаватель), или принадлежность к секте, расколу. Для священнослужителей обязательно указывается место службы (город, станица, селение).

Издание, несомненно, привлечет внимание и будет интересно историкам, краеведам, студентам, аспирантам, всем, кто интересуется гражданской и церковной историей Кубани.

Настоящий указатель к журналу «Ставропольские епархиальные ведомости» является продолжением работы по библиографированию периодических изданий, выходящих на Кубани, Кавказе, в Украине и некоторых других регионах и тематически посвященных историко-краеведческому изучению Кубани. Этот проект выполня-

ется студентами и аспирантами информационно-библиотечного факультета Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Уже опубликованы указатели к продолжающимся изданиям Кубанского областного статистического комитета, Общества любителей изучения Кубанской области, изданы библиографические указатели «Кубань: проблемы культуры и информатизации», «Кубань и Черноморья в журнале “Киевская старина”», расписаны кубанские материалы к украинскому петербургскому журналу «Основа». Различные по структуре, принципам и полноте отбора указатели объединяет стремление составителей раскрыть историю Кубани через содержание периодических и продолжающихся изданий.

**L. S. FINOGINA. KUBAN REGION'S CHURCH LIFE ON THE PAGES
OF «STAVROPOL EPARCHIAL VEDOMOSTI»**

Kuban in Stavropol Eparchial Vedomosti (Stavropol Eparchial Journal):
Bibliography/ S. Slutskaya; A. I. Slutskii – editor. Krasnodar: Tradition, 2009. 174 p.

The bibliography covers 1217 articles published in Stavropol Eparchial Vedomosti (Stavropol Eparchial Journal) and is dedicated to the church life of Kuban region in the 19th century. The bibliography is arranged by subject. Indexes include: alphabetical index of names; alphabetical index of churches; geographical index; church district index.

Key words: Bibliography, Kuban Region, XIX century, church life.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абезгауз Екатерина Сергеевна** – аспирант кафедры русского языка как иностранного Кубанского государственного университета (КубГУ), E.Abezgauz@mail.ru
- Abezgauz Ekaterina Sergeevna** – post-graduate student of the chair of the Russian language as foreign, Kuban State University (KubGU)
- Ажгихин Сергей Геннадьевич** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дизайна, компьютерной и технической графики факультета архитектуры и дизайна КубГУ, marinalhg@yandex.ru
- Azhgihin Sergey Gennadyevich** – candidate of Pedagogy, assistant professor of the chair of design, computer and technical graphic of architecture and design faculty, KubGU
- Аксюмов Борис Владимирович** – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета (СГУ), aksbor@mail.ru
- Aksyumov Boris Vladimirovich** – candidate of Philosophy, assistant professor, doctorant of the chair of philosophy and ethnology, Stavropol State University (SGU)
- Аликина Екатерина Владимировна** – соискатель кафедры пения и хорового дирижирования Московского городского педагогического университета (МГПУ), chervatyuk@yahoo.com
- Alikina Ekaterina Vladimirovna** – post-graduate student of the department of singing and choir conducting, Moscow State Pedagogical University (MGPU)
- Апалько Ирина Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент Краснодарского высшего военного училища им. генерала Штеменко, i-apalko@mail.ru
- Apalko Irina Yuryevna** – candidate of Philology, assistant professor, Krasnodar High Military School of Shtemenko
- Ачилова Елена Николаевна** – соискатель кафедры английской филологии КубГУ, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Краснодарского кооперативного института, 8-928-841-22-04
- Achilova Elena Nikolaevna** – post-graduate student of the English Philology department of KubGU, the teacher of humanitarian and social-economic sciences department, Krasnodar Cooperative Institute
- Белоусова Ольга Валентиновна** – кандидат педагогических наук, доцент Южного федерального университета, alexandracom@list.ru
- Belousova Olga Valentinovna** – candidate of Pedagogy, assistant professor, Southern Federal University
- Беляева Марина Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Славянского-на-Кубани государственного педагогического института, fliny@mail.ru
- Belyaeva Marina Yuryevna** – candidate of Philology, assistant professor of the chair of Russian language and Literature, Slavyansk-on-Kuban Pedagogical State University
- Берлизов Николай Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств (КГУКИ), berlizov@mail.ru
- Berlizov Nikolaj Jevgenjevich** – candidate of History, assistant professor of the chair of History and Museum studies of Krasnodar State University of Culture and Arts (KGUKI)

- Бондарь Виталий Вячеславович** – кандидат исторических наук, директор Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия, bonvita@yandex.ru
- Bondar Vitalyi Vyacheslavovich** – candidate of History, the head of Western Caucasian Scientific Researching Institute of Nature and Culture Heritage
- Бурмагин Александр Геннадьевич** – соискатель кафедры новейшей отечественной истории КубГУ, начальник отдела департамента по связям с общественностью администрации муниципального образования город Краснодар, burmagin@krd.ru
- Burmagin Alexandr Gennadievich** – post-graduate student of the chair of modern Russian History of KubGU, the chief of the section of the department on public relations of Krasnodar city administration
- Бутаева Елена Эдуардовна** – аспирант Армавирского государственного педагогического университета (АГПУ), evgestacenco@mail.ru
- Butaeva Elena Eduardovna** – post-graduate student of Armavir State Pedagogical University (AGPU)
- Бянова Людмила Юрьевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания КубГУ, lub_prof@mail.ru
- Byanova Ludmila Yurevna** – Dr. Sc. in Linguistics, professor of the general and Slavic Russian linguistics department, KubGU
- Воронкова Наталья Евгеньевна** – соискатель КГУКИ, 8-918-49-71-658
- Voronkova Natalya Evgenyevna** – the post-graduate student KGUKI
- Гусейнов Камил Магомедович** – кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета, kamilgm@rambler.ru
- Guseinov Kamil Magomedovich** – candidate of History, assistant professor, Daghestan State University
- Джаубаева Фаина Ибрагимовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Карачаево-Черкесского государственного университета, dfayi@mail.ru
- Dzhaubaeva Faina Ibragimovna** – candidate of Philology, assistant professor of the chair of the Russian language, Karachaevo-Cherkesskiy State University
- Дороганова Наталья Геннадьевна** – лаборант Краснодарского педагогического колледжа, 8-918-310-44-88
- Doroganova Natalia Gennadyevna** – laboratory assistant of Krasnodar Pedagogical College
- Ежова Елена Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой СМИ СГУ, lub_prof@mail.ru
- Ezhova Elena Nikolaevna** – candidate of Philology, assistant professor, the head of the mass media department, SGU
- Еремеева Анна Натановна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и музееведения КГУКИ, eranna2000@mail.ru
- Eremeeva Anna Natanovna** – Dr. Sc. in History, professor of History and Museum Studies department, KGUKI
- Зиньковская Анастасия Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, декан переводческого факультета Института экономики, права и гуманитарных специальностей (г. Краснодар), anastassiat@rambler.ru
- Zinkovskay Anastassia Vladimirovna** – candidate of Philology, assistant professor, Dean of Interpreting department, Institute of Economy, Law and Humanitarian sciences (Krasnodar)
- Зубарева Наталья Борисовна** – кандидат искусствоведения, доцент, зав. кафедрой теории и истории музыки Пермского государственного института культуры и искусств, nzubareva53@mail.ru
- Zubareva Natalya Borisovna** – candidate of Art, assistant professor, head of the musical theory and history department, Perm State Institute of Arts and Culture

- Исаченко Сергей Владимирович** – преподаватель кафедры звукорежиссуры консерватории КГУКИ, sergisach@yandex.ru
- Isachenko Sergey Vladimirovich** – lecturer of musical sound directing (sub) department, KGUKI
- Ищенко Диана Сергеевна** – аспирант филологического факультета кафедры русского языка как иностранного Кубанского государственного университета, logos@phil.kubsu.ru
- Ishenko Diana Sergeevna** – post-graduate student of the chair of the Russian language as foreign, KubGU
- Карелина Екатерина Константиновна** – кандидат искусствоведения, доцент Тывинского государственного университета, ye_karelina@mail.ru
- Karelina Ekaterina Konstantinovna** – candidate of Art Sciences, assistant professor, Tyvinskiy State University
- Каширина Елена Ивановна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры маркетинга КГУКИ, kasir@kubstu.ru
- Kashirina Elena Ivanovna** – candidate of History, assistant professor of the chair of marketing, KGUKI
- Кобзарь Александр Владимирович** – соискатель кафедры общего и славяно-русского языкознания КубГУ, 8-918-438-32-72
- Kobzar Alexandr Vladimirovich** – post-graduate student of the department of General and Slavyano-Russian Linguistics, KubGU
- Коротя Елена Валерьевна** – аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории факультета истории, социологии и международных отношений КубГУ, elkorotya@narod.ru
- Korotya Elena Valeryevna** – post-graduate student of the department of Pre-revolutionary History of Russia, the Faculty of History, Sociology and International Relations, KubGU
- Ктиторов Сергей Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент АГПУ, ktitorovsn@rambler.ru
- Ktitorov Sergey Nikolaevich** – candidate of History, assistant professor, AGPU
- Кулаков Владимир Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, декан факультета рекламы и социально-культурной деятельности КГУКИ, kulvlvl@yandex.ru
- Kulakov Vladimir Vladimirovich** – Dr. Sc. in History, professor, dean of the faculty of advertisement and social-cultural activity, KGUKI
- Куприянова Светлана Анатольевна** – ст. преподаватель Московского государственного областного педагогического института, VVAFV@yandex.ru
- Kuprijanova Svetlana Anatolievna** – senior teacher of Moscow State Regional Pedagogical Institute
- Курьян Лидия Николаевна** – соискатель кафедры общего и славяно-русского языкознания КубГУ, 8-903-455-60-35
- Kuriyan Lidiya Nikolaevna** – post-graduate student of the general and Slavyano-Russian linguistics department, KubGU
- Лекарева Ирина Николаевна** – кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка как иностранного КубГУ, ilekareva@yandex.ru
- Lekareva Irina Nikolaevna** – candidate of Philology, post-graduate student for doctor's degree of the chair of the Russian language as foreign, KubGU
- Макаренко Мария Юрьевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории КубГУ, makarenkom@inbox.ru
- Makarenko Mariya Yurievna** – candidate of History, assistant professor of the chair of new domestic History, KubGU

- Макарова Светлана Михайловна** – аспирант МГПУ, chervatyuk@yahoo.com
Makarova Svetlana Mikhailovna – post-graduate student of MGPU
- Маркова Оксана Николаевна** – аспирант Академии маркетинга и социально-информационных технологий (г. Краснодар), markova_oks@mail.ru
Markova Oksana Nikolaevna – post-graduate student of Marketing and Social-informational technology Academy, Krasnodar
- Мусукаева Анджелла Хамитовна** – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы Кабардино-Балкарского государственного университета (г. Нальчик), 8-928-969-41-02
Musukaeva Andzhella Khamitovna – Pr. Sc. in philological science, professor, head of the chair of Russian Literature, Kabardino-Balkarian State University (Nalchik)
- Начкебия Этери Валериановна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии КубГУ, medvedeva.76@mail.ru
Nachkebiya Eteri Valerianovna – candidate of Philology, assistant professor of the chair of the English Philology, KubGU
- Немыка Анна Анатольевна** – кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка как иностранного КубГУ, logos@phil.kubsu.ru
Nemyka Anna Anatolyevna – candidate of Philology, post-graduate student for doctor's degree of the chair of the Russian language as foreign, KubGU
- Никонова Зоя Владимировна** – кандидат педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и психологии КГУКИ, zodichka@yandex.ru
Nikonova Zoia Vladimirovna – candidate of Pedagogy, professor, head of the chair of Pedagogy and Psychology, KGUKI
- Овчинников Владимир Александрович** – кандидат педагогических наук, ст. преподаватель кафедры боевой и физической подготовки Волгоградской академии МВД России, gymnast-69@yandex.ru
Ovchinnikov Vladimir Alexandrovich – candidate of Pedagogy, senior teacher of Fight and Physical Training department, Volgograd Academy MVD of Russia
- Огнева Ксения Андреевна** – соискатель кафедры русского языка как иностранного КубГУ, angel_inbox@mail.ru
Ogneva Kseniya Andreevna – post-graduate student of the chair of the Russian language as foreign, KubGU
- Панарина Елена Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории России АГПУ, rektoragu@mail.ru
Panarina Elena Vladimirovna – candidate of History, assistant professor of Russian history department, AGPU
- Понкратова Алла Николаевна** – соискатель кафедры истории русской литературы КубГУ, ponkratova_alla@mail.ru
Ponkratova Alla Nikolaevna – post-graduate student of the chair of History of Russian Literature, KubGU
- Попов Максим Евгеньевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии СГУ, max_porov77@mail.ru
Porov Maxim Evgenyevich – candidate of Philosophy, assistant professor of Social Philosophy and Ethnology department, SGU
- Приймак Юрий Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ, prjmak1975@mail.ru
Pryumak Yuriy Vladimirovich – candidate of History, assistant professor of World and Region History department, AGPU

- Прокопенко Инна Геннадьевна** – зам. директора по учебно-воспитательной работе, аккредитации и соблюдению ГОС Академии национальной безопасности, обороны и правопорядка, ABOPOREN@yandex.ru
- Prokopenko Inna Gennadyevna** – deputy director of teaching and educational work, accreditation and observance of state educational standards, Academy of National Security, Defence and Law-observance
- Рыльская Тамара Петровна** – аспирант КГУКИ, solaris49@inbox.ru
- Rylskaya Tamara Petrovna** – post-graduate student of KGUKI
- Сабирова Альмира Муллануровна** – преподаватель кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета, 8-918-466-91-04
- Sabirova Almira Mullanurovna** – lecturer of Sociology and Culture department, Kuban State Agrarian University
- Сень Дмитрий Владимирович** – кандидат исторических наук, зам. генерального директора по науке и экспозиционно-выставочной деятельности Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына, dsen1974@mail.ru
- Sen Dmitry Vladimirovich** – candidate of History, deputy director in Science and Exhibition Work, Krasnodar State historic-archeological museum-nature reserve after the name of Felizcin
- Симоненко Михаил Юрьевич** – кандидат филологических наук, докторант кафедры общего и славяно-русского языкознания КубГУ, docsimon@yandex.ru
- Simonenko Mikhail Yuryevich** – candidate of Philology, working for doctor's degree at the department of general and Slavyano-Russian linguistics, KubGU
- Скороходов Максим Владимирович** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, info@imlit
- Skorohodov Maxim Vladimirovich** – candidate of Philology, senior research officer, World Culture Institute of M. Gorkyi RAN
- Скрипкина Алина Вячеславовна** – кандидат педагогических наук, доцент КГУКИ, cl2002krasn@rambler.ru
- Skripkina Alina Vyacheslavovna** – candidate of pedagogical sciences, assistant professor, KGUKI
- Танкиева Лидия Хусейновна** – кандидат филологических наук, профессор Ингушского государственного университета, зав. отделом ингушской литературы ГУ НИИ им. Ч. Ахриева, тел. 8-962-637-67-33
- Tankieva Lidia Khuseinovna** – candidate of Philology, professor of the Ingush State University, head of the Ingush Literature department, Research Institute of Ch. Akhriev
- Теувежева Ирина Рамазановна** – соискатель кафедры отечественной истории Адыгейского государственного университета, albina_68@mail.ru
- Teuvezheva Irina Ramazanovna** – post-graduate student of the chair of native History, Adyg State University
- Тимошевская Татьяна Афанасьевна** – соискатель кафедры русского языка как иностранного КубГУ, aspirant_kubik@mail.ru
- Tymoshevskaya Tatyana Afanasyevna** – post-graduate student of the chair of the Russian language as foreign, KubGU
- Трубинский Владимир Васильевич** – преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков, аспирант КГУКИ, 8-918-147-8471
- Trubinskiy Vladimir Vasilyevich** – teacher of Krasnodar High Military Aviation School of pilots, post-graduate of KGUKI

-
- Финогина Лилия Сергеевна** – соискатель КГУКИ, cl2002krasn@rambler.ru
Finogina Liliya Sergeevna – post-graduate student of KGUKI
- Хучбаров Махмуддибир Магомедович** – аспирант МГПУ, huchbarov2009@rambler.ru
Khuchbarov Makhmuddibir Magomedovich – post-graduate student of MGPU
- Черватюк Анна Петровна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры пения и хорового дирижирования МГПУ, chervatyuk@yahoo.com
Chervatyuk Anna Petrovna – candidate of pedagogical sciences, assistant professor of the chair of singing and chorus conducting, MGPU
- Чумаченко Виктор Кириллович** – кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы КГУКИ, vchum@rambler.ru
Chumachenko Viktor Kirillovich – candidate of philological sciences, professor, KGUKI
- Шварев Евгений Викторович** – кандидат социологических наук, доцент Белгородского государственного института искусств, bruki@bruki.ru
Shvarev Evgeniy Victorovich – candidate of Sociology, assistant professor, Belgorod State Institute of Art

ПАМЯТКА АВТОРУ

Материалы предоставляются в редакцию на дискетах стандартного формата в текстовом редакторе Word с распечаткой в одном экземпляре. Оформление материалов стандартное (электронный адрес: cl2002krasn@rambler.ru).

В начале статьи автор помещает аннотацию (не более 3–4 строк) и ключевые слова на русском языке, а в конце статьи (после списка литературы на русском языке) свою фамилию и инициалы, название статьи, аннотацию, ключевые слова – на английском языке.

Сноски проставляются в тексте в квадратных скобках (с клавиатуры) и выносятся в конец статьи в раздел «Литература». Автоматическая постановка сносок не допускается. Сноски располагаются не по алфавиту, а по мере цитирования литературы. Они должны содержать следующую информацию: сведения об авторе, полное название книги, место и год издания, указание на конкретную страницу.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, диаграммы) должны быть высокого качества и подписаны.

Статья дополняется сведениями об авторе на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес и номера телефонов для связи, адрес электронной почты).

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Предлагаемые к изданию рукописи проходят обязательное рецензирование.

Рукописи не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с авторами по поводу отклоненных материалов, а лишь сообщает мотивированное заключение научных рецензентов или решение редколлегии.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с согласия редакции.

Редакция не рассылает авторские экземпляры. Журнал распространяется только по подписке (см. каталог Роспечати).

Стоимость одной журнальной страницы (чуть более двух страниц обычного компьютерного текста, набранного 14 кеглем через полтора компьютерных интервала) составляет в 2009 году 1656 руб. 43 коп.

Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ
Региональный научный журнал
№ 3 (32), 2009

Сдано в набор 21.07.2009. Подписано в печать 04.08.2009. Формат 60x90¹/₈. Бумага Sveto Copy.
Печать офсетная. Объем 19,53 усл. печ. л. Тираж 420 экз. Заказ № 9206.

Тираж изготовлен в типографии ООО «Просвещение-Юг».
350059, г. Краснодар, ул. Селезнева, 2. Тел.: 239-68-31.